This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

WIDENER
HN 8XJY 5

Digitized by Google

Slav 4346.2.31

Harvard College
Library

FROM THE FUND BEQUEATHED BY
Archibald Cary Coolidge
Class of 1887
PROFESSOR OF HISTORY
1908–1928
DIRECTOR OF THE UNIVERSITY LIBRARY
1910–1928

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Neunyvajuščie rossijane. Razskazy i Kartinki s natury.

Izdanie vtoroe, ispavleňoe i dopolnennoe. N. A. Lejkin

S.-Peterburg 1881

—

The Long-suffering Russians. Stories and pictures from nature.

2nd corrected and increased edition N. A. Lejkin

St. Petersburg 1881

(Russian - humorous sketches)

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Slav 4346.2.31

Harvard College
Library

FROM THE FUND BEQUEATHED BY
Archibald Cary Coolidge
Class of 1887
PROFESSOR OF HISTORY
1908–1928
DIRECTOR OF THE UNIVERSITY LIBRARY
1910–1928

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Neunyvajuščie rossijane. Razskazy i Kartinki s natury.

Izdanie vtoroe, ispavleno̧e i dopolnennoe.

N. A. Lejkin

S.-Peterburg 1881

---

the Long-Suffering Russians. Stories and pictures from nature.

2nd corrected and increased edition

N. A. Lejkin

St. Petersburg 1881

(Russian - humorous sketches)

Digitized by Google

Lenkin.

Im unverzagten Russen.
Erzählungen u. Bilder aus
Natur.

2. verb. Aufl.

1881.

Digitized by Google

Н. А. ЛЕЙКИНЪ.

N. A. Leikin

НЕУНЫВАЮЩІЕ

ОССІЯНЕ

РАЗСКАЗЫ И КАРТИНКИ СЪ НАТУРЫ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ,

исправленное и дополненное.

Двѣ неволи (повѣсть). — Коновалъ (разсказъ). — Божій человѣкъ (повѣсть).—Изъ жизни забитаго человѣка (разсказъ въ письмахъ).—Наше дачное прозябаніе (очерки): I. Лѣсной.—II. Черная рѣчка.—III. Новая Деревня.—IV. Парголово.—V.. Коломяги.—VI Крестовскій Островъ.—VII. Волынкина Деревня—VIII. Карповка.—IX. Павловскъ.—X. Ораніенбаумъ.—XI. Каменный Островъ.—XII. Старая Деревня.— XIII. Съ дачи въ городъ.—Картинки съ натуры: I. Новый годъ. — II. На святкахъ.—III. Не по нынѣшнимъ временамъ.—IV. Въ пріемной благодѣтеля. — V. Скромная свадьба. — VI. У церкви. — VII. У гадалки.—VIII. Штурмъ.—IX. Зубная боль.—X. Читатель газетъ. — XI. Въ библіотекѣ. — XII. На живорыбномъ садкѣ. — XIII. У подъѣзда Пассажа. — XIV Двѣсти тысячъ. — XV. У доктора. — XVI. Наемъ квартиры. — XVII. На пожарѣ.—XVIII. Въ мелочной лавочкѣ. — XIX. Въ вагонѣ и на имперіалѣ. — XX. Засидки. — XXI. Вотъ тебѣ и дача! — XXII. Свадьба.—XXIII. На тоняхъ.—XXIV. Наканунѣ чистаго понедѣльника.—XXV. Былинка и Дубъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія д-ра М. А. Хана, Новарской пер., д. № 2.
1881.

Digitized by Google

Slav 4346.2.31.

Harvard College Library
Gift of
Archibald Cary Coolidge, Ph. D.
July 1, 1895.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Двѣ неволи (повѣсть былаго времени) 1

Коновалъ (разсказъ). 41

Человѣкъ Божій (очеркъ) 66

Изъ жизни забитаго человѣка:

I. Отъ купеческаго сына Михаила Григорьева Армякова, къ другу его Пантелѣю Иванычу Мамзину въ Москву. 79

II. Отъ Іерея Игоря Силоамскаго къ купцу Григорію Кузьмичу Армякову. 80

III. Отъ купеческаго сына Михаила Армякова къ другу его Пантелѣю Мамзину. 81

IV. Отъ купеческаго сына Михаила Армякова къ Пантелѣю Мамзину 82

V. Отъ Михаила Армякова къ Пантелѣю Мамзину 83

VI. Отъ Михаила Армякова къ Пантелѣю Мамзину 84

VII. Отъ купеческаго сына Михаила Армякова къ Екатеринѣ Кроликовой. 85

VIII. Отъ Екатериры Кроликовой къ купеческому сыну Михаилу Армякову. 86

IX. Отъ купеческаго сына Михаила Армякова къ Пантелѣю Мамзину . . . . . —

Наше дачное прозябаніе:

I. Лѣсной. 87

II. Черная рѣчка 92

III. Новая деревня 97

IV. Парголово 103

V. Коломяги. 109

VI. Крестовскій островъ. 115

VII. Волынкина деревня 122

VIII. Карповка. 129

IX. Павловскъ. 137

X. Ораніенбаумъ. 145

XI. Каменный островъ. 152

XII. Старая деревня. 160

XIII. Съ дачи въ городъ 167

Digitized by Google

Картинки съ натуры:

I. Новый годъ 174
II. На святкахъ 179
III. Не нынешнимъ временамъ 183
IV. Въ пріемной благодѣтеля 189
V. Скромная свадьба 193
VI. У церкви 199
VII. У гадалки 202
VIII. Штурмъ 206
IX. Зубная боль 209
X. Читатель газетъ 213
XI. Въ библіотекѣ 218
XII. На живорыбномъ садкѣ 221
XIII. У подъѣзда Пассажа 224
XIV. Двѣсти тысячъ 227
XV. У доктора 231
XVI. Наемъ квартиры 237
XVII. На пожарѣ 243
XVIII. Въ мелочной лавкѣ 248
XIX. Въ вагонѣ на имперіалѣ 254
XX. Засидки 258
XXI. Вотъ тебѣ и дача 263
XXII. Свадьба 268
XXIII. На тоняхъ 271
Наканунѣ чистаго понедѣльника 277
Былинка и Дубъ 284

Digitized by Google

ДВѢ НЕВОЛИ.

(повѣсть былаго времени).

I.

Въ началѣ 1860 года, когда уже слухи объ освобожденіи крестьянъ перестали быть тайною, въ одной изъ усадебъ Т—ской губерніи, въ кабинетѣ, уставленномъ жесткою мебелью и увѣшанномъ охотничьими принадлежностями и картинами нескромнаго содержанія, за письменнымъ столомъ сидѣлъ помѣщикъ Петръ Петровичъ Перестаровъ. Перестаровъ былъ въ халатѣ, въ торжковской шитой золотомъ мурмолкѣ, курилъ трубку съ длиннымъ чубукомъ и просматривалъ списокъ своихъ крѣпостныхъ, отпущенныхъ на оброкъ. Передъ нимъ въ почтительномъ отдаленіи, наклонясь корпусомъ впередъ и заложа за спину руки, стоялъ прикащикъ, длинный и худой среднихъ лѣтъ малый, въ длиннополомъ сюртукѣ и брюкахъ на выпускъ. Даже и плохой физіономистъ при взглядѣ на фигуру Перестарова тотчасъ же опредѣлилъ-бы въ немъ военнаго человѣка. Гладко выстриженные волосы, одутловатое красное лице, круглые щетинистые усы, крупные губы, быстрые до дерзости сѣрые глаза, коренастость, переходящая въ дородность, и поминутное подбочениванье—вотъ вамъ его портретъ. Перестаровъ былъ бездѣтный вдовецъ, служилъ въ кавалеріи, лѣтъ десять тому назадъ вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ помѣстьѣ, забавляясь охотою и «мамзюльками», какъ онъ называлъ своихъ двухъ крѣпостныхъ дѣвушекъ, которыя жили у него, въ мезонинѣ его дома, и цѣлый день проводили въ грызнѣ подсолнечныхъ зеренъ и кедровыхъ орѣховъ, или же въ перебранкѣ изъ-за какого-нибудь платка, барскаго подарка. Дѣвушки эти находились въ интимныхъ от-

Digitized by Google

ношеніяхъ съ бариномъ. Дворня, обязанная имъ прислуживать, ненавидѣла ихъ, бранила за глаза и называла «барскими барынями». И такъ Перестаровъ курилъ и пересматривалъ списокъ оброчныхъ крѣпостныхъ. Пересмотръ этотъ дѣлался съ цѣлью надбавки оброка.

— Александра Петровна. Тридцать рублей... Какая такая? спросилъ онъ, пустивъ клубъ дыму и вскинувъ на прикащика глаза.

— А это, изволите видѣть, Сашка, Марфина дочь. Прачка Марфа была, что позапрошлый годъ умерла. Эту самую Сашку она, значитъ, съ солдатомъ пригуляла...

— А! Помню. Покойница барыня ее въ ученье, въ модистки отдала.

— Точно такъ-съ. Она теперича въ Петербургѣ у мадамы въ магазинщицахъ будетъ.

— Мало тридцати рублей. Родни нѣтъ, помогать не кому. Пусть пятьдесятъ платитъ. Ей черезъ мѣсяцъ срокъ паспорту. Напиши ей.

— Слушаю-съ. Это, Петръ Петровичъ, доподлинно на нее надбавить можно, потому, когда я лѣтось въ Питерѣ былъ, она мнѣ сказывала, что пятнадцать рублевъ въ мѣсяцъ у мадамы получаетъ, заговорилъ прикащикъ. — Дѣвчонка молоденькая, смазливенькая... Чтожъ, и на сторонѣ, пожалуй еще на порядкахъ достанетъ.

Прикащикъ тряхнулъ волосами.

— Само-собой, ободрилъ его баринъ. — А ты думалъ какъ? Питеръ-то вѣдь городъ-забалуй.

Послѣ Александры Петровой пошли Сидоры Михайловы, Вавилы Степановы и пр. И на нихъ также рѣшено было наложить: на кого пять, на кого десять, пятнадцать рублей. Просмотръ списка кончился. Баринъ сидѣлъ, съ остервенѣніемъ курилъ трубку, выбивалъ пальцами по столу зорю и что-то соображалъ. Прикащикъ все еще стоялъ и изрѣдка откашливался въ руку.

— Ну, ступай, Герасимъ. Напиши.

Прикащикъ поклонился и направился вонъ изъ кабинета.

— Герасимъ! окликнулъ его баринъ.

Онъ остановился.

— Ты, говоришь, хороша эта Сашка? спросилъ его баринъ.—Ты ее видѣлъ?

— Отмѣнно хороша. Теперича, извольте видѣть, не крупна она, ростомъ невеличка, только кругла и аппетитна. Дѣвчонка въ акуратѣ будетъ. Девятнадцатый годъ пошелъ.

Баринъ облизнулъ усы и улыбнулся.

— Ну, ступай! Такъ напиши же смотри, сказалъ онъ.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ прикащикъ и снова поклонился, тряхнувъ волосами.

Digitized by Google

Сапоги его уже скрипѣли въ третьей комнатѣ, какъ вдругъ баринъ потеръ себѣ лобъ, сильно затянулся трубкой и во все горло крикнулъ:

— Герасимъ!

Прикащикъ снова появился на порогѣ кабинета.

— Не писать ей ничего объ оброкѣ. Я отдумалъ. Мы ее сюда возьмемъ. Пусть моихъ мамзюлекъ обшиваетъ, а то тѣ дуры иглы взять въ руки не умѣютъ, порядочнаго платьишка сшить себѣ не могутъ и всякая одежа на нихъ какъ на коровахъ сидитъ. Такъ не посылать Сашкѣ паспорта, а написать ей, что я ее къ себѣ требую. Пусть сюда пріѣдетъ, закончилъ баринъ, всталъ и заходилъ по кабинету, дымя трубкой.

Результатомъ всего этого было то, что вечеромъ того же дня прикащикъ сидѣлъ въ конторѣ и строчилъ слѣдующее письмо:

«Любезная Александра Петровна»!

«Въ первыхъ сихъ строкахъ свидѣтельствуемъ вамъ свое почтеніе и низко кланяемся, а также симъ спѣшимъ увѣдомить, что въ семъ году баринъ вашъ воспретили вамъ высылать пашпортъ на прожительство, такъ какъ вы, по его барской волѣ, оказались ему по домашеству нужны; въ силу чего онъ приказываетъ вамъ явиться въ деревню немедленно по окончаніи срока пашпорту вашему. Значитъ, вы пашпорта онаго не ждите и оброка не высылайте. При семъ присовокупляю, чтобъ вы не пужались, такъ какъ они злобы или гнѣва на васъ не чувствуютъ, а собственно требуютъ васъ для домашняго обихода. Сожительница моя свидѣтельствуетъ вамъ почтеніе и заочно съ любовію низко кланяется, а также и всѣ дворовые. Отправляясь изъ Петербурга, захватите съ собою для насъ съ сожительницею полфунта чаю и пятокъ лимоновъ, такъ какъ мы здѣсь хорошаго не имѣемъ и весь чай, что въ городѣ ни купишь, завсегда отзывается прелью или навозомъ. Новостей никакихъ нѣтъ, окромя развѣ того, что у насъ на погостѣ объ Михайловѣ днѣ опился пономарь и Богу душу отдалъ.

«Вашъ покорный слуга прикащикъ села Перестаровки-Рыбицы, тожъ Герасимъ Кузьминъ сынъ, Колотушкинъ».

Съ вечера, ложась спать, прикащикъ сказалъ супругѣ:

— А вѣдь Сашѣ-то не миновать мезонина... Попадетъ въ мамзюльки. Ужъ это вѣрно: потому давеча меня разспрашивалъ какова она изъ себя.

— Ой! Врешь?! проговорила прикащица.—Экая ненасытная утроба! Неушто ему, Ироду, двухъ-то мало? добавила она и черезъ пять минутъ начала всхрапывать.

На-утро письмо покатило въ Петербургъ.

Digitized by Google

II.

На Морской, въ мастерской комнатѣ моднаго магазина мадамъ Ривьеръ, сидѣли мастерицы и шили. Начинался зимній вечеръ. Было пять часовъ. Рожки газа подъ матовыми колпаками ярко освѣщали лица мастерицъ, ихъ работу, обрѣзки матерій и бумажнаго болвана, лежавшаго на столѣ. Мастерицы были большею частью молодыя дѣвушки; почти всѣ были недурны собой, но одна изъ нихъ отличалась особенною миловидностію. Это была полная высокаго роста дѣвушка лѣтъ восемнадцати, съ быстрыми глазками, съ роскошными волосами и чуть замѣтными ямочками на щекахъ. Вся фигура ея дышала свѣжестію и молодостію; хорошо сшитое кембриковое платье кокетливо обхватило ея стройный, гибкій станъ. Дѣвушка эта была Александра Петровна, та самая «Сашка», которую, какъ мы уже видѣли, помѣщикъ Перестаровъ приказалъ вытребовать въ деревню. Она шила и мурлыкала себѣ подъ носъ какую-то заунывную пѣсню.

— Ну, Саша, брось!... Что тоску-то затянула, сказала ей сосѣдка по работѣ.—Лучше поговоримъ объ чемъ-нибудь.

— О чемъ же говорить-то? Ужъ и то, кажется, обо всемъ переговорили. Вотъ кофеишку надо купить, потому весь вышелъ.

— Ну вотъ кофеишко! За кофеишкомъ стоитъ только внизъ спуститься, а ты подумай-ко лучше какъ бы намъ на маскарадъ билетиками раздобыться. Въ субботу на будущей недѣлѣ маскарадъ въ Нѣмецкомъ клубѣ. Вотъ, дѣвушка, кабы не надсмѣялись мы прошлый разъ надъ Петромъ Гаврилычемъ, такъ билеты-то были бы. Не плюй въ колодезь,—пригодится водицы напиться!

— Ну его, Петра Гаврилыча! Ты думаешь онъ на что бьетъ? сказала Саша и прибавила съ улыбкой: — Извѣстно ужъ на что... Только ошибается... Оттого я и насмѣхалась надъ нимъ. Ему вѣтренницъ надо, такъ какихъ нибудь...

— Эка неприступная! послышалось гдѣ-то.

— А то какъ же? Я, дѣвушка, себя берегу, потому я замужъ хочу. Вонъ все говорятъ, что скоро воля будетъ. Чтожъ, можетъ на нашу долю какой и найдется немудренькій прикащичекъ.

— Знаемъ, знаемъ на кого ты мѣтишь. Знамъ, кто отъ Казанской отъ обѣдни-то тебя всякій разъ провожаетъ, заговорили дѣвушки.

— А хоть-бы и на него бью? Человѣкъ смирный, учтивый, не ахальникъ какой-нибудь, ну и не дуренъ. А главное, я его знаю

Digitized by Google

давно, сколько сама въ Петербургѣ. Я его помню, когда еще онъ въ прикащики вышедши не былъ.

— Ну, такъ вотъ и попроси у него два билетика. Что же, коли онъ тебя своимъ предметомъ считаетъ, такъ ужъ можетъ, чай, на это-то разжориться.

— И достанетъ, безпремѣнно достанетъ, только я сама не хочу, отвѣчала Саша.

— Э, дѣвушка! Стоитъ о билетахъ толковать! воскликнула высокая брюнетка, расправляя усталую спину. Захочу, такъ хоть пятокъ достану. Стоитъ только къ Шапкину въ лавку сходить!

Воцарилось молчаніе. Слышно было, какъ стучалъ маятникъ стѣнныхъ часовъ, какъ звякали ножницы, брошенныя на столъ, какъ откусывалась нитка.

— Нѣмецъ родился, послышалось на концѣ стола.

— Не люблю я нѣмцевъ, сказала высокая брюнетка.—Вотъ какой хочешь, хоть золотой присватайся—ни зачто не пойду.

— А я такъ слыхала другую примѣту. Покойница маменька мнѣ говорила, что когда тихо, такъ въ это время чья-нибудь душа изъ тѣла вылетаетъ.

— А страшно умирать. Зароютъ тебя это...

Разговоръ перешелъ на смерть, на предчувствія, на сны, на видѣнія. Каждая разсказывала все что она слыхала и что знала по этому предмету, какъ вдругъ дверь отворилась и въ комнату вошла хозяйка, мадамъ Ривьеръ. Дѣвушки умолкли.

Хозяйка держала въ рукахъ письмо.

— Алаксандра Петровъ! Саша! вамъ письмо, сказала она ломанымъ языкомъ.

Саша вздрогнула, краска бросилась ей въ лицо, сердце сильно забилось. «Откуда это?» недоумѣвала она, взявъ письмо, быстро сломала сургучъ и начала читать. Дочитавъ до половины, она опустила руки и заплакала.

— Что съ тобой, Саша! Что? начали ее спрашивать товарки.

— Въ деревню требуютъ. Баринъ требуетъ, еле могла она выговорить, и облокотившись руками на столъ и положа на нихъ голову, громко зарыдала.

Письмо начало ходить по рукамъ. Брали и смотрѣли на него всѣ, даже и неграмотныя. Пришла снова хозяйка, и узнавъ въ чемъ дѣло, пожала плечами, покачала головой и обозвала барина и всѣхъ русскихъ варварами. Она жалѣла Сашу. Саша была хорошая работница.

— Ну, что же теперь ей дѣлать надо? спросила она мастерицъ.

Digitized by Google

— Ѣхать надо, мадамъ, въ деревню или откупиться. Деньги нужно послать. Аржанъ... пояснили ей насколько могли дѣвушки.

— Что это стоитъ? спросила она.

— Дорого, мадамъ: дешевле трехъ сотъ рублей нельзя... Труа санъ... А можетъ быть и совсѣмъ откупиться нельзя, коли баринъ заупрямится. Баринъ съ своей крѣпостной, что хочетъ можетъ сдѣлать.

— И убивать можетъ? спросила Ривьеръ.

— Были случаи, что и убивали и то не отвѣчали.

— О, какой варвары! воскликнула француженка, всплеснула руками и отправилась сообщать объ этомъ своему мужу.

А Саша все рыдала и рыданія ея перешли наконецъ въ истерику. Товарки суетились около нея, давали ей пить воду, примачивали голову. Въ этотъ вечеръ она уже не могла больше работать.

III.

Всю ночь Саша не могла сомкнуть глазъ и проплакала. Тяжелыя думы давили ей сердце. «Господи! Какая я безталанная!» сквозь слезы шептала она. «Что дѣлать? Что дѣлать?» спрашивала она себя и не находила отвѣта. «Откупиться?» думалось ей. «Но гдѣ взять деньги?» Она перебирала все свое имущество, которое можно продать или заложить, но не набиралось и трети суммы. Судя по прачкѣ изъ одной съ нею деревни, которая откупилась въ прошломъ году, Саша считала, что ежели баринъ и возьметъ съ нея выкупъ, то отнюдь не меньше трехъ сотъ рублей. Мысленно искала она знакомыхъ у кого можно было бы занять такую сумму, но знакомыхъ не было. Жизнь въ деревнѣ, въ барскомъ домѣ, безъ возможности заработать хоть копѣйку, казалось ей неизбѣжною. «А баринъ?— Говорятъ, онъ волокита. Ни одной хорошенькой дѣвушки въ селѣ не пропускаетъ. Что, ежели онъ и на меня польстится? Вѣдь баринъ все можетъ сдѣлать», и при этой мысли кровь быстро приливала ей въ голову.

И въ самомъ дѣлѣ, положеніе ея было ужасно. Привыкши, живя у француженки, къ болѣе или менѣе независимой жизни, одѣваясь на свои трудовыя деньги по желанію, получая нѣкоторыя развлеченія, имѣя въ Петербургѣ кой-какія знакомства, привязанности, она должна была перенестись въ міръ дворни, въ міръ ежедневнаго неоплаченнаго труда, пользуясь объѣдками и лохмотьями, которыя заблагоразсудитъ ей дать баринъ, имѣющій неограниченную власть

Digitized by Google

надъ ея дѣйствіями и тѣломъ. Только подъ утро, ослабши отъ слезъ, уснула Саша и уснула тяжелымъ сномъ.

На другой день опять тѣже думы, тоже болѣзненное сжиманіе сердца. Подруги и хозяйка жалѣли ее. Но что онѣ могли для нея сдѣлать?

— Надо, дѣвушки, за ней присматривать, потому какъ бы тутъ грѣха не было, говорила одна изъ подругъ. Вишь, она совсѣмъ деревянная отъ горя сдѣлалась, а ужъ коли эта деревянность нападетъ, такъ тутъ и до грѣха недолго. Вотъ когда я въ ученьи жила, такъ у насъ также одну дѣвушку въ деревню потребовали, такъ что вы думаете?—вѣдь въ канаву бросилась. Насилу вытащили.

Вечеромъ хозяйка, мадамъ Ривьеръ, подошла къ Сашѣ, похлопала ее по плечу и взяла за подбородокъ.

— Pauvre enfant! сказала она. Ne pleure pas! Не плачь. Можетъ все будетъ хорошо. Я тебѣ дамъ сто рублей и ты получишь свои пятьдесятъ за работу. Купи.

— Благодарствуйте Адельфина Карловна. Вы добрыя, отвѣчала Саша, кланяясь и улыбаясь сквозь слезы. Только въ деревню-то все-таки надо ѣхать. Нужно будетъ съ барином поговорить, условиться. Да еще отпуститъ ли?

Лучъ на спасеніе мелькнулъ, Саша немного прояснияась. Она имѣла полтораста рублей, а на пятьдесятъ могла продать платья, а остальныя гдѣ-нибудь занять.

«Вонъ Катерину за триста рублей отпустилъ, подумала она.— Никола угодникъ Божій помоги мнѣ! Заступница матерь Божія!...» шептала она и рѣшила завтра же идти въ Гостиный дворъ посовѣтываться съ прикащикомъ Василіемъ Степанычемъ, тѣмъ самымъ, который, по увѣренію товарокъ, былъ ея «предметъ и завсегда отъ обѣдни изъ Казанской провожалъ». Она положила себѣ просить его, чтобы онъ, въ случаѣ надобности, занялъ для нея гдѣ-нибудь сто рублей.

И незначительный лучъ надежды успокаиваетъ иногда болящее сердце. Вторую ночь Саша провела спокойнѣе и на утро отправилась въ Гостиный дворъ.

Василій Степановичъ былъ въ лавкѣ, стоялъ за прилавкомъ и продавалъ какой-то дамѣ кружево. Это былъ еще молодой человѣкъ, недуренъ собой, скромно одѣтый. Онъ не принадлежалъ къ такъ называемой породѣ прикащиковъ-франтиковъ или «шикарей». Не было ни завитыхъ въ барашку волосъ, ни усовъ, закрученныхъ въ шпильки, ни яркихъ клѣтчатыхъ брюкъ, ни масивной цѣпочки новаго золота съ кучею брелоковъ. Ему было двадцать шесть лѣтъ, но какъ брюнетъ, онъ казался старше.

Digitized by Google

Саша вошла въ лавку и попросила подобрать подъ цвѣты какого-то линючаго обращика лентъ. Обращикъ этотъ она взяла съ умысломъ, чтобы имѣть предлогъ войти въ лавку. Лентъ, разумѣется, не нашли. Василій Степанычъ, продавъ дамѣ кружево, подошелъ къ Сашѣ.

— Здравствуйте, Александра Петровна. Что это вы такія блѣдныя и скучныя? спросилъ онъ.—Здоровы-ли?

— Здорова-то, здорова, Василій Степанычъ, только горе у меня, и большое горе, отвѣчала она.—Говорить-то только здѣсь не ловко...

На глазахъ ея заблистали слезы, сдавило горло, голосъ осѣкся.

— Выйдемте на галлерею.

Они вышли на галлерею Гостинаго двора.

— Баринъ меня въ деревню требуетъ. Я вѣдь крѣпостная, сказала Саша.

— Крѣпостная? Какъ-же быть-то?

— Ѣхать надо.

— А откупиться нельзя?

— Богъ знаетъ, еще отпуститъ-ли баринъ. Я вотъ къ вамъ пришла посовѣтываться, такъ какъ вы единственный мужчина изъ моихъ знакомыхъ.

— Благодарю за довѣріе, сказалъ онъ.—Откупиться нужно, во что-бы ни стало. Хлопотать надо. Изъ хорошей-то жизни, да вдругъ во дворъ... Вѣдь это ужасъ! прибавилъ онъ.

— Ежели-бы знали еще баринъ-то какой. Ни одной дѣвушкѣ проходу не даетъ.

Василій Степанычъ покачалъ головой.

— Деньги-то у васъ есть? спросилъ онъ.

— Двѣсти рублей у меня будутъ, наберу; только баринъ ни за что меньше трехъ-сотъ не отпуститъ, потому прошлый годъ ужъ примѣръ былъ съ одной дѣвушкой.

Воцарилось молчаніе. Василій Степанычъ щипалъ усъ и думалъ.

— Откупиться нужно, прервалъ онъ наконецъ молчаніе и вдругъ покраснѣлъ.—Послушайте, я вамъ сто рублей дамъ. Хлопочите скорѣе, а тамъ возвратите, когда въ силахъ будете...

— Благодарствуйте, Василій Степанычъ! Доброе дѣло вы дѣлаете, сказала Саша и протянула ему руку.—А ѣхать-то все таки надо, потому, кто-же условливаться будетъ? Ахъ, кабы Господь помогъ! Пѣшкомъ-бы на богомолье сходила, добавила она.

— А списаться нельзя?

— Нельзя; на будущей недѣлѣ срокъ пашпорту. Кто-жъ съ просроченнымъ пашпортомъ меня держать-то будетъ? Да и еще хуже разсердишь его непослушаніемъ-то.

Digitized by Google

Саша начала прощаться.

— Въ Воскресенье въ церкви увидимся?

— Приду. Вѣдь еще не обо всемъ переговорили-то, отвѣчала она и пошла по галлереѣ.

Василій Степанычъ смотрѣлъ ей въ слѣдъ и любовался на ея стройный станъ, на ея красивую походку. Какъ бы какой-то тяжелый камень легъ на его сердцѣ. Саша нравилась ему. Когда она скрылась изъ глазъ, онъ вошелъ въ лавку.

— Съ наслѣдникомъ поздравляемъ! Ай да Вася! Молодецъ! заговорили другіе прикащики, окружая его.

Началось хлопанье по плечу, хватаніе за фалды, сбиваніе прически.

— Дурачье вы этакое! Ничего вы не понимаете. Только дѣвушку позорите, отбивался отъ нихъ Василій Степанычъ.

— Конечно, ничего не понимаемъ... Гдѣ намъ! Все несмышленки съ коломенскую версту. А отчего-же она плакала? Ну-ко, скажи! И ништо, не заводи неприступную. А теперь, братъ, любишь кататься—люби и саночки возить! Какъ сынка-то назовешь?

— Какъ не стыдно, господа! Эко дурачье! И Василій Степанычъ разсказалъ о своемъ разговорѣ съ Сашей.

— Баринъ требуетъ! Знаемъ мы этого барина-то! Это въ свивальничкѣ, съ сосочкой во рту? надоѣдали ему прикащики и весь день не давали покою.

IV.

Было Воскресенье. Залъ третьяго класса Николаевской желѣзной дороги былъ биткомъ набитъ простымъ народомъ съ котомками въ рукахъ и за плечами. Пахло тулупами, потомъ и чѣмъ то съѣстнымъ. Всѣ ожидали поѣзда, отправлявшагося въ Москву. Звонка еще не было. Въ уголкѣ, около своихъ двухъ необъемистыхъ мѣшковъ, стояла и Александра Петровна въ сообществѣ двухъ подругъ и Василія Степаныча. Одѣта она была въ бѣличій салопъ съ воротникомъ въ хвостахъ и въ капоръ. Глаза ея были красны отъ слезъ. Она ѣхала въ деревню.

— Александра Петровна! Надѣньте валенки то... Ей-Богу, будетъ холодно. Отморозите ноги-то... говорилъ Василій Степанычъ, суетясь около нея.

— Тамъ въ вагонѣ одѣну. Теперь не холодно. А коли отморожу ноги, такъ еще лучше. Пусть барину съ отмороженными ногами достанусь, отвѣчала она съ горькой улыбкой.

— Сейчасъ же, смотрите, пишите, какъ съ бариномъ на счетъ отпускной уладитесь. Мы вамъ живо и деньги вышлемъ.

Digitized by Google

— Охъ, трудно что-то вѣрится, чтобы онъ согласился!

— Ну, Богъ милостивъ, Саша! Полно тужить! утѣшали ее подруги.

— Насчетъ своей муфты не безпокойся, я ее каждый день трясти буду, прибавила одна изъ нихъ.

— Съ бариномъ-то, смотри, поласковѣе... Ты вѣдь иногда горячку порешь. Знаю я... сказала другая. Да вотъ еще что... Примѣта есть. Вы, Василій Степановичъ, не смѣйтесь. Какъ пойдешь насчетъ вольной говорить, куриную ногу въ карманъ положи. Когда въ какомъ-нибудь успѣхѣ сомнѣваются, такъ это, говорятъ, очень помогаетъ, добавила она.

Раздался звонокъ. Началось цѣлованіе. Народъ повалилъ садиться въ вагоны. Александра Петровна заплакала и также начала прощаться, звонко цѣлуясь съ подругами.

— Позвольте ужъ и мнѣ поцѣловаться, сказалъ Василій Степанычъ и три раза поцѣловалъ Александру Петровну.

Дѣвушки толкнули другъ друга въ бокъ. Глаза Василія Степаныча были влажны. Нижняя губа тряслась. Чтобы скрыть слезы, онъ схватилъ мѣшки, стиснулъ губы и опрометью бросился къ выходу. Дѣвушки бросились за нимъ. На платформѣ повторилось опять цѣлованіе, и Александра Петровна сѣла въ вагонъ. Лице ея виднѣлось у окна. Василій Степанычъ сунулъ сторожу пятиалтынный, вошелъ за рѣшетку и подошелъ къ окну вагона. Стекло окна опустилось.

— Пройщайте, сказала тихо Александра Петровна, наклонясь къ нему. Въ субботу, вы будете въ маскарадѣ, а я можетъ быть, по волѣ барина, на скотномъ дворѣ.

Ну, зачѣмъ это? Зачѣмъ? упрекалъ ее Василій Степанычъ и прибавилъ: Александра Петровна, не выходите тамъ замужъ, ежели случится.

— За кого? спросила она съ горькой улыбкой. Развѣ баринъ силой выдастъ.

Послышался третій звонокъ. Начали захлопывать двери вагоновъ. Кондукторы засвистѣли.

— Прощайте! Вспоминайте... а это вотъ прочтите... проговорилъ скороговоркой Василій Степанычъ, сунувъ Александрѣ Петровнѣ въ руки письмо, и ушелъ за рѣшетку.

Поѣздъ тронулся. Пассажиры начали креститься.

— Не хочется коню-то изъ конюшни идти, застоялся... острилъ кто-то. Какая-то женщина укачивала плачущаго ребенка; какая-то купчиха уже вынимала изъ узелка ватрушку и принималась ѣсть, какой-то мужикъ въ тулупѣ уже лѣзъ спать подъ лавку. За спиной Александры Петровны монахъ разговаривалъ съ купцомъ.

— И куполъ этотъ чудодѣйственною силою приплылъ къ намъ

Digitized by Google

противъ теченія на камнѣ, слышалось ей. И безплодное, песчанное мѣсто, гдѣ онъ остановился, превратилось въ ниву цвѣтущую. На семъ мѣстѣ щедротами доброхотныхъ дателей и воздвигли...

Александра Петровна распечатала письмо, данное ей Василіемъ Степанычемъ, и начала читать. Въ письмѣ стояло слѣдующее:

«Добрѣйшая Александра Петровна! Ангелъ Божій! Сашенька! Съ чего начать? Господи, съ чего начать? Вы уже замѣтили мою къ вамъ склонность. Боже мой, я влюбленъ въ васъ, хотя и знаю, что не стою пальца вашего. Прошлый разъ вы сказали въ клубѣ, что я хорошій человѣкъ, такъ я отъ этого слова и ночь не спалъ. Сердце мое болитъ объ васъ и объ вашихъ несчастіяхъ. Откупайтесь, ангелъ небесный, откупайтесь и тогда, ежели баринъ запроситъ пятьсотъ рублей. Эти деньги найдемъ и я выплю. Я влюбленъ въ васъ съ благороднымъ намѣреніемъ и предлагаю вамъ свою руку и сердце. Заживемъ хорошо. Вы будете по прежнему заниматься своимъ дѣломъ, а я своимъ. Дядя обѣщаетъ мнѣ дать двѣ тысячи и откроемъ лавку. Не вѣкъ-же въ людяхъ жить. Пишите, голубушка, пишите! Берегите свое здоровье! Помоги вамъ Богъ!»

«Извѣстный вамъ и влюбленный въ васъ
Василій Запираевъ».

Прочитавъ письмо, Александра Петровна заплакала. «Господи помоги мнѣ. Угодники Божіи»!;. шептала она и принялась снова читать письмо.

— Что, барышня, родителевъ вспомянули или женишка въ Питерѣ оставили? съ участіемъ спросилъ ее какой-то мѣщанинъ въ бараньей крытой шубѣ.

Она отвѣчала что-то не впопадъ и продолжала перечитывать письмо. Монахъ все еще велъ свой разсказъ:

— И семь дней и семь ночей бѣсы во образѣ обнаженныхъ и безстыдныхъ блудницъ смущали старцевъ, но бдѣніемъ и постомъ старцы превозмогли... говорилъ онъ купцу, но Александра Петровна не слыхала уже больше его словъ. Она была углублена въ чтеніе.

Паровозъ мчался. Станціи перемѣнялись. По мѣрѣ приближенія къ мѣсту, сердце Александры Петровны болѣзненно сжималось все болѣе и болѣе. Она уже перестала плакать. Вотъ и станція, гдѣ ей нужно выходить. Кондукторъ громко выкрикнулъ названіе. Она вышла на платформу. Ее окружили мужики и предлагали довезти до мѣста.

— Въ Перестаровку, сказала она.

— А клади у васъ много?

— А вотъ все тутъ,

— Что-жъ, барышня, рубликъ положьте!

Digitized by Google

Александра Петровна поѣхала. Мохнатая, желтенькая, толстобрюхая лошаденка везла шибко по хорошей снѣжной дорогѣ. Мужикъ помахивалъ кнутомъ.

— А что, барышня, вы къ кому въ Перестаровку-то ѣдете? спросилъ онъ, оборачиваясь къ ней лицемъ.

— Къ самому помѣщику. Я его крѣпостная, сказала она.

— Крѣпостная будешь? протянулъ мужикъ и покачалъ головой.

— Ты изъ Перестаровки тоже?

— Нѣтъ, мы не его будемъ. Шесть верстъ тутъ, а только знаемъ его, наслышаны.

— Вотъ я по оброку жила, да требуетъ къ себѣ.

— Аспидъ, а не человѣкъ. Безстыдникъ такой, что другаго поискать.

— Злой, значитъ. Нехорошъ?

— Ужъ какъ хорошъ, коли всѣ дѣвки во дворѣ безъ косъ бѣгаютъ. Какъ кака провинность—сейчасъ косу долой, а то такъ и стегатъ...

— Заступница спаси и помилуй: мысленно проговорила Александра Петровна.

— А ужъ до дѣвокъ какъ лихъ—не приведи Богъ! продолжалъ мужикъ. Какъ мало-маля изъ лица смазлива, ужъ не упуститъ—сейчасъ за себя. Изъ лица-то ты хороша, жалко мнѣ. Ты ужъ ему не перечь, а то худо будетъ, добавилъ онъ.

— Я, вотъ откупиться хочу.

— Отпуститъ-ли еще. Баринъ не прогорѣлый. Капиталы имѣетъ.

Слыша такія рѣчи, Александра Петровна задрожала.

— Вонъ она, Перестаровка-то... указалъ мужикъ кнутомъ на виднѣвшуюся бѣлую церковь съ зелеными главами.

— Она перекрестилась. Показалось село, занесенное снѣгомъ. Въ маленькихъ окнахъ избъ виднѣлись лица бабъ. Изъ подворотень лаяли собаки. По дорогѣ попался мужикъ. Онъ несъ на плечѣ дугу, снялъ шапку и поклонился.

— Гдѣ остановиться-то? спросилъ возница.

— Не знаю ужъ гдѣ, право. Вези къ прикащику, сказала Александра Петровна.

— Къ Герасиму Кузьмичу? Знаемъ, отвѣчалъ онъ и подкатилъ къ крыльцу небольшаго домишка.

V.

Вечеромъ, въ квартирѣ прикащика, за столомъ, на которомъ стоялъ самоваръ, сидѣли прикащица молодая, до неприличія толстая жен-

Digitized by Google

щина, и Александра Петровна. Онѣ пили чай. Прикащица щупала на Александрѣ Петровнѣ платье и справлялась о цѣнѣ матеріи.

— Ужъ вы мнѣ, миленькая, всѣ свои наряды-то покажите, растягивая слова, говорила она:—потому ужъ очень я люблю разсматривать-то. Лѣтось, тутъ монахъ проходилъ, такъ Ерусалимъ на картинкахъ показывалъ. Вотъ ужъ наглядѣлась-то!

— Александра Петровна обѣщала.

Въ комнату входили мущины и женщины изъ дворовыхъ и изъ крестьянъ, отирали о половикъ ноги, кланялись и говорили, что «пришли на питерскую поглядѣть». Слышались возгласы: «Вишь какъ выровнялась! Плюнь въ глаза, такъ не узналъ-бы», а какая-то баба пригорюнилась и сказала:

— Соплявочка была, а теперь, на поди, кака барышня стала.

Всѣ спрашивали, что въ Питерѣ слышно «о волѣ».

— Да ничего. Толкуютъ что скоро, а ничего не слышно обстоятельнаго, отвѣчала Александра Петровна.

Вошелъ прикащикъ, помолился на образа и сѣлъ за столъ. Жена подвинула ему чашку съ чаемъ.

— Докладывалъ объ васъ. Завтра поутру приказано вамъ явиться. Теперь въ карты сѣли играть. Становой пріѣхалъ да нѣмецъ съ винокуреннаго завода, сказалъ онъ, и прибавилъ:—Ишь въ горницѣ-то какъ натоптали! Это все глядѣть на васъ бѣгаютъ. Гонять надо, обратился онъ къ женѣ.

— Все про волю спрашиваютъ, проговорила Александра Петровна.

Прикащикъ помоталъ головой.

— И Боже васъ оборони! У насъ за волю-то эту на прошлой недѣлѣ троихъ выпоролъ. Смерть не любитъ. Смотрите, ни гу-гу. Одному такъ собственноручно глазъ подбилъ и зубъ вышибъ, замѣтилъ онъ, и выпивъ двѣ чашки чаю и отеревъ лице утиральникомъ, сказалъ: Такъ вамъ, Александра Петровна, теперича откупиться желательно?

— Да. Похлопочите какъ нибудь, потому у меня женихъ есть.

— Изъ благородныхъ?

— Нѣтъ, мѣщанинъ, кажется, или купеческій сынъ.

— Сомнительно, чтобъ отпустилъ.

— Господи, что-же я буду дѣлать! всплеснула руками Александра Петровна.

Черезъ часъ въ комнату вбѣжалъ барскій камердинеръ, молодой парень въ сѣромъ фракѣ со свѣтлыми пуговицами, съ закрученными усами и съ ухватками петербургскаго парикмахерскаго подмастерья. Онъ закурилъ папироску, сѣлъ противъ Александры Петровны и закидалъ ее вопросами въ родѣ: «бывали-ли въ комедіяхъ? Умѣете-ли

Digitized by Google

танцовать польку? Правда-ли, что французы ѣдятъ лягушекъ»? и т. п. Касательно-же желанія ея откупиться сказалъ также, что баринъ наврядъ отпуститъ, такъ какъ теперь въ деньгахъ не нуждается.

— Вотъ ежели-бы вы по осени потрафили, тогда дѣло другое. Въ тѣ поры ихъ шибко въ карты порѣзали, прибавилъ онъ.

Прикащикъ ходилъ по горницѣ въ халатѣ и опоркахъ на босу ногу и говорилъ женѣ:

— Чтожъ, Нимфодора Васильевна, похлебать-бы да и ко сну...

Камердинеръ началъ прощаться.

— Тонкая бестія! кивнулъ прикащикъ въ слѣдъ ушедшему. Вывѣдывать приходилъ.

Александра Петровна спала у прикащика. Хоть и не утѣшительныя предположенія о своемъ освобожденіи услыхала она, но спала спокойно. Она была уставши съ дороги. «Пусть будетъ, что будетъ», мысленно рѣшила она, ложась.

На утро, проснувшись и умывшись, она взглянула на себя въ зеркало. «Господи, хоть бы красоты-то поубавилось», подумала она, наслышавшись о волокитствѣ барина. Часовъ въ одиннадцать пришелъ прикащикъ и сказалъ:

— Ну, теперь ступайте. Авдѣй цирюльникъ выбрилъ его и ужъ пробѣжалъ въ людскую.

Сердце Александры Петровны сжалось. Вѣки глазъ заморгали. Шепча молитву, она начала надѣвать салопъ.

— Зачѣмъ салопъ? Надѣньте какую ни-наесть куцавѣйчку, остановилъ ее прикащикъ. Да и платьице-то нехудо-бы надѣть попроще.

— Да нѣтъ проще-то, отвѣчала она и надѣла куцавѣйку.

— Вы какъ въ мезонинѣ будете, тамъ у него двѣ, понимаете?... такъ къ Дашкѣ, главное, поласковѣе. Такая чернобровая изъ себя. Потрафьте ей... Сильна, шельма! Можетъ, она у барина вольную-то и выпроситъ. Не худо-бы ей изъ вещей подарить что...

Александра Петровна отправилась.

— Ручку-то, главное, у барина не забудьте поцѣловать! кричала ей въ слѣдъ прикащица.

Домъ прикащика былъ рядомъ съ барскимъ дворомъ, на который даже выходили и окна. Творя молитву, она вошла на дворъ. Попадавшіеся дворовые кланялись ей и смотрѣли вслѣдъ. Она еще помнила усадьбу и направилась къ барскому дому съ задняго крыльца.

— Мнѣ къ барину приказано явиться, сказала она выбѣжавшему лакею.

— Мое почтеніе-съ! Наслышаны... отвѣчалъ тотъ и повелъ ее.

Digitized by Google

Ихъ встрѣтилъ камердинеръ. Онъ развязно подалъ ей руку, и подержавъ ее передъ глазами, посмотрѣлъ на маленькое бирюзовое колечко, надѣтое на ея пальцѣ.

— Супирчикъ-то отъ женишка вѣрно? Въ кабинетѣ они. Сейчасъ доложимъ, проговорилъ онъ, вошелъ въ кабинетъ, и воротясь черезъ нѣсколько времени сказалъ:—Пожалуйте.

Въ глазахъ у Александры Петровны потемнѣло. Она перекрестилась и переступила порогъ.

Баринъ сидѣлъ за столомъ, курилъ трубку, прихлебывалъ изъ стакана чай и смотрѣлъ на ползающихъ на полу и тыкающихся носами другъ въ друга щенковъ. Поодаль стоялъ дворовый — молодой малый въ казакинѣ и усахъ.

— А ну-ко, подыми правило-то! Каковы правилы-то? приказалъ онъ молодому малому.

Тотъ выпрямилъ у щенка хвостъ и сказалъ:

— Правила здоровыя будутъ. Ужъ теперь въ два вершка. Эти щенки много чище Мышкинскихъ будутъ.

— А носы мокрые?

— Какъ губка. Извольте пощупать.

Малый поднесъ барину щенка. Баринъ пощупалъ носъ, обернулся къ двери и увидалъ Александру Петровну.

— А, пріѣзжая! сказалъ онъ.—Убирай щенятъ да пошелъ вонъ! крикнулъ онъ малому.

Тотъ собралъ щенятъ въ корзину и ушелъ.

Александра Петровна подошла къ барину и поцѣловала у него руку. Она дрожала какъ въ лихорадкѣ и остановилась отъ него въ нѣсколькихъ шагахъ.

— Ну, какъ въ Петербургѣ проживала! Какъ шуры-муры, разные амуры разводила? спросилъ онъ.

Она молчала. На глазахъ ея показались слезы.

— Платьице то, кажется, у тебя спереди немножко коротенько, продолжалъ онъ.—Или это такъ? Ну, ну, я вѣдь пошутилъ, прибавилъ онъ, замѣтивъ слезы, подошелъ къ ней и взялъ ее за подбородокъ.

Она отшатнулась.

— Чего боишься, глупенькая? Не съѣмъ. Ну, вотъ выписалъ я тебя сюда затѣмъ, чтобъ ты моихъ мамзюлекъ обшила. У меня тутъ въ резонинѣ мои мамзюлки. Только успокойся, хуже тебя. Ревновать нечего. Ужо познакомишься съ ними, а завтра платьишки имъ шить начнешь. Онѣ, тетехи деревенскія, ничего не умѣютъ.

— Баринъ, голубчикъ, Петръ Петровичь, у меня до васъ просьба,

Digitized by Google

есть. Отпустите меня на волю. У меня женихъ есть. Онъ и выкупъ пришлетъ, заговорила Александра Петровна.

— Женихъ? замужъ хочешъ? Ну, что за охота? Вѣдь бить будетъ, отвѣчалъ баринъ и снова взялъ ее за подбородокъ. — Эдакой розанчикъ и бить будетъ! — Нѣтъ, душка, поработай прежде на барина. Въ такихъ лѣтахъ неоткупаются. Кто-жъ тогда на барина работать будетъ? добавилъ онъ.

Александра Петровна не выдержала. Она зарыдала, повалилась барину въ ноги и завопила:

— Баринъ, голубчикъ! Отпустите, ради Христа! Всю жизнь буду Бога молить!

Рыданія ея были истерическія. Она обхватила ноги барина и не выпускала. Баринъ вырвался и заходилъ по комнатѣ.

— Вотъ что выдумала! Я ее для себя выписалъ, а она на волю! Хороша крѣпостная! говорилъ онъ.

Александра Петровна ползала за нимъ.

— Господи, Господи! крикнула она и растянулась на полу безъ чувствъ.

— Эй! Кто тамъ? Черти! гаркнулъ баринъ.

Въ кабинетъ вбѣжали камердинеръ и два лакея.

— Уберите ее да отнесите въ мезонинъ. Пусть Авдѣй фельдшеръ присматриваетъ.

Вечеръ, ложась спать, баринъ былъ въ духѣ.

— Каково золото-то у насъ! А мы и не знали! сказалъ онъ камердинеру, снимавшему съ него сапоги.

— Комильфо, требьенъ. Самая, что-ни-на есть субтильная, отвѣчалъ съ шутовской улыбкой камердинеръ.—Вчера я съ ней разговаривалъ, такъ и по французски говоритъ, и танцы танцуетъ. Все, говоритъ, могу...

— Откупиться просилась. Вотъ дура-то! Ну, да наша будетъ!

— Еще бы-съ. Вы баринъ. Хотите съ кашей ѣдите, хотите масла пахтаете.

— А какъ такія женщины по французски называются?

— Фамъ пикантъ.

— Гаси свѣчку, анафема!

VI.

Послѣ вышеописаннаго происшествія, Александра Петровна была больна цѣлую недѣлю и лежала въ постели. Всѣ ее жалѣли. Почти вся дворня ухаживала за ней. Даже «мамзюльки» дежурили у ея постели. О ревности къ барину не было и помину. Цирюльникъ и

Digitized by Google

фельдшеръ Авдѣй нѣсколько разъ покушался пустить ей кровь, говоря, что «это сейчасъ всю болѣзнь оттянетъ», но былъ останавливаемъ ключницей.

— Дуракъ! Ты думаешь, что ты съ лошадьми обращеніе имѣешь? Смотри. какая она нѣжная! Какъ возможно... говорила ему ключница.

— Въ свою очередь и баринъ заботился объ Александрѣ Петровнѣ, присылалъ ей съ своего стола кушанье и каждый день являлся ее навѣщать.

— Ишь, шельма, какая нервная! Словно барышня-институтка, всякій разъ бормоталъ онъ уходя.

— Милостивъ еще онъ къ ней, погляжу я, дѣвушки, шепталась ключница съ дворовыми. Ей-Богу! Помните, тогда съ Настей такая-же исторія была, такъ сейчасъ наночь въ холодный амбаръ посадилъ и на скотный дворъ...

— Влюбимшись. Для себя бережетъ. Что ему тѣло-то ея портить!— подмигивали дѣвушки.

Черезъ недѣлю Александра Петровна начала поправляться. Первою ея мыслію было увѣдомить о себѣ Василія Степаныча. Она достала бумаги и написала письмо, но прикащикъ Герасимъ Кузьмичъ на-отрѣзъ отказался отправить его на почту.

— Письмо? Никакъ не возможно! Не могу, хоть зарѣжьте. Просите у барина. Подумаетъ еще, что доносъ. Шкура-то вѣдь у меня своя! Были ужъ случаи...

Отдавать письмо барину и просить его объ отсылкѣ, Александра Петровна не хотѣла. Она выждала случай, когда одинъ мужикъ изъ ихъ деревни отправился въ Петербургъ и послала письмо «съ оказіей». Въ письмѣ она благодарила Василія Степаныча за предложеніе руки и сердца, сообщала о своей болѣзни, о своемъ житьѣ-бытьѣ, о томъ, что баринъ, пока, ни за какія деньги не хочетъ дать ей вольную, просила сходить «къ мадамѣ» поклониться ей и подругамъ и беречь ея вещи. «Вся надежда на волю», заканчивала она.—«Что-то о ней поговариваютъ въ Петербургѣ? Не связываю васъ, голубчикъ, Василій Степанычъ, но прошу: подождите годочикъ, можетъ быть на наше счастье дѣло какъ нибудь и уладится; а объ себѣ скажу, что я всячески, до послѣдняго издыханія, буду себя беречь про васъ. Пишите, голубчикъ, но пишите осторожно, а то, чего Боже борони, письмо можетъ попасть къ барину и тогда можетъ быть худо».

Оправившись, Александра Петровна принялась за работу. Она, по волѣ барина, поселилась въ мезонинѣ съ «мамзюльками», шила имъ платья изъ привезенной бариномъ матеріи и перешивала старыя. «Мамзюлки», видимо, уважали ее, ставили ее гораздо выше себя и говорили ей «вы». Одна изъ нихъ, Даша—на которую указывалъ при-

Digitized by Google

кащикъ какъ на любимицу барина и которой, по его мнѣнію, нужно «потрафлять»—была красивая брюнетка. Она была замужняя женщина, изъ хорошаго крестьянскаго семейства и взята бариномъ силой.

Братья ея были работящіе люди, жили въ Петербургѣ на оброкѣ и посылали въ семейство деньги. Мужъ ея былъ сосланъ бариномъ за «сопротивленіе». Въ мезонинѣ она жила уже два года, но все еще не могла примириться съ своей участью и подчасъ всплакивала. Другая, Елизавета, была совершенная противоположность Даши: полная, румяная, съ круглымъ лицомъ, и представляла собой типъ русской красавицы. Цѣлый день она распѣвала пѣсни, зачастую ссорилась съ Дашей, обижала ее и даже била. Ротъ ея въ свободное время отъ пѣнья цѣлый день былъ занятъ работой. Она, то ѣла моченую бруснику, яблоки, варенье, то грызла подсолнечныя зерна или кедровые орѣхи. Дворовые ненавидѣли ее за ея сплетни на нихъ барину. Она была вольная и пріѣхала съ бариномъ съ какой-то ярмарки.

Комната, гдѣ жила Александра Петровна, была чистенькая; она была не велика, но отдѣльная и у дворовыхъ называлась «гувернанткиной», на томъ основаніи, что здѣсь некогда жила гувернантка—нѣмка, сманенная бариномъ у сосѣдняго помѣщика и впослѣдствіи выгнанная имъ за что-то. День у Александры Петровны проходилъ слѣдующимъ образомъ: вставала она, когда ей вздумается, пила кофей, присланный бариномъ, и принималась за работу. Сидитъ бывало, и шьетъ. Къ ней зайдетъ Даша, помѣстится противъ нея и начнетъ гадать на картахъ. Гадаетъ, гадаетъ, собьетъ карты, взглянетъ на нее и скажетъ:

— Болѣзная вы, болѣзная! Жалко мнѣ васъ. Все поди о женихѣ думаете?

— Какъ же, Дашенька, не думать!

— Горькая ваша доля. Изъ эдакой жизни и вдругъ въ неволю!.. Дайте-ко я вамъ погадаю... Бубновый онъ?

И начнется гаданье.

— Карты-то выходятъ марьяжныя... да вотъ все изъ-за пиковаго короля препятствіе. Письмо получите, поясняла Даша.

— Ахъ, письма-то ужъ я каждый день жду. Все сердце мое у меня отъ этой неизвѣстности изболѣло.

Заходила и Елизавета, но разспрашивала больше о петербургскихъ удовольствіяхъ. Ей очень хотѣлось въ Петербургъ.

— Ахъ, хоть бы какой нибудь ледащенькій паренекъ подвернулся! Сейчасъ бы, кажется, съ нимъ въ Питеръ укатила, заканчивала она.

Баринъ навѣщалъ Александру Петровну также часто.

— Ну, вотъ видишь, плутовка, какъ тебѣ хорошо здѣсь. Хочешь—

Digitized by Google

работай, не хочешь—гуляй! Живи—не тужи! говорилъ онъ.—А полюбишь барина такъ еще вдвое будетъ лучше.

Александра Петровна обыкновенно молчала. Баринъ садился съ ней рядомъ. Она вся съеживалась и отдвигалась отъ него.

— Ну, чего ты боишься, дурочка? Чего боишься? приставалъ онъ къ ней.—Ничего я тебѣ худаго не сдѣлаю. Развѣ можно что-нибудь худое эдакому бѣленькому, плотненькому тѣльцу сдѣлать? Ну, дай плечико поцѣловать!

Онъ бралъ ее за подбородокъ и цѣловалъ въ плечо.

— Отвѣть хоть словечко-то, царевна Несмѣяна! Право, Несмѣяна! Чтожъ, развѣ баринъ твой уродъ? звѣрь? кусается?

Однажды онъ принесъ ей шелковой матеріи на платье и подавая, сказалъ:

— Вотъ тебѣ на платьице. Сшей себѣ. Не все же на людей работать.

— Благодарствуйте, баринъ. У меня есть платья, отвѣчала она.

— Еще сошьешь. Щеголяй на здоровье. Такому розанчику франтить надо. Ну, что-жъ за это сдѣлать надо? Благодарить слѣдуетъ. Да не какъ-нибудь. Ну?

— Благодарствуйте, баринъ.

— Развѣ такъ благодарятъ? Поцѣловать надо.

Александра Петровна не двигалась. Баринъ подошелъ къ ней и протянулъ къ ея лицу губы. Она закрыла лице руками. Баринъ чмокнулъ ее въ щеку, потрепалъ по спинѣ и проговорилъ:

— Ты, дурочка, только полюби барина, такъ и не такое у тебя платье будетъ. Шубку бархатную для тебя выпишу. На тройкѣ кататься будемъ. Все, что хочешь, для тебя сдѣлаю. Мамзюльки мои тебѣ не нравятся—въ шею ихъ! Къ черту! Съ двора сгоню!

— Баринъ, голубчикъ, Петръ Петровичъ, вѣдь я вамъ сказывала, что у меня женихъ есть. Одного его я и люблю.

— Что женихъ! Вѣтрогонъ какой-нибудь! Ужъ онъ и забылъ о тебѣ давно. Смотри и не поминай объ немъ, а лучше приходи ко мнѣ, какъ-нибудь, вечеркомъ въ кабинетъ. Картинки посмотришь, чайку напьемся, поужинаемъ... Вишь, какой баринъ-то! Свою крѣпостную къ себѣ въ гости зоветъ! Ну, да мы это дѣло устроимъ!... Такъ полюбишь меня? Придешь? допытывался онъ отвѣта, но Александра Петровна стискивала зубы и молчала.

— Эхъ, букашка своенравная! заканчивалъ онъ, улыбаясь, щипалъ ее за щеку и уходилъ.

Посѣщенія барина учащались. Александра Петровна ему очень нравилась. Онъ дѣлалъ все, чтобъ достичь ея склонности. Упорство ея еще больше разжигало его страсть. Онъ ласкалъ ее, ухаживалъ

Digitized by Google

за ней, дѣлалъ ей подарки и даже прибѣгнулъ къ посредничеству камердинера и ключницы, посылая ихъ уговаривать ее «полюбить барина». Дворовые не могли надивиться на все это, зная его крутой и необузданный нравъ. Они помнили, какъ была взята въ мезонинъ Даша и какъ овладѣлъ онъ ею, прибѣгнувъ къ насилію.

Уговариванье Александры Петровны камердинеромъ и ключницей вылилось въ слѣдующихъ формахъ:

Камердинеръ пришелъ, закурилъ папироску и заговорилъ:

— Напрасно вы отъ барина отворачиваетесь. Они къ вамъ всей душой, а вы финтите и задъ ему показываете. А еще образованіемъ хвастаетесь, питерскими считаетесь! Нешто образованыя дѣвицы такъ дѣлаютъ? Конечно мнѣ плевать, а только напрасно-съ... Вы объ немъ совсѣмъ ве тотъ сюжетъ имѣете. Теперича они, по своему богатству, вамъ все могутъ... Канарейку желаете—и канарейка у васъ будетъ, золотыхъ рыбокъ—и золотыя рыбки у васъ на окошкѣ плавать будутъ. Баринъ васъ, какъ барышню, поставить могутъ.

Ключница обратилась къ ней иначе.

— Не сердитесь, голубушка, Александра Петровна, за то, что я вамъ скажу. Вѣдь баринъ мнѣ велѣлъ уговаривать васъ полюбить его, сказала она. Напѣвай, говоритъ, ей. Ни въ жизнь бы я вамъ про это не сказала, да вѣдь наша сестра себя бережетъ. Вдругъ онъ узнаетъ, что я вамъ не говорила.

Слыша все это Александра Петровна плакала и давала себѣ слово до послѣдней крайности защищать себя.

VII.

Прошло два мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ Александра Петровна поселилась въ мезонинѣ. Однажды, въ воскресенье, она шла отъ обѣдни и встрѣтилась съ прикащикомъ Герасимомъ Кузьмичемъ.

— Милости прошу къ нашему шалашу пирожка откушать! Кой-что хорошенькое услышите, сказалъ онъ.

Александра Петровна зашла, поздоровалась съ прикащицей и сѣла. Прикащикъ остановился передъ ней и началъ какъ-то таинственно улыбаться.

— Письмо къ вамъ. Надо статься отъ друга. Получайте... шепнулъ онъ наконецъ и подалъ письмо.—Только, Вога ради, ни гу гу.

Александра Петровна принялась читать. Письмо было отъ Василія Степаныча. Оно было полно сѣтованій на судьбу, увѣреній въ вѣчной любви. Онъ спрашивалъ не нужно ли ей выслать денегъ, не нужно ли ему самому пріѣхать въ деревню и переговорить съ бари-

Digitized by Google

номъ на счетъ вольной и заканчивалъ словами: «кроплю письмо слезами и какъ мореплаватель надѣется на якорь, такъ и я на вашу вѣрность ко мнѣ».

Въ письмѣ не было ничего такого, чтобы могло измѣнить положеніе Александры Петровны, но оно очень ее обрадовало. Она знала, что хоть и далеко, но есть человѣкъ, который сочувствуетъ ей и любитъ ее. Она значительно повеселѣла, и прійдя къ себѣ, начала даже напѣвать какой-то куплетъ, слышанный ею въ Петербургѣ. Пѣсня ея достигла до ушей барина. «Ага, поетъ! Свыклась пташка съ клѣткой», подумалъ онъ и направился на верхъ въ комнату Александры Петровны.

— Пѣсенку твою, бутончикъ, услыхалъ. Дай, думаю, хоть разъ посмотрю на нее на веселенькую, казалъ онъ, входя.

Александра Петровна умолкла.

— Ну, чтожъ, продолжай, продолжай, а я подтягивать буду. Зачѣмъ же нахмурилась? Эхъ, Саша, не знаешь ты своего барина! Баринъ твой добрый.

— Кабы добрый были, такъ взяли бы выкупъ да и отпустили на волю, отвѣчала она.

— Нѣтъ, ты объ этомъ и не думай, потому что я прямо скажу, ты мнѣ нравишься и и все жду, когда ты меня полюбишь.

— Никогда вы этого не дождетесь,

— Чего же ты хочешь? Ну, скажи. Хочешь вѣрно, чтобъ баринъ у тебя ручки цѣловалъ, чтобъ онъ передъ тобой на колѣни становился?

— Ничего этого мнѣ не надо. Оставьте меня только въ покоѣ, а я буду вамъ самая хорошая работница. Что могу—все дѣлать буду.

— Не нужно мнѣ твоей работы. Полюби меня только и ты увидишь какая твоя жизнь будетъ.

— Ахъ, баринъ, какіе вы странные! Какъ я васъ могу полюбить, коли мнѣ и глядѣть-то на васъ... не хорошо, проговорила Александра Петровна и горько улыбнулась.

Брови барина нахмурились, усы зашевелились. Онъ покраснѣлъ, въ волненіи заходилъ по комнатѣ и наконецъ, крутя усы, остановился передъ Александрой Петровной.

— А знаешь, милая, вѣдь ты моя крѣпостная и ежели на тебя ласки не дѣйствуютъ, то я могу тебя и силой заставить жить со мной! сказалъ онъ. Ты спроси-ко у Дарьи, какъ я съ ней поступилъ. Она тебѣ кой-что поучительное поразскажетъ.

— Слышала я, баринъ, и напередъ вамъ скажу, что тогда я съ собой что нибудь нехорошее сдѣлаю.

— Ну, ужъ это врешь! Дворня-то у меня велика: четверыхъ ка-

Digitized by Google

раулить заставлю. А чтобъ горячка-то эта прошла, такъ амбарчикъ у меня холодненькій есть. Послѣ теплой-то комнатки онъ отлично укрощаетъ.

Александра Петровна заплакала.

— Ты не плачь. Зачѣмъ плакать? Это я такъ къ слову только сказалъ. Съ тобой, я надѣюсь, и лаской поладить, закончилъ онъ, погрозилъ ей пальцемъ и ушелъ.

По уходѣ барина, въ комнату вошли Даша и Елизавета.

— Что у васъ съ нимъ было? спросила Елизавета.—Сейчасъ прошелъ какъ звѣрь сердитый и даже меня ни зачто, ни прочто въ грудь толкнулъ.

— Извѣстно ужъ что... и Александра Петровна передала имъ свой разговоръ съ бариномъ.

— Плохо ваше дѣло, дѣвушка; трудно вамъ уберечься, сказала Даша.

— Да, не легко, заговорила Елизавета. Знаете, что я-бы теперь на вашемъ мѣстѣ сдѣлала? Согласилась бы и потребовала съ него вольную. Башъ на башъ—смѣнялась-бы. Ей-Богу! пока онъ еще съ вами ласковъ, это дѣло обдѣлать можно. Что беречь-то себя! Захочетъ, такъ все равно, за дарма пропадете. Надуетъ, впрочемъ, хитрый тоже... прибавила она:—а то я знаю одна дѣвушка сдѣлалась такъ съ своимъ бариномъ.

— Нѣтъ, ужъ, на это я ни за что не рѣшусь. Лучше умру, отвѣчала Александра Петровна.

Вечеромъ того же дня Александра Петровна уже собиралась ложиться спать, какъ вдругъ въ ея комнату вошелъ барскій камердинеръ.

— Баринъ васъ къ себѣ внизъ требуетъ. Пожалуйте, сказалъ онъ.

Александра Петровна поблѣднѣла. «Ужъ не по поводу-ли давишняго разговора»? мелькнуло у нея въ головѣ.

— Вы не знаете зачѣмъ? спросила она.

— Не пужайтесь, будьте покойны, кажется насчетъ мѣрки. Халатъ вамъ хотятъ дать шить для себя, что-ли.

— Что-жъ ночью-то? Лучше завтра. Знаете что, Григорій Иванычъ: скажите, что я сплю. Нельзя-ли какъ нибудь уладить, попросила она его.

— Нѣтъ, ужъ лучше теперь идите, а то разсердите. И то онъ сегодня какъ волкъ на всѣхъ смотритъ. Намъ-же вѣдь изъ-за васъ страдать придется.

Александра Петровна отправилась. По дорогѣ она творила молитву. Камердинеръ отворилъ дверь кабинета и она вошла.

На диванѣ, за столомъ, уставленнымъ винами, холодными за-

Digitized by Google

кусками и сластями сидѣлъ баринъ. Онъ былъ замѣтно выпивши. Лице его было красно.

— Ну, гостья дорогая, милости просимъ, садись, сказалъ онъ.

Она не двигалась съ мѣста. У нея дрожали ноги. Она явственно слышала, что сзади ея, изъ другой комнаты щелкнулъ дверной замокъ.

— Мнѣ Григорій сказалъ, что вы насчетъ халата... чуть слышно проговорила она.

— Какой халатъ! Ну его! О халатѣ еще успѣемъ, а теперь садись и поужинаемъ вмѣстѣ, отвѣчалъ баринъ, подошелъ къ ней, взялъ ее за плечи, силой посадилъ на диванъ и сѣлъ съ ней рядомъ.

— Я ужинала.

— Ну вотъ сладенькаго да винца.

Баринъ обнялъ Александру Петровну. Она вырвалась отъ него и бросилась къ двери.

— Не трудись, голубка, — заперто.

— Что же это? Вѣдь это низко, это подло! вскричала она.

— Тсъ!.. Не грубить! погрозилъ ей баринъ, снова подошелъ къ ней, и обхвативъ ее за талію, притянулъ къ себѣ.

Она опять вырвалась и убѣжала въ уголъ.

— Я кричать буду, ежели вы не выпустите!

Баринъ, скрестя на груди руки, пожиралъ ее глазами.

— Дура! ну кто на твой крикъ прибѣжитъ? Кто посмѣетъ войти? Успокойся лучше. Теперь ужъ ты моя.

Она стояла въ углу и огораживала себя стульями. Глаза ея блестѣли. Она не плакала. Въ ней была рѣшимость на все. Баринъ направился къ ней. Она вскрикнула, схватила съ близь стоявшаго стола подсвѣчникъ и замахнулась имъ.

— Не поможетъ, голубка! проговорилъ баринъ, и тяжело дыша, началъ отодвигать стулья.

Подсвѣчникъ, пущенный Александрой Петровной, пролетѣлъ надъ его головой. Она быстро схватила какую то книгу въ тяжеломъ переплетѣ и также бросила въ него. Книга ударилась ему въ грудь.

— А, когда такъ, такъ я тебѣ покажу, что я твой баринъ! заревѣлъ онъ, какъ тигръ на добычу, бросился на нее, схватилъ ее и началъ мять въ рукахъ.

Слышались проклятія, ругательства, стоны. Александра Петровна защищалась до послѣдней крайности. Она кричала, кусалась, царапалась. Баринъ утомился и бросилъ ее.

— Ну, дѣвка! сказалъ онъ.—Стой-же, покажу я тебѣ волю, покажу я тебѣ жениха! Будешь ты у меня замужемъ, только не за нимъ проклятымъ! Эй! Григорій! Люди!

Digitized by Google

Камердинеръ, стоявшій за дверью, тотчасъ-же вбѣжалъ въ кабинетъ.

— Убрать ее и запереть въ холодный амбаръ! приказалъ баринъ, указывая на Александру Петровну.

Она сидѣла на полу и дико смотрѣла на все окружающее.

Платье ея было разорвано, волосы распустились.

— Пожалуйте, сказалъ камердинеръ, подходя къ ней.

Она встала, и шатаясь, отправилась изъ кабинета. Камердинеръ поддерживалъ ее подъ руку. Вдругъ изъ ея глазъ брызнули слезы, и истерически рыдая, она упала на плечо камердинеру. Тотъ вытащилъ ее за двери.

— Караулъ постановить! Пусть конюхи присматриваютъ! крикнулъ имъ вслѣдъ баринъ.

Въ эту ночь дворня помѣщика Перестарова долго не ложилась спать и толковала объ участи Александры Петровны.

VIII.

На утро, въ кабинетѣ, между бариномъ и извѣстнымъ уже намъ прикащикомъ Герасимомъ Кузьмичемъ произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Отправься на село и скажи Потапу, чтобы онъ приготовлялся къ свадьбѣ. У меня для него невѣста есть, приказалъ баринъ.

— Осмѣлюсь доложить, Петръ Петровичь, потому можетъ вы запамятывать изволили, вѣдь мы этого самаго Потапа рѣшили за его пьянство въ солдаты сдать, замѣтилъ прикащикъ.

— Не твое дѣло! Это само собой. Къ первому числу мы его повеземъ въ городъ.

Баринъ забарабанилъ пальцами по столу.

— Скажи ему отъ меня, что невѣста у него хорошая будетъ. Барышня, бѣлоручка. Я Сашку за него выдаю, прибавилъ онъ.

Прикащикъ попятился.

— Что ты? Ихъ настоящая пара будетъ.

— Такъ-съ...

— Одинъ пьяница, другая разбойница. Она меня вчера чуть шандаломъ не убила!

— Господи! всплеснулъ руками прикащикъ.

— Зайди къ ней. И ей скажешь, чтобъ вѣнчаться сбиралась. Въ воскресенье свадьба. Воли хотѣла, такъ вотъ и вольная будетъ, какъ мужа въ солдаты сдадимъ. Она въ амбарѣ. Выпустить ее! да вышвырнуть изъ мезонина ея вещи. Пусть во флигелѣ съ дворовыми живетъ! Слышалъ?

Digitized by Google

— Слышалъ-съ.

— Ну, ступай!

Прикашикъ удалился.

— Ну что? Видѣлъ Сашку? Что она?—спросилъ баринъ вечеромъ своего камердинера.

— Ничего-съ, плачетъ, убивается.

— Чего-же ей? Хотѣла замужъ—и выходитъ. Нѣтъ, какова штука-то? Какова дѣвка-то?

— Не говорите ужъ, Петръ Петровичъ! Пугаемъ мы ее! Вѣдь это вольнодумство одно. Ей Гогу! отвѣчалъ камердинеръ.

Слухъ о свадьбѣ Александры Петровны съ пьяницей Потапомъ какъ громъ поразилъ всю деревню и все село, хоть и привыкли всѣ къ звѣрству и жестокимъ выходкамъ своего барина, но такого исхода не ожидали.

Даже самъ женихъ Потапъ, узнавъ объ этомъ, загоревалъ, и то и дѣло, валялся у кабака пьяный, не взирая на посулъ барина спустить съ него семь шкуръ.

Слухи о свадьбѣ достигли и до сосѣднихъ помѣщиковъ. Нѣкоторые изъ нихъ, болѣе человѣколюбивые, пріѣхали просить Перестарова отмѣнить этотъ бракъ, толковали о дворянской чести, о «гуманности», но Перестаровъ былъ не прикословенъ, наговорилъ имъ дерзостей и совѣтовалъ не мѣшаться въ чужія дѣла; нѣсколькихъ-же дворовыхъ, заподозрѣнныхъ въ разглашеніи его распоряженія, высѣкъ на конюшнѣ.

Въ воскресенье, послѣ обѣдни, въ маленькой церкви села Перестарова совершилась свадьба Александры Петровны съ Потапомъ. Все это сдѣлалось такъ скоро, что она не успѣла даже увѣдомить о своемъ несчастіи и Василія Степаныча. Она всю недѣлю хворала и сильно похудѣла. Она вѣнчалась въ простомъ шерстяномъ платьѣ и безъ вуаля. Нѣкоторыя дворовыя дѣвушки хотѣли «снарядить ее какъ слѣдуетъ», но были остановлены болѣе благоразумными, такъ какъ за явное сочувствіе къ ней пришлось-бы поплатиться. Церковь была полна зрителями. Баринъ также присутствовалъ. Женихъ въ новомъ синемъ кафтанѣ, занятымъ у сосѣдняго мужика на время вѣнчанья, стоялъ среди своей немночисленной родни. Два конюха ввели въ церковь плачущую Александру Петровну.

По окончаніи вѣнчанья баринъ подошелъ къ ней и сказалъ:

— Поздравляю, Саша! Ну вотъ твое желаніе исполнилось. Хотѣла замужъ и замужемъ теперь. Будешь жить въ законѣ. Хотѣла воли—и вольная будешь. Дня черезъ два твоего мужа повезутъ въ солдаты сдавать—и ты будешь вольная солдатка.

Присутствующіе разошлись изъ церкви съ такимъ тяжелымъ впе-

Digitized by Google

чатлѣніемъ, которое выносится развѣ послѣ похоронъ отца, оставившаго многочисленное семейство.

Пира не было. Новобрачный былъ бѣднѣйшій мужикъ въ деревнѣ, а тѣ ничтожныя крохи, которыя у него были, онъ пропилъ передъ свадьбой. Семейство его все-таки кой-какъ сколотилось, купило четверть водки, испекло пироговъ и позвало кой-кого изъ сосѣдей. Пришли очень немногіе, но и тѣ какъ-то косились и дулись на несоблюденіе нѣкоторыхъ свадебныхъ обрядовъ и скоро ушли. Когда смерклось, гостей уже не было. Только ребятишки забѣгали еще въ избу и просили «гостинчику со свадебки». Имъ давали остатки пирога.

Александра Петровна осталась одна съ мужемъ. Она разсмотрѣла его хорошенько. Свирѣпаго въ немъ ничего не было. Онъ былъ робокъ и грустенъ, но не пьянъ, хотя и пилъ съ гостями водку. Она подошла къ нему и сказала:

— Потапъ Васильичъ, голубчикъ, теперь я ваша жена и въ вашей власти... Я уважать васъ буду, словомъ вамъ не поперечу, но объ одномъ васъ прошу: когда вы будете солдатомъ, не оставляйте меня здѣсь, дайте мнѣ пашпортъ на прожитіе, а я, что-бы не заработала, завсегда вамъ половину высылать буду.

Сказавъ это, она заплакала и повалилась ему въ ноги. Потапъ и самъ прослезился и бросился ее поднимать.

— Родимая, что ты? Для чего-жъ это? Судьба-то у насъ у обоихъ горькая! Что мнѣ надъ тобой нравъ свой показывать да безобразничать! Вѣдь у меня, чай, сердце есть.

Лучъ надежды на возможность перемѣнить свое положеніе, мелькнулъ въ головѣ Александры Петровны. Она захотѣла хоть чѣмъ нибудь отблагодарить мужа, достала изъ кармана трехрублевую бумажку и подала ему.

— Вотъ вамъ пока, что могу...

Увидя деньги Потапъ оживился.

— Вотъ за это спасибо! Вотъ за это люблю! заговорилъ онъ и тотчасъ-же послалъ за водкой.

Мать старуха начала его ругать. Досталось и Александрѣ Петровнѣ.

— Ты чтожъ, дочка! Нѣшто такъ слѣдуетъ? Вѣдь это на погибель ему. Въ отмѣстку, что-ли? Чтобъ сердце сорвать? Чѣмъ-бы свекровь ублажить, а она на-поди! Домъ бѣдностію подавился, а она мужу на пьянство... И непряха досталась и мужу пособница, упрекнула она ее и оскорбленія посыпались.

Александра Петровна достала еще рубль и подала ей.

— Это мужу-то три, а свекрови рубль? Спасибо! заговорила старуха, но деньги взяла.

Digitized by Google

Добывъ водки, Потапъ напился. Александрѣ Петровнѣ вдругъ стало страшно. Съ этимъ пьянымъ ей предстояло провести ночь.

Она взглянула на полштофъ. «А что, вѣдь говорятъ, пьяные никогда горя не чувствуютъ. Попробовать развѣ?» мелькнуло у нея въ головѣ и съ этой мыслью она вдругъ схватила стаканъ, налила его водкой и выпила. Усталая, измученная, убитая горемъ и никогда не пившая вина, она до того охмѣлѣла, что тутъ-же свалилась и заснула.

— Ну, пара! Вотъ Господь Богъ послалъ дочку! всплеснула руками свекровь и стащила Александру Петровну на постель.

Баринъ не пронялся. Ему мало было того глумленія, которое онъ уже сдѣлалъ. На-утро онъ прислалъ своего камердинера поздравить молодыхъ съ законнымъ бракомъ и передать имъ краюху черстваго хлѣба и горсть соли на черепкѣ отъ тарелки.

IX.

Былъ май мѣсяцъ. Поѣздъ Николаевской желѣзной дороги приближался къ Петербургу. Въ вагонѣ третьяго класса, прижавшись къ углу, сидѣла Александра Петровна. Четыре мѣсяца, проведенные ею въ деревнѣ, четыре мѣсяца жестокихъ нравственныхъ страданій страшно ее измѣнили. Она похудѣла. О прежнихъ привлекательныхъ ямочкахъ на щекахъ не было и помину, румянецъ уступилъ мѣсто матовой блѣдности, глаза ввалились, но, не взирая на все это, она еще все-таки была хороша. Она ѣхала въ Петербургъ съ паспортомъ солдатской жены. Она была солдатка.

Спустя четыре дня послѣ свадьбы, Потапа повезли въ городъ сдавать въ рекруты. Онъ какъ напился въ день своей свадьбы, такъ и не отрезвлялся. Три рубли, данные ему Александрой Петровной, онъ пропилъ до копѣйки, не удовольствовался этимъ, укралъ у нея платокъ и также заложилъ въ кабакѣ. Александра Петровна не провожала его въ городъ, за что и вынесла жестокія ругательства отъ свекрови и мужниной родни.

При отъѣздѣ мужа, она дала ему десять рублей, которыя заняла у прикащика Герасима Кузьмича подъ залогъ своего мѣховаго салопа, и обѣщалась высылать таковую сумму ежемѣсячно, за что мужъ долженъ былъ дать ей паспортъ. Паспортъ привезъ ей, возвратясь въ деревню, отвозившій Потапа староста. Свекровь и мужнины родственники сильно старались противодѣйствовать этому; они желали имѣть у себя Александру Петровну, какъ работницу въ домѣ, но Потапъ былъ непреклоненъ.

Александра Петровна сдѣлалась вольная. Первымъ ея дѣломъ

Digitized by Google

было отслужить благодарственный молебенъ, вторымъ—написать обо всемъ Василію Степанычу, увѣдомить его, что она ѣдетъ въ Петербургъ и проситъ выслать денегъ.

Черезъ недѣлю Василій Степанычъ прислалъ письмо и деньги.

«Ужасъ объялъ меня, когда я читалъ письмо ваше о вашихъ страданіяхъ», писалъ онъ. «Я заболѣлъ даже и ходилъ въ лавку какъ сумасшедшій. Господи, какъ подумаешь, какъ это дѣлаютъ люди? Есть-ли у нихъ душа? Что имъ на томъ свѣтѣ будетъ? При семъ посылаю вамъ пятьдесятъ рублей. Не медлите, голубушка, и пріѣзжайте скорѣй. Ангелъ, Саша, любовь моя къ тебѣ въ сердцѣ моемъ горитъ по прежнему, какъ неугасимая лампада. Цѣлую ваши ручки и при семъ присовокупляю, что, кажется, вамъ не стоитъ опять поступать къ мадамѣ, такъ какъ хозяинъ нашъ открылъ торговлю также и женскими шляпками и я вамъ завсегда могу достать работу. Вамъ лучше жить на квартирѣ, а посему, не дожидаясь отвѣта, я найду вамъ комнатку съ мебелью и вы уже пріѣдете прямо въ свой уголъ. Лети письмо мое со вздохомъ любви къ милой сердцу въ руки. Надѣюсь, ангелъ, Саша, встрѣтить тебя самъ въ вокзалѣ. Прощай».

Получивъ деньги, Александра Петровна тотчасъ-же уплатила долгъ прикащику, дала пять цѣлковыхъ свекрови, такую же сумму женатому мужнину брату, купила платокъ невѣсткѣ и рѣшила ѣхать. Деверь вызвался ее отвезти на желѣзную дорогу, но тайно отъ барина. Онъ боялся его. Съ ней было запрещено имѣть всякое сообщеніе. Изъ дворовыхъ простилась съ ней одна только Даша, и та прибѣжала украдкой, вечеромъ, наканунѣ отъѣзда. Она пробыла у нея минутъ десять и проплакала, жалуясь на свою горькую долю. На прощаньи она ей сказала:

— Коли что услышите *про волю*, голубушка, то пишите.

На станціи желѣзной дороги Александра Петровна встрѣтилась съ прикащикомъ. Онъ пріѣхалъ за письмами и газетами.

— Коли вспомните, такъ вышлите мнѣ десятокъ лимоновъ... сказанъ онъ, прощаясь съ ней. Тамъ Филипъ въ Питерѣ. Онъ зайдетъ къ вамъ. Да жена просила сонникъ, да житіе преподобнаго отца нашего...

Александра Петровна не дослушала окончанія и вскочила въ вагонъ.

Просвистѣвъ и остановясь на пять минутъ въ Колпинѣ, поѣздъ помчался къ Петербургу. Черезъ четверть часа начали показываться трубы фабрикъ, багажные вагоны, платформы.

— Сейчасъ забалуй-городъ будетъ, сказалъ какой-то мужикъ и началъ будить товарищей, спавшихъ подъ лавками.

Digitized by Google

— Эхъ скляница! Допить ее вдосталь! какъ-то прикрикнулъ какой-то мѣщанинъ въ кафтанѣ со сборами, досталъ изъ кармана фляжку и вылилъ содержимое ея себѣ въ горло.

Вотъ и свистокъ. Поѣздъ остановился. Начали выходить. Александра Петровна перекрестилась и также вышла. На платформѣ, за народомъ, виднѣлась голова Василія Степаныча. Онъ махалъ руками.

— Вася, голубчикъ! крикнула она, протиснувшись къ нему, и упала въ его объятія.

Черезъ полчаса Василій Степанычъ и Александра Петровна сидѣли въ небольшой, довольно чисто-меблированной комнатѣ на Владимірской улицѣ.

— Ну какъ тебѣ нравится горенка? спросилъ онъ ее.—Кажется, опрятно, свѣтло. У этого окошечка ты будешь работать.

— Все хорошо, Вася, но только одно, какъ мужъ... отвѣчала она. Все-таки я солдатская жена и мужъ надо мной во всемъ властенъ.

— А все лучше, чѣмъ умереть съ тоски и горя въ барскомъ домѣ. Не безпокойся, ангелъ мой, забудь объ этомъ. Мы акуратно каждый мѣсяцъ будемъ высылать ему деньги.

— Ну, а вдругъ онъ больше потребуетъ?

— Въ кабалу пойдемъ, а вышлемъ.

— А вдругъ онъ самою меня потребуетъ?

— Ну и тогда есть одно средство... Да Богъ милостивъ...

Кухарка внесла самоваръ. Александра Петровна начала заваривать чай.

— Солдатка вамъ чай наливаетъ, сказала она.

— Голубушка, забудь ты объ этомъ. Не терзай ты меня и себя.

Василій Степанычъ началъ цѣловать у нея руки.

— Ну, Саша, хотѣлъ я тебя сдѣлать законной женой,—злые люди помѣшали, заговорилъ онъ.—Неужели намъ лишаться теперь своего счастія?...

Она улыбнулась ему, закрыла его ротъ ладонью и положила ему на плечо голову.

X.

Прошло шесть лѣтъ. Александра Петровна жила съ Василіемъ Степанычемъ. У нихъ было трое дѣтей: дѣвочка и два мальчика. Вскорѣ послѣ пріѣзда Александры Петровны въ Петербургъ, Василій Степанычъ отошелъ отъ хозяина и открылъ свою лавку. Деньгами ему помогъ дядя. Въ лавкѣ, кромѣ матерій, лентъ и прочихъ товаровъ, продавались и женскія шляпки, которыя шила на дому Алек-

Digitized by Google

сандра Петровна. Дѣло шло хорошо. Кромѣ ея самой, у нея работали двѣ мастерицы и три дѣвочки ученицы. Александра Петровна и Василій Степанычъ жили не роскошно, но и не бѣдно. У нихъ была хорошенькая и чистенькая квартирка, было двое прислугъ, сытный столъ, и кромѣ того, они не отказывали себѣ въ нѣкоторыхъ развлеченіяхъ. Однимъ словомъ, они жили какъ вообще живетъ все небогатое рыночное купечество. Жили они какъ мужъ и жена. Нѣкоторые изъ ихъ знакомыхъ даже и не знали, что они не обвѣнчаны и что у Александры Петровны есть мужъ солдатъ.

О Потапѣ уже четыре года, какъ не было и слуху. Первые два года онъ еще по временамъ писалъ, требуя денегъ, но потомъ вдругъ умолкъ. Изъ послѣдняго письма его, Александра Петровна знала только одно, что полкъ, гдѣ онъ служилъ, «идетъ въ городъ Сибирь». Это было послѣднее извѣстіе о Потапѣ. Она не знала живъ онъ или померъ. Василій Степанычъ нѣсколько разъ ходилъ узнавать о немъ въ главный штабъ, но тамъ ничего не могъ узнать опредѣленнаго. Касательно полка, впрочемъ, было узнано, что онъ стоитъ гдѣ-то за Байкаломъ. Но Потапъ могъ быть переведенъ, впослѣдствіи, и въ другой полкъ.

Зная бѣдность Потапа, зная, что солдату негдѣ взять денегъ и что Потапъ, ежели-бы былъ живъ, низачто-бы не упустилъ случая попользоваться въ годъ нѣсколькими десятками рублей, Александра Петровна стала уже думать, что онъ умеръ. Смерть Потапа казалась ей все болѣе и болѣе вѣроятною, какъ вдругъ отъ него пришло письмо. Письмо было изъ Оренбурга. Въ немъ онъ писалъ слѣдующее:

«Любезной супружницѣ нашей Александрѣ Петровнѣ отъ мужа вашего Потапа Васильева посылаемъ низкій поклонъ и съ любовію заочно низко кланяюсь. Прижимаю васъ къ груди моей, супруга любезная. И что это объ васъ никакаго слуху нѣтъ и никакой вѣсточки? Я, почитай, пять писемъ писалъ и никакого отвѣта. Что это значитъ, любезная супруга наша? Или вы забыли ваше обѣщаніе. Мужъ былъ въ болѣзни и въ бѣдности, даже и на табакъ теперь денегъ нѣтъ, а вы въ довольствѣ и денегъ не высылаете? Такъ какъ вы давно уже не высылали денегъ, то въ силу сего письма вышлите мнѣ сейчасъ-же тридцать рублевъ.

«Не думаю, чтобъ письма мои не доходили до васъ. Увѣдомляю васъ, что мы допрежъ сего стояли въ разныхъ городахъ Сибири, доходили до такихъ мѣстъ, гдѣ ужъ, почитай, край свѣта и много чудесъ видѣли. Видѣли мы людей въ шкуры зашитыхъ, которые тѣмъ занимзются, что всякую падаль и нечисть жрутъ, видѣли какъ на собакахъ ѣзда происходитъ, видѣли оленей съ рогами и верблю-

Digitized by Google

довъ-гадовъ, что у нихъ замѣсто люшади. Да, супруга наша, трудно намъ было безъ денегъ быть по вашей милости. Вышлите тридцать рублевъ непремѣнно. Цалую несчетное число разъ и сугубо кланяюсь, а о себѣ скажу, что я теперь слава Богу здоровъ. Супругъ вашъ Потапъ Васильевъ Ушинъ, а за неумѣніемъ имъ грамотѣ ефрейторъ Иванъ Прохоровъ руку приложилъ».

Письмо это немного опечалило Александру Петровну.

— Ну, чтожъ, пошлемъ. Завтра-же пошлемъ ему тредцать рублей, сказалъ Василій Степанычъ.—Есть о чемъ тужить!

— Ахъ, Вася, я думала онъ умеръ, проговорила она и вдругъ прибавила:—Ахъ, Господи! вѣдь вотъ грѣшница я... Человѣкъ ничего мнѣ худаго не сдѣлалъ, а я ему смерти желаю.

Деньги были посланы, но черезъ мѣсяцъ Потапъ прислалъ снова письмо и требовалъ еще двадцать пять рублей. «...положилъ себѣ въ умѣ сапожнымъ ремесломъ заниматься, такъ какъ въ бытность мою въ Сибири сапоги шить выучился, писалъ онъ:— а потому вышлите мнѣ на товаръ и струментъ разный». Двадцать пять рублей были также посланы. Безпрекословное повиновеніе Александры Петровны должно быть избаловало Потапа. Онъ не зналъ о ея положеніи. Въ письмахъ своихъ къ нему она не писала ему о своемъ благосостояніи, и онъ, видимо, пробовалъ нельзя-ли съ нея содрать побольше. Вслѣдъ за письмомъ съ просьбою о высылкѣ двадцати пяти рублей на сапожное ремесло, начали почти каждый мѣсяцъ приходить письма съ требованіемъ то двадцати, то тридцати рублей. Деньги эти требовались подъ разными предлогами. То онъ писалъ, что онъ потерялъ ружье, то украли офицерскую шинель, ввѣренную ему ротнымъ командиромъ на храненіе, и т. п. Сумма все увеличивалась, вслѣдствіе чего Александра Петровна, посовѣтовавшись съ Василіемъ Степанычемъ, написала Потапу, что она не можетъ высылать ему такихъ суммъ и опредѣляла ему ежемѣсячное пособіе въ десять рублей. Потапъ угомонился на нѣсколько мѣсяцевъ, но вдругъ прислалъ письмо, въ которомъ сообщалъ, что онъ уходитъ изъ полка на родину въ безсрочный отпускъ и требовалъ себѣ тридцать рублей на подъемъ. «Хоть одежу свою какую ни-на-есть заложи, а деньги мнѣ все-таки вышли, такъ какъ безъ денегъ мнѣ подняться невозможно», писалъ онъ. «Ты моя законная жена, а жена до послѣднихъ силъ должна во всемъ помогать мужу», заканчивалось письмо.

— Чтожъ, послать нужно, сказалъ Василій Степанычъ и послалъ деньги.

Но Потапъ и этимъ не пронялся; вскорѣ было прислано имъ новое посланіе. Оно было уже изъ деревни, съ мѣста родины.

«Дошло до слуховъ нашихъ, любезная супруга наша, писалъ онъ,

Digitized by Google

что вы въ Питерѣ въ богатствѣ живете и съ любовникомъ возжаетесь, отъ котораго у васъ и дѣти есть, чѣмъ вы намъ несказанный срамъ чините. А мы въ бѣдности пребываемъ и, по вашему безобразію, зазоръ терпимъ. О всемъ вашемъ непотребномъ житьѣ мы слышали отъ деревенскихъ нашихъ, которые въ Питерѣ были и намъ теперь глаза колятъ. Нѣшто такъ возможно? Такъ жить невозможно, коли у васъ законный мужъ есть. Теперь мы не знаемъ, куда и глаза дѣвать. А такъ чтобъ безобразіе это и постыдство для насъ не продолжалось, то мы и требуемъ, супруга наша, васъ къ себѣ. Жена должна быть всегда при мужѣ своемъ. Это и въ писаніи сказано. А посему по полученіи сего письма, пріѣзжайте немедленно въ деревню».

Далѣе слѣдовали поклоны, но Александра Петровна не читала ихъ. Она поблѣднѣла и чуть устояла на ногахъ. «Вотъ несчастіе-то, подумала она. Два раза крѣпостная! Двѣ неволи выдерживаю!» Слезы брызнули у нея изъ глазъ. Ее окружили дѣти и стали спрашивать о чемъ она плачетъ. Она закрыла лице руками и отвернулась отъ нихъ. Она не могла на нихъ глядѣть. Василія Степаныча не было дома. Онъ былъ въ лавкѣ. Александра Петровна послала за нимъ. Онъ тотчасъ же явился запыхавшійся, испуганный.

— Что такое случилось, Саша? спросилъ онъ.—Господи, какъ ты меня напугала! Руки и ноги дрожатъ.

Она показала ему письмо. Онъ прочиталъ, взялся за голову и заходилъ по комнатѣ. Александра Петровна плакала. Старшая шестилѣтняя дочка въ недоумѣніи смотрѣла на эту сцену.

— Это его подучили родные! Это вѣрно, сказалъ онъ наконецъ.— Тѣ слышали отъ мужиковъ, котерые у насъ здѣсь были, какъ мы живемъ, вотъ они и хотятъ выжать изъ насъ денегъ. Вѣдь мужикъ глупъ—ежели онъ видитъ, что человѣкъ живетъ опрятно, ѣстъ чисто, такъ думаетъ, что человѣкъ этотъ и не вѣсть какіе капиталы имѣетъ.

— Вотъ, Вася, мое предчувствіе сбылось, проговорила Александра Петровна.

— Успокойся, ангелъ мой! Какъ нибудь уладимъ дѣло! Имъ деньги нужны: это видно. Чтожъ, пошлемъ. Какъ-нибудь сожмемся.

— Но вѣдь онъ не денегъ требуетъ, а меня самою.

— Просто пугаетъ. Ну, на что ты ему? Ему какіе нибудь двадцать, двадцать пять рублей въ мѣсяцъ несравненно лучше, чѣмъ ты сама. Будешь ты при немъ—денегъ у него не будетъ.

— Хорошо коли такъ, а вдругъ на него блажъ нашла. Вѣдь эдакое мое несчастіе! Жить и всю жизнь дрожать за свою судьбу!

Digitized by Google

— Богъ милостивъ! Успокойся, моя родная! утѣшалъ ее Василій Степанычъ.

На другой день Потапу было послано письмо со вложеніемъ двадцати пяти рублей. Въ письмѣ говорилось, что ежели онъ оставитъ Алаксандру Петровну въ покоѣ, то таковую сумму будетъ получать ежемѣсячно къ каждому первому числу. На письмо это не воспослѣдовало никакого отвѣта. Молчаніе Потапа Александра Петровна сочла за знакъ согласія и мало по малу начла успокоиваться.

Прошло два мѣсяца со дня полученія Александрою Петровною письма отъ Потапа. Александра Петровна была имянинница. Вечеромъ, въ день ея имянинъ, Василій Степанычъ, по заведенному порядку, позвалъ гостей. Гости были большею частію мужнины: сосѣдніе по лавкѣ прикащики и нѣкоторые холостые хозяева. Среди статскихъ платьевъ виднѣлся и мундиръ помощника пристава изъ участка, знакомаго Василія Степанича по клубу. Женатые купцы, хотя и знали несчастную исторію Александты Петровны, хотя и знали, что Василію Степанычу невозможно на ней жениться при живомъ мужѣ, но не взирая на это все-таки не ходили къ нему въ домъ, на томъ основаніи, что «тогда нужно и къ себѣ приглашать, а какъ его пригласишь, съ полюбовницей?» Женщинъ было очень мало. Двѣ мастерицы Александры Петровны, старинная ея подруга Маша, жившая съ ней вмѣстѣ еще у мадамъ Ривьеръ и теперь имѣвшая свое маленькое заведеніе, да какая-то старушка, вдова, дальная родственница Василія Степеныча. Мужчины играли въ карты—въ мушку и стуколку. Женщины занимались «ничего недѣланіемъ». Около мастерицъ, молодыхъ дѣвушекъ, увивался какой-то юный прикащикъ-франтъ и предлагалъ играть въ фанты.

— Да какъ-же мы будемъ играть? Насъ всего трое, говорили дѣвушки.

— Очень вросто-съ... Я васъ перецѣлую обѣихъ да и дѣлу конецъ! отвѣчалъ прикащикъ.

— Нѣтъ, мы такъ не согласны.

Дѣвушки смѣялись.

Вообще въ маленькой квартиркѣ было шумно отъ говору. У мущинъ, игравшихъ въ карты, слышались восклицанія въ родѣ: «Тузъ пикъ, антихристъ пришелъ! Значитъ, читай отходную и ложись въ гробъ! Я казачью масть показываю, а васъ червями несетъ! Ставь, Петя, ремизъ! Не стыдись! Тебѣ сходно — сегодня кусокъ бархату продалъ!» и т. п. Шумъ увеличивали и дѣти Александры Петровны—мальчикъ и дѣвочка, бѣгавшіе по комнатѣ. Сама Александра Петровна была какъ-то особенно весела. Она то останавливала дѣтей, чтобъ они не шалили, то подходила къ играющимъ въ карты и

Digitized by Google

упрашивала ихъ «закусить», указывая на накрытый въ углу столъ съ закусками и винами.

— Покорно благодаримъ. Себя не забудемъ. Мы ужъ и то, кажись, успѣли по шести опрокинуть, отвѣчалъ кто-нибудь.

— А вы не считайте. Очитать не здорово. Отъ этого сохнутъ... шутила хозяйка.

— Развѣ вотъ за здоровье моей невѣсты, соглашался гость, кивая на державшуюся за платье Александры Петровны ея дочку.

— Ну, хоть за ея здоровье. Она у насъ умница.

Компанія играющихъ вставала и подходила къ столу съ закуской.

— Ну, ужъ и рюмки-же у васъ! Вѣдь это двухспальныя называются! восклицалъ гость.

— Онѣ только на видъ такія большія... говорила хозяйка.

— Двухспальными-то рюмками у женатыхъ людей и пить! вставлялъ свое слово другой гость, глоталъ рюмку водки и тыкалъ вилкой въ закуску.

— Съ ангеломъ!

— Который годъ дочкѣ-то?

— Седьмой пошелъ. Ужъ я ее читать учу, говорила Александра Петровна и гладила дочку по головѣ. Папа ей фортепіано обѣщался купить. Музыкѣ учить будемъ. Она и теперь стихи наизусть знаетъ. Прочти, душенька, Стрекозу.

Дѣвочка сначала тыкалась головой въ юбку матери, но потомъ выглядывала оттуда и бормотала первые два стиха.

— Браво! браво! Ай да молодецъ-дѣвица! кричали гости.

Сіяющая счастіемъ мать отошла отъ стола съ закуской и направилась къ Василію Степанычу, игравшему въ карты въ сообществѣ помощника пристава и своего дяди, стараго холостяка. Она остановилась около Василія Степаныча и тихонько спрашивала его: не пора-ли подать гостямъ десерта, не нужно-ли пуншу и т. п.

— Вотъ все угощать торопится, объяснялъ Василій Степанычъ партнерамъ и притягивалъ ее къ себѣ за талію. Федоръ Федорычъ, пуншу не желаете-ли? спрашивалъ онъ помощника пристава.

— Хоть пуншъ и военный напитокъ, но я принужденъ отказаться, отвѣчалъ помощникъ, кланялся и шаркалъ подъ столомъ ногами.

Въ три часа былъ накрытъ ужинъ. Гости поѣли, потолковали о торговлѣ, объ исакіевскихъ пѣвчихъ и начали расходиться по домамъ. Помощникъ пристава стоялъ въ прихожей и переминался съ ноги на ногу. Онъ то искалъ свою фуражку, то галоши и видимо выжидалъ пока уйдутъ гости.

— Мнѣ съ вами и съ Александрой Петровной нужно объ одномъ

Digitized by Google

дѣлѣ переговорить. Оттого я и мѣшкаю... сказалъ онъ наконецъ Василію Степанычу.

— Извольте, извольте... Что такое? спросилъ Василій Степанычъ и повелъ его къ себѣ въ спальную.

— Дѣло очень непріятное и касающееся Александры Петровны.

Василья Степаныча какъ-бы что-то кольнуло. онъ началъ догадываться.

— Саша, поди сюда, голубушка! крикнулъ онъ Александру Петровну. Вотъ Федоръ Федорычъ хочетъ намъ сообщить что-то непріятное. Только ты не пугайся, милая.

Помощникъ сконфузился.

— Мнѣ ужасно совѣстно объявлять въ такой день, въ день вашего ангела, началъ онъ,—но вѣдь это все равно... не сегодня, такъ завтра, а все пришлось-бы. Мы еще вчера были увѣдомлены...

Александра Петровна поблѣднѣла.

— Знаю, знаю... заговорила она. Вѣрно меня мужъ черезъ полицію къ себѣ требуетъ?

— Къ несчастію да... Къ намъ пришла бумага отъ мѣстнаго исправника.

Василій Степанычъ всплеснулъ руками.

— Федоръ Федорычъ, неужели ничего нельзя сдѣлать? спросилъ онъ.

— Проволочку маленькую сдѣлать можно. Болѣзнь тамъ... и все эдакое... но ѣхать все-таки надо.

— А ежели я не поѣду? задала вопросъ Александра Петровна.

— Законъ неумолимъ. Отъ васъ отберутъ черезъ полицію вашъ видъ и пошлютъ васъ по этапу.

— Господи! Когда-же кончатся мои страданія?! воскликнула она и, заплакавъ, упала на диванъ.

Федоръ Федорычъ, извинившись еще нѣсколько разъ, простился и ушелъ.

Василій Степанычъ и Александра Петровна не спали всю ночь. Александра Петровна то рыдала, то какъ-то истерически выпрямлялась тѣломъ и ломала свои руки. Василій Степанычъ не находилъ даже словъ для ея утѣшенія. Онъ большими шагами ходилъ по комнатѣ, хваталъ себя за голову и только изрѣдка твердилъ:

— Саша, ангелъ, успокойся! Ну, полно, не мучь себя... Вѣдь ты въ такомъ положеніи...

Разсвѣло, а они все еще не спали. Василій Степанычъ пошелъ къ Александрѣ Петровнѣ, сѣлъ съ ней рядомъ, обнялъ ее и сказалъ:

— Тебѣ ѣхать надо, Саша. Это ужъ непрѣменно. Не доводить-же себя до этапа. Но я тебя одну не пущу. Я самъ поѣду съ тобой.

Digitized by Google

Мы лично переговоримъ съ нимъ. Можетъ быть онъ и согласится. Вѣдь не камень же онъ! Пятьдесятъ рублей ему въ мѣсяцъ предложимъ, семьдесятъ пять, сто, наконецъ... Закабалимъ себя, въ одной комнатѣ будемъ жить. а все-таки откупимся. А ежели мужъ не согласится, прибавилъ онъ, сверкнувъ глазами, ну и тогда есть средства...

Онъ наклонился къ Александрѣ Петровнѣ и шепнулъ ей что-то на ухо. Она вздрогнула.

— Вася, голубчикъ!.. Что ты говоришь! Молчи! Опомнись! воскликнула она и обхватила руками его голову.—Нѣтъ, ужъ лучше пускай я одна погибну, пускай я одна страдаю, а ты береги дѣтей. Кто тогда у нихъ будетъ заступникомъ?

Василій Степанычъ сидѣлъ опустя на грудь голову и глядѣлъ въ полъ.

Къ вечеру на другой день они рѣшили оба ѣхать въ деревню и попытаться еще разъ откупиться отъ Потапа. Дѣтей рѣшено было оставить на попеченіе старушки, дальней родственницы Василія Степаныча, той самой, которую мы видѣли у нихъ на праздникѣ.

XII.

Такъ же какъ и семь лѣтъ тому назадъ отъ станціи желѣзной дороги, по направленію къ селу Перестаровкѣ, ѣхала телѣга. Въ телѣгѣ сидѣли Василій Степанычъ и Александра Петровна. Былъ конецъ апрѣля мѣсяца. Дорога была прескверная отъ растаявшаго снѣга. На поляхъ кой гдѣ лежалъ еще бѣлый снѣгъ, въ оврагахъ стояли цѣлыя озера воды и издали блестѣли, какъ зеркальныя стекла. Василій Степанычъ и Александра Петровна молчали. Они боялись говорить и съ нетерпѣніемъ ждали своей участи, черезъ какой-нибудь часъ долженствовавшей рѣшиться отъ произвола Потапа. Набожная Александра Петровна, какъ и всегда въ трудныя минуты жизни, шептала молитвы. Мужикъ, везшій ихъ, былъ изъ Перестаровки. На станціи онъ узналъ ее и затѣялъ было разговоръ, но такъ какъ путники молчали, то умолкъ и онъ. Впрочемъ, онъ успѣлъ сообщить, что барина «пристукнулъ поетрѣлъ», что Даша, которая жила въ мезонинѣ, теперь въ черницахъ въ монастырѣ живетъ. Относительно Потапа онъ сказалъ:

— Ледащій человѣкъ. Всей семьѣ надолызъ. Работницу изъ тебя сдѣлать хочетъ. Ну, кака ты работница? Куражится надъ всѣми. Я, говоритъ, на службѣ царской состою и вы мнѣ должны почтеніе отдавать.

Телѣга въѣхала въ село. Село смотрѣло еще бѣднѣе. Избы покосились, вросли въ землю. Только у самаго въѣзда и стояла новая изба, покрытая тесомъ, да и та—кабакъ съ прибитой надъ крыль-

Digitized by Google

цомъ елкой. Тѣнистый барскій садъ былъ вырубленъ. Вдали виднѣлся ободранный барскій домъ съ голубятней на крышѣ.

— Арендатель теперь живетъ, сказалъ мужикъ, кивнувъ на домъ.— Фабрику завелъ, миткаль ткетъ. До голубей ядь страшный; то и дѣло на голубятнѣ торчитъ. Къ самому? что-ль везти-то? спросилъ онъ.

— Вези туда гдѣ Потапъ живетъ.

Телѣга остановилась около избы-развалюги. У воротъ стоялъ толстопузый мальчуганъ безъ шапки и въ валенкахъ съ большаго человѣка. Изъ за грязнаго стекла окна показалась голова женщины и тотчасъ-же скрылась, Изъ воротъ выбѣжалъ рыжебородый мужикъ въ пестрядинной рубахѣ и босикомъ. Это былъ деверь Александры Петровны.

— Пожалуйте, пожалуйте... заговорилъ онъ и повелъ ихъ черезъ дворъ въ избу.

— Намъ бы Потапа Васильича...

— А Вотъ сейчасъ. Онъ тутъ гдѣ-то шляется... Совсѣмъ оголтѣлый...

Они вошли въ избу. Въ избѣ было душно. Пахло смѣсью всего жилаго. Изъ подъ лавки виднѣлась голова гусыни, сидѣвшей въ корзинкѣ. У печки стояла босая женщина—золовка Александры Петровны. Она поклонилась. Съ большой печной лежанки виднѣлась голова старухи свекрови. Василій Степанычъ и Александра Петровна вошли и стояли посреди избы. Они не знали, что имъ дѣлать.

— Что-жъ не здороваешься дочка? Давненько невидались, зашамкала старуха.

Александра Петровна поднялась къ ней и троекратно поцѣловалась.

— Полюбовника... послышалось снова у старухи, но она закашлялась.

Вошли Потапъ съ братомъ. Потапъ былъ въ солдатской шинели, надѣтой на одно плечо. Изъ подъ шинели виднѣлись: ватный ситцевый нагрудникъ и бѣлые порты запиханныя въ сапоги съ нечищенными голенищами. Военная служба положила на немъ свой отпечатокъ. Онъ какъ-то почернѣлъ изъ лица. Прежняго робкаго Потапа въ немъ не было и тѣни.

— А, сожительница любезная! Добро пожаловать! заговорилъ онъ, входя.

Александра Петровна не двигалась. Потапъ остановился передъ ней.

— Что-жъ, нешто такъ съ мужемъ здороваются?

Она подошла къ нему и поцѣловалась. Василій Степанычъ отвернулся и сжалъ зубы...

— Въ ноги, въ ноги... послышалось съ печи.

— А это, надо статься полюбовникъ? спросилъ Потапъ, кивая на Василія Степаныча.

Digitized by Google

На вопросъ не послѣдовало отвѣта. Василій Степанычъ смолчалъ, скрѣпя сердце. Онъ положилъ себѣ не раздражать Потапа.

— Садитесь.

Всѣ сѣли. Положеніе было натянутое. Всѣ молчали.

— Мавра, ты-бы сбѣгала къ старостихѣ. Самоварчикъ, что-ли... сказалъ деверь Александры Петровны своей женѣ.

— Что жъ дары-то не выдаешь? Нешто безъ даровъ пріѣхала? снова послышалось съ печи.

— Молчи, маменька... Лежи, знай! крикнулъ Потапъ.

Василій Степанычъ откашлялся.

— Потапъ Васильичъ, мнѣ-бы съ вами поговорить надо, сказалъ онъ: только мнѣ-бы хотѣлось наединѣ.

— Куда-жъ намъ дѣваться то? Въ кабакъ развѣ? Говорите здѣсь. Свои все. Вѣрно опять грошами откупиться хотите? Стара пѣсня!

— Послушайте, я съ вами буду говорить откровенно. Я дѣйствительно живу съ вашей женой. У насъ есть дѣти. Вѣдь вы знаете, по какому несчастію она сдѣлалась вашей женой? По волѣ безобразника. У васъ есть сердце, вы христіанинъ... Зачѣмъ вы ее конфузили перепиской черезъ полицію? Зачѣмъ, что вамъ въ ней?.. Можетъ-ли она васъ любить? Не могу я говорить красно, но вы понимаете... Посмотрите на нее, годится-ли она для вашего быта... Вѣдь она зачахнетъ, умретъ...

— Вы вотъ человѣкъ ученый... Науки можетъ произошли, а того не знаете, что жена должна быть при мужѣ... отвѣчалъ Потапъ и досталъ изъ кармана шинели трубку.

Василій Степанычъ предложилъ ему папиросу. Онъ не зналъ чѣмъ ублажить Потапа. Александра Петровна молчала. Лице ея было серьезно-грустно, но на глазахъ не было ни одной слезинки.

— Голубчикъ, прошу и умоляю васъ: отпустите ее... продолжалъ Василій Степанычъ.—Мы вѣкъ свой вашими данниками будемъ. Вы разсудите: у нея теперь заведеніе, она работаетъ, достаетъ, высылаетъ вамъ тридцать рублей, когда-же вы ее возьмете къ себѣ, работать она уже не будетъ и вы перестанете получать деньги. Вотъ вамъ мое слово: отпустите насъ, дайте намъ счастіе, васъ Богъ за это не оставитъ, а мы сожмемся какъ нибудь и каждый мѣсяцъ будемъ высылать вамъ пятьдесятъ. Голубчикъ, умоляемъ васъ.

Онъ взялъ его за руку. Александра Петровна заплакала, бросилась передъ Потапомъ на колѣни и начала цѣловать у него руки. Потапъ смутился. Лѣвый глазъ не то подернулся слезой, не то покосился.

— Братъ да ты бы хоть самоваръ... сказалъ онъ.

— Оттого это Богъ счастія не даетъ. Гдѣ это видано, чтобъ не

Digitized by Google

учить жену... зашамкала на печи старуха, но ее никто не слушалъ.

— Потапъ Васильичъ, порадуйте насъ, вотъ и запьемъ сейчасъ...

Василій Степанычъ досталъ изъ сакъ-вояжа фляжку съ водкой.

— Наливай, наливай! кивнулъ Потапъ.—Экой ты какой, купецъ, ты разсуди, какъ-же мнѣ безъ жены-то быть?

Онъ началъ сдаваться.

— Вы ежемѣсячно будете получать...

— Слышь, ты дай семдесятъ пять. Я покрайности на эти деньги кабакъ открою... Ты купецъ богатый...

— Далеко не богатый, Потапъ Васильичъ, а только рабочій... Мнѣ семью содержать надо. Знаете, какъ все дорого въ Петербургѣ... Вы добрый человѣкъ, согласитесь, упрашивалъ его Василій Степанычъ.

Черезъ часъ на столѣ кипѣлъ самоваръ. Всѣ пили чай. Сдѣлка была заключена. Потапъ отпускалъ Александру Петровну, но взамѣнъ ее получилъ: сто рублей на постройку избы, шестьдесятъ рублей ежемѣсячной пенсіи, да кромѣ того, по пріѣздѣ въ Петербургъ, Василій Степанычъ обѣщался ему выслать енотовую шубу, самоваръ, двѣ пары сапогъ и гармонію. Во время заключенія условія съ печи то и дѣло свѣшивалась голова старухи и говорила:

— Потапъ, а Потапъ!—мнѣ-то сарафанъ да платокъ выговори.

— Вотъ видите, дѣло уладилось. Зачѣмъ-же вы терзали бѣдную женщину, зачѣмъ черезъ полицію конфузили? спросилъ Василій Степенычъ.

— Покуражиться захотѣлось. Нравъ свой показать, съ усмѣшкой отвѣчалъ Потапъ.

Василію Степанычу и Александрѣ Петровнѣ было гадко въ избѣ Потаповой семьи. Они попросились къ дьякону, гдѣ и ночевали. Ложась спать, Александра Петровна горячо молилась.

На утро дьяконъ запрегъ лошадь и самъ повезъ ихъ на желѣзную дорогу. Потапъ провожалъ ихъ до околицы.

— Смотрите, вышлите же все что обѣщались, сказалъ онъ, прощаясь. Да вотъ еще что: вышлите канарейку въ хорошенькой клѣточкѣ. Очень я люблю какъ канарейки поютъ!

Послѣднія слова крикнуты были уже въ слѣдъ. Дьяконицкая лошадь бойко бѣжала и увозила Александру Петровну и Василія Степаныча.

— Ну, вотъ видишь, Саша, и откупились... сказалъ онъ.

— Да, но на долго ли? отвѣчала она.

Они умолкли. Подъѣзжая къ станціи желѣзной дороги Василій Степанычъ заговорилъ съ дьякономъ:

— Вотъ отецъ дьяконъ, вы нашу исторію знаете, мы откупились,

Digitized by Google

а ежели бы не могли откупиться, что тогда? Какой исходъ? Одинъ исходъ... Василій Степанычъ недоговорилъ.

Дьяконъ обернулся, посмотрѣлъ на Василія Степаныча мутными глазами и не къ селу, ни къ городу сказалъ:

— Да-съ, премудрость!

Digitized by Google

КОНОВАЛЪ

(разсказъ).

Перенесемтесь, читатель, въ Ямскую, въ этотъ патріархальный уголокъ Петербурга, орошаемый замѣчательной по своей двухъ-саженной ширинѣ рѣчкой Лиговкой. Петербуржцы знаютъ этотъ уголокъ; для провинціаловъ-же скажемъ, что онъ преимущественно населенъ извощиками, фабричными, мастеровыми, мелкимъ купечествомъ и деревенскимъ людомъ, пришедшимъ въ Петербургъ на заработки. Поденщики, поденщицы, безмѣстные лакеи, кухарки и горничныя всегда здѣсь находятъ себѣ уголъ за рубль или полтора рубля въ мѣсяцъ. По своему внѣшнему виду и нравамъ уголокъ этотъ удивительно какъ походитъ на провинціальный городокъ. Для полноты сходства недостаетъ только острога, этого неизбѣжнаго, наводящаго уныніе, зданія каждаго уѣзднаго города, и чиновничества. Чиновный людъ часто хоть и гнѣздится въ самыхъ отдаленныхъ кварталахъ Петербурга, но въ Ямской, менѣе отдаленной отъ центра города, почему-то не живетъ. И такъ къ дѣлу.

Въ одинъ прекрасный вечеръ на постоялый дворъ, содержимый въ одной изъ улицъ Ямской теткой Галчихой, пришелъ постоялецъ и потребовалъ ночлега. Постоялецъ этотъ только-что пріѣхалъ въ Питеръ по желѣзной дорогѣ и отличался довольно страннымъ видомъ. Онъ былъ не высокаго роста, корявъ и черенъ изъ лица, кривъ на лѣвый глазъ имѣлъ щипаную бородку, глядѣвшую куда-то въ сторону и какъ-то странно вывернутую кверху ноздрю. На видъ ему было лѣтъ подъ сорокъ. Такихъ людей, обыкновенно, называютъ плюгавыми. Не взирая, однако, на свою плюгавость, постоялецъ держалъ себя важно, говорилъ съ разстановкой, поминутно подбоченивался, и потребовавъ на ужинъ щей, гордо косился своимъ един-

Digitized by Google

ственнымъ глазомъ то на хозяйку, суетившуюся около печи, то на сидѣвшаго съ нимъ за однимъ столомъ и ѣвшаго кашу мужика, то на разувавшагося на лавкѣ отставнаго солдата. Похлебавъ щей, постоялецъ началъ разбираться въ принесенныхъ имъ съ собой мѣшкахъ. Изъ одного онъ вынулъ лошадиный черепъ и синій кафтанъ, изъ другаго—большой козлиный рогъ и банку съ змѣей въ спиртѣ. При видѣ этихъ предметовъ, сидѣвшій у стола мужикъ, покосившись, отодвинулся, хозяйка перекрестилась, а солдатъ кашлянулъ, и проговоривъ «ишь ты какія штуки!», подошелъ къ постояльцу.

— Къ чему-же, таперича, вамъ эти шкилеты будутъ? спросилъ онъ и робко ткнулъ пальцемъ въ лошадиный черепъ.

— Снадобья... все на потребу, отъ лихихъ болѣзней, отвѣтилъ постоялецъ, бережно осмотрѣлъ передъ сальнымъ огаркомъ свое имущество, и поставивъ его подъ собой подъ лавку, началъ укладываться спать на разостланномъ тулупѣ.

Солдатъ въ недоумѣніи стоялъ передъ нимъ и ковырялъ у себя въ носу.

— Такъ, такъ... на потребу... Разныя болѣзни есть. Что-же вы теперь будете? Лѣкаря, что ли? спросилъ онъ.

— Коновалы и лѣкаря. Всякую болѣзнь лѣчить можемъ и всякую болѣзнь нагнать, ежели—все въ нашей власти... важно проговорилъ постоялецъ, и растянувшись на лавкѣ, отвернулся къ стѣнѣ.

Солдатъ многозначительно взглянулъ на хозяйку и кивнулъ на коновала: «вотъ дескать какая птица!» Хозяйка видимо опѣшила. «Богъ его знаетъ, какой онъ такой человѣкъ!» подумалось ей:— «еще болѣзнь какую ни-на-есть напуститъ». Въ головѣ ея мелькнуло, что коновала надо задобрить.

— Что-же такъ-то легъ? Семъ-ка, я молочка подамъ. Похлебаешь... продолжала она.

Коновалъ отказался.

— Кафтанъ-то изъ подъ лавки подъ себя возьми. Здѣсь, вѣдь, постоялый дворъ. Ночь-то велика. Народу всякаго понабраться можетъ. Не ровенъ часъ...

— Не бойсь. Цѣлъ будетъ. Я слово заговорное знаю. Пусть-ко кто польстится, такъ изъ избы цѣлъ не выдетъ,—самоувѣренно и не оборачиваясь, отвѣчалъ коновалъ.

Отъ словъ этихъ хозяйка еще болѣе опѣшила. У нея даже задрожали ноги. Кой-какъ знаками она начала вызывать солдата и мужика на дворъ. На дворѣ составился совѣтъ.

— Ахъ грѣхи, грѣхи! Вотъ не было печали, такъ принесъ Господь лихаго человѣка, говорила она.—Какъ тутъ быть?

Digitized by Google

— Да чему-жъ быть-то? Свѣдущій человѣкъ. Такіе люди бываютъ, сказалъ солдатъ.

Мужикъ молчалъ, вздыхалъ и чесалъ животъ.

— Всякую, говоритъ, болѣзнь напустить въ нашей власти, продолжала хозяйка;—не испортилъ-бы онъ меня!.. Голубчики, ужъ вы не оставляйте меня. Ложитесь со мной за перегородку, упрашивала она мужика и солдата.

— Будь покойна, не оставимъ, утѣшалъ солдатъ.—Чего-жъ бояться! Вѣдь ему никто худаго слова не сказалъ.

Мужикъ на отрѣзъ отказался спать въ избѣ.

— Нѣтъ, ужъ ты тамъ какъ хочешь, Андреяновна, а я подъ навѣсъ... потому христіанской душѣ въ одной избѣ съ падалью ночевать не приходится. Вишь, тамъ у него змѣй? Нешто это возможно? сказалъ онъ, и дѣйствительно, не взирая на холодную осеннюю ночь, спалъ подъ навѣсомъ.

Хозяйка хоть и легла спать у себя за перегородкой, хоть и положила недалеко отъ себя солдата, но всю ночь не могла сомкнуть глазъ и творила молитву. Разъ десять въ теченіи ночи окликала она и ощупывала солдата и по утру поднялась чуть только забрежился свѣтъ. Коновала уже не было въ избѣ. Изъ подъ лавки выглядывалъ лошадинный черепъ. Она вышла на дворъ. На опрокинутой кверху дномъ койкѣ отъ телѣги сидѣлъ коновалъ и покуривалъ трубку.

— Хозяюшкѣ почтеніе! Желаю здравствовать! сказалъ онъ.—Это ваша коровка-то всю ночь мычала? Надо статься—хвораетъ. Дай-ко я посмотрю, что съ ней?

Услыша ласковый привѣтъ, хозяйка пріободрилась.

— Да вотъ и сама не знаю, что съ ней попритчилось. Вторую ночь мычитъ, отвѣчала она и повела коновала въ хлѣвъ. Только ты, голубчикъ, не попорть ее. Мы люди бѣдные... добавила она, кланяясь.

— Зачѣмъ за ваши ласки портить? Мы ее вылѣчимъ, потому, таперича, мы это дѣло туго знаемъ. Мы у помѣщика, у генерала Залихваньева шесть годовъ надъ всѣми скотными и конными дворами главнымъ коноваломъ состояли. Коровы были всякія: и тирольки, и лимонскія. А что до лошадей, такъ были такія, что и цѣны не было, говорилъ коновалъ, слѣдуя за хозяйкой въ хлѣвъ.

Прійдя въ хлѣвъ, онъ осмотрѣлъ корову, пощупалъ у нея носъ, хвостъ, уши и задумался. Хозяйка слѣдила за нимъ взоромъ.

— Червь у нея въ животѣ. Нутро точитъ, сказалъ онъ наконецъ.—Кровь-бы ей изъ ноги кинуть, да коровенка-то молодая. Ну, да мы и такъ справимъ, добавилъ онъ—засучилъ рукава, пошеп-

Digitized by Google

талъ что-то коровѣ въ ухо, три раза плюнулъ, и вырвавъ у нея изъ хвоста нѣсколько шерстинокъ, подалъ хозяйкѣ.

— Заверни въ бумажку, да сожги ужо, какъ печь топить будешь. Червь самъ выдетъ. Да вотъ еще что: какъ кормъ задавать будешь, такъ присаливай хорошенько.

— Все исполнимъ. Много тебѣ благодарны, батюшка! Какъ величать-то?

— Данилой Кузьминымъ.

— Ужъ я тебя ублаготворю, Данило Кузьмичъ. Дай только печь истопить. Пообѣдаешь у меня.

— Ладно. Только за одно ублажи вотъ чѣмъ еще. Нѣтъ-ли у васъ тутъ фатерки по близости? Такъ гореньки крохотной. Потому мы тутъ остановиться думаемъ.

— Это что, это пустое дѣло, это можно. Вотъ тутъ рядомъ рубля за два съ полтиной горенку отдадутъ.

— Ну, такъ и дѣлу конецъ! Сватай! А мы тебя завсегда въ почетѣ держать будемъ.

Часа черезъ два рано-пробуждающаяся улица, въ которой остановился коновалъ, благодаря языку хозяйки и ея боязливыхъ знакомыхъ, почти уже вся знала о появленіи знаменитаго коновала и лѣкаря, выгнавшаго изъ больной коровы червя. Нашлись люди, которые разсказывали, что они сами видѣли этого червя.

— Большущій-пребольшущій и весь въ шерсти, разсказывала въ трактирѣ какая-то прачка-поденщица, пришедшая въ трактиръ сварить кофій. Вышелъ онъ изъ нея и поползъ и поползъ...

— Съ крыльями? спрашивалъ прачку кто-то изъ присутствовавшихъ.

— Не запримѣтила голубчики. Грѣха на душу не возьму, не запримѣтила, отвѣчала она, и приложа руку къ щекѣ, прибавила: Господи: какая нечисть на бѣломъ свѣтѣ бываетъ.

— Вотъ-бы этому червю въ нашего хозяина войти. Авось меньше-бъ надъ женою командовалъ. Вчера такихъ синяковъ понаставилъ, что живаго мѣста не найдешь. На силу отняли, сказалъ мастеровой, прибѣжавшій растопить клей и захохоталъ.

— А ты что зубы-то скалишь? Нешто въ человѣкѣ такой нечисти не бываетъ? замѣтилъ кухонный мужикъ. Еще хуже. У насъ въ деревнѣ у родного моего дяди змѣя въ утробѣ сидѣла. На смерть пилъ. Потому она этого самаго винища требовала. А какъ выгнали изъ него,—и пить пересталъ.

— Спаси Господи и помилуй всякаго человѣка! закончила прачка и выбѣжала изъ трактира.

Часамъ къ двумъ дня, коновалъ, угощенный хозяйкой постоя-

Digitized by Google

лаго двора обѣдомъ, водкой, ночлегомъ и снабженный двугривеннымъ денегъ, уже перебрался къ себѣ на квартиру, которую нанялъ за два рубля въ мѣсяцъ, хотя квартира эта, то есть комната и ходила прежде по три рубля. Домохозяйка, вдова ямщичка Поругаева, до того запугалась свирѣпымъ видомъ и славою о всемогуществѣ коновала, что отдала ее, не торгуясь, за то что онъ ей предложилъ.

Коновалъ поселился въ маленькомъ, ветхомъ домишкѣ съ поросшею травою крышею и съ покачнувшимися, вѣчно мокрыми воротами, полотна которыхъ были испещрены мѣстными живописцами и публицистами, изображеніями животныхъ и надписями въ родѣ: строго воспрещается... и т. п. На дворѣ дома въ развалившейся избѣ жили извощики; подъ навѣсомъ помѣщались ихъ лошади, экипажи. Въ лицевомъ флигилѣ, гдѣ находилась и коморка коновала, кромѣ его и домохозяйки, жила прачка-поденщица — молодая, красивая баба, вдова солдата, ходившая поломойничать и «стирать въ люди», какая-то старуха, жившая щедротами доброхотныхъ дателей и воспоминавшая о давнопрошедшихъ счастливыхъ дняхъ, проведенныхъ ею въ экономкахъ у статскаго генерала Раструбина, и ярославецъ съ женой, торговавшіе въ шалашѣ, устроенномъ въ заборѣ: сбитнемъ, квасомъ, пряниками, мыломъ, ржавыми гвоздями и кнутами. Прійдя на квартиру, коновалъ тотчасъ же началъ устраиваться, вслѣдствіе чего въ углу появилось ложе, сколоченное изъ досокъ и четырехъ полѣньевъ, на подоконникѣ разложились и разставились пузырьки съ «зельями», какъ онъ ихъ называлъ, банка съ змѣей, козлиный рогъ, лошадиный черепъ и бумажки съ толченымъ кирпичемъ, купоросомъ и пр. На стѣнѣ развѣсились пучки сушеныхъ травъ, шкуры, содранныя съ угрей, и галочьи крылья.

Появленіе коновала въ домѣ вдовы ямщички Поругаевой произвело сильную перемѣну въ дѣйствіяхъ обитателей дома. Голосистая поющая пѣсни прачка Василиса, стиравшая въ сѣняхъ бѣлье, умолкла, старуха-жиличка, генеральская экс-экономка, вѣчно переругивавшаяся съ квартирной хозяйкой изъ-за кофейника и «переварокъ»,— смирилась и только злобно кивала головой; торговцева жена, которой нужно было рубить на ужинъ капусту, удалилась для воспроизведенія этого процесса на дворъ, подъ навѣсъ; сама же хозяйка, обладавшая звонкимъ голосомъ, говорила шопотомъ; когда же коновалъ, размѣстя свое имущество, задумалъ почить отъ дѣлъ, и разостлавъ тулупъ, улегся на свое ложе, она разъ десять выбѣгала на крыльцо, чтобы кинуть щепкой то въ раскудавшуюся курицу, то въ горланившаго пѣтуха. Однимъ словомъ, на всѣхъ обитателей дома напала какая-то робость. Робость эта перешла въ невольный страхъ, когда коновалъ, поспавъ съ часъ, вышелъ на улицу погулять, а хо-

Digitized by Google

зяйка и жильцы вошли въ его коморку и начали разсматривать его имущество, разложенное на подоконникѣ и висѣвшее на стѣнѣ.

При видѣ такихъ, въ сущности обыкновенныхъ предметовъ, какъ черепъ, змѣя и галочьи крылья, но въ глазахъ обозрѣвающихъ пріобрѣтшихъ таинственное значеніе, всѣ такъ и ахнули. Началось всплескиванье руками, отплевыванье, осѣненіе крестнымъ знаменіемъ и было рѣшено, чтобы съ жильцомъ обращаться какъ можно ласковѣе и предупредительнѣе, дабы не навлечь на себя его гнѣва, а съ нимъ вмѣстѣ и его послѣдствій—въ видѣ порчи, икоты и тому подобныхъ белѣзней. Осмотрѣвъ имущество, всѣ тотчасъ же бросились подѣлиться своимъ впечатлѣніемъ съ сосѣдями. Сосѣди пожелали убѣдиться лично, вслѣдствіе чего, на улицѣ около окна коновала, образовалась преизрядная толпа мущинъ и женщинъ. Все это тѣснилось и старалось заглянуть въ окно. Со всѣхъ сторонъ слышались предположенія, что змѣя находящаяся въ банкѣ по ночамъ будетъ вылетать въ трубу. Какой-то мастеровой съ ремешкомъ на головѣ рѣшилъ не спать всю ночь, и во что бы то ни стало подкараулить змѣю.

Народъ долго-бы еще толпился у окна, ежели-бы изъ-за угла не показался самъ коновалъ.

— Батюшки! Вонъ онъ и самъ идетъ! крикнула находившаяся въ числѣ зрителей торговцева жена и опрометью бросилась къ мужниной лавченкѣ.

Толпа, какъ-бы застигнутая на мѣстѣ преступленія, оробѣла и медленно начала расходиться, косясь на приближавшагося коновала.

Коновалъ шелъ важно, закинувъ руки за спину. Завидя народъ у своего окна, онъ еще выше задралъ голову.

«Ага, разсматриваютъ. Ну, погодите же, не такую я вамъ еще штуку на показъ выставлю, а почуднѣе. Дай только мнѣ летучую мышъ найти», проговорилъ онъ про себя и вошелъ во дворъ.

Начинало смеркаться. Въ кухнѣ хозяйка пила чай.

— Чай да сахаръ! сказалъ входя коновалъ.

— Милости просимъ? Выкушайте, предложила она.

— Чтожъ, побаловаться всегда можно, отвѣчалъ онъ и сѣлъ.

Разговоръ не начинался. Коновалъ пилъ чай, громко прихлебывая съ блюдечка. Послѣ второй чашки, хозяйка, наконецъ, обратилась къ нему съ вопросомъ:

— Что-жъ, вы это теперича, будете лѣкарствомъ заниматься?

— Да, лѣчить будемъ, потому мы коновалы и этому дѣлу съ измалѣтства обучены.

— Ужъ вы будьте надежны... У насъ завсегда покой будетъ.

— Это точно. На счетъ спокою первое дѣло, потому я иногда въ

Digitized by Google

забытьѣ... особливо, когда какое ни-на-есть мудреное снадобье требуется, сказалъ коновалъ и началъ разсказывать, что онъ у генерала Залихваньева шесть годовъ главнымъ коноваломъ состоялъ, что лѣчилъ не только одинъ скотъ, но изъ всѣхъ окрестныхъ деревень къ нему мужики приходили. Что онъ одного купца даже послѣ особорованія на ноги поднялъ; исцѣлилъ въ своей деревнѣ старостиху, которая была испорчена и цѣлый мѣсяцъ хрюкала по свинячьи, и даже пользовалъ самого исправника, страдавшаго ломотой въ «коренной косточкѣ». Во время разсказа въ комнату вошла прачка Василиса, старуха генеральская экс-экономка, и торговцева жена и сѣли поодаль. Замѣтивъ слушателей, коновалъ воодушевился еще болѣе и повѣдалъ, что ученые доктора ничего не знаютъ, что они только морятъ людей, что есть правда, одинъ ученый докторъ Пироговъ, который всякую болѣзнь лѣчить можетъ, но и тотъ пріобрѣлъ свою ученость не въ книжкахъ, а его научилъ одинъ умершій «солдатикъ» въ Севастополѣ, такъ какъ солдатику этому въ «сраженіи» бомбой все нутро вывернуло. Во время разсказа слушательницы сидѣли молча и только изрѣдка вздыхали и покачивали головами. Въ заключеніе коновалъ прочелъ цѣлую лекцію по части анатоміи и патологіи человѣческаго тѣла, изъ которой слушательницы узнали, что человѣческое мясо виситъ на костяхъ, пришитое жилами, что внутри у человѣка «требуха», сердца и печонка, которая съ «сильныхъ сердцовъ можетъ лопаться, что вся требуха опутана жилами, въ которыхъ течетъ кровь, что въ крови часто накопляется всякая «дрянь», вслѣдствіе чего человѣкъ бываетъ боленъ и нужно «бросать» кровь, что кровь эта выходитъ печонками и чтобъ остановить эту кровь, нужно непремѣнно «заговорное слово» знать.

Выпивъ съ полдюжины чашекъ чаю, коновалъ обернулъ кверху дномъ чашку, положилъ на донышко огрызокъ сахару и, раскланявшись съ хозяйкой и ея жиличками, ушелъ къ себѣ въ коморку.

Изъ паспорта, отданнаго коноваломъ хозяйкѣ, было узнано, что онъ бывшій дворовый человѣкъ. Такое столь не высокое званіе и довольно ласковая бесѣда за чаемъ всѣхъ немного поуспокоили. Въ комнатѣ хозяйки, однако еще долго шептались о немъ и ночь была проведена не совсѣмъ спокойно. Правда сама хозяйка спала крѣпко, но благодаря чайной чашкѣ водки, выпитой передъ сномъ; экс-экономкѣ же грезилось, что ее кто-то хватилъ за пятки, а торговцева жена по-утру всѣмъ и каждому разсказывала, что ее всю ночь кто-то душилъ и на своемъ лицѣ она даже чувствовала прикосновеніе какой-то шерсти.

На утро коновалъ проснулся рано. Было воскресенье. Надѣвъ на себя кафтанъ и опоясавшись ременнымъ поясомъ, на которомъ ви-

Digitized by Google

сѣли эмблемы его ремесла—въ видѣ сумки, ланцетовъ съ доброе долото и различныхъ шилъ, онъ вышелъ на дворъ. На дворѣ извощики мыли лошадей и экипажи. Завидя коновала, они поснимали шапки. Появленіе его на ихъ дворѣ было уже передано имъ, съ мельчайшими подробностями ихъ артельной «маткой», то есть стряпухой. Коновалъ приблизился къ нимъ, пощурилъ на лошадей свой единственный глазъ, и выбравъ лошадку покрасивѣе, подошелъ къ ней, съ видомъ знатока, ударилъ ее ладонью подъ пахъ и спросилъ «по чемъ дана?».

— Да не купленная, изъ доморостковъ, отвѣчалъ извощикъ.

— Лошаденка жиденькая... процѣдилъ коновалъ и началъ смотрѣть ей въ зубы.

— Жидка-то жидка, лошаденка не видная, да за то хоть рысь есть, вмѣшался другой извощикъ. А вонъ я лѣто-сь у хозяина жилъ и у меня была лошадь: изъ себя король, а рысь—курица обгонитъ и къ кнуту не почтительна. Хоть ты ее зарѣжь! Ты ее кнутомъ, а она хвостомъ...

— Ну, коли лошадь молодая и въ силѣ, такъ значитъ порченная. Тутъ рысь нагнать можно. Заговоръ есть. У насъ такихъ лошадей можетъ тысяча въ передѣлѣ перебывало, похвастался коновалъ.

— Казали тогда коновалу, да безъ пути... Это, говоритъ, лошадь двухъ-жильная, ее подъ ломъ надо.

— Двухъ-жильная! Много знаетъ твой коновалъ! Двухъ-жильныхъ лошадей можетъ на всю Расею штукъ шесть... За двухъ-жильную лошадь, на царскую конюшню ежели,—сейчасъ десять тысячевъ дадутъ. Мели, знай!

— Что-жъ лаешься! Коновалъ тогда брехалъ.

— Вы скрыпинскіе, почтенный, будете? спросилъ коновала третій извощикъ.

— Нѣтъ, мы изъ другаго мѣста. Ужъ скрыпинскихъ-то коноваловъ теперь, братъ, слава отошла, ничего они не составляютъ. Вся цѣна-то имъ грошъ.

— Въ славѣ были.

— Были да сплыли. Дай-ко ему лошадь отъ отпою заговорить—не съумѣетъ, сказалъ коновалъ. Ужъ вы, ребята, коли что на счетъ лошадей, такъ я вотъ тутъ съ вами живу, закончилъ онъ и началъ уходить.

— Будь покоенъ... Не обойдемъ... Наслышаны... Зачѣмъ въ чужіе люди лѣзть? послышалось ему въ слѣдъ.

Коновалъ отправился въ трактиръ. Ему пришлось проходить мимо шалаша торговца, который жилъ съ нимъ вмѣстѣ на квартирѣ. Шалашъ былъ уже отворенъ. Торговецъ, рыжебородый, дородный яро-

Digitized by Google

славецъ, расправлялъ молоткомъ на кускѣ желѣза старое гвоздье. Около него торчала его жена, грудастая баба, въ длинномъ синемъ суконномъ шугаѣ и въ красномъ ситцевомъ платкѣ на головѣ. Торговецъ и его жена поклонились коновалу. Тотъ отвѣтилъ на поклонъ и сказалъ: «Богъ помочь».

— Милости просимъ на перепутьѣ. Не погнушайтесь, пригласилъ торговецъ. Жена молчала и только кланялась.

Коновалъ вошелъ и сѣлъ на лавку.

— Сбитенку не желаете-ли?

— Благодарствуемъ, потому въ трактиръ идемъ и тамъ чайкомъ побалуемся.

— Это точно, чаекъ много пользительнѣе. Яблочка не желаете-ли?

Коновалъ взялъ яблочко, и спрятавъ въ карманъ, началъ обозрѣвать лавченку. Минутъ черезъ пять торговецъ, страдавшій какимъ-то недугомъ въ ногѣ, показывалъ уже коновалу разутую ногу. Коновалъ щурился и тыкалъ въ ногу пальцемъ. Баба стояла поодаль и отирала кончикомъ головнаго платка носъ.

— Надо статься, это у него съ перепугу, говорила она:—потому пужливъ онъ очень. Лѣтось тутъ у насъ пожаръ былъ, а онъ въ банѣ парился. Такъ испужался, что нагишомъ выскочилъ. Съ тѣхъ поръ и началось.

— Нѣтъ, тутъ особь статья. Тутъ волосяникъ сидитъ. Червь такой есть. Вѣрно въ рѣчкѣ, гдѣ лошадей моютъ, купались, сказалъ коновалъ.

— Это точно... тутъ какъ-то объ Ильинѣ днѣ на Волково кладбище ходилъ—такъ баловался.

— Ну, вонъ онъ и влѣзъ. Его заморить нужно, а то онъ можетъ подъ сердце подойти. Ужо толкнись ко мнѣ,—я мази дамъ, заключилъ коновалъ, попрощался, въ видѣ дани снялъ со стѣны связку баранокъ, запихалъ ее въ карманъ и пошелъ въ трактиръ.

Пришедши въ трактиръ, коновалъ потребовалъ чаю. Половой поставилъ передъ нимъ приборъ. Коновалъ началъ уже полоскать стаканъ, какъ вдругъ къ нему подбѣжалъ буфетчикъ и схватилъ со стола приборъ.

— Извините, заговорилъ онъ:—не того чаю дали. Мы васъ не знали, а этотъ чай, извѣстно, для простаго народу... Пожалуйте къ буфету на купеческій столъ. Другаго засыпалъ.

Такого рода почетъ пріятно пощекоталъ нервы коновала. Онъ отправился на купеческій столъ. Оказалось, что извощикъ, живущій на одномъ дворѣ съ коноваломъ, прійдя также въ трактиръ и увидавъ этого свѣдущаго мужа, тотчасъ указалъ на него буфетчику и сообщилъ о его искуствѣ и премудрости. Буфетчикъ, еще вчера

Digitized by Google

слышавшій о знаменитомъ выгнаніи изъ Галчихиной коровы червя и имѣя нужду въ коновалѣ, счелъ за нужное почтить его «купеческимъ столомъ» и «особеннымъ» чаемъ. Результатомъ всего этого было то, что когда коновалъ влилъ въ себя два чайника кипятку, буфетчикъ подсѣлъ къ нему и сталъ жаловаться на какое-то щемленіе подъ сердцемъ и «сверблениe» въ затылкѣ.

— Кровь пустить надо, сказалъ коновалъ: потому это значитъ, что она наружу просится.

— Да ужъ и то по веснѣ, почитай, десять банокъ на спину накинулъ.

— Жильную пустить нужно. Та кровь ничего не составляетъ. Ее хоть ведро выпусти—все безъ пользы. Въ нашемъ мѣстѣ вотъ тоже одинъ купецъ былъ боленъ, такъ тотъ каждый мѣсяцъ себѣ банки накидывалъ, по полуштофу крови выпускалъ и ничего не помогло, такъ и померъ.

На прощаньи буфетчикъ поднесъ коновалу стаканчикъ «съ бальзанчикомъ», ничего не взялъ за чай, сказавъ что «даже и перваго вола въ гуртѣ не бьютъ» и просилъ «жаловать напредки».

Вечеромъ коновала звали помочь какой-то купчихѣ—трудной родильницѣ. Коновалъ взялся помочь, послалъ родильницѣ угриную кожу, велѣлъ ей опоясаться, надѣлалъ топоромъ на воротахъ дома, гдѣ жила родильница, нѣсколько зарубокъ, потребовалъ ея волосъ, и въ присутствіи мужа, зарылъ ихъ на дворѣ подъ камнемъ, за что и получилъ два рубля.

«Ну, дѣло кажется на ладъ идетъ», подумалъ онъ, ложась спать и радостно потирая руки;—«тутъ жить можно!» и окутавшись тулупомъ, началъ засыпать.

Слава коновала Данилы Кузьмича росла съ каждымъ днемъ и скоро распространилась по всей Ямской. Всѣ знали его по имени и всѣ ему кланялись. Лѣчилъ онъ и лошадей и людей отъ всѣхъ болѣзней. Не было такого недуга, передъ которымъ бы онъ останавливался. Правда, лѣкарства его были не многочисленны, но за то, по увѣренію больныхъ, отличались «пользительностію». Такъ «отъ живота»—настойкой на трилистникѣ и тысячелистникѣ; отъ лихорадки заговаривалъ и давалъ пить дубовую кору; раны прижигалъ купоросомъ; отъ ломоты лѣчилъ мазями, и предписывалъ ими мазаться непремѣнно въ банѣ, для того, чтобъ «всякая дрянь» потомъ выходила. Мази эти онъ составлялъ самъ и примѣшивалъ къ нимъ все что попадется на глаза, или придетъ въ голову: деготь, толченый кирпичъ, уголь, ладанъ, сулему, бадягу, лошадиный навозъ и пр. Всякое лѣкарство давалось, обыкновенно, съ какими-нибудь таинственными наставленіями въ родѣ: пить по три зари сряду, предварительно про-

Digitized by Google

дѣвъ посуду сквозь колесо отъ телѣги, или передъ натираніемъ, подержать себя за большой палецъ на лѣвой ногѣ и помянувъ Фрола и Лавра, и т. п. Вообще въ наставленіяхъ его о лѣченіи фигурировали очень часто фразы: «кровь попорчена, много дряни накопилось, кинуть надо», и «возьми купи полштофъ водки, настой ее (тутъ произносилось названіе травы) и пей всякій день по стаканчику, какъ только солнце сядетъ». Послѣднее наставленіе удивительно какъ приходилось по сердцу всѣмъ хворавшимъ обитателямъ Ямской и они исполняли его съ буквальною точностію. Отъ зубной боли коновалъ давалъ жевать какія-то бумажки, наставивъ на нихъ таинственныя каракули. Онъ былъ плохо грамотенъ, съ трудомъ «разбиралъ по печатному», писать вовсе не зналъ и могъ только ставить «цихвирь». Обстоятельство это онъ, впрочемъ, тщательно скрывалъ, потому что имѣлъ у себя на квартирѣ огромную книгу въ кожанномъ переплетѣ— какой-то нѣмецкій словарь—которую онъ впрочемъ называлъ «лѣкарской книгой» и въ разговорѣ часто вставлялъ: «а вотъ мы въ книжку посмотримъ, что тамъ прописано». Книга эта, впрочемъ, никогда не раскрывалась; она была завязана крестъ на крестъ веревкою, концы которой были припечатаны тремя печатями и лежала на окнѣ. Коновалъ зналъ, что слава его происходитъ, главнымъ образомъ, отъ таинственныхъ предметовъ, которыми онъ себя окружилъ, и потому старался какъ можно больше «напустить» этой таинственности. Замѣтивъ, что лошадиный черепъ, змѣя и галочьи крылья, разложенныя на окнѣ, производили эфектъ и говоръ, онъ каждый день началъ притаскивать къ себѣ на квартиру что-нибудь особенное; такъ на окнѣ, среди уже вышепоименованныхъ предметовъ появились заячьи ноги, собачій хвостъ, летучая мышь, распяленная на доскѣ, и какой-то большой камень, весь испещренный краснымъ карандашомъ.

Коновалъ жилъ на квартирѣ тихо и смирно. Правда по временамъ напивался пьянъ, но не буянилъ, и по увѣренію хозяйки, «безобразіевъ не дѣлалъ». Разъ только ночью потребовалъ онъ у ней водки и когда она, за неимѣніемъ ея, отказалась дать, то началъ колотить по столу и запѣлъ ей назло «со святыми упокой», но вскорѣ повалился поперегъ своего ложа и захрапѣлъ. На свои онъ пилъ рѣдко. Онъ пользовался такою популярностію и такимъ почетомъ, что ему только стоило показаться въ трактирѣ или кабакѣ, такъ сейчасъ находились люди, желавшіе его угостить. Хозяйка, питавшая къ нему при переѣздѣ его къ ней на квартиру какой-то непреодолимый страхъ, мало по малу привыкла къ нему, перестала трепетать въ его присутствіи, но все-таки, по прежнему, была предупредительна въ его малѣйшихъ желаніяхъ. Но всѣхъ больше боялась его и въ тоже

Digitized by Google

время имѣла къ нему какую-то симпатію — прачка Василиса. Безъ приказанія и просьбы съ его стороны, она стирала ему бѣлье, мыла два раза въ недѣлю полъ и окно въ его комнатѣ, прибирала его добро; всякій разъ, когда пила сама, старалась ему предложить кофею, и разъ, замѣтивъ даже, что у него всего на все одно полотенцо, запихала ему подъ подушку свое собственное. И все это дѣлала она безвоздмезно, не слышала даже слово «спасибо». Коновалъ-же, наоборотъ, за всѣ ея услуги платилъ ей косымъ взглядомъ, грубостію и надменностію. Заваритъ-ли она щелокъ и начнетъ стирать бѣлье, онъ сейчасъ-же является и говоритъ: «Опять навоняла! Вотъ-бы тебя самою этимъ щелокомъ ошпарить»; вмѣшается-ли она въ разговоръ, коновалъ сейчасъ обрываетъ ее фразою: «Ужъ молчи, сиди толчеей, коли гирей пришибло». Слово «дура», изрѣченіе, «что у бабы волосъ дологъ, а умъ коротокъ», слышала она на дню по нѣскольку разъ. Нелюбезность его къ ней дошла до того, что разъ онъ заподозрилъ ее даже въ кражѣ обмылка, который принесъ съ собой изъ бани. А между тѣмъ, такую нелюбезность трудно было объяснить, такъ какъ Василиса кромѣ услужливости была красивая молодая баба, лѣтъ двадцати восьми. Она имѣла удивительно доброе сердце, не сердилась на грубости и брань коновала и продолжала ему услуживать. Достаточно коновалу было прилечь на постель, и, ежели это Василиса замѣчала, тотчасъ начинала ходить на цыпочкахъ и какимъ-то шопотомъ съ присвистомъ сообщала хозяйкѣ и жиличкамъ, что «Данило Кузьмичъ опочивать легли». Выйдетъ-ли онъ поутру изъ своей коморки умыться передъ рукомойникомъ, она тотчасъ же бросается къ рукомойнику и подливаетъ туда свѣжей воды. Ни отвѣта на поклонъ, ни ласковаго слова Василиса до сихъ поръ еще не получала отъ коновала.

Однажды коновала позвали къ какой то вдовѣ купчихѣ. Коновалъ отправился. Купчиха приняла его; когда же онъ спросилъ, какая у ней болѣзнь и что ей надо? она долго не рѣшалась сказать, раза два убѣгала въ другую комнату и наконецъ, закрывъ лице платкомъ объявила, что ей нужно приворотнаго зелья. Оказалось, что вдова по уши втюрилась въ какого-то молодаго прикащика изъ Гостинаго двора, но тотъ, не взирая на ея палительные взоры и, какъ кузнечный мѣхъ, сильные вздохи, не обращалъ на нее ни какого вниманія. Выслушавъ чего отъ него требовали, коновалъ не смутился, пощипалъ свою бородку, высморкался, спряталъ платокъ и подбоченившись сказалъ:

— Вамъ приворотнаго зелья? Можно. Такого дадимъ, что въ мѣсяцъ въ щепу изсушитъ.

Digitized by Google

— Ахъ зачѣмъ вы? Онъ такой хорошій. Когда-же вы мнѣ этого зелья принесете? спросила она.

— Послѣ завтра готово будетъ и доставимъ. Только зелье это не дешево будетъ, потому тутъ, окромя собачей и кошачей крови, волчій зубъ требуется. Меньше пяти рублевъ нельзя.

Вдова согласилась съ радостью, тотчасъ-же дала пять рублей, велѣла поскорѣе приносить зелье, и угостила коновала до отвалу. Коновалъ пробылъ у вдовы до вечера и напивался у нея, какъ говорится, «до елико можаху», такъ что, по ея приказанію, былъ посаженъ кухаркой и дворникомъ на извощика и отправленъ домой. По дорогѣ онъ раза два свалился съ дрожекъ и весь вывалялся въ грязи.

Хозяйка и жиличка сидѣли въ кухнѣ, перекидывались словами и уже сбирались спать, какъ вдругъ со двора раздался стукъ въ двери и крикъ: «эй вы, чертовы матери! Отворяйте»! Дверь отворили. На порогѣ стоялъ еле-державшійся на ногахъ коновалъ. Женщины такъ и всплеснули руками. Василиса бросилась было поддержать его, но онъ крикнулъ: «брысь», пихнулъ ее въ грудь, и цѣпляясь за углы и мебель, отправился къ себѣ въ коморку, гдѣ, разбросавъ свою одежду, повалился на кровать и заснулъ.

На утро коновалъ проснулся съ страшною головною болью. Потянувшись и открывъ свой единственный глазъ, онъ увидѣлъ Василису. Она ходила по его коморкѣ и подбирала разбросанные имъ съ вечера тулупъ, кафтанъ, шапку и жилетку. Изъ предосторожности, чтобы не разбудить его, она даже сняла башмаки и была босикомъ.

— Ты что здѣсь шаришь? крикнулъ онъ на нее.

Она вздрогнула и уронила жилетку, которую держала въ рукахъ.

— Будьте покойны, Данило Кузьмичъ, все цѣло будетъ, проговорила она, немного оправившись.—Я вотъ только приберу.

— Знаемъ мы это: цѣло-то будетъ. Вонъ прошлый разъ обмылокъ пропалъ.

— Данило Кузьмичъ, вѣрьте Богу, вотъ образъ сниму,—не брала я вашего обмылка!

— Заговаривай зубы-то! Знаемъ мы...

Послѣдовало молчаніе. Коновалъ глядѣлъ на Василису. Въ комнату заглянула кошка. Василиса пихнула ее ногой.

— Ахъ, Господи! Какъ вы извалялись! Страсти Божія! прервала наконецъ она молчаніе, разсматривая полу кафтана.—Ужо замыть надо.

— Не твое дѣло! Я извалялся, а не ты! огрызнулся коновалъ.

— Я не въ обиду вамъ, Данило Кузьмичъ, а такъ только къ слову... Данило Кузьмичъ, у васъ голова-то, поди, смерть трещитъ, хотихе я вамъ уксусу привяжу? предложила она.

Коновалъ подумалъ.

Digitized by Google

— Ну давай... только живо!

— Живымъ манеромъ! Долго-ли тутъ...

Василиса бросилась изъ комнаты и черезъ минуту уже воротилась и подвязывала коновалу голову полотенцемъ, обмоченнымъ въ уксусѣ. Кромѣ уксусу она принесла съ собой и осьмушку водки. Повязавъ коновалу голову, она налила изъ осьмушки стаканчикъ, и подавая ему, сказала:

— Выкушайте, Данило Кузьмичъ. Оно съ похмѣлья-то освѣжаетъ. Сейчасъ оттянетъ.

— Ужъ обшарила карманы-то тамъ... Тоже народецъ! Не догляди только... процѣдилъ коновалъ, однако взялся за стаканчикъ.

— На свои, Данило Кузьмичъ, видитъ Богъ на свои кровныя купила.

— Знаемъ мы эти свои-то... Тамъ у меня пять рублевъ было?

— Вотъ они. Какъ были въ жилеткѣ въ карманѣ, такъ и остались. Золото разсыпте и то не польщусь.

Коновалъ покосился на Василису, выпилъ стаканчикъ и закашлялся. Василиса пихала ему уже въ руки кусокъ булки.

— Закусите вотъ скорѣй булочкой. Трудно оно послѣ вчерашняго-то проходитъ. Булочка чистая, давеча только къ чаю брала, добавила она.

— Чистая! Поди ужъ опакостила. — Потому это ваше самое любезное дѣло, сказалъ коновалъ, но взялъ кусокъ булки, понюхалъ его и началъ жевать.

— Огурца-бы вамъ солененькаго... Огурцомъ-то оно лучше, да я-то, дура, забыла.

— Извѣстно дура. А то кто-же?

Василиса замолчала и продолжала убирать комнату. Коновалъ сидѣлъ на постели и смотрѣлъ какъ мелькали ея голыя, полные локти, какъ изгибался станъ. Отъ выпитаго вина въ головѣ его сдѣлалось легче. А вѣдь баба-то важнецъ! Вишь сдобья-то сколько!» подумалось ему и онъ осклабился. «И работящая какая! Такъ шаромъ и катается».

— Василиса, хочешь я въ тебя эту змѣю впущу? сказалъ онъ наконецъ, указывая на подоконникъ, прищурилъ глазъ и улыбнулся.

Замѣтивъ улыбку, Василиса пріободрилась. Это была первая улыбка въ разговорѣ съ ней, со дня его переселенія на квартиру.

— Зачѣмъ-же, Данило Кузьмичъ, этакую нечесть въ меня впускать? отвѣчала она. — Мы знаемъ, вы люди умные, все можете, только зачѣмъ-же?

— Знамо дѣло, все могу. Захочу, такъ и изсушить могу. Вотъ какъ эта угриная шкура будешь.

Digitized by Google

— Я, Данило Кузьмичъ, къ вамъ всей душой, а вы все этакое сулите... Вчера пришли хмѣльные, я васъ поддержать хотѣла, а вы сейчасъ въ грудь... Еще и по сейчасъ больно...

— Такъ тебѣ и надо... Ништо, не суйся! — и коновалъ снова улыбнулся. — Садись, что словно верстовой столбъ стоишь! прибавилъ онъ.

Василиса такъ и зардѣлась отъ радости.

— Ничего, постоимъ, сказала она и сѣла на стулъ.

— Ты вдова?

— Вотъ ужъ третій годъ вдовою. Мужъ былъ солдатъ, да на работахъ убило. Стѣну валили, стѣной-то его и придавило. Не знаю, гдѣ и похороненъ.

— Дѣти были?

— Нѣтъ, дѣтей не было. Да и слава Богу, а то куда-бы я съ ними теперь.

— Вишь локти-то какъ у тебя исцарапаны, замѣтилъ коновалъ. Поди все полюбовники обхватали?

— Нѣтъ, Данило Кузьмичъ. Что вы это?... Видитъ Богъ, нѣтъ... Я съ полюбовниками не вожусь. Потому ужъ ежели сойтиться съ человѣкомъ, такъ не на одинъ день, не на мѣсяцъ. Я себя соблюдаю, отвѣчала Василиса, потупилась и начала перебирать руками передникъ.

— Ну вотъ, толкуй тутъ! сказалъ онъ, замолчалъ и началъ ее разсматривать. Она была баба бѣлая, полная, румяная — то что называется кровь съ молокомъ. До сего времени коновалъ совсѣмъ не обращалъ на нее вниманія, но теперь она ему понравилась. Кромѣ лица, ему нравились въ ней и ея безотвѣтность, тихій и кроткій характеръ. Онъ всталъ съ постели, прошелся нѣсколько разъ по комматѣ, выпилъ еще стаканчикъ водки, подошелъ къ Василисѣ, ткнулъ ее подъ мышку и спросилъ:

— Щекотки боишься?

— Какъ же нашей сестрѣ не боятся? Вѣдь щекотно, отвѣчала она, вся съежилась и захихикала.

— Ну, ну, сиди смирно. Вишь жиру-то нагуляла, словно коломенская купчиха! сказалъ онъ, хлопнувъ ее по спинѣ, и сѣлъ съ ней рядомъ.

Она немного отодвинулась. Сердце у нея такъ и стучало, лице горѣло.

— Что-жъ рыло-то воротишь? аль не любъ?

— Зачѣмъ воротить, мы завсегда къ вамъ съ почтеніемъ, потому вы умные, прошептала Василиса.

Коновалъ обнялъ ее.

Digitized by Google

Весь этотъ день Василиса пробыла у коновала; два раза бѣгала за водкой, два раза ставила самоваръ и пила съ нимъ чай.

Василиса переселилась къ коновалу, но переселеніе это совершилось не вдругъ. Сначала въ его комнатѣ на стѣнѣ появилось ея новое платье, на томъ основаніи, что у нея въ комнатѣ чугунка дымитъ, потомъ былъ поставленъ сундукъ, такъ какъ онъ почему-то мѣшалъ гладить бѣлье и наконецъ появилась кровать съ подушками въ ситцевыхъ наволочкахъ и въ углу былъ повѣшенъ образъ съ стеклянной лампадкой. Положеніе ея въ отношеніи коновала, однако нисколько не измѣнилось къ лучшему, а даже ухудшилось. Проблески ласки проявились только на одинъ день, и онъ по прежнему сталъ обращаться съ ней грубо и сурово и даже отымалъ у нея себѣ заработываемыя ею деньги. Когда же она не давала, то онъ и бивалъ ее. Василиса втихомолку плакала.

Коновалу она, впрочемъ, очень нравилась и онъ часто хвастался ею. За глаза же онъ ее звалъ «своей беззаконницей».

— Посмотри-ка: какова у меня беззаконница-то! просто кровь съ молокомъ, говаривалъ онъ кому-нибудь въ трактирѣ.

Прозваніе «беззаконница», данное ей коноваломъ, такъ и осталось за ней на всегда. Весь околодокъ звалъ ее этимъ именемъ, но только за глаза, въ глаза же звалъ Василисой Тимофеевной и по коновалу оказывалъ даже нѣкоторыя почести. Одному только дивились всѣ: какъ такая красивая, молодая баба связалась съ такимъ плюгавымъ и ледащимъ мужиченкомъ, какъ коновалъ.

— Вѣдь ни красы, ни радости въ немъ. Такъ—слюной перешибить. Просто мразь... говорили мущины; женщины же рѣшили, что онъ безпримѣнно приворожилъ ее какимъ-нибудь зельемъ.

Между тѣмъ какъ сосѣди переколачивали о Василисѣ и ея сожителѣ, Василиса жила надеждами, что коновалъ измѣнится въ обращеніи съ ней къ лучшему. Къ лучшему, однако, онъ не измѣнялся, а дѣлался все хуже и хуже. Она уже начинала каяться.

«Вотъ не было печали! Все жила и горя не знала, такъ попуталъ бѣсъ связаться съ человѣкомъ», думала она часто, но бросить коновала все еще не могла. Она любила его.

Коновалъ между тѣмъ дѣлался все драчливѣе и буйнѣе. Дѣло всегда происходило изъ-за денегъ и очень рѣдко изъ ревности. Какъ только онъ напивался пьянъ, сейчасъ начиналъ подозрѣвать ее въ утайкѣ заработанныхъ ею пятаковъ и гривенниковъ и вымогалъ ихъ побоями. Сначала побои эти производились валенымъ сапогомъ, потомъ кулаками и наконецъ въ дѣло была пущена даже лошадиная челюсть. Синяки уже не сходили съ тѣла Василисы, такъ какъ коновалъ, по причинѣ увеличивающейся практики и неизбѣжнаго съ

Digitized by Google

ней угощенія, очень часто напивался пьянъ, а слѣдовательно и билъ ее. Она уже не плакала больше втихомолку, а всякій разъ послѣ перваго удара бѣжала на дворъ и ревѣла тамъ среди собравшихся на ея плачъ сосѣдокъ.

— Батюшки, убилъ! Совсѣмъ убилъ! Утюгомъ горячимъ пустилъ! кричала она обыкновенно.

— Дура! да что ты съ нимъ на муку себѣ маешься! Уйди! Вѣдь не перевѣнчаны... говорили женщины.

— Уйду, безпримѣнно сегодня-же уйду отъ него кровопійцы! Голубушки, вѣдь все думала, что остепенится да обзаконитъ!

— Да, обзаконитъ онъ тебя какъ нибудь пудовой гирей въ темя... вставлялъ свою рѣчь какой нибудь мастеровой.

— Ну, и обзаконитъ, а все бить будетъ, разсуждали женщины. Тогда ужъ не убѣжишь—по этапу приведутъ.

— Да вѣдь то мужъ, голубушки, шамкала, пригорюнясь какая-то старуха.

— Чтожъ, баушка: мужнинъ-то кулакъ слаще, что-ли? отчеканивалъ мастеровой.—Что мужъ семь шкуръ спуститъ, что другой кто—сласть-то одна.

— Уйду, уйду! вопила Василиса и точно уходила къ кому нибудь изъ сосѣдокъ, но только для того, чтобъ переждать гнѣвъ своего сожителя и спустя часъ снова уже сидѣла въ его комнатѣ.

На коновала, впрочемъ, нападали и ласковыя минуты. Минуты эти были, обыкновенно, на другой день послѣ пьянства и учиненныхъ имъ побоевъ, и заключались въ томъ, что онъ приносилъ яблоко или пряникъ, взятые имъ въ дань съ какого нибудь торговца въ силу своей лѣкарской мудрости и всемогущества, и подавая ихъ Василисѣ, говорилъ:

— На вотъ гостинчика. Поѣшь.

— Не надо мнѣ вашего гостинчика. Лучше бы вы по меньше надо мной командовали.

— На-же, дура! Ѣшь, коли даютъ.

Василиса брала и ѣла, улыбаясь сквозь слезы.

Коновалъ ходилъ очень часто въ трактиръ. Трактиръ былъ для него тоже, что для купца биржа. Отсюда его приглашали обыкновено на практику. Здѣсь онъ узнавалъ о недугахъ лицъ своего околодка. Однажды онъ пришелъ въ трактиръ и замѣтилъ сидящаго за чаемъ кучера купца Толстопятова. У Толстопятова были хорошія лошади, но коновала ни разу не призывали ихъ лѣчить. Онъ уже давно точилъ на нихъ зубы, потому что отъ богатаго купца можно-бы было поживиться хорошо. Кучеръ былъ на-веселѣ. Коновалъ подсѣлъ къ нему. Слово за слово—разговорились. Оказалось, что кучеръ

Digitized by Google

былъ недоволенъ хозяиномъ, такъ какъ получалъ всего семь рублей въ мѣсяцъ жалованья и жилъ только потому, что у купцовъ хлѣбно и ѣзды мало.

— Да, жаденъ у васъ хозяинъ. Вотъ и я копѣйки отъ него не видалъ, сказалъ коновалъ.—Купца Толоконникова во нъ лѣчилъ отъ запою, подмѣшивалъ ему въ вино мыло и лошадиную пѣну и хорошо поживился, а отъ вашего—синя пороха не видалъ. Что-жъ на овсѣ что-ли выгадываешь? спросилъ онъ.

— Какое выгадываешь! Вездѣ самъ входитъ. Какъ слободенъ, такъ изъ конюшни не выживешь.

— А хочешь, я тебя научу нажить копѣйку?

— Зачѣмъ не хотѣть? Научи.

Коновалъ наклонился къ кучеру.

— Запусти жеребу-то шипъ подъ копыто. Пусть его маленько похромаетъ, сказалъ онъ, сдерживая голосъ. А потомъ на меня и укажешь. Я вылѣчу, а деньги, что удастся содрать, пополамъ... Что-жъ, въ самомъ дѣлѣ, онъ словно собака на сѣнѣ. Нужно и отъ него пощетиться. Ходитъ, что-ли?

— Это что! Это можно! согласился кучеръ.

Результатомъ соглашенія была потребованная съ обѣихъ сторонъ водка, вслѣдствіе чего коновалъ напился пьянъ и приидя домой сильно избилъ свою беззаконницу и завалился спать.

Поутру, проспавшись, онъ отправился опохмѣляться, а также узнать, запустилъ-ли кучеръ жеребцу шипъ. Василиса осталась одна. Поглядѣвъ на себя въ осколокъ зеркала, она увидала, что весь лѣвый глазъ былъ у нея въ синякѣ. Поплакавъ еще разъ и рѣшивъ бросить коновала, ежели побои повторятся, она принялась за работу и сѣла у окна шить. Шила она не долго и вдругъ услыхала, что кто-то спрашиваетъ въ кухнѣ Данилу Кузьмича.

— Дома нѣтъ! По лѣкарскому дѣлу ушелъ, а можетъ въ трактирѣ торчитъ, отвѣчала хозяйка.

— А сожительница ихъ дома? допытывался голосъ.

— Та дома. Ступай вонъ туда.

Въ комнату вошелъ не большаго роста мущина среднихъ лѣтъ. Онъ былъ съ бритымъ подбородкомъ, въ усахъ, въ пальто, и въ брюкахъ, запиханныхъ въ сапоги. Въ рукахъ онъ мялъ фуражку.

— Намъ-бы Данилу Кузьмича. Мы насчетъ болѣзни, такъ какъ мы жестянщики и оловомъ себѣ ногу облили, проговорилъ онъ тихо и робко.

Василиса прикрыла платкомъ подбитый глазъ.

Онъ скоро придетъ, зайдите ужо послѣ обѣда или подождите теперь, сказала она.

Digitized by Google

— Лучше ужъ подождать. Конечно, хоть мы и не дальніе, вотъ тутъ сейчасъ въ улицѣ, а все лучше... Пожалуйте это вамъ-съ... кофейку... сказалъ онъ, вынувъ изъ кармана полуфунтовой тюрюкъ съ кофеемъ и подавая Василисѣ.

— Зачѣмъ это? Не надо, сказала она.

— Помилуйте, это ничего не стоитъ... Гдѣ-жъ вамъ взять-то? Мы тоже о вашихъ страданіяхъ наслышаны.

Василиса взяла кофей и попросила пришедшаго сѣсть. Онъ сѣлъ, обарабанилъ себя пальцами по колѣнамъ и сказалъ:

— Буйны они очень, ну да это они отъ того, что все въ забытьѣ, своимъ вѣдомствомъ заняты и къ тому-же малодушество къ этому самому вину питаютъ.

— Вонъ какъ разукрасилъ, сказала она.

— Ай-ай-ай! процѣдилъ сквозь зубы жестянщикъ и прибавилъ: избави Господи, кто пьетъ. Кажется, хуже и болѣзни нѣтъ. Я по себѣ знаю, потому не приведи Богъ какъ пилъ. И все изъ-за жены. Только не я ее билъ, а она меня. Вѣрите-ли, приведетъ въ домъ полюбовниковъ и заставитъ ихъ, чтобъ они меня били. И оттого я и малодушествовалъ къ этому самому вину до того, что разъ жизни себя лишить хотѣлъ. Вотъ оно питье-то до чего доводитъ! На всю жизнь отмѣтка осталась. Жестянщикъ привскочилъ на стулѣ, подошелъ къ Василисѣ и показалъ ей свое ухо, отъ котораго осталась всего только четвертая часть.

— Отчего-жъ это у васъ? Зашибли? спросила она.

— Никакъ нѣтъ-съ, совсѣмъ въ контру. Городовые оторвали, въ чувство приводивши, отвѣчалъ онъ.

Коновалъ все не приходилъ. Жестянщикъ ждалъ его. Онъ оказался до нельзя разговорчивымъ и когда говорилъ, то у него даже брызгали слюни изъ рта. Черезъ четверть часа Василиса узнала, что жена его была дочь извощика, содержателя каретъ, но «только крѣпко набаловавшись съ господами офицерами, такъ какъ тѣ у нихъ на постоѣ стояли», что женили его обманомъ и подпоивъ; что теперь жена его хотя и жива, но уѣхала въ другой городъ и живетъ съ тѣми же «господами офицерами».

Также повѣдалъ онъ ей, что во время пьянства были ему всевозможныя видѣнія. То видѣлъ онъ самъ себя висящимъ въ петлѣ удавившимся, то видѣлъ бѣсовъ, которые водили его по помойнымъ ямамъ и отхожимъ мѣстамъ и старались утопить, то вдругъ икона запрещала ему, какъ «окаянному, смердячему грѣшнику» молиться себѣ и разъ даже плюнула на него.

— Не человѣкъ я былъ въ тѣ поры, а просто червь какой-то, гадъ ползучій, продолжалъ онъ. И рѣшилъ я покончить съ собой—

Digitized by Google

удавиться, потому ято ужъ коли иконы меня къ себѣ не принимали, такъ чтожъ-я былъ послѣ этого? Снялъ съ себя крестъ и полѣзъ въ сундукъ, чтобъ взять полотенца и разрѣзать ихъ, такъ какъ веревки у меня небыло. Открылъ я крышку и ужъ запустилъ руку, глядь на нутро-то... А на нутрѣ-то у меня картина была прилѣплена: генералъ князь Кутузовъ ѣдетъ на конѣ и саблей машетъ. Взглянулъ на него—ну просто живой. Глазами на меня моргаетъ, саблей машетъ и шепчетъ: анъ не удавиться тебѣ, Кузя! Анъ не удавиться!..

— Ахъ, страсти какія! всплеснула руками Василиса.

— Позвольте-съ, перебилъ ее жестянщикъ.

— Не удавиться, говоритъ Кузя. Саблей это машетъ, да какъ звизданетъ ей самой меня въ темя! Тутъ я всѣхъ семи чувствъ лишился, упалъ за мертво и очнулся въ больницѣ. Полтора мѣсяца вылежалъ и съ тѣхъ поръ пить бросилъ. Вотъ ужъ третій годъ не пью.

Жестянщикъ замолчалъ. Василиса покачивала головой.

— Какъ васъ звать-то? спросила она.

— Кузьма Семенычъ.

— Натерпѣлись-же вы, Кузьма... Кузьма Семенычъ.

— Истощалъ-съ, утробы даже лишился. Всѣ кишки и печенки изъ меня вышли. А васъ какъ величать?

Василиса сказала.

Вскорѣ пришелъ коновалъ. Осмотрѣвъ ногу, онъ велѣлъ жестянщику приходить каждый день, такъ какъ на ногѣ была рана и ее нужно было примачивать сулемой и присыпать купоросомъ. Къ тому же это было и выгодно, потому что жестянщикъ, еще передъ показываніемъ ноги отвалилъ за визитъ полтину. Василисѣ онъ очень понравился за его простоту и разговорчивость. По уходѣ его, она подумала: «вотъ кабы Данило-то Кузьмичъ такой былъ. Рай красный съ нимъ жизнь-то была-бы».

Жестянщикъ являлся почти каждый день. Коновалу онъ давалъ по полтинѣ, а Василисѣ всегда что нибудь съѣдобное: то фунтъ сахару, то булокъ, то ягодъ. Василиса привыкла къ нему и въ тотъ день, когда онъ не приходилъ, даже скучала. Она любила слушать его разговоры о житьѣ святыхъ, о чудотворныхъ иконахъ. Жестянщикъ былъ грамотный и много читалъ «божественныхъ книжекъ».

Однажды, вечеромъ, Василиса сидѣла у открытаго окна и плакала. Ее опять побилъ коновалъ, и побивъ, отправился въ трактиръ. По улицѣ шелъ жестянщикъ. Завидя плачущую Василису онъ остановился у окна, поклонился и спросилъ:

— Что, Василиса Тимофѣевна, опять вѣрно аспидъ-то васъ теребилъ?

Digitized by Google

— Опять. Страсти Божія какъ! отвѣчала она. И изъ-за чего началось? Говоритъ, что я у него сальный огарокъ стянула.

— Ахъ, Господи! Что же съ нимъ жизнь волочить. Надо-же перепону сдѣлать. Уходите отъ него, вѣдь вы не перевѣнчаны.

— Уйду, уйду, безпремѣнно уйду! твердила Василиса свою всегдашнюю фразу.—Обносилась я вся съ нимъ. Что ни заработаю—все отыметъ.

— А коли уходить будете, такъ перебирайтесь ко мнѣ. У меня для васъ завсегда почтеніе и уголъ найдется. Стряпать будете и ни копѣйки я съ васъ не возьму, а еще самъ презентики дѣлать буду. Что съ нимъ, съ извергомъ-то жить.

— Да ужъ и то правда. Благодарствуйте, Кузьма Семенычъ. Вѣрите-ли, вся въ синякахъ: какъ синякъ сойдетъ, смотришь, ужъ другой наскочилъ.

— Жалости вы подобны... Вѣрите-ли, сердце у меня надорвалось, на васъ глядючи, проговорилъ онъ, потупился, полѣзъ въ задній карманъ пальто, вынулъ оттуда двѣ винныя ягоды, и подавая ей, сказалъ:—покушайте-ка съ пріятствомъ.

Василиса взяла, а жестянщикъ завидя приближающагося коновала, снялъ шапку и пошелъ своей дорогой.

По уходѣ жестянщика, Василиса окончательно рѣшила уйти отъ коновала, о чемъ и объявила ему тотчасъ-же по его приходѣ.

— Ну, Данило Кузьмичъ, вотъ тебѣ мой сказъ: какъ только ты меня теперь пальцемъ тронешь, сейчасъ я отъ тебя уйду, сказала она ему: потому что ужъ синяки мнѣ надоѣли.

— Не бойсь, не уйдешь, отвѣчалъ коновалъ, ухмыляясь.

— Нѣтъ, уйду! Какъ только побьешь, сейчасъ уйду.

Случай битья не заставилъ себя долго ждать. Не прошло и недѣли, какъ коновалъ пришелъ опять пьянѣе вина, и бросился было бить Василису, но та вырвалась отъ него, спряталась у сосѣда, и выждавъ пока коновалъ повалился на свое ложе и заснулъ крѣпкимъ непробуднымъ сномъ—такимъ сномъ, что у него въ это время, по увѣренію хозяйки, можно было горохъ на брюхѣ молотить, и то не услышитъ—она пришла въ его комнату, вытащила оттуда всѣ свои немногочисленные пожитки и на легковомъ извощикѣ переселилась къ жестянщику. Когда коновалъ на утро проснулся, его «беззаконницы» уже не было въ домѣ, а о происшествіи этомъ говорила чуть не вся Ямская.

Проснувшись, коновалъ не увидалъ ни платья Василисы, обыкновенно висѣвшаго на стѣнѣ, ни сундука, ни образа, а отъ кровати остался одинъ только деревянный, некрашенный остовъ. Коновалъ,

Digitized by Google

какъ-бы облитый водой, тотчасъ вскочилъ съ постели и бросился въ кухню къ хозяйкѣ.

— Гдѣ Василиса? спросилъ онъ ее.

— Уѣхала на другую квартиру, отвѣчала хозяйка, дрожа всѣмъ тѣломъ. Только, Данило Кузьмичъ, вѣрьте, что я тутъ ни причемъ. Я даже еще уговаривала ее, дуру.

— Знаемъ мы, какъ ты уговаривала-то!

Коновалъ злобно сверкнулъ глазомъ, схватилъ картузъ и бросился въ трактиръ.

— Слышалъ про беззаконницу? спросилъ онъ у стоявшаго на углу городоваго.

— Слышалъ. Что-жъ, самъ виноватъ. Зачѣмъ душу изъ нея вышибалъ? Тоже вѣдь человѣкъ.

— Да какъ изъ нея, изъ шельмы, не вышибать-то было? Милый ты человѣкъ...

Коновалъ хлопнулъ себя по бедрамъ и отправился своей дорогой. Въ трактирѣ буфетчику былъ предложенъ тотъ же вопросъ, что и городовому. Оказалось, что и буфетчикъ слышалъ.

— Плюньте вы на нее, Данило Кузьмичъ, баба вниманія не стоющая, сказалъ онъ коновалу. Конечно, вы надъ ней тиранствовали, только, надо статься, за дѣло.

— Какъ-же не за дѣло, коли она меня, паскуда, каждый день обкрадывала. Гдѣ она теперь?

— Извѣстно гдѣ: у жестянщика.

Коновала такъ и кольнуло въ сердце.

— Нѣтъ, я ее такъ не оставлю, я ее испорчу, окаянную. Безпремѣнно изведу, проговорилъ онъ.

— Да и слѣдуетъ, поддакнулъ буфетчикъ.

Выпивъ два стакана водки, онъ отправился домой.

— Когда онъ шелъ по улицѣ, ему казалось, что всѣ встрѣчные надъ нимъ подсмѣиваются. Всѣмъ и каждому онъ разсказывалъ о намѣреніи своемъ напустить на Василису порчу. Пришедши домой, коновалъ сѣлъ на свое одинокое ложе и задумался. На его рябой и темной щекѣ блестѣла слеза. Онъ уже привыкъ къ Василисѣ, проживъ съ ней годъ. Онъ уже любилъ ее. Весь этотъ день онъ не выходилъ изъ дома и ждалъ Василису. Ему все думалось, что она одумается и придетъ. Но Василиса не приходила ни въ этотъ день, ни въ слѣдующій.

— Нѣтъ, я ее такъ не оставлю. Я на нее напущу порчу, говорилъ онъ хозяйкѣ.—Пусть ее какъ щепка изсохнетъ, и началъ подкарауливать Василису у дома жестянщика, чтобъ сообщить ей о

Digitized by Google

своемъ намѣреніи лично, запугать ее и тѣмъ заставить воротиться къ нему обратно.

Случай скоро представился. Коновалъ стоялъ за угломъ дома. Василиса вышла изъ воротъ. Она шла зачѣмъ-то въ лавочку и держала въ рукахъ тарелку. Коновалъ вышелъ ей на встрѣчу. Завидя его, она вздрогнула, поблѣднѣла и прислонилась къ стѣнѣ.

— Кузьма Данилычъ, ради Бога... ради Бога... Ей-ей, караулъ закричу, заговорила она.

— Не трону, дура, не трону... сказалъ коновалъ. Слышь, Василиса, переѣзжай обратно... Бить не буду и платье матерчатое куплю.

— Не надо мнѣ вашего платья. Не могу я къ вамъ переѣхать.

— Не переѣдешь?

— Не переѣду.

— Ну такъ ладно-же: я на тебя напущу порчу и изведу.

— Что-жъ, ужъ лучше отъ порчи погибнуть, чѣмъ отъ вашихъ кулаковъ, отвѣчала Василиса и направилась въ лавочку.

— Смотри, твой слѣдъ вырѣзаю! Худо тебѣ будетъ! крикнулъ коновалъ.

Она обернулась и увидала, что онъ вырѣзывалъ ножемъ землю, гдѣ былъ ея слѣдъ, и собиралъ себѣ въ платокъ. Она перекрестилась. «Пусть будетъ что будетъ», рѣшила она и продолжала свой путь.

Прошла недѣля. Коновалъ все еще не терялъ надежды на возвращеніе Василисы, но она не являлась; тогда онъ рѣшился прибѣгнуть къ послѣднему средству: къ «напусканію порчи» черезъ заклинаніе. Заклинаніе это, для наведенія страха, онъ обставилъ со всевозможною таинственностію, какую могъ только придумать, а для того, чтобъ Василисѣ это все передали, пригласилъ, какъ зрительницъ, всѣхъ сосѣдокъ.

Заклинаніе совершилось на огородѣ. Коновалъ былъ одѣтъ въ тулупъ, вывороченный шерстью кверху и свою голову покрылъ чугунникомъ, въ которомъ онъ, обыкновенно, варилъ лѣкарство. Бормотавъ таинственныя слова, онъ разложилъ на трехъ кирпичахъ небольшой костеръ, вынулъ изъ кармана платокъ съ землей отъ вырѣзаннаго Василисина слѣда и половину земли высыпалъ въ огонь, а другую положилъ себѣ на ладонь и пропѣвъ «какуреку», сдунулъ по направленію къ тому мѣсту гдѣ жила Василиса. Совершивъ все это, онъ залилъ костеръ крынкою молока. Во время этого заклинанія, стоявшія по-одаль женщины и ребятишки шептались, толкая другъ друга подъ бока и крестились. Но нашлись и скептики. Такъ одинъ мастеровой также смотрѣлъ на это представленіе, прыснулъ отъ смѣха и бѣжалъ. Коновалъ пустилъ въ него камнемъ. Заклинаніе совершилось. Женщины обо всемъ этомъ, разумѣется, передали Василисѣ.

Digitized by Google

Сначала она испугалась, поскучала нѣсколько дней, но къ коновалу все-таки не возвращалась. Сосѣди даже начали замѣчать, что она не только не изводилась и не сохла, но даже, видимо, начала полнѣть. Синяки, разставленные по всему ея тѣлу коноваломъ, сошли, румянецъ заигралъ на щекахъ. Коновалъ видѣлъ это и злился, однако всѣмъ и каждому говорилъ:

— Ничего, погодите, издохнетъ!... Придетъ время... Это отъ того заговоръ такъ долго не дѣйствуетъ, что я у нея, у шельмы, волосъ изъ ея гривы не добылъ.

Но Василиса не «издыхала» и цвѣла какъ маковъ цвѣтъ. Обстоятельство это жестоко повредило коновалу. Слава его начала меркнуть. Его перестали бояться. Прежняго уваженія отъ сосѣдей уже не было.

— Нѣтъ, братцы, это все такъ... это все зря... Какой онъ свѣдущій человѣкъ! Просто людей морочитъ. Ужъ ежели-бы онъ объ этой порчѣ понятіе имѣлъ и въ силѣ-бы былъ, такъ неужто на Василису не напустилъ-бы?... Будьте покойны! Человѣкъ злющій,— христіанской души ему жалѣть нечего! А то наткось, вмѣсто порчи-то баба—что твой шаръ стала, говорили скептики.

Волосъ, говоритъ, ея не добылъ; а то бы, говоритъ, въ три дня извелась, возражали нѣкоторые.

— Толкуй тутъ. Мало онъ у нея ихъ натеребилъ! Просто бохвалъ!

Къ обстоятельству съ Василисой присоединилось и другое: Купеческій кучеръ, тотъ самый, который по наущенію коновала запустилъ подъ копыто хозяйской лошади шипъ и въ концѣ концовъ обсчитанный коноваломъ, однажды въ пьяномъ видѣ проболтался объ этомъ въ трактирѣ буфетчику. Буфетчикъ, которому коновалъ успѣлъ значительно уже надоѣсть своимъ учащеннымъ взиманіемъ дани утробой, въ видѣ чаевъ, соляночекъ и стаканчиковъ, разсказалъ объ этомъ посѣщающимъ трактиръ извощикамъ. Извощики, услыша это, возмутились.

— Что-жъ, братцы, какъ-же это возможно! Вѣдь эдакъ онъ и къ нашимъ лошадямъ забраться можетъ! И нашимъ лошадямъ шипы позапуститъ... заговорили они.

— Какой онъ коновалъ! Нешто такіе коновалы бываютъ? Просто мазурикъ! Настоящіе коновалы скрыпинскіе, а это такъ съ бугорковъ да съ горокъ. Нѣтъ, надо за нимъ присматривать, рѣшили извощики и разумѣется, разглашали о томъ что слышали, другимъ.

Толки росли. Толки эти доходили и до самаго коновала. Онъ явственно сталъ замѣчать, что нѣкоторые изъ его знакомыхъ, отвѣшивавшіе ему прежде низкіе поклоны, вдругъ перестали кланяться, а нѣкоторые, такъ при встрѣчѣ съ нимъ, и какъ-то странно улыбались. Буфетчикъ въ трактирѣ пересталъ давать въ долгъ и требо-

Digitized by Google

валъ деньги. Квартирная хозяйка, вмѣсто прежнихъ двухъ рублей за комнату, требовала четыре и насчитывала на него шесть гривенъ за разбитыя три стекла. Отъ прежней славы осталось только то, что на улицѣ у окна можно было еще иногда встрѣтить толпу ребятишекъ, разсматривавшихъ помѣщавшіяся на подоконникѣ лошадиную челюсть, заячьи ноги, змѣю и прочую дрянь, но и ребятишки не питали уже больше того страха и не очень-то быстро разбѣгались при появленіи коновала. Однажды онъ поймалъ двоихъ и вырвалъ у нихъ изъ головы по вихру волосъ, но и это не помогло. Практика падала, и мѣсяца черезъ три дошло до того, что коновала совсѣмъ уже перестали приглашать лѣчить отъ какихъ либо недуговъ. Его это злило. Съ горя онъ началъ пить, и наконецъ рѣшилъ, что ему по добру по здорову нужно переселиться въ какое ни на-есть «новое мѣсто», вслѣдствіе чего, въ одинъ прекрасный день, жители Ямской увидали слѣдующую сцену: по улицѣ ѣхали роспуски. На роспускахъ лежали: сундукъ, кровать, самоваръ и узелъ, изъ котораго выглядывали лошадиная челюсть и уголъ книги; сзади шелъ коновалъ въ енотовой шубѣ и несъ въ рукахъ банку съ змѣей и образъ. Коновалъ переѣзжалъ въ «новое мѣсто». Поровнявшись съ городовымъ, стоявшимъ на углу, онъ крикнулъ:

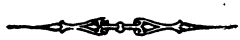
— Прощай, Парменъ Иванычъ! На новую фатеру переѣзжаю!

— Куда это? спросилъ городовой.

— Туда за Измайловскій полкъ! Кума у меня тамъ, такъ къ себѣ зоветъ.

— Ну, прощай! Коли сердитъ на что, такъ не сердись. Съ тобой страшно. Пожалуй и на меня такую же порчу напустишь, какъ и на Василису напустилъ—уязвилъ его городовой.

Коновалъ обернулся и показалъ ему кулакъ.



Digitized by Google

ЧЕЛОВѢКЪ БОЖІЙ.

(ОЧЕРКЪ).

ОСЕНЬ. Одиннадцатый часъ вечера. На столѣ горитъ сальный огарокъ, вставленный въ желѣзный подсвѣчникъ и тускло освѣщаетъ закоптѣлую внутренность избы, широкую печь и молодаго красиваго парня въ линючей ситцевой рубахѣ, читающаго какую-то толстую книгу въ кожаномъ переплетѣ. Парень по-временамъ отнимаетъ отъ книги глаза и шевелитъ губами, какъ-бы стараясь запомнить прочитанное; но книга, какъ видно, мало интересуетъ его, потому что его ротъ то и дѣло раскрывается для зѣвоты. Въ избѣ душно, пахнетъ сыростью, махоркой и тулупомъ. Тишина стоитъ невозмутимая и лишь изрѣдка прерывается трескомъ сверчка за печкой да паденіемъ съ потолка на полъ неосторожнаго таракана.

Парень недолго читалъ. Черезъ нѣсколько времени онъ громко зѣвнулъ, отпихнулъ отъ себя книгу и проговорилъ: «шабашъ», потомъ снялъ со стѣны гитару и сталъ перебирать струны, стараясь наиграть какую-то пѣсню, но пѣсни не выходило. Онъ обозлился, звонко плюнулъ, съ силой ударилъ всей пятерней по струнамъ, и оборвавъ дискантъ, бросилъ гитару на лавку. Минутъ съ пять длилось созерцаніе сальнаго огарка, но вскорѣ ему надоѣло и это. Онъ всталъ съ лавки, потянулся, крякнулъ и принялся ходить по избѣ, шлепая по полу надѣтыми на босу ногу опорками, причемъ обозначилась его рослая фигура съ красивымъ лицомъ, длинными волосами и маленькой русой бородкой.

— Эка, тоска-то, Господи! вслухъ проговорилъ онъ, опять сѣлъ на лавку, набилъ махоркой «носогрѣйку» и съ остервененіемъ принялся курить ее, ловко поплевывая въ сторону.

Digitized by Google

Съ улицы кто-то стукнулъ въ дверь. Онъ встрепенулся и громко крикнулъ:

— Кто тамъ? Мѵроносица, это ты?

— Это я, Арсеній! Я—Алена! отвѣчалъ изъ-за двери голосъ.

Арсеній всталъ и отворилъ дверь. Въ избу вошла полная и красивая дѣвушка, въ ситцевомъ платьѣ и байковомъ платкѣ на головѣ и съ громкимъ шопотомъ «здравствуй лукавый», звонко чмокнула его въ губы.

— Что долго не приходила? Знаешь, я этого не люблю! крикнулъ онъ.

— Нельзя было. Все ждала, пока всѣ наши спать улягутся, отвѣчала она.

— А цѣнное мѵро принесла?

— Нѣтъ. Тятенька ѣздилъ съ требой въ Пахомово, вернулся домой и все до капельки выпилъ.

— Ну, значитъ, юродивая дѣва! А развѣ раньше отлить было нельзя?

— Экой ты чудной! Ну, какъ отольешь, коли было только на донышкѣ? Неушто-бъ я для тебя пожалѣла?... Я для тебя и себя-то не жалѣю, а то вдругъ вино...—и съ этими словами Алена бросилась Арсенію на шею, но тотъ оттолкнулъ ее.

— Будетъ! Довольно! проговорилъ онъ. — Кажи, что принесла! Жрать до смерти хочется. Индо все брюхо подвело!

— На, вотъ, ѣшь!

Алена полѣзла въ карманъ платья, вытащила оттуда что-то завернутое въ бѣлую тряпицу и положила на столъ. Арсеній развернулъ тряпицу и вынулъ изъ нея краюху ржанаго пирога съ кашей.

— Были и щи, да маменька остатки свиньямъ выплеснула... сказала она.

Арсеній промолчалъ, сѣлъ на лавку и съ жадностью принялся ѣсть пирогъ. Алена помѣстилась противъ него и съ любовью смотрѣла ему въ глаза.

— Экъ накурено-то у тебя! Точно адъ... проговорила она и закашлялась. — Вѣдь это вредно, Арсеній. Можно въ чахотку произойдти.

— Ври, что знаешь! Табакъ грудь очищаетъ, а она—вредно...

— Ты все поди глаза портилъ? спросила она, указывая на книгу.

— Неученаго въ попы не ставятъ.

— Въ попы! Ужъ хоть-бы въ дьячки-то куда-нибудь...

— Дура!

Трапеза кончилась. Арсеній направился къ ведру съ водой, зачерпнулъ изъ него цѣлый ковшъ и принялся пить. Алена любова-

Digitized by Google

лась имъ и слушала, какъ булькали глотки воды и падали въ его объемистый желудокъ.

— Важно! проговорилъ онъ, выпивъ цѣлый ковшъ, отеръ губы рукавомъ рубахи и снова сѣлъ на лавку.

Алена молчала и продолжала смотрѣть ему въ глаза. Онъ подбоченился и крикнулъ:

— Аль порядку моего не знаешь?

Алена улыбнулась, сбросила съ себя платокъ, и сѣвъ къ Арсенію на колѣни, обвила его шею руками.

— Ахъ, ты лукавый, лукавый! Совсѣмъ ты меня опуталъ! слышались ея слова.—Что-то будетъ со мною? Какъ вздумаю объ этомъ, такъ вотъ словно ножемъ...

— Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ!

— Тебѣ хорошо говорить, а каково мнѣ-то? Тятенька узналъ, что я къ тебѣ бѣгаю. Стращаетъ выпороть. Вчера съ діакономъ совѣтовался.

— Не посмѣетъ. Ну цѣлуй, што-ли! Что стала?

Алена опять обняла его.

— Крѣпче... Вотъ такъ!

Арсеній обхватилъ ее и сжалъ въ своихъ могучихъ объятіяхъ. Она вскрикнула.

— Тише, дура! Услышать могутъ! проговорилъ онъ, зажимая ей ротъ ладонью, и загасилъ свѣчу.

* ———

Арсеній былъ единственный сынъ деревенскаго дьячка, вдовца, овдовѣвшаго въ молодыхъ годахъ и нежелавшаго жениться во второй разъ въ силу того обстоятельства, чтобы не лишиться стихаря, а также и не потерять права когда-нибудь быть діакономъ. Матери Арсеній не помнилъ и дѣтство свое до тринадцати лѣтняго возраста провелъ безъ всякаго присмотра, такъ какъ родитель его, будучи горькимъ пьяницей, цѣлые дни проводилъ въ кабакѣ, въ силу чего и былъ прозванъ крестьянами «кабацкимъ засѣдателемъ». Ежели-же когда и выдавались у него трезвые дни, то онъ дорожилъ ими и употреблялъ ихъ на поддержаніе своего скуднаго хозяйства, то есть, на тотъ трудъ, который не могла выполнить работница, а именно— на заготовку дровъ, вспахиваніе огорода и починку крыши, вслѣдствіе чего на присмотръ за сыномъ ему рѣшительно не оставалось времени. Арсеній буквально выросъ на улицѣ въ сообществѣ крестьянскихъ мальчишекъ и домой являлся только спать. Шалунъ онъ былъ страшный. Перешибить пѣтуху камнемъ ногу, разбить носъ

Digitized by Google

товарищу по играмъ, украсть изъ поповскаго огорода яблоковъ и ягодъ, разорить птичье гнѣздо—было его дѣломъ.

— Экой несчастный ребенокъ! часто говорила про него попадья. Хоть бы кто изъ жалости надралъ ему вихры, а то выростетъ и разбойникомъ сдѣлается. Попъ. да хоть-бы ты вопоролъ его, что-ли? обращалась она къ мужу. Все равно, что не нашъ. Вѣдь за это воздастся.

Иногда слова попадьи не были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ; попъ или иные сердобольные люди рѣшались сдѣлать Арсенію благодѣяніе, въ видѣ выволочки или порки, но онъ былъ хитеръ, боекъ, зорокъ и всегда умѣлъ спастись бѣгствомъ. Это удавалось ему, однако, только до-тѣхъ-поръ, пока отецъ не отдалъ его въ деревенскую школу, гдѣ онъ и вкусилъ впервые всю сладость лозы и до того привыкъ къ ней, что поступилъ въ семинарію, безъ страха и трепета ложился на скамейку и проговаривалъ: «воля ваша, шкура наша, розги казенныя, слуги наемныя; дерите, сколько хотите!»

Въ семинаріи первое время Арсеній отличался лѣностью, тупостью и хорошимъ дискантомъ, а потому за послѣднее достоинство и былъ избранъ архіереемъ въ «исполатчики». Гордость вслѣдствіе обладанія стихаремъ исполатчика, хожденіе съ пѣвчими по похоронамъ и свадьбамъ окончательно отбили его отъ ученья, такъ-что онъ даже счелъ за лишнее имѣть при себѣ книги и продалъ ихъ. Вскорѣ, однако, дискантъ у него исчезъ и сталъ переходить въ басъ, а съ нимъ вмѣстѣ исчезли для него навсегда должность исполатчика и на время должность пѣвчаго, но онъ продолжалъ лѣниться по прежнему и къ своимъ личнымъ достоинствамъ прибавилъ пьянство и буйство.

Въ семинаріи просидѣлъ онъ ровно двѣнадцать лѣтъ, и наконецъ, на двадцать-пятомъ году былъ исключенъ оттуда «за великовозрастіе». Покончивъ съ наукой, Арсеній пришелъ къ отцу въ деревню и на радости свиданія до того захороводилъ его въ пьянствѣ, что тотъ не выдержалъ и черезъ недѣлю, по выраженію крестьянъ, сгорѣлъ отъ вина, оставивъ сыну въ наслѣдство развалившуюся избушку, овчиный тулупъ, нанковый сюртукъ и десятка два книгъ духовнаго содержанія. Похоронивъ отца, Арсеній продалъ книги, купилъ гитару и началъ сбираться поступить въ архіерейскіе пѣвчіе, имѣя темную надежду когда-нибудь сдѣлаться діакономъ, но намѣреніе его поступить въ пѣвчіе такъ и осталось намѣреніемъ.

Арсеній жилъ въ своей избушкѣ, помогалъ въ домашнихъ работахъ попу и діакону и питался отъ крохъ, падавшихъ съ трапезы причта или церковнаго старосты. Но это было не продолжительно. Вскорѣ на него начали посматривать косо, какъ на лишній ротъ, а впослѣд-

Digitized by Google

ствіи и совсѣмъ отказали въ крохахъ. Пришлось или заняться какимъ-нибудь дѣломъ или голодать. Онъ пробовалъ заняться, но дѣло не давалось ему, и что всего удивительнѣе кромѣ пьянства и лѣности, ему мѣшала, главнымъ образомъ, необыкновенная физическая сила. Такъ, обладая грамотностью, онъ сдѣлался волостнымъ писаремъ, но послѣ перваго-же засѣданія, когда явилось неизбѣжное угощеніе, онъ напился пьянъ, и подобно древнему Самсону, сокрушившему зданіе, разнесъ стѣны кабака и въ кровь разбилъ носы сельскимъ властямъ, вслѣдствіе чего и покончилъ съ должностью писаря. Пробовалъ онъ наниматься читать псалтирь по покойникамъ, но такъ какъ при этомъ являлось опять угощеніе, то прочитавъ обыкновенно страницы двѣ, онъ засыпалъ на третьей и растягивался на столѣ, рядомъ съ покойникомъ, во всю длинну своего богатырскаго роста, причемъ ронялъ аналой и книгу, а подчасъ сталкивалъ со стола и самаго покойника. Результатомъ, разумѣется, было то, что его выгоняли съ позоромъ и не заплативъ ни копѣйки. Оказывалось, что и роль чтеца было ему не по силамъ. Нанимался онъ караулить скотину, но и здѣсь мѣшалъ не отвязчивый богатырскій сонъ, во время котораго пропадала какая-нибудь корова, и онъ лишался мѣста.

— Скажи на милость! Эдакой здоровый парень и ни на какое дѣло не годится! толковалъ про него причтъ и изъ жалости дозволилъ ему «прислуживать по церкви», но онъ рвалъ цѣпочки у кадила, ронялъ аналои, сворачивалъ съ мѣста хоругви, а когда разъ въ большой праздникъ ему поручили оттрезвонить въ колоколъ, то онъ желая показать свое рвеніе къ дѣлу, до того постарался, что выворотилъ край у колокола.

На этомъ послѣднемъ подвигѣ попытки Арсенія заняться какимъ нибудь дѣломъ и покончились.

— Нѣтъ, рѣшилъ онъ; то не мое дѣло. Мнѣ или попомъ быть или въ монахи идти!

Одно удавалось Арсенію—это ухаживаніе за женскимъ поломъ. Молодыя бабы и дѣвки были безъ ума отъ него и изъ этого-то онъ извлекалъ себѣ пропитаніе. То какая-нибудь шустрая бабенка, у которой мужъ ушелъ на заработки, накормитъ его обѣдомъ, то какая-нибудь дѣвка принесетъ кринку молока и грибовъ, и Арсеній бывалъ сытъ. Трудно было, однако, объяснить его успѣхъ у женщинъ. Кромѣ красоты тѣлесной и здоровья, онъ не имѣлъ никакихъ достоинствъ. Франтомъ онъ не былъ и ходилъ постоянно оборванный; балагуромъ и любезникомъ тоже не былъ, напротивъ, отличался грубостью и дерзостью, а «въ пьяномъ образѣ» великимъ безобразіемъ и ругательствами.

Такъ прожилъ Арсеній въ своей избѣ съ годъ, сжегъ въ печи

Digitized by Google

для согрѣванія своего могучаго тѣла развалившіеся амбаръ и хлѣвъ, доставшіеся ему въ наслѣдство отъ отца и питался «отъ міра бабьяго», какъ онъ выражался, но скоро нашелъ себѣ постоянную кормилицу въ лицѣ поповской дочки Алены. Близкое знакомство его съ нею началось слѣдующимъ образомъ:

Однажды лѣтомъ Алена возвращалась съ рѣки домой и везла на ручной телѣжкѣ двѣ объемистыя корзины только-что выполосканнаго бѣлья. Дорога шла полемъ и въ гору. Алена съ трудомъ тащила телѣжку, какъ вдругъ изъ густой травы поднялась колосальная фигура Арсенія, гдѣ онъ до сихъ поръ лежалъ кверху брюхомъ и свистѣлъ въ перепелиныя дудки. Увидавъ Арсенія, Алена зардѣлась, рванула телѣжку въ сторону и при этомъ, не замѣтивъ, выронила изъ корзины рубаху. Арсеній поднялъ ее и крикнулъ:

— Поповна! Рубаху потеряли!

Она оглянулась и зардѣлась еще больше прежняго. Къ ней подходилъ Арсеній и несъ въ рукахъ рубаху. Она поблагодарила его.

— А что, не подвернись я, такъ не избѣжать-бы вамъ ругатни отъ маменьки, проговорилъ онъ. Что, тяжело, поди, въ гору-то?.. Семъ ко я вамъ помогу...

Онъ уперся сзади мощными руками въ телѣжку и съ силой двинулъ ее впередъ, но такъ не ловко, что ударилъ ею Алену по ногамъ. Она вскрикнула, запуталась въ колесо телѣги подоломъ платья, упала и не могла встать. Арсеній подбѣжалъ къ ней, и схвативъ ее въ охапку, поднялъ.

— Экія вы, однако, грузныя, поповна! проговорилъ онъ. И что это вы замужъ не выходите?

— Жениховъ нѣтъ. Ѣздилъ тутъ какъ-то тятенька въ семинарію и звалъ студентовъ на смотрины, да не явились.

— А я чѣмъ не женихъ?

— Какой-же вы женихъ, коли ежели безъ мѣста.

— Теперь безъ мѣста, такъ буду на мѣстѣ. Лѣто вотъ отгуляю, а тамъ поступлю въ пѣвчіе, а послѣ въ діаконы буду рукоположенъ, такъ какъ у меня басъ громадный.

— Тятенька говоритъ, что вамъ одна дорога—на висѣлицу, отвѣчала Алена.

— Ну, это онъ вретъ и на этихъ качеляхъ пусть самъ покачается!

Разговаривая такимъ образомъ, Арсеній дотащилъ телѣжку Алены до погоста.

— Ну, довольно. Спасибо вамъ! проговорила она.

— Только то и было? Нѣтъ, намъ этого мало! Три поцѣлуя слѣдуетъ и одну обнятку!

Digitized by Google

— Анъ, нѣтъ, нѣтъ! Тятенька увидитъ и тогда бѣда! заговорила она и опрометью бросилась отъ телѣжки.

— Наше не пропадетъ! Мы свое когда-нибудь да возьмемъ! крикнулъ ей вслѣдъ Арсеній, но не преслѣдовалъ ей, а пошелъ своей дорогой.

Арсеній сдержалъ слово и «свое взялъ».

Спустя нѣсколько дней послѣ этого происшествія, Алена, въ сообществѣ діаконской дочки, отправилась въ лѣсъ за грибами и прошла мимо избушки Арсенія. Арсеній чинилъ у окна перепелиныя сѣти, увидалъ ее, и пропустивъ немного впередъ, шашкомъ послѣдовалъ за ней въ лѣсъ. Войдя въ лѣсъ, Алена разсталась съ подругой и «аукая» удалилась въ чащу. Арсеній слѣдилъ за ней и держался отъ нея невдалекѣ по кустамъ, но вдругъ, съ словами «засвоимъ пришелъ», вышелъ къ ней на встрѣчу. Алена вскрикнула, но онъ схватилъ ее поперекъ тѣла, какъ перышко, поднялъ на руки и принялся цѣловать ее. Сначала Алена отбивалась и царапалась, расковыряла ему носъ, но черезъ пять минутъ сидѣла уже съ нимъ рядомъ подъ деревомъ, и отвернувшись въ сторону, говорила:

— Экой вы, обидчикъ какой!

— Какой же обидчикъ? Нешто я изъянъ какой сдѣлалъ?

— Изъяну нѣтъ, а только развѣ слѣдъ такъ съ дѣвицей обращаться?

— А какъ же обращаться-то по-вашему? Бить и ругать что-ли?

— Нѣтъ, что ни говори, а вамъ доподлинно быть на висѣлицѣ! воскликнула Алена.

— Ну, еще это буки! А вотъ ежели вы будете прекрасной дѣвицей, такъ ужо вечеромъ, какъ эти самые грибы изжарятъ, такъ вы возьмете, отложите ихъ въ горшечекъ малую толику да мнѣ и принесите.

— А маменька?

— Можете это сдѣлать тогда, когда маменька съ тятенькой спать улягутся.

— Ни за что на свѣтѣ!

Въ это время невдалекѣ послышалось ауканье діаконской дочери. Арсеній вскочилъ съ земли, на-скоро чмокнулъ Алену въ губы и съ словами, «такъ приходите же», бросился въ кусты, откуда незамѣтнымъ образомъ пробрался домой.

Хоть и сказала Алена «ни за что на свѣтѣ», но въ тотъ же вечеръ часу въ одиннадцатомъ, съ замираніемъ сердца, легонько постучалась въ окно Арсеньевой избушки. Арсеній отворилъ дверь.

— На, возьми грибы-то, прошептала она и сунула ему въ руки

Digitized by Google

горшокъ съ грибами, но Арсеній вмѣстѣ съ горшкомъ, заарестовалъ и ее.

Съ этого вечера Алена сдѣлалась постоянною кормительницею Арсенія. Каждый вечеръ являлась она къ нему въ избушку и приносила что-нибудь съѣдобное, а подчасъ и пузырекъ съ водкой, которую она умѣла отливать изъ тятенькиной четвертной бутыли. И Арсеній былъ сытъ. Даже мало того, вслѣдствіе дружбы съ Аленой, у него появилось нѣкоторое благосостояніе въ видѣ нѣсколькихъ полотенецъ и новой холщевой рубахи съ ситцевыми ластовицами.

— А важная ты дѣвка! говаривалъ онъ иногда Аленѣ. — Вотъ поступлю въ архіерейскіе пѣвчіе и какъ выйдетъ мнѣ ваканція на діакона, безпримѣнно буду къ тебѣ свататься...

Но Аленѣ смутно вѣрилось въ эти обѣщанія. Она знала, что удобнѣе верблюду пройти сквозь игольныя уши, нежели Арсенію получить мѣсто діакона.

По уходѣ Алены Арсеній не зажигалъ огня, легъ на лавку, завернулся въ тулупъ и хотѣлъ уснуть, но ему не спалось. По какому-то странному случаю ему чуть не первый разъ въ жизни полѣзли въ голову мысли о своей и Аленовой будущности.

— «Ну, еще три мѣсяца такъ промаемся, полъ-года, а потомъ что? задавалъ онъ себѣ вопросъ.—«Рано-ли, поздно-ли, а попъ спуститъ съ нея семь шкуръ и запретъ подъ замокъ, а то такъ и въ монастырь отправитъ. А жалко ее! Дѣвка важная!»

Арсеній, и самъ того не замѣчая, привязался къ Аленѣ и любилъ ее.

— «А вдругъ ребенокъ?...» лѣзло ему въ голову,—«тогда что?»

Онъ ворочался съ боку на бокъ, сильно напрягалъ свою мысль, стараясь отыскать отвѣта на вопросъ: «что тогда будетъ?» — но голова, непривыкшая къ мысли, не давала отвѣта.

— Нѣтъ, надо надняхъ же ѣхать въ городъ и проситься въ архіерейскіе пѣвчіе, а тамъ что будетъ, то будетъ! рѣшилъ онъ, и при мысли о полученіи мѣста пѣвчаго, воображеніе его начало рисовать ему возможность быть діакономъ, нѣкоторое благосостояніе, почетъ отъ купечества за голосъ, угощеніе, подарки отъ щедротъ прихожанъ, въ видѣ мѣховой шапки и серебряныхъ часовъ и Алену въ качествѣ жены...

На этой пріятной мечтѣ Арсеній заснулъ и надъ его головой залетали самыя радужныя сновидѣнія.

Снилось ему, что будто-бы онъ не діакономъ въ городѣ, но попомъ того прихода, гдѣ отецъ его двадцать пятъ лѣтъ состоялъ въ должности дьячка. Вотъ онъ, Арсеній, вѣнчаетъ свадьбу и свадьбу богатую. За вѣнчаніе даютъ ему два рубля. Съ какимъ удовольстві-

Digitized by Google

ему беретъ онъ эти деньги и прячетъ ихъ! Его зовутъ въ домъ новобрачныхъ, сажаютъ за столъ на почетное мѣсто, предлагаютъ сдобные пироги, вино и брагу. Онъ не отказывается, ѣстъ и пьетъ, пьетъ, пьетъ. Все ликуетъ, ликуетъ и онъ.

Но картина мѣняется.

Его приглашаютъ на похороны. Семья покойника въ слезахъ. Онъ утѣшаетъ ее словомъ Божіимъ, а между тѣмъ думаетъ «сколько-то дадутъ?» Покойника принесли на кладбище, опустили въ могилу. Поднимаются плачъ и рыданія родныхъ; они сливаются въ какой-то оглушительный вой и среди этого воя онъ слышитъ приглашеніе помянуть покойника «чѣмъ Богъ послалъ». Онъ не отказывается и входитъ въ домъ умершаго. Посреди избы стоитъ сосновый столъ, покрытый скатертью. На столѣ между просяной кашей и грудой бѣлыхъ блиновъ, возвышается четвертная бутыль съ водкой. Его просятъ благословить трапезу. Онъ поетъ литію и благословляетъ. Домочадцы плачутъ.

— По что стенанія и слезы? Всѣ тамъ будемъ! восклицаетъ онъ, первый садится за столъ, ѣстъ и пьетъ, пьетъ, пьетъ. Всѣ въ уныніи, но онъ ликуетъ.

На поляхъ засуха. Дождя ни капли. Крестьяне складываются по двугривенному и просятъ его отслужить просительный молебенъ о дождѣ. Онъ служитъ. По окончаніи молебна, староста приглашаетъ его въ мірскую избу закусить и выпить. Онъ идетъ, ѣстъ и опять пьетъ, пьетъ.

Но картина опять мѣняется.

Арсеній видитъ себя на другихъ похоронахъ, но уже не попомъ, а просто святошей-странникомъ, съ сучковатой палкой въ рукахъ, съ подвязаннымъ глазомъ и съ котомкой за плечами.

— Богъ помощь, православные! говоритъ онъ, входя въ избу.

— Добро пожаловать, божій человѣкъ! привѣтствуетъ его вдова покойника и начинаетъ рыдать.

— Не гнѣви, сударка, Господа Бога уныніемъ и слезами! Сказано: аще печаль имѣешь, не ропщи, проповѣдуетъ онъ. — Всѣ мы смертны... Можетъ, супругъ твой уготовалъ себѣ мѣсто тамъ... въ горныхъ селеніяхъ... Онъ указываетъ на потолокъ и продолжаетъ: жизнь земная это тлѣнъ, пріуготовленіе къ жизни вѣчной, идѣ-же нѣсть болѣзни и печали! Вдовица кроткая, будь терпѣлива и не оскорбляй печалью силы небесныя! Охъ, грѣхи, грѣхи! призри на смиреніе раба твоего! Утомился. Зѣло утомился!

— Вѣрно, издалека, святой отецъ? спрашиваетъ его вдова, еле проглатывая слезы.

— Издалека, голубка сизая, издалека! Шествіе свое имѣю изъ

Digitized by Google

града Кіева, по дорогѣ заходилъ въ Соловецкую обитель. Много страху натерпѣлся и многой благодати сподобился. Зрѣлъ ангеловъ небесныхъ и врага человѣческаго діавола... жупелъ, геену огненную и адъ кромѣшный...

— О, Господи! присядь божій человѣкъ и помяни мужа моего съ нами.

Онъ садится, творитъ крестное знаменіе и говоритъ:

— Помяни, Господи, новопреставленнаго раба твоего... Какъ, голубка, имя-то было твоего сожителя?

— Филатъ.

— Помяни, Господи, новопреставленнаго раба твоего Филата и сотвори ему вѣчную память!..,

— Прежде всего вотъ щецъ откушай, говоритъ хозяйка.

— Мяснаго, милая вдовица, не вкушаю. Съ юныхъ лѣтъ ни зерна не вкушаю. Развѣ вотъ кашки, либо блинковъ...

— А отчего-же, отецъ, у тебя лицо такое красное? спрашиваетъ какой-то скептикъ.

— Отъ вѣтра буйнаго, любезный мой! Отъ зноя, отъ мраза!

— Такъ, такъ...

— А много-ли, вдовица прекрасная, ты брачнаго сожительства имѣла?

— Съ покрова шестой годъ пошелъ. Думала-ли когда-нибудь?... И вдругъ...

Но слезы не даютъ ей кончить.

— Немного, немного. Боже, буди милостивъ мнѣ грѣшному! Кхе!.. Кхе!.. Вдовица юная, убери ты сію стклянницу съ очей моихъ; врагъ силенъ, а плоть немощна... говоритъ онъ, указывая на четвертную бутыль.

— Подкрѣпись, божій человѣкъ... Что-жъ, всѣ вкушаютъ...

— Не смущай меня, не смущай!

— Нынче вторникъ, день скоромный... Налить стаканчикъ?

— Охъ, много борятъ мя страсти! Дайко лучше ковшичекъ. Изъ стеклянного не пью! Смутила окаянная, смутила!

Послѣ обѣда онъ спрашиваетъ коснѣющимъ языкомъ:

— А гдѣ-же опочивальня твоя, вдовица прекрасная?

— Зачѣмъ тебѣ, святой отецъ?

— Смутила меня, окаянная, смутила!...

Онъ тыкаетъ хозяйку пальцемъ подъ мышку, вскакиваетъ изъ-за стола, пляшетъ въ присядку и во все горло оретъ:

«Эхъ, Настасья, эхъ, Настасья!
Отворяй-ка ворота!»

Digitized by Google

— Юродствуетъ, юродствуетъ! слышится въ толпѣ гостей.—Христа ради юродствуетъ!

А онъ пьетъ, пьетъ, пьетъ и наконецъ засыпаетъ...

. . . . . .

Арсеній проснулся. На дворѣ свѣтло. Онъ сѣлъ на лавку и началъ почесываться. «И что это за сонъ странный? думалось ему.— «А вѣдь жизнь хорошая!»..—подсказалъ онъ себѣ внутренно и крѣпко о чемъ-то задумался.

Весь этотъ день ходилъ онъ, какъ въ воду опущенный, и на слѣдующее утро, простившись съ Аленой, отправился въ городъ отыскивать пѣвческаго мѣста.

Алена плакала и дала ему на дорогу два пятіалтынныхъ.

—

Прошелъ мѣсяцъ, а Арсеній все не возвращался; Алена тосковала, плакала и замѣтно похудѣла. Наконецъ, послѣ пятой недѣли своего отсутствія, Арсеній явился. Узнавъ о его приходѣ, Алена въ ту-же ночь бросилась къ нему въ избу.

— Ну, что? спросила она его послѣ обычныхъ цѣлованій и ласкъ.

— Ничего. Весело было. Все это время у пѣвчихъ жилъ. Пріятели вѣдь... Какъ рады-то были! За все это время, почитай, больше двадцати ведеръ одной водки выпили. На трехъ похоронахъ были... у купцовъ... Одинъ пѣвчій опился даже... Вотъ ѣдядъ-то, такъ ужъ ѣдятъ! Шесть перемѣнъ, кромѣ кутьи!

— Что-же насчетъ мѣста-то? Насчетъ мѣста-то что-же?... Былъ у владыки? допытывалась она.

Арсеній махнулъ рукой.

— Насчетъ мѣстане судьба! проговорилъ онъ. Ваканцій, говоритъ, нѣтъ...

— Ахъ, ты безталанный, безталанный!

Арсеній промолчалъ.

— Видишь, что, Алена, продолжалъ онъ.—Оно, пожалуй, и приняли-бы меня, да оказія вышла. Въ воскресенье, за литургіей былъ я немножко выпивши. Стой, думаю, покажу свой голосъ. Выждалъ, знаешь, то мѣсто, гдѣ верха есть, да какъ хвачу «и всѣхъ и вся!...» Такъ хватилъ, что даже паникадило зазвенѣло. Владыко оглянулся, подозвалъ къ себѣ діакона, указалъ на меня перстомъ, да и говоритъ: «выведите его»: ну, и вывели...

— Ахъ, Арсеній, Арсеній, не выйдетъ изъ тебя прока.

— Выйдетъ: Дай только срокъ одно дѣло оборудовать. Я ужъ обмозговалъ.

— Никакого у тебя дѣла не выйдетъ!

Алена закрыла лицо руками и заплакала.

Digitized by Google

— Чего ревешь-то, дура?

— Горе у меня, Арсеній, горе!

— Ну?

Она отняла отъ лица руки, улыбнулась сквозь слезы, и бросившись ему на шею, что-то шепнула на ухо.

Арсенія передернуло.

— Врешь? проговорилъ онъ и вскочилъ съ мѣста.—Ты, Алена, не дури; всѣмъ про это не разсказывай, продолжалъ онъ, пройдясь по избѣ.—Можетъ, это такъ только. Ты вѣдь... дѣвушка... Гдѣ-жъ тебѣ знать? и опытныя бабы и тѣ ошибаются.

Она отчаянно махнула рукой.

— Гдѣ ужъ тутъ ошибаться, коли онъ вотъ гдѣ... подъ сердцемъ.

На другое утро Арсеній сталъ искать покупщика на свою избу, нашелъ его въ лицѣ дьячка и продалъ ее ему за двадцать пять рублей, выговорилъ себѣ право прожить въ ней до весны, а черезъ недѣлю послѣ полученія денегъ изъ двадцати пяти рублей у него осталось только четырнадцать. Одинадцать рублей были пропиты.

Въ это время, вечеромъ, когда онъ, ложась спать, сидѣлъ за столомъ и при сальномъ огаркѣ считалъ свои капиталы, состоявшіе изъ двугривенныхъ, гривенниковъ и пятіалтынныхъ, въ избу къ нему вбѣжала Алена.

Лицо ея изображало рѣшимость.

— Ну, парень, выручай! проговорила она.—Скрываться больше нельзя. Маменька и то косо посматриваетъ. Любишь кататься, люби и саночки возить. Придумывай что дѣлать? Скоро ужъ и время придетъ...

Арсеній заскоблилъ затылокъ.

— Я ужъ придумалъ, сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Ну?

— Просись у тятиньки на богомолье къ Тихону Задонскому. А я за тобой слѣдомъ, четырнадцать рублей есть. Тамъ и родишь.

— Ахъ, ты глупый, глупый! Просилась ужъ, да не отпускаютъ.

Арсеній поднялся съ мѣста и заходилъ по избѣ. Алена слѣдила за нимъ взоромъ.

— Думай, думай! говорила она. Коли смутить умѣлъ, такъ и расхлебывай!

Онъ остановился.

— Сбѣги, а тятькѣ оставь записку, что-де видѣла во снѣ старца, который повелѣлъ мнѣ идти и поклониться угодникамъ, а потому я и рѣшилась уйдти тайно.

— А погоня? А вдругъ накроютъ? Тогда что?

— Мы на Задонскъ не пойдемъ, а отправимся на Новгородъ.

Digitized by Google

Алена задумалась. Арсеній подошелъ къ ней и положилъ ей на плечо руку.

— Рѣшай, что-ли, Аленка? Тогда я и собираться буду.

Она молчала.

— Что-жъ молчишь? Рѣшай! Раскинь умомъ-то?

— Рѣшилась. Уйдемъ... прошептали ея губы.

— Когда-же? приставалъ Арсеній.

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше... еле выговорила она и горько заплакала.

Арсеній сѣлъ съ ней рядомъ и обнялъ ее.

—

Годъ спустя послѣ этого вечера, по прямой улицѣ большаго села одной изъ приволжскихъ губерній шелъ юродивый. Онъ былъ босъ и опирался на большую суковатую палку. На головѣ его былъ надѣтъ чугунный горшокъ. Тѣло было покрыто рубищемъ, а подъ рубищемъ звенѣли желѣзныя вереги. Сзади его слѣдовали три молодыя женщины, одѣтыя въ черные коленкоровые сарафаны и таковые-же платки. Женщинъ этихъ юродивый назвалъ «мѵроносицами».

— Покайтеся, православные! кричалъ онъ дикимъ голосомъ:— Близко-бо часъ, егда разверзнутся нѣдра земныя и огонь палящій пожретъ грѣшниковъ!

Сердобольныя бабы и дѣвки выбѣгали изъ избъ, крестились и совали ему въ руки гроши, хлѣбъ и концы холста, но онъ не бралъ приношеній и приказывалъ ихъ отдавать «мѵроносицамъ». Нѣкоторыя подносили къ нему больныхъ дѣтей и подводили разслабленныхъ старухъ. Юродивый дулъ на нихъ, плевалъ и воздѣвалъ очи къ небу.

Юродивый этотъ былъ никто иной, какъ Арсеній, а одна изъ «мѵроносицъ» Алена.

Digitized by Google

ИЗЪ ЖИЗНИ ЗАБИТАГО ЧЕЛОВѢКА.

I.

Отъ купеческаго сына Михаила Григорьева Армякова къ другу его Пантелѣю Иванычу Мамзину, въ Москву.

Другъ любезный Пантелѣй Иванычъ!

Письмо твое я получилъ. Душевно радуюсь за тебя, что ты наконецъ на мѣстѣ. Ты пишешь, что выговорилъ себѣ у хозяина право въ свободное отъ занятій время читать книги, а также и уходить со двора безъ спросу. Это очень хорошо. Продолжая жить у моего тятеньки въ прикащикахъ, никогда-бы ты не дождался этого. Господи, дождусь-ли я этой свободы! Какъ подумаешь о себѣ, такъ даже обидно дѣлается. Третьяго дня мнѣ минуло двадцать четыре года, а я все еще у тятеньки на мальчишечномъ положеніи, и ежели хочешь сдѣлать шагъ изъ дома, то непремѣнно долженъ спрашиваться. Даже никакой вещи не можешь себѣ пріобрѣсти по нраву. Поневолѣ приходится хитрить и обманывать. Живу я, Пантелѣша, по старому и учиться французскому языку продолжаю, но еще съ большею осторожностью отъ тятеньки, чѣмъ прежде. Вчера, въ то время какъ тятенька былъ въ трактирѣ, къ намъ въ лавку пришелъ знакомый французъ-обойщикъ и я читалъ ему по французски, но онъ говоритъ, что ничего не понялъ. Вѣрно безъ учителя нельзя. Теперь началъ сбирать себѣ библіотеку. На прошлой недѣлѣ купилъ себѣ сочиненія Гоголя и похожденія Ракамболя и прячу ихъ у насъ на голубятнѣ. Тамъ они будутъ многосохраннѣе, такъ какъ тятенька, по своей тучности, ни за что туда не влѣзетъ.

Digitized by Google

Все скучаю,—дома брань да попреки; только и отвожу душу, что у Кати, но ты самъ знаешь, что мнѣ приходится у нея бывать еле разъ въ недѣлю, и то украдкой. Ахъ, какъ она меня любитъ, Пантелѣша! Все говорятъ, что возлюбленныя разоряютъ своихъ друзей, но здѣсь совсѣмъ напротивъ, и мнѣ часто приходится навязывать ей деньги силой. Вижу, что нужно ей, а не беретъ. Иголкой по нынѣшнимъ временамъ тоже немного наковыряешь. Все хочу купить ей швейную машину, да гдѣ сразу возьмешь семдесятъ рублей? Ты самъ знаешь, тружусь я для тятеньки какъ ломовая лошадь, а положенія никакого не получаю. За платье и за сапоги, правда, онъ платитъ, а на карманные расходы даетъ всего три раза въ годъ по красненькой. Велики-ли эти деньги! Только и живешь тѣмъ, что изъ лавочной выручки успѣешь взять украдкой, а вѣдь по нашей торговлѣ много взять нельзя. Прежде меня мучило это и я считалъ себя воромъ, но теперь, обдумавши хорошенько, нахожу, что я беру свое собственное за трудъ. Люблю я Катю, другъ Пантелѣша; съ восторгомъ вспоминаю, какъ она, бывши еще въ ученьи у мадамы, бѣгала къ намъ въ лавку за покупками, но часто кляну себя за то, что наша любовь зашла такъ далеко. Какой сюжетъ изъ всего этого выйдетъ? Вѣдь и думать нечего, чтобы я могъ на ней жениться при жизни тятеньки. Онъ ищетъ мнѣ невѣсту съ деньгами и еще вчера за обѣдомъ сказалъ, что ежели за меня пятнадцати тысячъ не взять, то не стоитъ меня и кормить,—словно я лошадь. На твое мѣсто у насъ наняли новаго прикащика. Нанимая его, тятенька сказалъ про себя, что на руку скоръ, а тотъ въ отвѣтъ: «помилуйте, говоритъ, за всякимъ тычкомъ не угонишься». Прощай, будь здоровъ и пиши почаще.

Твой другъ Михаилъ Армяковъ.

II.

Отъ Іерея Игоря Силоамскаго къ купцу Григорію Кузьмичу Армякову.

Боголюбивый Григорій Кузьмичъ!

Вы неоднократно присылали ко мнѣ вашего прикащика за полученіемъ съ меня по счету ста пяти рублей за забранный попадьею моей въ вашей лавкѣ товаръ, но я, къ прискорбію моему, никоимъ образомъ не могъ сдѣлать уплаты по оному; такъ какъ въ настоящее время претерпѣваю крайнюю скудость въ деньгахъ. Теперь время

Digitized by Google

лѣтнее, именитые прихожане разъѣхались по дачамъ, требъ очень мало и кружечный сборъ плохъ. Молю васъ о великой услугѣ: потерпите до Успенскаго поста. Въ постъ сей у насъ бываетъ достаточно говѣльщиковъ, и я, пооперившись отъ оныхъ, съ любовію съ вами разсчитаюсь. Вмѣстѣ съ симъ письмомъ, пользуюсь случаемъ сообщить вамъ кое-что о вашемъ сынѣ Михаилѣ. Дѣлаю сіе во имя любви къ вамъ и желанія блага сыну вашему, который, по юности своей, крайне неопытенъ. Мнѣ доподлино извѣстно, что молодой человѣкъ сей совращенъ нѣкоею прелестницею, по имени Екатериною Кроликовой, и вотъ уже болѣе полгода живетъ съ ней въ внѣбрачномъ сожитіи. Все сіе узналъ я отъ нѣкоей бѣдной и сирой вдовицы дворянскаго рода, обучающей моихъ малолѣтнихъ дочерей игрѣ на клавикордахъ. Сія вдовица нанимаетъ отъ хозяйки горницу какъ разъ рядомъ съ вышерѣченной прелестницей, часто видаетъ тамъ сына вашего и въ показаніяхъ своихъ достовѣрна. Ежели найдете нужнымъ, то можете своевременно прервать эту преступную связь и открыть очи очарованному юношѣ. Все сіе я могъ бы сообщить вамъ изустно, но настоящую недѣлю состою очереднымъ по церкви и обязанъ быть ежеминутно на мѣстѣ для нуждъ прихожанъ, а попадья моя, которая свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе, одержима зубною болью и не подымается съ ложа.

Вѣчный молитель о здоровіи вашемъ и всего семейства вашего

Іерей Игорь Силоамскій.

III.

Отъ купеческаго сына Михаила Армякова къ другу его Пантелѣю Мамзину.

Дружище Пантелѣша!

Ты пишешь, что успѣшно учишься французскому языку у вашего бухгалтера. Душевно радуюсь твоимъ успѣхамъ и съ болью въ сердцѣ спѣшу [illegible]ѣ сообщить, что мое ученье совсѣмъ не подвигается впередъ и каже[illegible]ся его нужно бросить. До ученья-ли тутъ, коли съ тятенькой нѣтъ никакой сообразности. Онъ отъ кого-то узналъ про мою любовь къ Катѣ и разсвирѣпѣлъ подобно дикому тигру. Прежде всего онъ отнялъ у меня ключъ отъ выручки и отдалъ прикащику Василью Панфилову. О ругательныхъ комплиментахъ я ужъ и ни говорю. Потомъ перерылъ у меня всѣ вещи въ моемъ комодѣ, и найдя въ немъ Катинъ портретъ, плюнулъ на него, разорвалъ и на-

Digitized by Google

зывалъ ее самыми мерзкими словами. Каково мнѣ было все это вытерпѣть! Этимъ, однако, дѣло не кончилось: онъ обыскалъ меня самого и велѣлъ даже снять сапоги. Теперь всюду слѣдитъ за мной. Въ суботу я ходилъ ко всенощной и онъ за мной слѣдомъ. Объ уходѣ со двора нечего и думать. Въ понедѣльникъ я просился въ баню, и то не пустилъ. И кто это ему сообщилъ о Катѣ? Съ ней вижусь теперь еще рѣже, и то только по ночамъ. Наши улягутся спать, а я черезъ кухню, да и драло изъ дома. Кухарка подкуплена, а молодцы, до поры до времени, молчатъ. Катя тебѣ кланяется. Она все нездорова и работать не можетъ, и мнѣ больше чѣмъ когда-либо приходится ей помогать деньгами. А гдѣ ихъ взять въ нынѣшнемъ моемъ положеніи? И смѣхъ и грѣхъ! Вѣришь-ли, я сталъ даже подыматься на хитрости. Въ воскресенье просилъ, просилъ у маменьки денегъ,—не даетъ. А мнѣ до зарѣзу было нужно. Тятеньки дома не было, я взялъ да и запѣлъ «со святыми упокой», потому знаю, что она смерть этого боится и считаетъ за предзнаменованіе смерти. Она проситъ, чтобъ я замолчалъ, а я не унимаюсь, и наконецъ сказалъ: «давайте двадцать пять цѣлковыхъ, а то цѣлый день пропою». Чтожь ты думаешь? вѣдь дала. Вотъ, другъ любезный, до чего я дошелъ.

Твой другъ Михаилъ Армяковъ.

IV.

Отъ купеческаго сына Михаила Армякова къ Пантелѣю Мамзину.

Другъ любезный, Пантелѣй Иванычъ!

Сообщаю тебѣ и радость свою, и вмѣстѣ съ симъ горе. Надняхъ Катя сказала мнѣ, что у нея будетъ ребенокъ, а вчера тятенька объявилъ, что онъ мнѣ нашелъ невѣсту и что въ воскресенье мы поѣдемъ на смотрины. «Довольно, говоритъ, тебѣ по разнымъ Катькамъ шляться, да отцовскую выручку выгребать; вѣдь имъ, безпутницамъ, чужаго добра не жаль. Имъ-бы только опутать человѣка да грабить». Вѣришь ты,—при этихъ словахъ у меня даже въ головѣ помутилось; но я смолчалъ. Цѣлый день ходилъ я какъ сумасшедшій, а вечеромъ убѣжалъ изъ дома, напился пьянъ и часа два во всю прыть носился на лихачѣ по Александровскому парку и стегалъ кнутомъ прохожихъ. Это я злобу свою вымещалъ. Два раза гнались за мною городовые, но я успѣлъ скрыться. Дома, разумѣется, была мнѣ страшная гонка, ну да наплевать. Я ужъ обтерпѣлся. Теперь нахожусь

Digitized by Google

въ одуреніи и совсѣмъ потерялъ голову. Катя больна и работать совсѣмъ не можетъ. Деньги нужны до зарѣзу, а пѣніе: «со святыми упокой» не помогаетъ. Третьяго дня терзалъ имъ маменьку часа два, но тщетно — денегъ у нея нѣтъ. Просилъ ее, чтобъ стянула у тятеньки изъ бумажника, когда онъ спитъ. Обѣщала, но вѣдь тутъ нужно ждать удобнаго случая. Онъ нынче сталъ хитеръ и бумажника зря не кладетъ. Вчера я рѣшился на послѣднюю хитрость: объявилъ нашему прикащику Василью Панфилову, что буду смотрѣть на его хапунцы изъ выручки сквозь пальцы, ежели онъ будетъ со мной дѣлиться. Сначала было онъ на дыбы и хотѣлъ жаловаться тятенькѣ, но потомъ смирился и далъ десять цѣлковыхъ. Ахъ! чего, чего только не сдѣлаетъ человѣкъ, когда ежели ему круто приходится! Ночью былъ у Кати и просидѣлъ до заутрени. О смотринахъ не сказалъ ей ни слова.

Твой другъ М. Армяковъ.

V.

Отъ Михаила Армякова къ Пантелѣю Мамзину.

Милый другъ Пантелѣша!

Спѣшу тебѣ повѣдать мои скорби. Въ воскресенье были смотрины Невѣста красивая и за ней двадцать тысячъ чистоганомъ, и тятенька съ радостію за нее ухватился. Въ тотъ-же день по рукамъ ударили и Богу помолились. Меня не спросили даже нравится ли она мнѣ. Господи, что мнѣ дѣлать? Бѣдная Катя! Ежели обвѣнчаться съ ней тайно, но вѣдь на это все-таки нуженъ паспортъ и другіе документы, а они у тятеньки. Какъ ихъ взять отъ него? Ежели требовать ихъ судомъ, то чѣмъ я буду жить послѣ этого? Онъ прогонитъ меня, разскажетъ всѣмъ торговцамъ, что я его на лѣвую ногу обдѣлалъ, и меня никто не возьметъ къ себѣ въ прикащики. Заняться другимъ дѣломъ? Но я ничему неученъ и ничего не знаю. Чѣмъ я тогда буду содержать себя и Катю? Всю жизнь я жилъ за тятинькиной спиной и теперь весь въ его рукахъ. Правда, онъ говоритъ про меня маменькѣ: «мое дѣтище,—хочу съ кашей ѣмъ, хочу масло пахтаю». Другъ любезный, подумай и отпиши что мнѣ дѣлать? Умъ хорошъ, а два лучше. Свадьба назначена черезъ мѣсяцъ, а я совсѣмъ какъ сумасшедшій, и въ головѣ все перепутано. По ночамъ даже бредъ бываетъ и все страшные сны снятся. Вчера съ горя послалъ маль-

Digitized by Google

чишку за полштофомъ водки и напился на ночь до безчувствія. Молодцы разсказывали, что я бушевалъ и хотѣлъ бѣжать бить тятеньку желѣзнымъ аршиномъ, но я ничего не помню.

Твой другъ Михаилъ Армяковъ.

VI.

Отъ Михаила Армякова къ Пантелѣю Мамзину.

Другъ Пантелѣй Иванычъ! Заочно цѣлую тебя несчетное число разъ и крѣпко обнимаю. Ты единственный человѣкъ, кому я могу повѣрить свое горькое горе. Свадьба — черезъ недѣлю, а я еще ничего не придумалъ что мнѣ дѣлать. Бѣдная Катя все еще ничего не знаетъ. Во вторникъ я уѣхалъ отъ невѣсты раньше и былъ у нея. Хотѣлъ ей сообщить о моемъ горѣ, но и языкъ не поворотился. Пока я сидѣлъ у нея, она сшила мнѣ галстухъ въ подарокъ и сама навязала его мнѣ на шею. Теперь она меня не иначе называетъ, какъ будущій папаша, и при этомъ словѣ вся кровь приливаетъ мнѣ въ голову. Ахъ какое мое положеніе! Злому татарину не пожелаю моей участи. На другой день послѣ свиданія съ нею я рѣшился на послѣднее средство, чтобы разстроить свадьбу, и объявилъ моему будущему тестю, что у меня есть душенька и что у нея скоро будетъ ребенокъ; но и это не помогло. Онъ потрепалъ меня по плечу и сказалъ: «быль молодцу не укоръ и съ нами то же бывало. Пусть тятенька тряхнетъ мошной и тогда десятерымъ душенькамъ можно глотку заткнуть». Мерзавецъ! Онъ думаетъ, что она Богъ знаетъ какая! Да безкорыстнѣе ея человѣка на свѣтѣ нѣтъ! На утро онъ разсказалъ о нашемъ разговорѣ тятенькѣ. Тятенька позвалъ меня въ верхнюю лавку и долго ругалъ. «Говори, говоритъ, гдѣ живетъ твоя мамзюлька? Дѣлать нечего пойду къ ней торговаться». Но какъ онъ ни приставалъ ко мнѣ насчетъ ея адреса, я все-таки не сказалъ. Въ сердцахъ онъ даже ударилъ меня по щекѣ и схватилъ за вихры. Говорятъ, что родителевъ слѣдуетъ любить и почитать, но какъ ихъ почитать, когда они съ своимъ дѣтищемъ эдакіе карамболи загибаютъ? Ты пишешь, чтобы я просилъ заступиться за себя маменьку, но маменька у насъ въ домѣ ничего не значитъ и она составляетъ собою все равно, что котъ въ лавкѣ. Думаю ужъ написать Катѣ письмо и объяснить ей мое положеніе. На словахъ я не могу этого сдѣлать. Старшій прикащикъ нашъ опять сталъ упираться

Digitized by Google

насчетъ дѣлежки хапунца изъ выручки, и какъ я съ нимъ ни бился, ничего не могъ подѣлать. Вчера въ отсутствіи тятеньки я взялъ изъ лавки кусокъ атласу и заложилъ его ростовщику за шестьдесятъ рублей. Это ужъ воровство, но вѣдь надо же чѣмъ-нибудь содержать мою милочку Катю.

Прощай и пожалѣй твоего друга Михаила.

VII.

Отъ купеческаго сына Михаила Армякова къ Екатеринѣ Кроликовой.

Ангелъ небесный и другъ сердечный Катюша! Радость моя неземная! Добрая моя крошечка! Рѣшаюсь тебѣ сообщить о великомъ несчастіи, постигшемъ меня. Словесно сдѣлать это я былъ не въ силахъ. Упадаю передъ тобой на колѣни и цѣлую твои бѣлыя ручки. Несчастіе мое заключается въ томъ, что тятенька собирается меня женить, и мнѣ жениться необходимо. Чего, чего ни дѣлалъ я, чтобы разстроить свадьбу, но ничего не помогло. Разъ даже явился къ невѣстѣ въ самомъ пьяномъ видѣ и изругалъ ея родственниковъ, но и то сошло съ рукъ. Пробовалъ говорить съ тятенькой, но къ нему и приступу нѣтъ. Начнешь говорить, а онъ сейчасъ: «Мишутка, береги свою вшивицу». Да еще пуститъ въ тебя, что подъ руку попадется. Я хотѣлъ обвѣнчаться съ тобой тайно, но документы мои у тятеньки. Кромѣ того, чѣмъ-бы я могъ содержать тогда тебя, моя милочка? Я долженъ-бы былъ скитаться тогда безъ мѣста, подобно Каину, такъ какъ тятенька по злобѣ навѣрное обнесъ-бы меня воромъ или бездѣльникомъ. Сегодня опять валялся у него въ ногахъ, но онъ твердитъ одно: «прокляну». Больше я ничего не въ силахъ сдѣлать и завтра въ четыре часа въ церкви у Владимірской будетъ моя свядьба. Видно ужъ такъ Богу угодно! Умоляю тебя, помоги мнѣ: приди въ церковь и разстрой свадьбу. Я скандала не боюсь и даже обрадуюсь ему. Для тебя я все перенесу. Но хотя мнѣ и прийется обвѣнчаться,—вѣрь, что я все-таки буду принадлежать тебѣ, а твой одинъ мизинецъ будетъ для меня дороже моей жены. Помогать тебѣ и твоему будущему ребенку я буду до послѣдняго издыханія силъ.

Твой на вѣки и до гроба любящій тебя
Михаилъ Армяковъ.

Digitized by Google

VIII.

Отъ Екатерины Кроликовой къ купеческому сыну Михаилу Армякову.

Милостивый государь Михаилъ Григорьевичъ!

Поздравляю васъ съ законнымъ бракомъ и будьте счастливы съ своей супругой, а меня оставьте въ покоѣ навсегда. Должна вамъ сказать, что вы очень низко полагаете, ежели думали, что я рѣшусь на скандалъ въ церкви. Да я и стыда этого на себя не возьму. Да и что за радость быть съ вами знакомой коли вы до того позволили собой помыкать, что васъ обвѣнчали силой. Нынче и не съ каждой дѣвушкой это можно сдѣлать, а не токма съ мущиной. Помощи отъ васъ не желаю. Какъ ни бѣдна я, но всегда могу прокормить себя и своего ребенка.

Извѣстная вамъ Екатерина Кроликова.

IX.

Отъ купеческаго сына Михаила Армякова къ Пантелѣю Мамзину.

Другъ Мамзинъ.

Все прошло, и я самый несчастный человѣкъ въ мірѣ. Я женатъ, и Катя, добрая моя Катя, оттолкнула меня отъ себя. Да я и стою этого. Я не человѣкъ, а баба. Все-то изъ меня вышибли, и я ни на что не годенъ! Вчера я отправился было къ Катѣ, но она не пустила меня къ себѣ. Какъ оплеванный вернулся я домой, напился пьянъ и избилъ свою жену. Она ни въ чемъ не повинна, но вѣришь-ли— я видѣть ее не могу. Господи, какъ-бы не случилось со мной какого грѣха!

Больше писать не въ силахъ. Прощай и пожалѣй друга твоего

Михаила.

Digitized by Google

НАШЕ ДАЧНОЕ ПРОЗЯБАНІЕ.

I. Лѣсной.

Лѣсной. Часъ пятый дня. Приникла къ землѣ пыль на Старо-Парголовской дорогѣ, этомъ злачномъ и прохладномъ мѣстѣ, гдѣ преимущественно прозябаетъ купечество, умолкли докучливые голоса разнощиковъ, предлагавшіе на разные тоны и «щетки половыя», и «рыбу живу», и «свѣжи яйца»; музыкальныя горла бабъ-селедочницъ, осипшій за день, сдѣлали паузу и давно уже промываются чаемъ въ трактирѣ, что противъ часовни. Спятъ дачницы въ дачахъ, спятъ цѣпные псы на дворахъ, около своихъ будокъ, прикурнули городовые въ тѣнистыхъ мѣстахъ на скамейкахъ и бревнушкахъ. Улица какъ бы вымерла, и только кой-гдѣ попадаются зѣвающія няньки съ ребятами на рукахъ и въ колясочкахъ. Одурь какая-то царитъ въ воздухѣ, апатія, лѣнь. Съ Муринскаго проспекта доносится звонокъ вагона конно-желѣзной дороги, подвозящаго изъ города дачниковъ, покончившихъ съ своими занятіями и торопившихся къ обѣду. Вотъ на аллеяхъ показались и они, эти труженики семей, голодные, измученные, обозленные, навьюченные разными закупками въ пакетахъ, тюрюкахъ и кардонкахъ. Одинъ изъ нихъ остановился около калитки палисадника красивой дачи съ балкономъ, убраннымъ полосатымъ тикомъ, и стучится.

— Марья Ивановна! жена! нянька! Мавра! Или кто тамъ? Федоръ! Отворите—кричитъ онъ.

Отвѣта никакого. Стукъ и окликъ повторяются, но тщетно.

— Ахъ ты, Боже мой! И зачѣмъ только они запираютъ эту калитку? Марья Ивановна! Маша! Да, что вы, оглохли? Нѣтъ, видно спятъ... Машенька!.. Мавра! Нѣтъ, не достучаться... Развѣ черезъ

Digitized by Google

дворъ, въ ворота?.. Впрочемъ, я самъ приказалъ дворнику ихъ запирать и даже замокъ шведскій купилъ. Пойду позвонюсь! Тамъ дворникъ, и колокольчикъ прямо къ нему проведенъ.

Дачникъ направляется къ воротамъ и изъ всей силы дергаетъ за звонокъ, но на дворѣ никого, даже и собака не лаетъ.

— Вы, баринъ, насчетъ колокольчика-то оставьте, оборванъ онъ. Даве почтальонъ звонился, такъ оборвалъ, замѣчаетъ остановившійся около него мальчикъ изъ мелочной лавочки. Такъ и не достучался, плюнулъ и ушелъ. А вы вотъ что, вы черезъ заборъ полѣзайте. Я хлѣбъ кухаркѣ носилъ изъ лавки, такъ тоже такимъ манеромъ.

Дачникъ въ раздумьѣ.

— Неловко, мой милый. Я самъ хозяинъ. Ну, что за видъ... точно воръ. Ахъ ты, Господи! Вотъ наказаніе-то! Днемъ въ свой собственный домъ попасть не можешь! восклицаетъ онъ и снова подходитъ къ калиткѣ палисада.

— Марья Ивановна! Маша! Мавра! Да что вы, сдохли, что-ли? Создатель! И голоса даже не подаютъ. Ну, что тутъ дѣлать? Нужно, дѣйствительно, черезъ заборъ... Только ужъ ежели лѣзть, то тутъ около калитки. Дѣлать нечего, попробую, говоритъ дачникъ и заноситъ ногу, но планки палисадника трещатъ подъ его тяжеловѣснымъ тѣломъ, тучность не позволяетъ перегнуться, заостренныя жерди задѣваютъ за платье.

— Давайте, сударь, я васъ пропихну, предлагаетъ мальчикъ. Ежели и свалитесь, то тамъ мягко: трава, кусты, песокъ.

— Нѣтъ, ужъ лучше вотъ что, милый: я тебѣ дамъ на чай гривенничекъ, а ты перелѣзь черезъ заборъ, да и побуди ихъ окаянныхъ. «Дескать, хозяинъ изъ города пріѣхалъ».

Мальчикъ чешетъ затылокъ.

— Отчего бы, сударь, не перелѣзть, да тамъ собака на блокѣ. Даве дворникъ какъ увидалъ, что я черезъ заборъ махалъ, сейчасъ и спустилъ ее. Песъ злющій. Мы ее второй годъ знаемъ. Мясникъ ходилъ, такъ только кускомъ говядины и спасается.

— Ну что жъ мнѣ теперь дѣлать? задаетъ себѣ вопросъ дачникъ.

— А вы вотъ что: вы возьмите камень, да и хватите въ стекло, сейчасъ услышатъ. Послѣ вставить можно. Стекольщики тутъ недалеко въ Кушелевкѣ живутъ.

Дачникъ поднимаетъ камень и хочетъ начать бомбардировку, но предварительно рѣшается еще разъ прибѣгнуть къ крику и стуку.

— Маша! Марья Ивановна! Мавра! Черти полосатые! снова раздается его голосъ, съ акомпаниментомъ камня о калитку.

На балконѣ показывается рыхлая женщина въ распашномъ ка-

Digitized by Google

потѣ, и зѣвая во весь ротъ, смотритъ по направленію къ калиткѣ, сдѣлавъ изъ ладони надъ глазами зонтикъ.

— Кто это тамъ? нищіе? Мелкихъ нѣтъ, Богъ подастъ, тянетъ она. Да, наконецъ, какое такое вы имѣете право въ чужія строенія стучаться?

— Маша! Марья Ивановна! Опомнитесь, отвори скорѣе, это я! Вишь, до чего доспались! Протри зеньки-то.

— Ахъ, это ты, Михаило Прохорычъ! А я, тебя дожидаясь, сѣла на балконъ читать «Огненную женщину», да на диванѣ-то мягко таково, такъ и вздремнула.

— Отворяй скорѣе. Смучился даже съ этими поносками.

— А вотъ я сейчасъ Мавру пошлю. Мавра! Мавра! Ну, и изъ головы вонъ, что я ее въ аптеку послала разбойничьяго уксусу для комаровъ купить, а то они совсѣмъ спать не даютъ. Искусали всю... Батюшки, да вѣдь ключъ-то у нея. Я ей сама отдала. Ты Михайло Прохорычъ, ступай къ воротамъ, а я пошлю кухарку къ дворнику, чтобъ онъ тебѣ ихъ отворилъ.

Хозяинъ, теряя терпѣніе, подходитъ къ воротамъ и ждетъ. На дворѣ показалась кухарка. Она бѣжитъ въ дворницкую и дубаситъ кулакомъ въ дверь. Выходитъ баба и разводитъ руками. Слышна перебранка. Кухарка плюетъ.

— Да скоро-ли же отворите то? кричитъ хозяинъ.

— Чѣмъ отворить-то? откликается кухарка. Дворникъ, мерзавецъ, ушелъ въ кабакъ и ключъ съ собой унесъ. Когда онъ вернется, кто его вѣдаетъ. Тамъ у нихъ теперь въ кабакѣ все равно, что благородное собраніе устроено: по цѣлымъ часамъ сидятъ, да въ орлянку играютъ. А вы вотъ что, сударь, вы пожалуйте съ другой улицы, тамъ у насъ на задахъ самодѣльная калитка устроена; кучеръ да Мавра заборъ разобрали, такъ что двѣ доски вынуть и пролѣзать могутъ. Пожалуйте!

Хозяинъ взбѣшенъ.

— Да прими ты отъ меня хоть поноски-то! Всѣ руки оттянуло' вопитъ онъ и перекидываетъ черезъ заборъ покупки. О, дьяволы, дьяволы! Указывай, куда идти, гдѣ у васъ калитка. Да поворачивайся-же!

— А вотъ сейчасъ, только попрошу дворничиху, чтобъ она собаку прибрала. Я то ее кормлю, такъ она ко мнѣ привыкла, а васъ какъ бы не покусала.

Черезъ четверть часа, хозяинъ входитъ въ свой домъ.

— Словно въ крѣпости живете, говоритъ онъ женѣ, цѣлуясь съ ней. И отъ кого вы это только запираетесь?

— Какъ отъ кого? Мало-ли тутъ всякаго народу днемъ шляется.

Digitized by Google

Ночью-то намъ не страшно съ мужьями. Одни вонъ цыганскіе славяне изъ турецкаго разоренія одолѣли до смерти. У Коницыныхъ вчера самоваръ утащили, какъ былъ съ угольями и кипяткомъ, такъ и утащили. Дворникъ поймалъ ихъ, а они ругаются: «Ты, говорятъ, не русъ, а собака, коли ежели этого самовара намъ не отдашь, намъ самоваръ на пушки нуженъ, чтобъ противъ турокъ сраженіе имѣть». Дворникъ устыдился и отпустилъ ихъ. Обѣдать-то, Михайло Прохорычъ, будешь?

— Еще-бы не обѣдать! Мужъ голоденъ, какъ собака, а она спрашиваетъ! Вели подавать.

Подаютъ на столъ супъ. Жена и мужъ садятся. Мужъ пьетъ водку.

— И что это здѣсь за водка, словно водой разбавлена, говоритъ онъ. Мнѣ Чижиковъ вчера разсказывалъ, что у военныхъ людей вышла новая мода эту самую водку торпедной начинкой настаивать, глицериномъ то есть. Такая, говоритъ, крѣпость, что страсть! Хорошо бы вотъ съ антиллеристомъ какимъ-нибудь познакомиться, да попросить у него полфунтика глицерину-то.

— Ну, вотъ! Нужно очень у чужихъ людей побираться, коли можно этого самаго глицерину, сколько хочешь, въ аптекѣ достать. Ужо пошли Мавру. Да какъ посылать будешь, такъ скажи, пусть она мнѣ какого ни на есть снадобья для сна купитъ, а то цѣлый день спишь и бѣлаго свѣту не видишь. Оно-бы и ничего, да сны страшные. Какъ заведу глаза, такъ и вижу, что будто бы я мониторъ, и подъ меня торпеду подводятъ. Опять же отъ сна и не ѣшь ничего. Вотъ глазами-то бы и съѣла что нибудь, а утробой не могу.

— Оттого и не можешь, что, поди, зобъ-то свой раза три уже сегодня разными разностями набила.

— Позавидовалъ ужъ! Анъ вовсе и не набивала! Щецъ, дѣйствительно, за завтракомъ вчерашнихъ похлебала, пирожка позоблила маленько, кашки манной, ну—а потомъ чай стали пить, такъ саечку съ вареньемъ съѣла. Хорошія у насъ такія сайки здѣсь на Муринскомъ. Да вотъ сейчасъ на балконѣ, передъ тѣмъ какъ заснуть, баранокъ вязочку сгрызла. Ахъ, какъ вы это попрекать любите! Небось, я вамъ ничего не говорю, когда у васъ этотъ самый апетитъ отъ пьянства проподаетъ. Помнишь, когда, во время славянскаго сочувствія, вы этотъ самый народъ въ доброволію провожали, такъ ты двѣ недѣли ничего не ѣлъ и только однимъ пьянствомъ питался.

— Такъ вѣдь то славянское сочувствіе. Всѣ свою повинность несли. Опять же съ нами черногорецъ одинъ путался, такъ должны-же были мы его, какъ слѣдуетъ... Вѣдь, братъ славянинъ.

— Ну, ужъ ты мнѣ зубы-то не заговаривай насчетъ братьевъ! Пріѣдетъ турокъ плѣнный, ты и съ нимъ будешь пить.

Digitized by Google

— Съ плѣннымъ туркомъ изъ человѣколюбія, потому завсегда нужно показать, что мы не варвары. Однако, довольно! Отъ этихъ глупыхъ преніевъ у меня только апетитъ пропадаетъ.

— Ну, а потомъ-то зачѣмъ пили, когда эта самая доброволія назадъ вернулась? продолжаетъ жена.

— Тоже изъ сочувствія. Слушали ихъ звѣрскіе разсказы про турокъ, ихъ подчивали и сами чокались.

— Мы тоже-бы могли это самое винное сочувствіе дѣлать, однако, не дѣлали. У насъ вонъ и по сейчасъ по Лѣсному болгарокъ прудъ пруди. Ходятъ по дачамъ и насчетъ турецкаго насилія, которое съ ними было сопряжено, разсказываютъ. Тоже есть что послушать; а поговоришь съ ними черезъ запертую калитку, разспросишь, какъ дѣло было, молодые или старые эти турки, подашь копѣечку, да и довольно. Тутъ даже иго турецкое по дачамъ носили, однако, мы не шли-же на него смотрѣть, коли это къ намъ не прикасается. Просила я одну болгарку развернуть тряпку и сквозь заборъ его показать, та не хотѣла, ну, и не надо.

— Вы, Марья Ивановна, въ себѣ и замѣчанія не содержите, что вы заврались. Кабы вы въ вашемъ просвѣщеніи имѣли поболѣе образованія, то взамѣсто того, чтобы читать Огненныхъ Женщинъ, скорѣй бы въ газеты заглядывали и тогда знали-бы, что иго это самое въ тряпкахъ носить нельзя, потому что его на четырехъ лошадяхъ возятъ, такъ какъ оно изъ желѣза сдѣлано, и въ немъ триста пудовъ.

— Ну вотъ! Фелицата Герасимовна еще вчера себѣ за двугривенный кусокъ у болгарки купила. Говорятъ, оно отъ зубовъ помогаетъ.

— Въ невѣжествѣ, конечно, всякая медицина въ ходъ идетъ, но образованный человѣкъ долженъ только лекарствами лечиться. Да и надула твою Фелицату Герасимовну эта болгарка и вмѣсто ига кусокъ какой-нибудь дряни продала.

— И вовсе даже не дрянь, а съ благоуханіемъ. Мавра видѣла: какъ бы смола, говоритъ, или сапожный варъ.

— А я тебѣ говорю, что этого быть не можетъ. По газетамъ, иго это теперь въ Москвѣ вмѣстѣ съ плѣнными турками находится, такъ какъ телеграмма пришла. Если-бы не измѣна у турокъ, его бы и не отбили. Московское купечество не тебѣ чета, просило себѣ махонькій кусочекъ отъ него отшибить, да и ему не дали. Казаки охраняютъ. За симъ довольно и молчи! Киселя я не хочу и лягу спать, а къ девяти часамъ поставь самоваръ. Гдѣ газета?

— Какъ-же, Михайло Прохорычъ, ты обѣщался послѣ обѣда въ Беклешовъ садъ гулять идти?

— А вотъ спервоначалу посплю, потомъ попью чайку, и тогда можно.

Digitized by Google

— Ну, ужъ, знаю я это гулянье! Разоспишься, такъ тебя тогда хоть полѣномъ по брюху бей, ты и то не встанешь. А еще хотѣлъ соловья слушать!

— И соловья, и кукушку послушаемъ. На все будетъ время. А теперь дай мнѣ газету. Нынче, кто хочетъ содержать себя въ современности, даже обязанъ про всѣ извѣстія знать. Сойдутся двое, и первый разговоръ—телеграммы. Давеча, вонъ, въ трактирѣ толковали, что взамѣсто папы теперь римская курія сидитъ, и что будто у нея ребенокъ есть отъ папы, котораго она на престолъ прочитъ.

— Очень тебѣ нужно знать! Для тебя что папа, что курія—одинъ интересъ.

— Совсѣмъ даже напротивъ того, такъ какъ черезъ это шелкъ вздорожать можетъ. За симъ извольте пришить вашъ языкъ и молчать.

Супругъ удаляется и ложится на диванъ. Слышенъ шелестъ газеты. Супруга, оставшись одна, начинаетъ всхлипывать.

— Маша! Марья Ивановна! поди сюда! раздается черезъ нѣсколько времени голосъ супруга.

— Оставьте меня, пожалуйста, лежите тамъ съ вашей куріей на диванѣ, коли вы ее на жену промѣнять хотите.

— Ну, поди же, дура! Я тебѣ телеграммы почитаю. Вонъ во Франціи правая сторона потерпѣла пораженіе отъ лѣвой. Полно сердиться, не будь лѣвой стороной.

— Плевать я хотѣла на вашу лѣвую и правую сторону!

— Да брось! Разскажи-ка мнѣ, что тебѣ болгарка про турецкое насиліе разсказывала...

— Ахъ, оставьте пожалуйста! Пусть лучше я слезами истеку, а ужъ властвовать надъ собой не позволю. Я не болгарка.

— Ну, иди, моя рыхленькая, иди, моя полненькая, иди миромъ. Не верблюда-же мнѣ за тобой посылать.

Жена улыбается сквозь слезы и направляется къ мужу. Пауза.

— И соловья послушаемъ? слышится ея вопросъ.

— И соловья. Соловьи только вѣдь по ночамъ и поютъ.

— И кукушку?

— Не токма что кукушку, а даже дятла, если хочешь.

— Въ такомъ разѣ, помиримся.

Миръ возстановляется поцѣлуемъ.

II. Черная Рѣчка.

Утро. Десять часовъ. На Черной рѣчкѣ все обстоитъ благополучно. Мутныя воды ея издаютъ запахъ, не имѣющій ничего общаго съ

Digitized by Google

одеколономъ. Скрипятъ блоки парома, перевозящаго чиновниковъ съ портфелями, купцовъ, спѣшащихъ пробраться по тѣнистымъ дорожкамъ Строгонова сада, до вагоновъ конно-желѣзной дороги. На балконахъ дачъ виднѣются остывшіе самовары. Мужская половина дачниковъ отправилась въ городъ, остались только женщины. Вотъ извѣстная всѣмъ подполковница Патрикевна, сидѣла, сидѣла, за кофейникомъ, зѣвала, зѣвала во весь ротъ, и наконецъ, встала, направившись въ комнаты.

— Одры вы несчастные! Да встанете-ли вы наконецъ? кричитъ она все спящимъ дочерямъ. Вотъ наградилъ Богъ дочками! «Наймите, говорятъ, маменька, намъ дачу, такъ мы живо себѣ жениховъ найдемъ, потому на легкомъ воздухѣ мужчины чувствительнѣе?» Ну, вотъ теперь и ищутъ до двѣнадцатаго часа, уткнувъ свои носы въ подушку! Ахъ вы, клячи! Жаль, что Щапинъ обанкрутился, а тобы ужъ продала ему васъ для дилижансовъ! Важная-бы тройка вышла изъ васъ, моихъ единоутробныхъ. Да, что вы, оглохли, что-ли?

— Гдѣ оглохнуть! Слышимъ, что маменькой запахло! откликается сонный голосъ. Вы лобъ-то до ругани перекрестили-ли? Вѣдь вамъ брань эта самая все равно, что бутербродъ къ чаю.

— Огрызайся, огрызайся! Чѣмъ-бы съ добрымъ утромъ поздравить, а она, на, поди! Нѣтъ—чтобы мать пожалѣть, что она цѣлый часъ для своихъ дочекъ за самоваромъ дежуритъ.

— Вы, я думаю, во время дежурства-то этого, чашекъ семь въ себя кофею влили! Нечего было дежурить! Мы и второй самоваръ поставимъ, да кофейныхъ переварокъ напьемся.

Въ комнатѣ слышно громыханье юбокъ, шлепанье туфлей. Черезъ десять минутъ, три дочки выходятъ на балконъ. Начинается опять перебранка.

— Выплыли! Слава тебѣ, Господи! Не выставляйте хоть рожъ-то вашихъ полосатыхъ на улицу. Воронъ вами пугать на огородѣ, а не жениховъ приманивать? Ну, садитесь затылками къ тротуарамъ-то. Петръ Иванычъ еще не проходилъ. Лизавета, тебѣ говорятъ?

— Петръ Иванычъ не за мной ухаживаетъ, а за Леной, откликается младшая дочь. Вы вѣдь сами знаете, что ко мнѣ конюшенный офицеръ неравнодушенъ. Лена, надѣнь въ самомъ дѣлѣ шиніонъ, не хорошо: хоть и затылкомъ сидишь, а все проплѣшина видна и, вмѣсто косы, крысиный хвостъ.

— Петръ Иванычъ съ благородными чувствами, и на мнѣ, а не на шиніонѣ женится. Къ тому-же онъ близорукъ, и даже еще третьяго дня, въ Строгоновомъ саду одного дьякона за меня, по ошибкѣ, принялъ. Черезъ это самое даже исторія вышла, такъ что онъ боится въ газету попасть.

Digitized by Google

Начинается разливаніе кофею.

Что-жъ вы материнскимъ-то великодушіемъ хвастались? Отъ кофею одна гуща осталась.

— Да вы и этого-то не стоите! На живодерню васъ, такъ и тамъ никто за васъ гроша не дастъ. Лошадь, такъ у той хоть кожа, а у васъ что? Ну, что Петръ Иванычъ?

— Да ничего. Вчера гуляли по саду. Вздыхалъ онъ, говоритъ, что ему холостая жизнь надоѣла. Погодите, будетъ мой. Нельзя-же вдругъ... А то упорно поведешь атаку, онъ и испугается.

— Письмо любовное ему писала?

— Я вамъ говорю, что письмомъ все дѣло испортить сразу можно. Нужно исподволь. Помните въ четвертомъ году, флотскаго офицера: какъ получилъ письмо, сейчасъ впалъ въ сомнѣніе и исчезъ.

— Такъ что-же это ты съ Петромъ Иванычемъ до втораго часа ночи въ Строгоновомъ саду дѣлала?

— Гуляли, потомъ сѣли на скамейку; началась легкая перестрѣлка глазами. Ну, я взяла у него изъ рукъ палку, и будто невзначай, начертила на пескѣ его и свой вензель подъ дной короной «Е. и П.».

— Ну, а онъ что?

— Онъ тоже вынулъ изъ кармана перочинный ножикъ и сталъ вырѣзывать на скамейкѣ буквы, но вмѣсто «Е», у него вышло какое-то «С».

— Морочитъ онъ тебя, дуру, а ты вѣришь, вставляетъ слово средняя сестра. Нарочно! Вѣдь, онъ за Серафимой Семеновной ухаживаетъ, вотъ за этой брюнеткой, что все на лыжахъ по рѣчкѣ ѣздитъ, да только тамъ ему карету подали.

— Пожалуйста, не обмишуртесь сами! Будто я не видала, что онъ букву «Е» выводилъ, а, по ошибкѣ, «С» вышелъ. Вы на себя-то оглянитесь. Вы вотъ полагаете, что Генадій Васильевичъ для васъ мимо нашихъ оконъ ходитъ, а онъ это для горничней Дашки дѣлаетъ, что у протопопа живетъ.

— Заспорили! перебиваетъ ихъ мать.—Погодите, всѣхъ по порядку допрошу. Ну, Еленка, смотри! Ежели ты у меня нынѣшнимъ лѣтомъ за какого нибудь лѣшаго замужъ не выскочишь,—собственноручно тебя отравлю. Возьму и подсыплю тебѣ буры въ кофей.

— Васъ же въ Сибирь и сошлютъ, а я права останусь. Нельзяже, маменька, сразу, тяпъ-ляпъ, да и клѣтка.

— А я, небось, сразу свои послѣдніе золотые часишки къ жидувъ залогъ снесла, да за дачу задатокъ отдала; сразу пенсіонную книжку вамъ одрамъ на платья лѣтнія у ростовщика завозила? Ты мнѣ зубы-то не заговаривай, а ты только такъ или иначе, вызови Петра Иваныча на любовную переписку, добудешь отъ него цѣдул-

Digitized by Google

ку съ признаніемъ,—значитъ, онъ нашъ: пожалуйте, молъ, честью подъ вѣнецъ, а нѣтъ, мы къ мировому, потому невинную благороднаго званія дѣвушку конфузить нельзя, кругомъ огласка... Ну, а ты, Лизавета, на сколько съ своимъ конюшеннымъ подвинулась?

— Да онъ, маменька, какой-то неповоротливый. Я его въ темную аллею завлекаю, а онъ говоритъ, что лягушекъ боится, отвѣчаетъ средняя дочь.

— Нечего сказать, хорошъ воинъ, который лягушекъ боится! язвитъ старшая. Офицеры на Дунаѣ напротивъ мониторовъ идутъ, а онъ отъ лягушки бѣжитъ.

— Оставьте пожалуйста! Конюшенные офицеры вовсе даже не для войны. Они лошадей артикулу обучаютъ.

— Оставьте, пожалуйста ваши споры! снова обрываетъ мать. Мужъ, который лягушекъ боится, еще прочнѣе. Плохо дѣло, кто ничего не боится, того ужъ въ руки не возьмешь. Ну, что-же дальше-то было? Ты его влекла въ аллею темную, а онъ не пошелъ. Потомъ-то что?

— Потомъ, купилъ мнѣ на горкѣ въ ресторанѣ палку шололаду, а самъ выпилъ двѣ бутылки пива, потомъ сѣли мы на скамейку, и я начала вздыхать.

— А онъ что? Сдѣлался-ли онъ хоть съ пива-то чувствительнѣе?

— Нѣтъ, маменька, его надо оставить и за другаго приняться. Я уже намѣтила тутъ одного чиновника въ бѣлой соломенной шляпѣ. Съ пива офицеръ этотъ сдѣлался дѣйствительно какъ будто чувствительнѣе, но сейчасъ заговорилъ о лошадинномъ бракѣ, да о лошадяхъ.

— Ну, Лизка, ужъ ежели ты такого вахлака опутать не съумѣешь, то такъ вѣкъ тебѣ въ дѣвкахъ и сидѣть. Была выдрой, выдрой и останешься! Да будь я на твоемъ мѣстѣ, я не только-бы его, а и всѣхъ бракованныхъ лошадей этихъ въ двѣ недѣли къ рукамъ прибрала. Пиши ему сейчасъ любовное письмо, возьми у Нади листокъ розовой бумаги съ голубкомъ и пиши! Я сама диктовать буду.

— Я вамъ говорю, что его любовными чувствами не проберешь. Тутъ что нибудь другое надо. Онъ все о ботвиньѣ съ лососиной поминалъ. Вотъ, ежели-бы его обѣдать на ботвинью позвать...

— Изъ какихъ доходовъ, матушка? Лососина полтина фунтъ. Не ложки же мнѣ серебряныя закладывать. Да наконецъ, чѣмъ онъ тогда хлѣбать будетъ? Вѣдь деревянную ему не подашь.

— Ахъ, маменька, гдѣ нужно рѣшительность, тамъ можно и шаль по боку. Кромѣ того у насъ шубки есть.

— Свой салопъ я давно заложила; за вашу же молеѣдину никто и на лососину не дастъ.

Digitized by Google

— Ужъ не на насъ-ли, скажете, и шуба-то пошла? дразнитъ младшая дочь. Мы тоже знаемъ, что, заложивъ ее, вы всѣ деньги въ два вечера, въ Благородкѣ въ мушку проиграли.

Подполковница всплескиваетъ руками.

— Ахъ, идолка ты, идолка! Еще туда-же, мать попрекать вздумали! кричитъ она. — Кому я проиграла? кому? Развѣ не тому самому армянину, который съ тобой танцуя весь тебѣ хвостъ у платья сапожищами оборвалъ и всю талію руками захваталъ и изцарапалъ. Вѣдь думала, что прокъ выдетъ. Сама-же ты мнѣ разсказывала, что онъ тебѣ въ кадрили на ухо шепталъ, что онъ блондинокъ лучше любитъ, чѣмъ брюнетокъ и что ежели женится, то непремѣнно на благородной русской дѣвушкѣ. А бюрюзовое кольцо, что онъ тебѣ подарилъ, такъ ужъ ничего и не значитъ?

— Такъ вѣдь вы его на другой-же день у меня и отняли. Оно въ дѣло пошло. Мы имъ для Лизы телеграфиста обѣдами прикармливали. Насчетъ меня, маменька, вы не бозпокойтесь. У меня всякіе залоги любви отъ одного кавалера есть: и письма любовныя, и сувениры изъ волосъ, и даже медаліонъ, а отъ кого—это секретъ. Одно скажу: ожидайте надняхъ моего похищенія, потому я объявила, что меня такъ, по благородству моего папаши и по смольному воспитанію, не выдадутъ. Я своему жениху такіе турусы подпустила, что онъ сомлѣлъ даже. Одинъ день сказала, что за мной тридцать внутреннихъ билетовъ въ приданое, другой день—что деревня въ Новгородской губерніи.

— Охъ, дай-то Господи! Твоими-бы устами да медъ пить! заключаетъ мать.

Въ комнатахъ, между тѣмъ, слышенъ говоръ. Мужской говоръ перемѣшивается съ женскимъ.

— Марья, что тамъ! вопрошаетъ подполковница.

— Сударыня, васъ дворникъ спрашиваетъ, отвѣчаетъ кухарка.

— Скажи ему, что меня нельзя сегодня видѣть.

— Какъ-же это такъ нельзя видѣть, коли я вижу, баситъ дворникъ.—Хозяинъ за деньгами прислалъ. Пожалуйте, за дачу. За двѣнадцать рублей задатка два мѣсяца жить нельзя! Вѣдь васъ въ апрѣлѣ еще къ намъ принесло. Снѣгъ подтаивать только началъ.

— Ты, милый, во-первыхъ, не груби! А, во-вторыхъ, не лѣзь на балконъ. Ты мужикъ, и твое мѣсто на подъѣздѣ. Деньги ты получишь завтра. А насчетъ грубостей твоихъ—съ тобой генералъ поговоритъ. Къ намъ сегодня генералъ обѣдать пріѣдетъ.

— Ты деньги отдай! Намъ генералы-то не больно страшны. У насъ и съемщикъ на вашу дачу есть. Если сегодня честью не отдашь, завтра-же къ мировому, и съ полиціей тебя по шеямъ.

Digitized by Google

— Вонъ, мерзавецъ!

— Поругайся, поругайся еще! А еще подполковница! Эхъ, а еще господа! говоритъ дворникъ и уходитъ.

Пауза.

— Ну, что вы на это скажете? разводитъ мать руками.—Выдры! клячи! идолы! Ну, ведите меня самою на живодерню! Авось хоть за меня кто ни-на-есть что-нибудь дастъ.

Дочери плачутъ.

III. Новая Деревня.

Утро. Десятый часъ. Новая Деревня. На всевозможные лады зазываютъ разнощики, выкрикивая названія товаровъ. Гудятъ басы угольщиковъ, стонутъ тенора рыбаковъ, поютъ контръ-альты мальчишекъ-курятниковъ, съ огурцами и раками и покрываются звонкими дискантами бабъ-селедочницъ. Въ портерныхъ уже пьютъ, не взирая на ранній еще часъ; въ билліардныхъ щелкаютъ шары. Въ одной изъ дачъ на Первой линіи выходитъ на балконъ дачникъ въ халатѣ, озирается кругомъ и видитъ лежащій на дорожкѣ сапогъ со шпорой. Дачникъ недоумѣваетъ, спускается съ балкона, пихаетъ его ногой слегка и наконецъ поднимаетъ.

— Надя! Надежда Семеновна! кричитъ онъ. Откуда у насъ взялся въ саду этотъ сапогъ?

— Неужто въ саду? Ахъ, мерзкая! Да это, видно, наша Валетка затащила, отвѣчаетъ изъ комнаты сидящая за самоваромъ жена. Впрочемъ, ты самъ виноватъ, Николай Анисимовичъ. Начнешь раздѣваться и разбрасываешь, куда ни попало, свои доспѣхи. Вчера искалъ свой чулокъ, ругался, ругался, а онъ преспокойнымъ манеромъ виситъ себѣ на лампѣ.

— Ты мнѣ зубы-то не заговаривай, а отвѣчай, чей это сапогъ? уже повышаетъ тонъ мужъ.

— Какъ чей! Само собой, твой.

— Пожалуйста не смѣши. Ты очень хорошо знаешь, что чиновникамъ духовнаго вѣдомства сапоговъ со шпорами не полагается, значитъ, этотъ сапогъ никакъ не можетъ быть моимъ.

— Со шпорой? Не можетъ быть!

— Извольте полюбопытствовать. Даже можете понюхать, ежели желаете.

Мужъ вноситъ въ комнату сапогъ и ставитъ его на столъ рядомъ съ чашкою чаю. Жена выпучиваетъ въ недоумѣніи глаза.

Digitized by Google

— Ей-Богу, не знаю, чей это сапогъ и откуда онъ взялся, бормочетъ она. Да, можетъ, ты пошутить вздумалъ и прикрѣпилъ къ нему шпору, дѣлаетъ она догадку.

— Мнѣ, сударыня, шутить некогда. Мнѣ впору только зарабатывать деньги и исполнять прихоти супруги, заводящей разные шуры муры съ господами военными. Я васъ въ послѣдній разъ спрашиваю: чей это сапогъ?

— Ахъ, Боже мой! Да не знаетъ-ли наша кухарка? Къ ней разные солдаты со всѣхъ сторонъ лѣзутъ. Настасья! поди сюда! Чей это сапогъ со шпорой у насъ въ саду баринъ нашелъ? Ну, отвѣчай! не запирайся, а то черезъ тебя только непріятности. Мало-ли къ тебѣ разныхъ кумовьевъ ходитъ.

— Не знаю, сударыня. А что до кумовьевъ, то ко мнѣ только дяденька пожарный и ходитъ, такъ они безъ шпоръ. И я вамъ вотъ что скажу—этотъ сапогъ офицерскій.

— Извольте видѣть, простая женщина и та вамъ носъ утираетъ, язвительно замѣчаетъ мужъ женѣ. Ну, пошла вонъ! кричитъ онъ кухаркѣ и всплескиваетъ руками. Ахъ, Боже мой! Боже мой! И послѣ этого вы смѣете роптать, зачѣмъ я васъ перевезъ въ Новую Деревню на дачу, гдѣ вы иногда невзначай увидите двухъ-трехъ дѣвицъ легкаго поведенія, курящихъ папиросы! Вы сами, сударыня, такая! О, теперь я очень хорошо понимаю, что значатъ всѣ эти стуки къ намъ по ночамъ разной пьяной компаніи, которая спрашиваетъ то Надьку, то какую-то Надежду Карловну! Сначала я думалъ, что къ намъ лѣзутъ по ошибкѣ, но теперь мнѣ все ясно.

— Да какъ ты смѣешь! кричитъ жена и сжимаетъ кулаки.

— Довольно! не горячитесь, останавливаетъ ее мужъ.—Прелестно! Дальше идти нельзя. Изъ надворной совѣтницы въ штабсъ-офицерскихъ чинахъ Надежды Семеновны вдругъ превратиться въ Надежду Карловну и даже хуже—въ какую-то Надьку!

— О, это уже изъ рукъ вонъ! Такъ я себя оскорблять не позволю! Ахъ, ты мерзавецъ! Такъ нà же!.. и сапогъ летитъ въ надворнаго совѣтника, но жена не довольствуется этимъ и хватаетъ со стола полоскательную чашку съ помоями, чтобы выплеснуть ему въ лицо.

Мужъ выбѣгаетъ на балконъ; она за нимъ.

— Послушай, не выводи меня изъ терпѣнія! иначе я самъ забуду, что передо мной женщина! кричитъ онъ, въ свою очередь, и вырываетъ изъ земли колъ. Только смѣй! только смѣй плеснуть!

— Ахъ ты безстыдникъ! безстыдникъ! Рукъ-то марать о тебя не стоитъ. Самъ-то ты черенъ, какъ голенище вотъ этого сапога, что ты нашелъ, оттого ты черно и про другихъ думаешь. Вѣдь, съ то-

Digitized by Google

бой вмѣстѣ по Первой линіи прогуляться вечеромъ нельзя. Бабенки эти подлыя такъ и лѣзутъ къ тебѣ: то папироску закурить, то спичку требуютъ. Срамъ! Вчера вдругъ одна называетъ тебя по имени и проситъ рубль на память.

— Важная вещь. Стоитъ придавать этому значеніе! Хмѣльная женщина услыхала, что ты меня называешь по имени, и повторяетъ за тобой то-же самое. Наконецъ, я не дошелъ еще до той наглости, чтобы у меня мужчины свои сапоги со шпорами оставляли! Тьфу! какая мерзость!

Жена взбѣшена.

— Ты опять! Еще одно слово, и эта чашка вмѣстѣ съ помоями полетитъ тебѣ въ голову! вопитъ она.

— А ну-ко, попробуй! подбоченивается мужъ.

— И попробую! только пикни, только произнеси еще оскорбленіе!

На крикъ у палисадника останавливаются проходящіе. Кто-то съ билліарднымъ кіемъ въ рукѣ заглядываетъ черезъ заборъ изъ сосѣдней дачи, гдѣ помѣщается трактиръ, и кричитъ:

— Хорошенько ее! Давни, какъ слѣдоваетъ, по настоящему! Только коломъ ни Боже мой! синяки оставишь! Возьми ее въ подмикитки, да о землю! Съ бабой первое дѣло—вали ее затылкомъ кверху, а то глаза выцарапаетъ.

У палисадника тоже идутъ толки.

— Нѣтъ, кабы онъ ее прижалъ къ стѣнѣ-то этимъ коломъ, тогда тутъ ее и взнуздывай какъ хочешь, говоритъ мясникъ изъ сосѣдской лавки, преспокойно убравъ руки подъ замаранный въ крови передникъ. А теперь шабашъ! У насъ вонъ рядомъ сапожникъ живетъ, такъ тотъ какъ хватитъ жену сразу колодкой ну и усмиритъ, а нѣтъ, сейчасъ она ухватомъ вооружится, и тогда аминь.

— Позвольте, зачѣмъ-же и колодкой? По нынѣшнему, это даже лишнее, коли есть болѣе мягкіе предметы, напримѣръ, хлыстъ, ремень, вмѣшивается въ разговоръ остановившійся гребенщикъ. Супругу эти самыя вещи никогда при себѣ не мѣшаетъ имѣть. Или, за неимѣніемъ, стащи съ ногъ сапогъ и лупи ее голенищей.

— Послушайте, что здѣсь смотрятъ? что за происшествіе? спрашиваетъ отправляющійся въ городъ дачникъ, въ соломенной шляпѣ и портфелемъ въ рукахъ.

— Да вотъ, господинъ жену учитъ.

— Кака жена! откуда? Такъ подстега. Съ воздахтаршей живетъ.

— Нѣтъ съ, это подлинно жена ихняя, поясняетъ булочникъ съ корзиной за плечами. Мы, вѣдь, тутъ всѣхъ знаемъ, потому булочники, и такъ какъ всѣ больше на книжку у насъ забираютъ. Это господинъ Купоросовъ, чиновникъ онъ, а это ихъ супруга настоящая.

Digitized by Google

— Знаю, знаю Купоросова. И сильно онъ ее билъ? спрашиваетъ соломенная шляпа. Вотъ скотина-то!

— Гдѣ сильно! разъ пятокъ заушилъ, да и все. Даже и крови не вышибъ, отвѣчаетъ мясникъ.

— Ахъ, бѣдная! Вѣдь она молодая женщина, хорошенькая.

— Бѣдная! А она зачѣмъ Бога забыла? Безъ вины, сударь, мужъ стегать не станетъ.

— Какое безъ вины! взвизгиваетъ горничная въ туго-накрахмаленномъ ситцевомъ платьѣ. Мужъ на службу, а она въ Строгановъ садъ. Съ актеромъ какимъ-то снюхалась. Три раза онъ ее ловилъ и все молчалъ, ну, а вчера, какъ привела она его къ себѣ! ну, тутъ онъ и не стерпѣлъ.

Толки и пересуды идутъ все сильнѣе и сильнѣе, и такъ какъ перебранка между мужемъ и женой продолжается на балконѣ, то нѣкоторые любопытные зрители лѣзутъ уже въ садъ. Супруги замѣчаютъ это, наконецъ, и начинаютъ приходить въ себя.

— Ахъ, срамъ какой! Ну смотри на милость, что мы надѣлали! Мы зрѣлище вокругъ себя собрали. Да уйди ты, скройся, уткни носъ въ подушку и плачь, плачь о своемъ позорѣ! произноситъ мужъ. Вы зачѣмъ лѣзете въ чужой садъ? Вамъ чего надо? кричитъ онъ на вошедшихъ въ калитку постороннихъ зрителей и хватаетъ какого-то офиціанта во фракѣ и бѣломъ жилетѣ за шиворотъ.

— Ты, братъ, не очень... Я, вѣдь, не жена. Я и сдачи дамъ, замахивается тотъ на него.

— Вонъ отсюда! Или я сейчасъ пошлю за полиціей, и васъ свяжутъ, какъ воровъ!

— Смотри, самого чтобъ не связали за драку. Нонѣ тоже рукамъ воли давать не велѣно, ворчатъ зрители и удаляются изъ сада.

— Здравствуйте, Купоросовъ! Что у васъ тутъ за происшествіе? окликаетъ разъяреннаго мужа соломенная шляпа. Представьте, мнѣ вдругъ разсказываютъ, что вы жену били.

Мужъ опѣшилъ и начинаетъ запахивать халатъ.

— Нѣтъ, что вы! Какъ возможно! помилуйте.

— То-то. Въ нашъ вѣкъ такія неистовства могутъ совершать только турки. Но зачѣмъ-же у васъ палка?

— А вотъ видите ли... Тутъ забѣжала къ намъ въ садъ собака, и какъ говорятъ, бѣшеная, ну, мы и вооружились: я коломъ, а жена чашкой съ кипяткомъ, чтобы ее ошпарить.

— Да, ужъ и не говорите! Удивительно безпокойное здѣсь житье въ Новой Деревнѣ. То собака бѣшенная, то кто-нибудь ночью ворвется въ вашъ домъ и спрашиваетъ какую-то Марту или Берту. Шумъ, крикъ. Вчера, вонъ у меня сосѣда, статскаго совѣтника,

Digitized by Google

даже исколитили, конечно, по ошибкѣ исколотили. Идетъ онъ по Первой линіи, вдругъ выскакиваютъ лакеи изъ трактира, валятъ его съ ногъ и начинаютъ его тузить и приговаривать: «будешь впередъ шары съ билліярда воровать, мерзавецъ!» Увидавъ свою ошибку, они извинились; но что толку въ извиненіи, когда он успѣли поставить ему синякъ подъ глазомъ, и въ довершеніе всего, ссадили носъ, такъ что онъ и очки надѣть не можетъ.

— Да, это непріятная исторія... пробуетъ улыбнуться мужъ!

— И каждый день, каждый день какое-нибудь приключеніе, продолжаетъ соломенная шляпа. Зналъ-бы, ни зачто не переѣхалъ въ Новую Деревню. Оно хорошо—вода близка, а я страстный охотникъ удить рыбу и раковъ. Даже и сегодня всю ночь подъ мостомъ у свай просидѣлъ и только къ утру явился домой. Откровенно вамъ говорю: жену боишься одну дома оставить, потому посторонніе люди въ дома врываются. Черезъ двѣ дачи отъ насъ нѣмецъ живетъ, конторщикъ онъ. Ушли это они третьяго дня въ Ливадію; возвращаются домой, смотрятъ, дверь отперта, кухарка пьяна и пляшетъ на дворѣ съ кондукторами казачка подъ гармонію, а на ихъ двухспальной постелѣ спитъ какой-то купецъ. Гонятъ его вонъ—пьянъ и не идетъ. «Я, говоритъ, къ Бертѣ Кондратьевнѣ пришелъ». Однако, прощайте, Въ городъ пора! Вы развѣ не ѣдете въ должность?

— Нѣтъ, поѣду, да вотъ съ бѣшенной-то собакой... Прощайте, Герасимъ Николаичъ!

Соломенная шляпа́ кланяется и отходитъ. Мужъ опирается на колъ, и смотря ему въ слѣдъ, произноситъ: «мерзавецъ!» Между тѣмъ, въ палисадникъ заглядываетъ городовой.

— Не слыхали, господинъ, говорятъ, здѣсь какая-то драка была?.. спрашиваетъ онъ.

Мужъ вспыхиваетъ.

— Бѣшеныя собаки здѣсь, по вашему недосмотру, точно что бѣгаютъ, и вотъ сейчасъ одна сюда ворвалась, отчеканиваетъ онъ. Чѣмъ-бы драки-то разыскивать...

— Сейчасъ мясникъ мнѣ сказывалъ. «Чиновникъ, говоритъ, жену коломъ учитъ». Наше дѣло не допущать.

Мужъ плюетъ и направляется къ балкону. На встрѣчу ему выскакиваетъ жена.

— Пожалуйте сюда, пожалуйте! восклицаетъ она.—Вы дѣлаете скандалы, собираете около дачи народъ, оскорбляете беззащитную женщину, передавая ея имя поруганію, и даже мало того—вооружаетесь противъ нея, какъ противъ какого-нибудь монитора, шестомъ и хотите бить. Но что-же оказывается? Оказывается, что женщина эта невинна. Ахъ вы, дрянь, дрянь! Да послѣ этого, если вы будете

Digitized by Google

въ ноги мнѣ кланяться и на колѣняхъ ползать и тогда не вымолить вамъ прощенія. Поди сюда, милая! Разскажи, что ты ищешь? обращается она въ дверяхъ къ чьей то кухаркѣ и вызываетъ ее на балконъ.

— Да вотъ видите, сударь, такая исторія вышла, что, можно сказать, даже смѣху подобно... начинаетъ застѣнчиво кухарка и перебираетъ свой передникъ. И не шла я, да барыня ужъ очень проситъ: «поди, говоритъ, Матрена и поищи, пораспроси потихоньку у прислуги по сосѣднимъ дачамъ»... Не попалъ-ли, сударь, къ вамъ въ садъ какъ-нибудь офицерскій сапогъ со шпорой?

Мужъ подбоченивается и иронически улыбается.

— Что это—стачка? преднамѣренный уговоръ? попытка вывернуться? спрашиваетъ онъ.—Чей же это сапогъ, моя милая?

— Барина нашего, офицера.

— Зачѣмъ-же это твой баринъ ходитъ по чужимъ садамъ и теряетъ свои сапоги?

— То есть, какъ вамъ сказать, сударь... заминается кухарка. Они мнѣ не баринъ, нашъ баринъ статскіе, а это, изволите видѣть, гость.

— И гостю нечего по чужимъ садамъ шляться и сапоги свои забывать...

— То есть даже и не гость, а изволите видѣть, они барыню нашу утѣшаютъ. Вышла барыня наша замужъ, а мужъ больше на счетъ рыбной ловли, ну, понятно, молодыя онѣ, и имъ скучно, потому ожидали совсѣмъ другаго.

— Ты, милая, не путай, а говори толкомъ.

— Я, сударь, вамъ, какъ передъ истиннымъ... Баринъ нашъ уѣхали на всю ночь раковъ ловить, а къ барынѣ офицеръ пріѣхали, утѣшать чтобъ ихъ. Хотѣли, наконецъ, домой ѣхать, а барыня ихъ не пускаютъ. Они артачатся, потому ревность... сами знаете, какое здѣсь мѣсто касательно женскаго пола. Куда не плюнь, вездѣ баба. Опять же барыня и боятся. Къ намъ вонъ и то на прошлой недѣлѣ чужаго мужчину въ дачу извощики внесли. Мы-то впустили, потому полагали, это нашъ баринъ собственный и изъ гостей пьяный, анъ вышло совсѣмъ напротивъ. И не догадались до утра-бы, да проснулся онъ ночью и сталъ портеру требовать, ну, тутъ мы увидали, что чужой мужчина. Мы его гнать—нейдетъ. Послали за городовымъ...

— Однако, къ дѣлу, милая, къ дѣлу. Чей-же это сапогъ?

— Да офицерскій, барынинаго утѣшителя. Барыня наша, чтобы ихъ у себя задержать, взяли ихъ сапогъ, вышли на балконъ да и перекинули черезъ дачу. Вотъ онъ къ вамъ въ садъ и попалъ. Ну, офицеръ и остался, потому какъ же объ одномъ сапогѣ... Отдайте,

Digitized by Google

сударь... Ну, куда вамъ? Вѣдь, въ одномъ сапогѣ сами щеголять не будете, а офицеру этому самому сегодня изъ пушки палить надо, а передъ начальствомъ безъ сапога не возможно...

— Ты, милая не врешь?

— Ей-Богу, сударь!

— Нѣтъ, ты побожись иначе. Взгляни на небо и скажи: «будь я анафема проклятая, коли лгу».

— Охъ, сударь! И всего-то они мнѣ полтину серебра посулили.

— Ну, ну! И кромѣ того скажи мнѣ, какъ фамилія твоего барина.

— Будь я анафема! прозноситъ кухарка. А фамилія нашего барина птичья: Зябликовъ.

— Герасимъ Николаевичъ?

— Онъ самый.

— Знаю. Точно что онъ, сегодня ночью, раковъ ловилъ, но къ утру домой пришелъ. Онъ мнѣ сейчасъ объ этомъ самъ разсказывалъ. Только ты врешь! какъ-же, заставши у себя дома офицера безъ сапога, онъ его не выгналъ?

— Офицера мы успѣли на сѣновалъ спрятать, тамъ и держали его.

Жена плачетъ. Мужъ, потупя взоры, чешетъ затылокъ.

— Знаешь, я самъ этотъ сапогъ отнесу твоему офицеру, говоритъ онъ.

— Николай Анисимычъ, оставь. Ну, какъ тебѣ не совѣстно конфузить бѣдную женщину? вступается жена.—Ну, отдай этотъ сапогъ, отдай для меня.

— А простишь меня, сердиться не будешь?

— Не стоило бы, ну, да изволь.

Мужъ и жена заключаютъ другъ друга въ объятія; торжествующая кухарка идетъ по саду, весело помахивая сапогомъ.

— Ага! Герасимъ Николаевичъ! шепчетъ онъ, стиснувъ зубы. Теперь ежели вы будете разсказывать о моей дракѣ съ супругой, я вамъ сейчасъ разсказъ объ офицерскомъ сапогѣ со шпорой преподнесу.

IV. Парголово.

Вечеръ. Часъ девятый. Тихо въ воздухѣ, но Парголовское шоссе пылитъ даже и при малѣйшемъ прикосновеніи юбокъ двухъ, трехъ дачницъ, переходящихъ улицу. Какой-то нѣмецъ въ клѣтчатомъ пиджакѣ вышелъ съ ведромъ и спринцовкой, и ради моціона, поливаетъ ею дорогу, но производитъ еще большую пыль, которая, забираясь въ ноздри и ротъ, заставляетъ чихать и хруститъ на зубахъ. За па-

Digitized by Google

лисадниками виднѣются головы дачниковъ и дачницъ въ соломенныхъ шляпахъ, зѣвающихъ во весь ротъ и не знающихъ за что приняться, ибо уже все парголовское наслажденіе ими исчерпано: зады отбиты не хуже телячьихъ котлетъ на сѣдлахъ, во время катанья на деревенскихъ толстопузыхъ лошадяхъ, въ желудкѣ достаточное урчаніе отъ «цѣльнаго» молока, на-половину разбавленнаго водой, ноги обтрепаны при восхожденіи на Парнасъ въ лучшемъ видѣ и свербятъ отъ пыли, руки намозолены и ссажены веслами отъ экскурсій на лодкѣ по озеру. Жалитъ комаръ, стараясь укусить въ чувствительное мѣсто; въ воздухѣ носится мошкара, залѣзая въ самыя сокровенныя части тѣла; налѣтаетъ какая-то двухъ-хвостка. Бродятъ слѣпыя—нищіе чухна съ вожаками, выпрашивая подаяніе, бродятъ пьяные сотскіе съ палками, выпрашивая на похмѣлье.

— Вы, сударь, наши, а мы ваши, и потому завсегда васъ охранять должны быть способны, говорятъ они, останавливаясь передъ палисадниками и передвигая шапки со лба на затылокъ. Наше дѣло такое, что не выпьешь въ день двухъ полштофъ, и не справиться. Вотъ, только за купцовъ и благодареніе Создателю! Николи мимо начальсто не пропуститъ—сейчасъ поднесетъ. Истинно говорю, ваше священство. Теперича къ намъ разный купецъ понаѣхалъ, потому ему здѣсь вольготно. Возьмите то въ руководство: вода, опять-же и солдатскаго постоя нѣтъ, значитъ, за жену онъ спокоенъ. Ей Богу.

— А сегодня много тебѣ подносили? освѣдомляется дачникъ и въ упоръ смотритъ на красносизый носъ начальства.

— Нѣ... на свои пилъ, окромя развѣ то, что англичанинъ даве полъ-чашечки ромцу выслалъ, да купецъ Свинопасовъ стакашекъ поднесъ. Содержанка тутъ одна, француженка, полъ-графинчика съ мухой предоставила. Муха у нихъ въ графинъ попала, ну, а намъ ничего... Вотъ и все. Ахъ, да: повивальная бабка изъ нѣмокъ подчивала и три пятачка дала. «Какъ, говоритъ, гдѣ на дачѣ замѣтишь даму на мою руку, замѣть номеръ и бѣги ко мнѣ». Вамъ, сударь, вашеблагоутробіе не требуется-ли? Третій годъ она тутъ у насъ.

Къ калиткѣ подходитъ дачница.

— А ты, начальство, чѣмъ-бы бабокъ-то рекомендовать, лучше-бы за комарами смотрѣлъ. Смотри, сколько ихъ. Жалятъ на пропалую, шутитъ она.

Сотскій лукаво улыбается и снимаетъ картузъ.

— Помилуй, ваше бого... бого... вдохновеніе, бормочетъ онъ. Намъ за комаромъ съ палкой гоняться нельзя. Опять же комаръ отъ Бога и ему такое положеніе, чтобы онъ по вечерамъ жалилъ и даже во всю ночь. Комаръ у человѣка кровь полируетъ. Ужъ это положеніе такое: теперича утромъ и на солнцѣ муха обязана кусать, въ пол-

Digitized by Google

день оводъ летитъ и оса; на травку присядете, тутъ дѣло муравья васъ жалить, въ одеждѣ блоха обязана васъ жрать и другая нечисть. На дачѣ безъ этого невозможно.

— Это безъ блохи-то?

— А хоть-бы и безъ блохи. Къ тому же, ваше благоутробіе, блоха заводится отъ женскаго сословія. Вотъ вошь, такъ та отъ заботы.

— Проходи, проходи? Заврался ужъ... гонитъ его дачникъ.

— Зачѣмъ завраться? Вы почитайте-ка въ книжкѣ... Дозвольте, сударь, цигарочки, окурочка...

— Я тебѣ говорю—проваливай! Вотъ тебѣ гривенникъ...

Сотскій, заплетая ногами, отходитъ, встрѣчаетъ какого-то мужика и кричитъ: «во фрунтъ!».

Въ палисадникъ вбѣгаетъ горничная.

— Ну, что, купила ты сахару? обращается къ ней барыня.

— Да не даетъ лавочникъ сахару, сударыня, отвѣчаетъ горничная. Вы, говоритъ, у насъ чай не покупаете, такъ нѣтъ вамъ и сахару. Намъ, говоритъ, только отъ чая и барышъ, а на сахаръ наплевать, потому полъ-копѣйки на фунтъ пользы. Вашъ баринъ и крахмалъ, и чай изъ города привозитъ, такъ пусть, говоритъ онъ, и голову сахару на себѣ волокетъ.

— Странно. Сходи въ другую лавку.

— Здѣсь, сударыня, всѣ лавки одного хозяина. Не дали въ одной, не дадутъ и въ другой. Тутъ, въ Парголовѣ, ежели жить, то нужно всѣ припасы въ лавкѣ забирать, а то они мстятъ. Поминалъ и о маслѣ, зачѣмъ у чухонца брали. Говорилъ и о картофелѣ. «Мы, говоритъ, только молоко и творогъ съ сметаной допущать можемъ, потому съ этимъ товаромъ намъ некогда возжаться».

— Петръ Иванычъ, какъ-же быть? У насъ ни куска сахару. Не съ чѣмъ чай пить, обращается жена къ мужу. Дѣлать нечего, надо хоть осьмушку чаю купить въ этой лавкѣ.

А на шоссе между тѣмъ поднялось цѣлое облако пыли. Пронеслась кавалькада: двое мущинъ и одна дама. Деревенскія лошаденки сѣменятъ ногами и мчатся. Всадники сгорбились и держатся за гривы; брюки у нихъ поднялись къ колѣнямъ. У амазонки свалилась съ головы шляпа и виситъ на затылкѣ, придерживаемая шнурочкомъ.

— Иванъ Гаврилычъ! Василій Прокофьичъ! господа! тише, тише, Бога ради! Я туфлю потеряла, кричитъ она, силясь остановить лошадь; но тщетно.

Стоящіе за воротами мужики, хозяева дачъ, хохочутъ. Мальчишки бѣгутъ сзади и швыряютъ вслѣдъ камнями.

— На дворъ скорѣй, барыня, заворачивай, на дворъ! раздаются возгласы.

Digitized by Google

Вышли изъ палисадниковъ дачники и тоже глядятъ. Идутъ толки.

— Ахъ, это опять она... Какъ ее?.. Трясогускина. Мужъ у нея не то провизоръ, не-то мозольный операторъ, говоритъ жирный лысый мужчина.

— Какое! Что вы! Онъ просто слесарь-водопроводчикъ, поправляетъ его шепелявая дама съ дыркой, величиною съ горошину, вмѣсто рта. Она съ банкиромъ отъ Казанскаго моста все путается. Мы ее Матроской прозвали. Шляпа у нея такая была.

— А бойкая! Вѣдь она прошлый годъ ужъ сверзилась съ лошади и вывихнула себѣ ногу, такъ нѣтъ, неймется. Лобъ разбила. Лошадь ее въ ворота понесла да о перекладину.

— Ну да, она самая и есть. Это какая-то двухъ-жильная. Кромѣ того, въ нынѣшнемъ году она тонула у насъ на озерѣ. Вытащили и насилу откачали. Помните, гимназистъ-то утонулъ?

— У насъ, сударыня, безъ этого невозможно, потому препона. Самъ воденикъ безпремѣнно семь потопленіемъ требуетъ, вмѣшивается въ разговоръ мужикъ. У насъ озеро строгое, даже и генералы тонули. Подполковница повзапрошломъ году съ монахомъ,.. потомъ купецъ съ бриліантовымъ перстнемъ. Тысячу рублевъ перстень-то!... Скотскій докторъ одинъ...

— Ну, довольно, довольно! Ступай прочь, обрываетъ его дачникъ.

— Мы и пойдемъ... Это вѣрно... А только дозвольте, господинъ, папиросочки.

— На, соси!.. Смотрите, смотрите, Вѣра Степановна. Вонъ еще всадникъ. Вѣдь это отъ ихней-же партіи отсталъ.

На улицѣ, дѣйствительно, былъ всадникъ. Лошадь прижала его къ забору, терла о доски и не шла ни взадъ, ни впередъ, не взирая ни на какія понуканія. Видъ его былъ жалокъ. Онъ былъ безъ шляпы, штаны разорваны. По пыльному лицу текли потоки пота, что̀ давало ему видъ зебры. Около него толпились мужики и мальчишки. Онъ еле переводилъ духъ.

— Ты откуда, баринъ, лошадь-то взялъ? приставали они къ нему съ вопросомъ.

— Охъ, изъ Кабловки, измучила проклятая! Какъ дерево или заборъ, такъ сейчасъ къ нему и прижметъ. Всю гриву у анафемы вырвалъ... отвѣчаетъ онъ.

— А ты ее побрюху ногами нещекоти. Наши лошади этого не любятъ.

— Куда-жъ мнѣ ноги-то дѣть? Не отрубать-же ихъ.

— А ты растопырь! Поможемъ-ко ему, дядя Парамонъ. Баринъ хорошій, дастъ на водку, говоритъ мужикъ съ рваной клинистой бородкой. Берись за поводъ, а я сзади хворостиной...

Пробуютъ, но дѣло на ладъ нейдетъ. Лошадь не трогается съ мѣста.

Digitized by Google

— Вотъ варварка-то! Хоть каленымъ желѣзомъ жги! Тяни ее, тяни, а я особымъ манеромъ...

Мужикъ упирается руками лошади въ задъ, но тоже тщетно. Мальчишки бьютъ ее ногами подъ брюхо.

Какъ вы смѣете лошадь бить, мерзавцы! кричитъ на мальчишекъ подходящій дачникъ въ коломенковой парѣ. Вотъ, какъ нарву вамъ уши, да дамъ по хорошей затрещинѣ... Со скотомъ нужно обращаться ласково. А ты, чертова образина? Не смѣть ее трогать! а то сейчасъ въ станъ отправлю. Я членъ общества покровительства животнымъ.

— Знаете что? нельзя-ли ее хлѣбцемъ поманить, вмѣшивается въ разговоръ какая-то дѣвица.—Погодите, я сейчасъ вынесу кусочекъ.

Приносятъ хлѣбъ. Мужикъ даетъ лошади сначала понюхать, потомъ отодвигаетъ и манитъ. Лошадь трогается, хватаетъ хлѣбъ и снова останавливается, прижимая всадника къ столбу.

— Ой, ой! Что это? кричитъ онъ. Да здѣсь гвоздь!

— А ты потерпи! Ну, чего орешь? Лошадь не коляска на пружинахъ. Давайте, барышня, еще хлѣбца.

— Постой, Парамонъ! Мы ей спервоначалу глаза завяжемъ и такъ попробуемъ.

— Только бить не смѣй! Слышишь? А то я такъ звиздану вотъ этой палкой по затылку!.. кричитъ «членъ покровительства».

— Давайте, баринъ, платокъ.

Всадникъ ищетъ въ карманахъ платка, но не находитъ.

— Потерялъ должно быть, на дорогѣ, говоритъ онъ. Постойте, я вамъ сейчасъ дамъ вещь, чѣмъ можно связать. У меня бинты есть. Попросите барышню-то уйти, а то не ловко.

— Уйдите, барышня.

Всадникъ снимаетъ съ живота бинтъ и отдаетъ мужикамъ. Тѣ завязываютъ лошади глаза.

Начинается гиканье. Лошадь тащатъ подъ уздцы, подпихиваютъ сзади.

— Эхъ, конь-то! восклицаетъ проходящій мимо маляръ съ кистью. Только въ циркѣ и показывать! Двое ведутъ, четверо ноги переставляютъ и двое въ задъ пихаютъ.

Кой-какъ лошадь трогается.

— Ну, теперь съ Богомъ, съ Богомъ! Держи только ноги круче! кричатъ мужики.

— Господа, кто изъ васъ шляпу въ лѣсу у заворота найдетъ и принесетъ въ 132 номеръ—рубль дамъ, заявляетъ всадникъ и натыкается на двухъ рыболововъ, идущихъ съ озера съ удочками и съ ведрами.

Digitized by Google

— Олимпій Семенычъ! Откуда вы въ эдакомъ видѣ? вскрикиваютъ они.

— Да вотъ, сидѣли и вздумали покататься съ невѣстой. Офицеръ одинъ насъ сманилъ. Они-то уѣхали, а я—вотъ!.. Лошадь упрямѣе Турціи попалась. Вотъ, уже глаза ей завязали, такъ кой-какъ идетъ. Вы не видали Варвару Тарасьевну? Гдѣ она? Меня ужасно безпокоитъ. И хоть-бы офицеръ-то знакомый былъ, а то такъ только... на пароходѣ съ нимъ два раза ѣздили, да разъ въ озерѣ вмѣстѣ купались.

— Позвольте, офицера съ дамой видѣли сейчасъ въ лѣсу. Намъ Архотины сказывали. Сидятъ подъ кустомъ около лошадей и вишни ѣдятъ.

— Петръ Иванычъ, вы меня пугаете. Я замѣтилъ даже, что офицеръ былъ пьянъ. Ахъ, Господи, Господи!.. бормочетъ всадникъ.

— Ништо вамъ. И что за удовольствіе отшибать себѣ сидѣніе. То-ли дѣло рыбная ловля? А мы сегодня чудесно! Трехъ окуней, шесть раковъ, карася... Щуку я поймалъ.

— Извините, Иванъ Иванычъ, щуку я поймалъ! У васъ она червя вмѣстѣ съ крючкомъ сожрала, а на моей удочкѣ подавилась.

— Да это тоже моя была удочка. Когда я закидывалъ ее, вы купались и натирали вашу шкуру пескомъ.

— Шкуру? Послушайте, вы удержитесь въ выраженіяхъ!

— А вы щукъ чужихъ не присвоивайте! Какой вы рыболовъ! Вы и рыбу-то удить ходите для того, чтобъ въ щели женскихъ ваннъ глазѣть. Вамъ не щуку изловить хочется, а купчиху Передраньеву. Для этого вы по семи разъ и купаться бѣгаете.

— Это ужъ слишкомъ!

— Слишкомъ, да мѣтко. Вы вотъ ходили съ синякомъ подъ глазомъ и съ ссадиной на носу, и всѣхъ увѣряли, что это вамъ ракъ клешней ущемилъ, а на дѣлѣ вамъ эти синьки со ссадиной мужъ Передраньевой учинилъ. Всѣмъ извѣстно, какъ васъ изъ ихъ дачи ухватами, да кочергами гнали и бросали вамъ вслѣдъ кострюльки и полѣнья. Мужъ и по-сейчасъ, какъ трофей, показываетъ ваши очки съ разбитыми стеклами. А то щука!

— Да, щука! Вамъ вотъ эта щука нужна, вы и сплетничаете. Вы еще, не поймавъ ее, хвастались принести ее къ повивальной бабкѣ на ужинъ. Бѣгите, васъ тамъ ждутъ, и можетъ быть опять въ благодарность по щечкамъ потреплютъ. Помните судака-то? Помните? какъ она этимъ самымъ судакомъ васъ хлестала по сусаламъ? Наши съ балкона все сраженіе видѣли, видѣли какъ васъ и картофелемъ потомъ бомбардировали. Вы лучше на балконѣ парусинную драпировку опускайте, когда васъ въ другой разъ ласкать будутъ. Тащите вашу щуку. Пусть ваша повильная бабка ей подавится!

Digitized by Google

— Мерзавецъ!

— Скотина!

Рыболовы подступаютъ другъ къ другу и чуть не лѣзутъ другъ на друга. Удочки ихъ переплетаются, жерди задѣваютъ по лошади. Та, испугавшись, бросается со всѣхъ ногъ. Не ожидавшій со стороны ея этого манерва всадникъ летитъ на землю затылкомъ. Его бѣгутъ поднимать мужики и дачники.

V. Коломяги.

Время подъ вечеръ. Солнце садится и золотитъ верхушки деревьевъ. Дилижансы перевезли уже изъ города почти всѣхъ дачниковъ, покончившихъ свои служебныя обязанности; пріѣхали даже аптекари и провизоры, вернулись доктора. Вонъ два кучера проваживаютъ по улицѣ четверку докторскихъ шведокъ. Сами владѣльцы лошадей, доктора, оба Карлы Иванычи, оба латыши изъ окрестностей Ревеля, оба притворяющіеся нѣмцами, успѣли уже смѣнить вицмундиры на коломенковые пиджаки и цилиндры на соломенныя шляпы и выйти за ворота. Во рту у нихъ пыхтятъ копѣечныя сигары. Ихъ окружили сосѣди и распрашиваютъ, не слыхать-ли чего о развитіи эпидеміи. Доктора, засунувъ руки въ карманы брюкъ, сквозь зубы перечисляютъ болѣзни, на которыя сегодня имъ удалось наткнуться, и разумѣется врутъ. Одинъ насчиталъ болѣе двадцати визитовъ, а другой перемахнулъ даже за тридцать. Визиты, какъ водится, были не къ простымъ смертнымъ, а къ Frau Generalin, къ графинѣ, къ княгинѣ, къ Herrn Oberst и только къ одному купцу, но за то къ «famosen Kerl, reich wie der Teufel». Слова «дифтеритъ, бронхитъ, плевритъ», такъ и сыплются съ докторскихъ языковъ. На улицѣ замѣтны гуляющія: Каролины, Берты, Амаліи, Мины въ простенькихъ ситцевыхъ платьицахъ, взявшись подъ руки, идутъ въ рядъ по дорожкамъ и весело болтаютъ на испорченномъ нѣмецкомъ языкѣ, поминутно вставляя въ рѣчь русскія слова. То и дѣло слышатся фразы: «пожалуй, wollen wir», «er wird uns нагоня'en», «ich habe schon einen Topf простокваша mit сухари unserer молочница bestellt» и т. п. Вотъ за калитку вышелъ жирный Карлъ Богданычъ, снялъ шляпу, обтеръ фуляромъ широкую лысину, вздохнулъ, понюхалъ воздухъ, и ударивъ себя по брюху ладонью, проговорилъ «gemüthlich». На балконѣ гдѣ-то кто-то наигрывалъ на тромбонѣ и протянулъ цѣлую гамму. Карлъ Богданычъ началъ прислушиваться.

— Mein Liebchen, слышишь? Erinnerst du dich? припоминаешь?

Digitized by Google

крикнула ему изъ палисадника старушка въ бѣломъ чепцѣ и сѣдыми локонами.

Карлъ Богданычъ обернулся, и сіяя улыбкой, закивалъ старушкѣ головой.

— O ja! Тогда я служилъ на драгунскій полкъ въ Preussen и тоже игралъ эта труба. О, я былъ хорошій музикусъ? Selbst jeztiger Nachfolger Prinz Karl damals noch Jüngling... Ахъ!

На глазахъ нѣмца при этихъ почему-то чувствительныхъ воспоминаніяхъ показались слезы, и онъ полѣзъ въ карманъ за платкомъ. Гдѣ-то стройно запѣли «Was ist das deutsche Vaterland», и онъ окончательно заплакалъ, обернувшись лицомъ къ палисаднику. Плакала и старушка съ сѣдыми локонами и вся превратилась въ слухъ. Пѣнію, подобно пушечнымъ выстрѣламъ, акомпанировали глухіе удары шаровъ въ близлежащемъ кегельбанѣ.

Долго бы еще умилялась нѣмецкая чета, если-бы на сосѣднемъ дворѣ не раздались звуки гармоніи и пѣніе «барыньки». Кто-то выбивая на деревянномъ помостѣ, перекинутомъ черезъ канаву, мелкую дробь ногами, плясалъ и свистнувъ во все горло, крикнулъ:

— Загуляла ты, ежова голова!

Двое мужицкихъ голосовъ ругались отъ восторга, поощряя плясуна эпитетами: «ахъ, подлецъ! ахъ, собачій сынъ, ахъ ты, анафема проклятая! Вотъ лѣшій-то сто коловъ ему въ глотку»!

Нѣмецъ упалъ, какъ-бы съ неба, и плюнулъ. Нѣмка потупилась и произнесла «Schwein!».

Роза Христофоровна! я идитъ на кегельбанъ пить мой пиво! говоритъ, наконецъ, нѣмецъ, и переваливаясь съ ноги на ногу, направляется по дорожкѣ.

Въ кегельбанѣ толпа. Мущины, снявъ сюртуки, играютъ въ кегли. Женщины сидятъ на скамейкахъ и вяжутъ чулки или нескончаемыя филейныя скатерти. Пиво льется рѣкой. Пьютъ и мужчины и женщины. Бутерброды принесены свои изъ дома. Глухо гудя, катятся по дубовой доскѣ шары, съ трескомъ сшибаютъ кегли и ударяются въ доску. Бомбардировка идетъ отчаянная.

— Марья Ивановна, на ваше счастье! кричитъ миловидной дѣвушкѣ бѣлокурый молодой мужчина, вмѣсто жилета, въ шитомъ гарусомъ поясѣ, какой обыкновенно носятъ наши священники, кричитъ и пускаетъ шаръ.

— Фюнфъ съ передней! восклицаетъ босоногій коломяжскій мальчишка въ розовой ситцевой рубахѣ.

Нѣмецъ торжественно подходитъ къ дѣвушкѣ.

— Sehen Sie, Марья Ивановна, wie Sie glücklich sind. Какъ ви счастливъ! говоритъ онъ. Вы пять съ передней.

Digitized by Google

— Но я одна, Германъ Карлычъ, а не пять, отвѣчаетъ нѣмочка и потупляетъ глазки. Видите, одна...

— Нѣтъ, пять. Ви Марія, Каролина, Фридерика, Амалія—четыре... а я пять. Ви понялъ? Теперь до свиданья!

Нѣмецъ отходитъ къ шарамъ и издали пронизываетъ взоромъ Марью Ивановну.

— Ахъ, Маша, какой ты рыба! совсѣмъ судакъ, шепчетъ дѣвушкѣ старушка-мать. Ну, сдѣлай ему большая улыбка изъ зубы. Зачѣмъ такъ равнодушны?.. Фуй! Онъ на страховой компаніи служитъ, восемьдесятъ рубли на мѣсяцъ, безъ жена и Abendbeschaeftigung имѣетъ на двадцать рубли.

— Но, маменька, онъ, можетъ, и не думаетъ жениться?

— Фуй! никакая мужчина не думаетъ, а надо взять его въ рукъ. Возмитъ завтра и шейтъ ему на сувениръ пантофель... Твой отца ничего не думалъ, а какъ взялъ у меня пантофель, сеичасъ и сдѣлался твой отца. Ну, Марихенъ, noch eine grosse улыбка съ большой ротъ.

Дѣвушка улыбается, осклабляетъ лицо свое и киваетъ Герману Карлычу головой, подражая тѣмъ алебастровымъ зайцамъ, что продаютъ у Гостинаго двора на вербахъ.

Безъ пѣнія ни на шагъ. Составился и здѣсь хоръ. Рыжебородый теноръ, задравъ голову кверху, запѣваетъ соло: binn ich in's Wirthshaus eingetreten; а компанія черезъ нѣсколько времени подхватываетъ хоромъ: «Крамбамбули». Тутъ же остановились извощикъ и коломяжскій мужикъ и прямо смотрятъ въ ротъ поющимъ.

— Это они молятся, что-ли, по своему? спрашиваетъ извощикъ мужика.

— Нѣтъ, такъ шутки шутятъ. Молитва у нихъ безпремѣнно, чтобы во фракахъ. У нихъ вѣра-то строже нашей. Хоче шь молиться такъ сапоги новые надѣнь; оттого у нихъ такъ и вышло, что каждый нѣмецъ сапожника въ себѣ содержитъ, поясняетъ мужикъ.— Опять-же и чай пить грѣхъ, а пей пиво.

— А для чего-же они головы кверху задрали и на небесы смотрятъ?

— Это отъ натуги. Ты посуди самъ: вотъ уже часа три поютъ, за неволю надорвешься. Вѣдь у нихъ тоже душа.

— А не паръ?

— Нѣтъ, душа. Душа у нихъ хотя и не крупная, а все-таки есть. У нихъ и попы есть. Искусные попы. Прошлый годъ у меня одинъ нѣмецкій попъ на дачѣ стоялъ, такъ курицу мнѣ заговорилъ, чтобъ она пѣтухомъ не пѣла. Паръ это у англичанъ. У тѣхъ точно души нѣтъ. И какъ только онъ съ тобой говорить начнетъ, сейчасъ

Digitized by Google

тебя обдастъ этимъ паромъ. За то у нихъ бабы крупныя, поджарыя, но крѣпкія. Нашей бабѣ супротивъ ихней не устоять, нашу бабу пополамъ не перегнешь: ну, а аглицкую можно. Наглядѣлись ужъ мы на народъ этотъ самый. У насъ тутъ дванадесять языкъ живетъ.

— Ну, а нѣмецкую бабу перегнешь?

— Ту и гнуть нельзя, сломишь. Жидка ужъ очень и суха, потому жретъ мало. Ту взялъ подъ папоротки—вотъ ея и сила. Поэтому-то господа купцы и любятъ ихъ себѣ въ мамзели брать. Сдачи не дастъ, только берегись, чтобы глаза не выцарапала. Но и на это снаровка есть. Хватай за косу и ужъ тогда будь покоенъ.

— А французинка?

— Французинка порыхлѣе будетъ и на такомъ разѣ какъ-бы булка отъ пеклеванника отличается. Французинку всю, что ни есть въ Питерѣ, офицерство къ рукамъ прибрало. Дѣлаетъ перекупку и купецъ, но у господъ офицеровъ.

— А турецкія бабы есть у васъ?

— Я тебѣ говорю, у насъ, въ Коломягахъ, лѣтней порой двѣнадцать языкъ проживаетъ. Была и турецкая баба, да извелась. Муравьиный спиртъ пить начала.

— Съ чего-же это она?

— А съ тоски. Грекъ ее къ намъ одинъ завезъ, а къ армянину въ семнадцатомъ номерѣ пристрастіе имѣла. И кормъ хорошій ей былъ. Крупу жевала, толокно, лукъ давали, вдругъ муравьиный спиртъ лакать начала. Самая лучшая баба это чухонка. Изъ нея хоть лучину щепи. Приглядѣлись ужъ мы, знаемъ. Чухонку можно завсегда и на французинку передѣлать, и на нѣмку, и на англичанку. Надѣлъ рыжій парикъ, обучилъ «жоли», «мерси», «бонжуръ»— вотъ-те и французинка. Прицѣпи ей хвостъ въ аршинъ, надѣнь розовые голоногіе чулки, и завсегда за французинку уйдетъ, Ей-Богу! Ужъ сколько я знаю. Живутъ, живутъ у насъ тутъ лѣто въ чухонкахъ, глядь, — на зиму въ французинки перешла. Но лучше всего изъ ихней сестры нѣмки выходятъ; здѣсь вотъ, что ты видишь, на половину нѣмки изъ чухонокъ передѣланы, потому пища та-же самая: картофель да селедка. Ну, сверху пивцомъ польешь.

— А въ арабку чухонку передѣлать можно? допытывается извощикъ.

— А то нѣтъ, что-ли? Купилъ банку ваксы, вымазалъ ее, да протеръ хорошенько щеткой сапожной—вотъ-те и арабка!

Въ это время съ мужикомъ поровнялся жирный нѣмецъ, тотъ самый, что умилялся при звукахъ тромбона. Онъ пыхтѣлъ и попрежнему теръ свою лысину фуляромъ. Мужикъ снялъ шапку.

Digitized by Google

— Нагуляться изволили, Карла Богданычъ? — привѣтствовалъ онъ его.

— О, да... Я выпилъ мой пиво и теперь дѣлаетъ мой моціонъ домой, отвѣтилъ нѣмецъ и направился на дачу.

Старушка Роза Христофоровна крошила въ кухнѣ картофель и селедку къ ужину. Карлъ Богданычъ нѣжно чмокнулъ ее въ шею и пошелъ къ себѣ на верхъ разоблачаться, дабы надѣть халатъ и ермолку и въ такомъ видѣ предаться на верхнемъ балконѣ счастливому ничего-недѣланію.

А на нижнемъ балконѣ въ это время сидѣла юная Амалія, его единственная дщерь, съ блѣдно-сѣрыми глазами, напоминающими петербургское небо въ лѣтнюю ночь. Рядомъ съ ней помѣщался Фридрихъ, совсѣмъ желтоволосый конторщикъ изъ страховаго Общества. Они вздыхали и глядѣли другъ на друга, глядѣли другъ на друга и вздыхали, прислушиваясь къ стуку дятла, къ кукованію кукушки, къ стуку ножа Розы Христофоровны, доносившемуся изъ кухни.

Фридрихъ первый прервалъ молчаніе.

— Сегодня мой принципаль сдѣлалъ мнѣ прибавку, и я буду получать сто рублей въ мѣсяцъ, произнесъ онъ. Это норма, мой идея.

— Поздравляю васъ. Вы счастливы? спросила Амалія и громко вздохнула.

— Нѣтъ, мой счастія не полный, какъ и я человѣкъ не полный. Я половинка, я ручка безъ топора, отвѣтилъ онъ и вздохнулъ еще громче.

— Но зачѣмъ-же вы не ищете топора? робко задаетъ вопросъ Амалія и потупляетъ глазки.

— Я искалъ и нашелъ, но не смѣлъ до сихъ поръ взять эта топоръ. Я былъ шестьдесять рублей на мѣсяцъ, а это не норма, не жизнь съ топоръ. Теперь, когда я конторщикъ на сто рублей... о, я могу... это норма. Добрый хозяйка можетъ хорошую жизнь сдѣлать своему мужу на сто рублей. Квартира двадцать пять рубли, дровъ пять рубли, обѣдъ, фриштикъ тридцать рубли, платье двадцать рубли, пять рубли шнапсъ, пиво, театръ, клубъ и пятнадцать рубли спрятать на Sparbüchse...

Слѣдуютъ шесть вздоховъ. Три со стороны Фридриха и три со стороны Амаліи. Амалія наклоняетъ голову, и перебирая передникъ, смотритъ себѣ въ колѣни.

— Я Фелемонъ безъ Бауцисъ, я Абеляръ безъ Элоиза... Я Фридрихъ безъ...

Юный, желтоволосый нѣмецъ вынимаетъ портсигаръ съ вышив-

Digitized by Google

кой Амаліи и цѣлуетъ вышивку. Амалія совсѣмъ наклоняетъ лицо свое въ колѣни. Рядъ вздоховъ.

— Вы, Фридрихъ, безъ экономіи. Зачѣмъ тридцать рублей на столъ? тихо говоритъ она. Надо дешевле жить. Квартира двадцать, обѣдъ двадцать. Кересиновая кухня. Супъ, щи селедкиной головы съ рыбьей шелухой, форшмакъ, картофель, двѣ сосиски...

Еще вздохи, слышно кукованье.

— Вотъ кукушка кричитъ своя Амалія, а Фридрихъ не можетъ кричать своя...

— Каролина? тихо подсказываетъ дѣвушка и уже сгибается въ дугу.

— Нѣтъ. Зачѣмъ Каролина?

Опять вздохи. На дворѣ крики.

— Ахъ ты мерзавецъ! мерзавецъ! Пошелъ господину доктору лягушекъ ловить и опять пьянъ! кричитъ дачная хозяйка на мужа. Да какъ тебя, пса анафемскаго, шелудиваго, земля носитъ? Гдѣ лягушки?

— Доктору отдалъ.

— А деньги гдѣ?

— Шину на колесѣ справилъ.

— Шину! Нешто въ кабакѣ колеса чинютъ? Вотъ какъ хвачу коромысломъ!

Идилія пропала.

— О, эта триклята русска мужикъ! восклицаетъ Фридрихъ и плюетъ.

Опять молчаніе. До новаго идилическаго настроенія потребовалась дюжина вздоховъ.

— Фридрихъ любитъ шнапсъ и пиво, начинаетъ нѣмецъ. Фридрихъ пьетъ два шнапсъ на обѣдъ, одна на фриштикъ и два на ужинъ... Позволить ему его... Амалія?

— Зачѣмъ Амалія? тихо спрашиваетъ дѣвушка, и блѣдное лицо ея покрывается пятнами румянца.

— Зачѣмъ, что... О, lieb, so lang du lieben kannst!.. декламируетъ онъ и наклоняется къ плечу Амаліи.

Еще мгновеніе, и бакенбарда его, похожая на паклю, щекочетъ лицо дѣвушки. Слышны два порывистыя дыханія. Вздохи прекратились.

— Позволитъ Элоиза свой Абеляръ пять шнапсъ и два бутылка пива? шепчетъ онъ. Позволитъ Бауцисъ свой Фелемонъ ходить на кегельбанъ и клубъ?

— О, да, да, слышится отвѣтъ дѣвушки.

Рука нѣмца успѣла уже обхватить ея станъ и притягиваетъ къ себѣ.

— Амалія!

Digitized by Google

— Фридрихъ!

Мгновеніе и уста ихъ сливаются въ одинъ долгій, долгій поцѣлуй.

На верхнемъ балконѣ раздается звонкое, какъ труба сморканіе. Карлъ и Амалія вздрагиваютъ.

— Ахъ, это папа! восклицаетъ дѣвушка.

— Все равно, einerlei. Komm! говоритъ Фридрихъ, тащитъ ее въ садъ и опускается вмѣстѣ съ ней на колѣни передъ верхнимъ балкономъ.

— Kinder! всплескиваетъ руками добродушный Карлъ Богданычъ и испускаетъ потокъ слезъ.

— Vater! откликаются снизу дуэтомъ два голоса.

Отецъ простираетъ надъ ними руки. Изъ дверей нижняго балкона выходитъ въ кухонномъ передникѣ Роза Христофоровна и останавливается въ недоумѣніи.

Картина.

А на деревѣ стучитъ дятелъ, кукуетъ кукушка. За угломъ кто-то ругается. По улицѣ пронесся какой-то дачникъ на деревенской лошади. У калитки палисадника остановились мальчишки и смотрятъ на колѣнопреклоненныхъ.

— Должно быть кольцо потеряли, толкуютъ они. Эхъ, господинъ, дали-бы намъ гривенничекъ на пряники, мы бы сейчасъ отыскали, слышатся предложенія.

Карлъ Богданычъ отъ полноты чувствъ совсѣмъ растерялся, уронилъ внизъ платокъ и отираетъ слезы ночнымъ колпакомъ.

— Роза Христофоровна, гдѣ моя сапога, гдѣ моя сапога? кричитъ онъ.

VI. Крестовскій островъ.

Крестовскій островъ—это облагороженная Новая Деревня, воспроизведенная въ маломъ масштабѣ. Коренному жителю Крестовскаго острова Новая Деревня уже не покажется адомъ: Для него она бубудетъ только чистилищемъ. Какъ въ Новой Деревнѣ на первой линіи, такъ и здѣсь по линіи дачъ, идущихъ отъ Русскаго трактира, ночи не существуетъ. Движеніе совершается круглыя сутки. Впрочемъ, заглянемте.

Часъ ночи. О томъ, что теперь именно часъ ночи, вамъ не ошибаясь, скажетъ и малый ребенокъ, ежели онъ коренной житель Крестовскаго. На это есть свои признаки: къ этому времени кончается представленіе въ театрѣ Крестовскаго сада, и начинаютъ разъѣзжаться французскія актрисы.

Digitized by Google

— Ого, вонъ французинокъ въ Самаркандъ кормить повезли, значитъ—ужъ первый часъ, подтвердитъ вамъ и любой извощикъ, ожидающій сѣдока.

Здѣсь опытному дачнику и часовъ не надо заводить. Время узнается по признакамъ. Часы — это Крестовскій садъ. Заиграла музыка военная, ну, значитъ, семь часовъ вечера; заиграла музыка бальная—восемь. Пошелъ акробатъ по большому, туго натянутому канату—значитъ, девять часовъ, началась пальба при взятіи турецкой крѣпости—десять и т. д.

И такъ, первый часъ ночи. По набережной, около дачъ такъ и шмыгаетъ народъ. Пыхтятъ папиросы красными свѣтящими точками. Отъ проходящихъ отдаетъ виннымъ запахомъ. Въ нѣкотрыхъ палисадникахъ мелькаютъ уже распашные бѣлые капоты милыхъ полудѣвицъ, вернувшихся съ торжища изъ Крестовскаго сада. Правда, онѣ не просятъ портретикъ «Михаила Федоровича» на память, не возглашаютъ: «милости прошу къ нашему шалашу», останавливая прохожихъ, но ловко стрѣляютъ подведенными глазками и дѣлаютъ самую вызывающую улыбку. Калитка въ садикъ всегда полуотворена. Изрѣдка попросятъ онѣ у проходящаго мужчины огня, чтобъ закурить папироску, и вы можете услышать при этомъ возгласъ: «холоднаго или горячаго»? Какъ въ Новой Деревнѣ, такъ и здѣсь ругань стоитъ въ воздухѣ. Извощики задѣваютъ прохожихъ. Изъ Крестовскаго сада доносятся звуки оркестра; на дворахъ брянчитъ балалайка, играетъ гармонія. Кто-то напѣваетъ пресловутую «Барыню», кто-то выбиваетъ на деревянномъ помостѣ мелкую дробь восьми-фунтовыми сапогами. Гдѣ-то пьяными голосами напѣваютъ «Vaterland», гдѣ-то гнусятъ «Сторона-ль моя, сторонка»; раздается изъ дачи сиповатый женскій голосокъ, на распѣвъ декламирующій: «я стираю, тру, да тру». Звонитъ колоколъ «конно-лошадиной» дороги, параходъ даетъ свистки, тщетно ожидая пассажировъ, предпочитающихъ «конку». Визгъ, пискъ. Партія стрекачей, сдернувъ съ кого-то башмакъ, торжественно несетъ его, вздѣвъ на палку. Городовой навострилъ глаза, взялся за шашку и хочетъ ринуться, «чуя нарушеніе общественной тишины и спокойствія», но, боясь превратить это нарушеніе въ «оскорбленія словомъ и дѣйствіемъ», машетъ рукой и остается на своемъ посту. Мелькаютъ яхтъ-клубскія фуражки дачниковъ, возвращающихся изъ клуба. Вотъ идетъ одинъ; поступь не твердая. Городовой, вниманіе коего было обращено «на нарушителей общественной»... и т. д., беретъ подъ козырекъ, принявъ яхтъ-клубиста, по ошибкѣ, за офицера и сейчасъ-же плюетъ ему въ слѣдъ.

— Что, ошибся? вопрошаетъ его дворникъ, сидящій за воротами.

— Мудрено ли въ этой суматохѣ ошибиться. Вишь, черти поло-

Digitized by Google

сатые, нацѣпили этого позументу! Сертукъ туда-же флотскій. Анафема проклятая! Да тутъ сгоряча-то хоть борзой песъ пробѣги въ ихней фуражкѣ, такъ и тому честь отдашь, отвѣчаетъ городовой. Лѣшіе окаянные, дерева стоеросовыя! Чтобъ имъ здохнуть! ругается онъ вслѣдъ, хотя яхтъ-клубисты уже далеко, далеко.

— Отчего ты не исполняешь своихъ обязанностей? Отчего честь не отдаешь? раздается надъ его ухомъ рѣзкій голосъ, и передъ нимъ стоитъ настоящій офицеръ съ дамой подъ руку.

— Виноватъ, ваше-благородіе! вытягивается въ струнку городовой.

— То-то виноватъ!

Офицеръ и дама отходятъ. Городовой смотритъ въ слѣдъ.

— Вотъ подкрался-то! шепчетъ онъ и разводитъ руками. Гдѣ тутъ углядѣть! О Господи! Вотъ она, служба-то наша, Парамонъ Захарычъ, обращается онъ къ дворнику.

— Кислота! вздыхаетъ дворникъ и чешетъ спину. Да ты посмотри, настоящій-ли офицеръ-то?

— Настоящій.

— Да ты посмотри. Можетъ, такѣ куражится. Мало-ли нониче...

— Ну его! Подальше лучше. Еще зазвизданетъ чего добраго. Запали-ко, Захарычъ, трубочку, а я пососу. Оказія тоже здѣсь, безпокойство, продолжаетъ городовой. Вѣришь, ни одной ночи доспать не могу. То-ли дѣло, какъ стоялъ я Выборгской части во Флюговомъ переулкѣ. Завалишься бывало въ траву и до утра. Ей-Богу. А здѣсь съ девяти часовъ «караулъ» кричатъ. Даве пошелъ въ портерную драку разнимать, вдругъ, на линіи крикъ. Бросилъ драку, бѣгу— дачникъ изъ сто семнадцатаго кричитъ. Выбѣжалъ на балконъ въ одной рубашкѣ и оретъ: бомбардировки испугался. Тамъ въ саду у Кусова Ардаганъ брали и пальбу начали. Подхожу къ нему, дрожитъ... «Неужто, говоритъ, ужъ подошли они къ намъ?» А у самаго глаза дикіе, предикіе. Кто, говорю, подошли-то? «Да англичане». Взятіе Ардагана за англичанъ принялъ. Ну, успокоилъ его. Такъ, вѣдь не вѣритъ. «Поди, говоритъ, и посмотри, не видать-ли на взморьѣ англійскаго монитора; на то ты, говоритъ, и поставленъ тутъ, чтобъ обывателей охранять». Полноте, говорю, ваше степенство, ужъ кабы ежели подошелъ онъ къ намъ, то приказы по полиціи были-бы, сейчасъ флаги на колончахъ бѣлые выставили-бы. Домашніе загоняютъ его въ дачу, а онъ нейдетъ. «И минъ, говоритъ, около нашего дома не взрывали?.—Нѣтъ, говорю, не взрывали. «А торпеды?»—И торпедъ говорю, нѣтъ. «А зачѣмъ, говоритъ, на сосѣдней дачѣ миноносный шестъ выставили?».—Это, говорю, не шестъ, а скворечница? Ну, сталъ его срамить за безпокойное одѣяніе, потому

Digitized by Google

снизу у него какъ есть ничего. Послушался. Заглянулъ подъ скамейки въ саду; все думаетъ, нѣтъ-ли кого и тамъ, и ушелъ.

— Загнали значитъ? спрашиваетъ дворникъ и передаетъ городовому трубку носогрѣйку.

— Загнали.

— Хорошъ тоже Аника воинъ! Пальбы комедіанской испугался.

— И не говори! Вотъ-бы такого подъ турку пустить!

Городовой, крехтя и охая, опускается на скамейку.

Вотъ пожилой дачникъ выходитъ въ палисадникъ и начинаетъ запирать замкомъ калитку.

— Охъ, стонетъ онъ. Ну, нечего сказать, выѣхалъ на дачку! И дернуло меня не легкая около этого сада нанять! Омутъ, чистый омутъ! Да здѣсь отъ одного безпокойства здохнешь за лѣто чахоткой. Говорятъ, вода здѣсь хороша, а купанье возстановляетъ силы, да чортъ-ли въ ней, въ водѣ-то, коли ты всѣ ночи на пролетъ не спишь. Какая отъ этого польза? Вотъ теперь для очищенія совѣсти запираемся на замокъ, а зачѣмъ, спрашивается? Кто захочетъ, тотъ и черезъ заборъ махнетъ.

Недовольствуясь запоромъ дачникъ, припираетъ калитку коломъ, наваливаетъ на колъ камень и уже хочетъ уходить, но передъ нимъ останавливается мущина въ соломенной шляпѣ.

— Позвольте васъ спросить: изъ воротъ надо входить, чтобы попасть въ эту дачу? таинственно спрашиваетъ онъ.

— Ни изъ воротъ, ни откуда нельзя незнакомымъ лицамъ входить-съ,—сердито отвѣчаетъ дачникъ, потому что здѣсь живутъ семейные люди, и вы жестоко ошибаетесь въ вашемъ предположеніи...

— Знаю-съ, но я знакомый, я свой, я не донесу. Ну, чего вы боитесь? Вѣдь въ четныя числа происходятъ здѣсь сборища... Видите, мнѣ все извѣстно. Вы меня, можетъ быть, за переодѣтаго полицейскаго считаете?

— Идите, сударь, своей дорогой! Срамились-бы... А еще почтенный человѣкъ, волосы сѣдые...

— Да полноте шутить, оставьте! Меня и Эльпидифоръ Экзакустодіанычъ Христопродаки очень хорошо знаютъ. Я на наличные... Я бы въ Новую Деревню сунулся къ табачнику Тройникъ, да тамъ навѣрняка обчистятъ.

— Послушай, ежели ты не уйдешь, я за городовымъ пошлю!— горячится дачникъ.

— Ты не кричи, милый, а говори спокойно. Я очень хорошо знаю, что ты обязанъ остерегаться полиціи, но я свой. Вотъ тебѣ цѣлковый и проведи меня, покажи, гдѣ у васъ играютъ. Мнѣ не

Digitized by Google

надолго, мнѣ только часикъ попонтировать. Вчера еще въ благородкѣ полушубокъ вычистили...

— Тьфу, ты пропасть! плюетъ дачникъ. Да вы что ищете-то? Что вамъ надо?

— Игорный домъ, перевѣшиваясь черезъ калитку и наклоняясь къ его уху, шепчетъ незнакомецъ.

— Это не здѣсь-съ, здѣсь нѣтъ игорныхъ домовъ.... Здѣсь благородное семейство.

— Тсъ! Что вы кричите!

— Здѣсь нѣтъ игорныхъ домовъ, говорю вамъ, и я въ своей дачѣ всегда кричать могу! Здѣсь, сударь, проживаетъ честное семейство надворнаго совѣтника Трезубцова, только несчастнымъ случаемъ попавшее въ этотъ мерзкій омутъ, а посему извольте отправляться своей дорогой!

— Но послушайте, я и пароль вашъ знаю, или, какъ онъ у васъ называется, девизъ, что-ли?.. Книжникъ и актеръ. Теперь уже все ясно. Пусти-же. Я семпелями буду понтировать: ни уголъ, ни шесть кушъ мнѣ не везутъ.

Дачникъ взбѣшенъ до невозможности.

— Послушай, не выводи меня изъ терпѣнія! А то схвачу вотъ этотъ колъ, и коломъ начну лупцовать тебя по шляпѣ. Ну!?

— Извините, когда такъ... — пожимаетъ плечами соломенная шляпа.

— Чорта-ли мнѣ изъ твоего извиненія-то? Изъ него шубу не сошьешь! Иди, иди съ Богомъ! Ну, мѣстечко, всплескиваетъ руками дачникъ и идетъ къ балкону.

— Что это ты такъ долго? встрѣчаетъ его жена.—Вѣдь ты знаешь, что тебѣ надо завтра въ пять часовъ утра вставать и пить воды. Къ тому-же, и я должна въ шесть часовъ быть уже въ купальнѣ.

— Какія тутъ, матушка, воды, коли что шагъ сдѣлаешь, то безпокойство! Вонъ сейчасъ какой-то скотъ лѣзъ къ намъ въ садъ, увѣряя, что здѣсь игорный домъ. Да вѣдь какъ настойчиво лѣзъ-то!

— Послушай, Миша, какъ-же мы будемъ дѣлать съ окномъ? Вѣдь еще вчера какой-то проходящій пьяный разбилъ стекло осколкомъ бутылки. Сегодня я цѣлый день ждала, не пройдетъ-ли стекольщикъ, но...

— Ложись скорѣй спать, родная. Что стекло? Ну, какъ-нибудь подушкой его заткнемъ. Пойдемъ.

Дачникъ беретъ подъ руку жену, но въ это время съ улицы летитъ ему въ лицо брюхо вареннаго рака.

— Ой, что это такое? взвизгиваетъ онъ.—Послушайте, мерзавецъ! Развѣ это можно?

Digitized by Google

— Ахъ, пардонъ! Извините пожалуйста! Я невзначай. Сдѣлайте милость, не будьте въ претензіи, доносится съ улицы.

— Фу, мерзость какая! Жеванный ракъ. И прямо въ лицо. Нужно будетъ умыться. Еще четверть часа отъ сна долой... Ну, иди, милая. Въ комнату, гдѣ выбито стекло, мы горничную спать положимъ.

Дачникъ скрывается въ домишкѣ, и предварительно запершись, начинаетъ умываться. Слышенъ всплескъ воды, фырканье. Стѣнные часы бьютъ часъ.

— Четыре часа только спать остается, говоритъ онъ, гася свѣчку, и залѣзая подъ одѣяло, начинаетъ дремать.

Въ саду слышенъ шорохъ и говоръ: «не здѣсь».—Здѣсь, я тебѣ говорю, стучи; я очень хорошо знаю. «Какъ клюшницу-то звать?»— Каролина Карловна. Сеня, ты вѣдь по нѣмецки маракуешь, такъ стучись ты.

Раздается стукъ въ окно. Дачникъ вздрагиваетъ и кричитъ:

— Кто тамъ?

— Это мы. Намъ нужно видѣть Берту. Не черненькую Берту, а бѣлокурую! Каролина Карловна, bitte! Um Gottes Willen! Wir sind nur drei! Насъ только трое! раздается голосъ.

— Никакой здѣсь Берты нѣтъ! Ни черной, ни красной, ни зеленой! Вы не туда попали!

— Послушай, человѣкъ! Пусти! мы тебѣ дадимъ на чай! Ну, отвори. Мы только портеру выпьемъ.

Дачникъ вскакиваетъ съ постели.

— О, это чистое наказаніе! скрежещетъ онъ зубами. Послушайте, мерзавцы вы эдакіе: ежели вы сейчасъ не отойдете, я стрѣлять буду. У меня револьверъ о шести зарядахъ. Вонъ!

— Миша, Миша! Успокойся! Вѣдь тебѣ вредно тревожиться, удерживаетъ его жена. Ахъ, Боже мой! Да никакъ ты босикомъ? Развѣ это можно? Сейчасъ насморкъ получишь.

— О матушка, не до насморка мнѣ! Тутъ бѣлая горячка съ человѣкомъ сдѣлаться можетъ!

Говоръ въ саду мало по малу утихаетъ. Слышны удаляющіеся шаги. Дачникъ лѣзетъ снова подъ одѣяло и начинаетъ засыпать. Часы бьютъ два. Тихо. Въ сосѣдней комнатѣ сопитъ и бредитъ горничная. Проходитъ полчаса. Вдругъ сильный ударъ въ ставни потрясаетъ ветхія стѣны дома.

— Эй, Машка, отворяй скорѣй! Первая гильдія пріѣхала! раздается за окномъ басъ. И чего вы черти полосатые, съ позаранку запираетесь? Туда же и калитку приперли! Знаешь, что наше сте-

Digitized by Google

пенство черезъ заборъ лазать не любитъ, а ты приневоливаешь! Ну! Разнесу!

Второй ударъ. Съ потолка сыплется штукатурка, песокъ. Дачникъ опять вскакиваетъ.

— Нѣтъ здѣсь Машки! оретъ онъ.—Вонъ дьяволы! Вонъ анафемы проклятыя!

— Слышь, ты не горячись! Можетъ она у васъ за Амалію нынче ходитъ, такъ намъ все едино — идетъ перекличка. Отворяй миромъ! Въ накладѣ не будешь! Мы не турки! Расплачиваемся наличными! Купцы пріѣхали, а не голь стрюцкая! Отворачивай, Митряй, ставню-то!

Ставни потрясаются. Скрипятъ петли. Дачникъ прибѣгаетъ къ ласкѣ.

— Послушайте, почтенные! вопитъ онъ. — Вы попали въ семейный домъ! Не доводите до скандала! Ну, что за радость, ежели я пошлю за полиціей и составятъ протоколъ. Посадятъ, ей-ей, посадятъ.

Просьба дѣйствуетъ. Бомбардировка умолкаетъ. Слышна перебранка и возгласъ: «вотъ какъ хвачу по затылку!»

— Семейный человѣкъ, откликнитесь еще разъ, раздается уже сдержанный голосъ. Гдѣ здѣсь эта самая Марья Богдановна проживаетъ? Укажи, будь любезенъ, я тѣ фуляровый платокъ на память пожертвую!

— Не знаю я, милые мои, не знаю. Я не здѣшній, я вчера только пріѣхалъ. Идите съ Богомъ!

— Ну, прощенья просимъ: спи спокойно! А что мы ставень оборвали, то приходи ко мнѣ въ желѣзную лавку, — пуда гвоздей не пожалѣю. Да ну ее, эту Машку! Ѣдемъ, ребята, въ Нѣмецкій клубъ.

Дачникъ уже не стонетъ, а только скрежещетъ зубами отъ ярости и лѣзетъ на кровать. Его бьетъ лихорадка, голова горитъ, руки и ноги трясутся.

— Спи, Миша, скорѣй, сейчасъ три часа. Въ пять вставать. Торопись, голубчикъ.

— О, матушка, матушка! Какой тутъ сонъ! Я совсѣмъ боленъ! вырывается у него изъ груди вопль.

Въ смежной комнатѣ раздается пронзительный крикъ горничной. Дачникъ снова какъ горохомъ скатывается съ постели и выбѣгаетъ изъ спальни.

— Лѣзутъ, лѣзутъ! кричитъ горничная, и кутаясь въ одѣяло жмется къ стѣнѣ.

Въ разбитое стекло видна стриженая головва татарина во фракѣ и съ номеромъ въ петлицѣ.

— Съ ресторанъ, господинъ, съ татарска ресторанъ письмо. Лас-

Digitized by Google

кова барыня, Марта Карловна; за ней офицеръ коляска прислалъ! отчеканиваетъ гортаннымъ голосомъ лакей.

— Катерина! Тащи сюда ухватъ, кочергу, метлу! Я голову размозжу этому свиному уху! оретъ во все горло дачникъ, хватаетъ палку, замахивается и бьетъ второе стекло въ окнѣ. Звонъ. Татаринъ бѣжитъ. Дачникъ хватаетъ со стола графинъ и кидаетъ ему въ слѣдъ.

— Боже мой, Боже мой! И это дача, куда ѣздятъ успокоиться! раздаются вопли мужа и жены.

VII. Волынкина деревня.

За Екатерингофомъ, на взморьи, лежитъ Волынкина деревня. О существованіи этого дачнаго мѣста знаютъ очень немногіе петербуржцы. Фланеры, утрамбовывающіе дорожки увеселительныхъ садовъ, топчущіеся на танцевальныхъ вечерахъ лѣтнихъ помѣщеній клубовъ, Лѣснаго театра и Безбородкинскаго вокзала, сюда вовсе не заглядываютъ; ибо здѣсь нѣтъ даже и простаго сада, не говоря уже объ увеселительномъ, а танцы, ежели и происходятъ подъ-часъ, то только у кабака, подъ звуки гармоніи и балалайки. Изъ дирижеровъ оркестра ни одинъ Шульцъ не покусился еще устроить здѣсь музыкально-танцовальнаго вечера и заставить платить себѣ полтинники, ни одинъ, даже самый неразборчивый актеръ, не побрезговавшій-бы даже собачьей будкой для устройства спектаклей, не рѣшился еще покормить здѣшнихъ дачниковъ какими-нибудь «Париками», «Фофочкой» или «Мотей». А актеровъ среди дачниковъ здѣсь изобиліе, и разнообразными талантами ихъ Богъ не изобидѣлъ. Есть пѣвцы, обладающіе такимъ зычнымъ голосомъ, что ежели крикнутъ на берегу взморья, то ихъ будетъ слышно въ Кронштадтѣ. На сценѣ ихъ, по нѣкоторымъ причинамъ, избѣгаютъ.

— Я, братецъ, разъ такъ крикнулъ въ «Пророкѣ», что семь лампъ по рампѣ погасло и въ царской ложѣ на стѣнникахъ розетки лопнули, разсказывалъ мнѣ одинъ оперный пѣвецъ. Одного вотъ пьянисимо нѣтъ у меня въ голосѣ.

— Зато въ головѣ часто бываетъ пьянисимо, замѣтилъ ему одинъ купецъ, театральный прихвостень, обязанность котораго состояла поить пѣвца, давать ему деньги въ займы и позволять себя обыгрывать на билліардѣ.

Пѣвецъ нахмурилъ чело и сжалъ кулаки.

— Ты, Митрофанъ, не шути, коли я говорю серьезно! отвѣчалъ

Digitized by Google

онъ. — Знаешь, что я этого не люблю. Я у тебя въ желѣзныхъ лавкахъ въ заклепкахъ не роюсь, не ройся и ты въ моей лавочкѣ.

Есть здѣсь и трагики: послѣдніе изъ могиканъ, трагики, которыхъ когда-то въ провинціи на рукахъ носили ихъ почитатели, поили до бѣлой горячки. Въ былое время ,они вѣрили, что не пьющій трагикъ не мыслимъ. Они вели суровый образъ жизни, никогда не улыбались были мрачны, смѣялись только «замогильнымъ» хохотомъ, ѣли сырое мясо, и съ полуштофомъ въ рукахъ, ходили учить свои роли на могилы самоубійцъ, а гдѣ таковыхъ нѣтъ, то просто на городскія кладбища. Блиставъ когда-то въ провинціи, а нынѣ заручившись третьестепенными мѣстами въ казенной трупѣ, они не утратили еще своего молодечества. Есть и казенные актеры отъ «ногтей юности», выпущенные изъ театральнаго училища, какъ значится въ ихъ аттестатахъ, на роли злодѣевъ и драбантовъ. Какъ трагики, такъ и драбанты отличаются необыкновеннымъ молодечествомъ. Они, не задумываясь, подымутъ быка, взявъ его руками подъ пахъ, свернутъ вензель изъ кочерги, перекрестятся двухпудовой гирей и вывернутъ съ корнемъ фонарный столбъ. Есть здѣсь и балетные танцоры, возненавидѣвшіе танцы, танцоры, удаленные изъ балета вслѣдствіе того, что они утратили элевацію, потеряли «стальной носокъ», и пріобрѣтя чугунную пятку, успѣли отдавить двумъ-тремъ балеринамъ ноги. Есть здѣсь купцы, хороводящіеся съ актерами и идущіе по пути къ разоренію, купцы, которымъ остался одинъ шагъ — связаться съ монахами, и послѣ сего, уже въ концѣ обнищавшими, ѣхать на Валаамъ на покаяніе. Есть здѣсь нотаріусы, отставные ярморочные шулера, утратившіе гибкость пальцевъ, музыканты, игравшіе когда-то на тромбонахъ и контръ-басахъ, заводчики, успѣвшіе уже нажить себѣ состояніе, и даже попъ, охотникъ до рыбной ловли. Все это переселяется на лѣто въ Волынкину деревню, ради охоты, во всѣхъ ея видахъ, начиная съ домашней утки и кончая медвѣдемъ. Дачники поголовно охотники. Поселеніе Волынкиной деревни необширно: нѣсколько домиковъ, кабакъ и кое-что въ родѣ трактира съ мелочной лавкой. Патріархальность нравовъ необычайная, доходящая до дикости. Дачники живутъ на бивуакахъ. Объ украшеніи палисадниковъ нѣтъ и помину. Вмѣсто цвѣтовъ, въ куртинахъ разставлены собачьи чашки съ овсянкой и водой, въ которой плаваетъ кусокъ сѣры, банки съ червями для уженья рыбы, корзинки съ пахучимъ стервомъ для ловли раковъ. Вмѣсто шторъ, окна занавѣшаны штанами, женниными юбками. Убранство комнатъ состоитъ изъ удочекъ, неводовъ, арапника, собачьихъ цѣпей и смычекъ. На подоконникахъ — бутылки, банки съ сапожной мазью, охотничьи фляжки, пузырьки со средствами отъ комаровъ и блохъ, которыми

Digitized by Google

они, вмѣсто духовъ. смазываютъ и себя, и своихъ многочисленныхъ собакъ. Посмотримте на ихъ житье-бытье. Заглянемте въ ихъ праздничный день.

Вотъ утро. Въ одномъ изъ палисадниковъ бродитъ дачникъ и налаживаетъ перепелины дудки, подбирая тоны. Онъ безъ шляпы и въ одномъ нижнемъ бѣльѣ. Въ сосѣднемъ палисадникѣ молодая дама вывѣшиваетъ для просушки простыню, стараясь прикрѣпить ее на подсолнухи.

— Марьѣ Ивановнѣ почтеніе! Слышали, какъ мы вчера торпеду взрывали на взморьи? кричитъ онъ. Три старыхъ сваи нужно было выворотить. Здравствуйте.

Дачникъ подходитъ къ границѣ своихъ владѣній и протягиваетъ руку чрезъ рубежъ. Марья Ивановна дѣлаетъ то-же самое, но тотчасъ-же вскрикиваетъ и отварачивается.

— Что съ вами? удивляется дачникъ. Наткнулись на роженъ, что-ли?

— Нѣтъ, такъ... я не одѣта, бормочетъ она, косясь на костюмъ сосѣда.

— Да и я не одѣтъ. Помилуйте, что за церемонія на дачѣ! Здѣсь у насъ по просту. Я и самъ въ рубахѣ.

— Вотъ поэтому-то и не ловко! Накиньте на себя что нибудь.

— Да помилуйте, зачѣмъ-же? Бѣлье на мнѣ чистое. Вѣдь отъ красной рубахи вы-бы не отвернулись, а тутъ вдругъ... Ну, хорошо, хорошо, я за кустъ встану. Мужнины пеленки развѣшиваете? задаетъ онъ вопросъ.

— Да, сейчасъ только вернулся съ купанья и какъ снопъ растянулся. Вѣдь онъ натирается.

— Чѣмъ нынче натирался, дресвой?

— Нѣтъ, пока еще все пескомъ трется. Сразу нельзя, можно всю кожу содрать. Потомъ на толченый кирпичъ перейдетъ, а съ кирпича ужъ на дресву, да вотъ, что-то все плохо помогаетъ; спина у него...

— Пусть-бы онъ крапивой себя по поясницѣ стегать попробовалъ. Я такимъ манеромъ двоихъ вылѣчилъ. Потомъ взять махорки, отварить ее въ кипяткѣ, натолочь стекла...

— Полноте, ужъ и это-то лѣченіе надоѣло. Ну, прощайте, пойду неводъ ему плесть.

— А видѣли новую собаку у Петра Семеныча? Вотъ такъ сука! Голосъ—что твоя Пати, кричитъ дачникъ. Куда-же вы, Марья Ивановна? постойте. У меня жена купаться ушла и ключи съ собой унесла. Дайте мнѣ стаканчикъ водки. Ужо этотъ долгъ полностію въ вашего супруга волью. Закусывать не надо.

Сосѣдка выноситъ сосѣду стаканчикъ и упрашиваетъ того не выходитъ изъ-за куста. Сосѣдъ глотаетъ и видитъ передъ собой охот-

Digitized by Google

ника, во всемъ вооруженіи остановившагося у калитки. Ружье за плечами, высокіе сапоги, яхтъ-ташъ съ двумя тремя птицами и венгерка, вся въ грязи. Сзади песъ, выставившій языкъ.

— Купцу! кричитъ дачникъ охотнику. Гдѣ шлялся, купоросная твоя душа?

— Охъ, и не говори, Вася! Пошли мы это трое: я, трагикъ и восмипудовой кожевникъ съ нами, отвѣчаетъ охотникъ. Туда забрели, что уму помраченье! Я тебѣ говорю, такія мѣста, такія!... Утка на мою долю досталась, двѣ тетерьки, вальдшнепъ. По горло въ болотѣ увязъ. Видишь, весь въ грязи.

— Не хвастайся, Гришка, ты въ лужѣ нарочно валялся и потомъ сверху пылью себя посыпалъ. Голопятовы ребята тебя видѣли, обрываетъ его дачникъ. А то вдругъ въ болотѣ... ну, твоему-ли рылу?..

— Ей-Богу, въ болотѣ увязъ. Пошелъ своихъ искать и увязъ. Гдѣ-же-бы я утку-то?...

— И про утку врешь. Утка домашняя, а вальдшнепа съ тетерками, ты у Увара Калинова купилъ.

— Съ мѣста не сойти, самъ убилъ. Кромѣ того, двухъ зайцевъ видѣлъ. Вотъ еще галку застрѣлилъ. Это огородники просили, имъ на огородъ пугало поставить.

— Про галку, вѣрю, а остальное ты купилъ, и купивши, вывалялся самъ въ грязи. Ну, не разыгрывай изъ себя охотника, не люблю! Какой ты охотникъ? Тебя и собака не слушается.

— Мнѣ разыгрывать изъ себя нечего, я не актеръ. Это вотъ тебѣ, такъ съ руки, потому ты актеръ.

— Ты еще остришь! кричитъ на него актеръ. Говорю, что валялся въ грязи, и всѣмъ буду про это говорить. Пошелъ прочь!

— Валялся въ грязи! Стану я валяться въ грязи! Да, что я, свинья, что-ли?

— Конечно, свинья. Подари мнѣ твою собаку, а то всѣмъ и каждому буду разсказывать, какъ ты въ лужѣ валялся и пылью себя посыпалъ.

— Не могу, Вася. Собака эта такая, я тебѣ скажу, что просто чудо! Она у меня въ городѣ сама у парадныхъ дверей на лѣстницѣ въ колольчикъ звонится. Схватится зубами за ручку и дернетъ; водку пьетъ. Она даже понимаетъ кто ко мнѣ зачѣмъ ходитъ. Ежели кто придетъ деньги мнѣ платить, на того молчитъ, а кто получать съ меня, такъ и лаетъ, такъ и лаетъ. Смотри, какіе умные глаза.

— Конечно, умнѣе твоихъ. Не серди меня! Ну, подари собаку, иначе...

— Ей-Богу, не могу, Вася. Лучше я тотъ долгъ тебѣ сотру. Помнишь, сорокъ два рубля?

Digitized by Google

— То само собой. Да съ чего ты взялъ, что я тебѣ буду отдавать деньги? Вотъ еще!

— Ну, прощай, Вася. Тремоль, идемъ! кричитъ охотникъ собакѣ. Прощай, давай руку.

— Чортъ съ тобой, я подлецамъ руки не даю, отвѣчаетъ актеръ.

Купецъ уходитъ.

Актеръ, оставшись одинъ, начинаетъ зѣвать. Дудки перепелиныя надоѣли, собака выдресирована до того, что даже перестала слушаться, ружье вымазано саломъ, водки нѣтъ, что дѣлать? Спать? Но онъ часъ назадъ только всталъ.

— Напрасно я Гришку-то отъ себя прогналъ. Можно-бы было въ орла и рѣшетку на рублишко ему бокъ начистить, бормочетъ онъ. Развѣ на взморье пройтись? задаетъ онъ себѣ вопросъ. Эхъ, брюки-то надѣвать лѣнь. Ну, да я такъ, пальтишко накину.

Актеръ надѣваетъ пальто и шляпу и идетъ по улицѣ. Тишина. Бродятъ нищіе, останавливаясь у оконъ и прося подаянія. Гдѣ-то плачетъ ребенокъ. Двое мальчишекъ играютъ у забора въ бабки. Въ одномъ изъ палисадниковъ копошится священникъ, присѣвъ на корточки. Онъ въ подрясникѣ и съ заплетеной косой.

— Духовенству ядовитое почтеніе съ кисточкой! возглашаетъ актеръ и останавливается. Чѣмъ это вы, святыня, занимаетесь?

— А червей копаю. Ужо рыбу удить идемъ, отвѣчаетъ попъ. Слышали осетра-то какого на Козлахъ поймали? полторы сажени длины.

— Слышалъ и даже видѣлъ его. Осетръ-то, говорятъ, жалованный, съ медалью...

— Ну, что вы врете. Развѣ осетры бываютъ жалованные? улыбается священникъ.

— А ты думалъ какъ? Помнишь осетриху съ серьгой въ ухѣ поймали? Осетрихъ жалуютъ серьгами, ну, а осетровъ медалями. Самъ видѣлъ: такъ это она на груди у него и виситъ.

— Да вы, можетъ быть, про купца Осетрова, что въ Милютиныхъ рядахъ?

— Нѣтъ, про осетра. Сходи въ Зоологическій садъ посмотри, говоритъ актеръ и спрашиваетъ:

— Водка есть?

— Есть то есть, только я въ эту пору не пью. Безъ благовременія зачѣмъ-же?

— Ты самъ и не пей, а меня поподчуй. Вели-ка попадьѣ соорудить.

— Неловко, осердится. Такъ съ медалью? Вотъ диво-то!

— Ты зубы-то не заговаривай. Осердится? Какая-же ты глава въ домѣ, коли жены боишься. Ну, рюмка за тобой.

Digitized by Google

Актеръ идетъ далѣе. У окна, заставленнаго плющемъ, остановились нищіе и просятъ. Вдругъ, раздаются звуки тромбона. Кто-то рявкнулъ изъ «Роберта». Нищіе такъ и шарахнулись отъ окна. Старичишка даже запнулся и шарахнулся на землю. Изъ комнаты слышится хохотъ.

— Микешка, это ты? кричитъ актеръ.

— Я, здравствуй, Вася! откликается голосъ. Вотъ потѣха-то! А я, братъ, разнощиковъ и нищихъ трубнымъ голосомъ пугаю. До тошноты надоѣли приставаньемъ. Только этимъ и спасаюсь.

На крыльцо выходитъ жирный блондинъ, съ тромбономъ въ рукахъ. Онъ въ коломенковомъ халатѣ, надѣтомъ на голое тѣло, и въ туфляхъ. Халатъ распахнулся и обнажилъ полную грудь.

— Плясуну и жрецу Терпсихоры—толстое съ набалдашникомъ! возглашаетъ актеръ и протягиваетъ руку. А гдѣ-же плясовица?

— Купаться ушла, а ребятишекъ разогналъ мухъ ловить. Теперь плотва появилась... На муху-то чудесно. Войди. Я совершенно одинъ. Прохладительное питье отъ скуки изъ коньяку со льдомъ и лимономъ дѣлаю.

— Съ утра-то? Да ты съума сошелъ? Вѣдь это развратъ.

— Съ утра-то и прохлаждаться. Хочешь хлобыснуть стаканчикъ? Долбани.

— Вотъ что... ты ужъ мнѣ дай лучше, гольемъ. Что доброе портить. У Петра Семенова новую собаку видѣлъ? Вотъ, братъ, такъ сука! На каждую птицу особую стойку дѣлаетъ.

— Полно врать. Ничего нѣтъ особеннаго. Мой кобель въ десять разъ лучше. Онъ у меня теперь пятіалтынный отъ гривенника отличаетъ. Дашь ему пятіалтынный — кланяется, дашь гривенникъ— трясетъ головой, дескать не надо.

Актеръ взбѣшенъ.

— Дура съ печи! Да развѣ для охотничьей собаки это нужно? кричитъ онъ. Тутъ стойка, трель въ лаѣ нужна. Фокусамъ-то можно и дворняшку обучить. У меня Арапка вонъ даже часы смотритъ. Спрошу который часъ, ну, она сейчасъ лапой.

— Видѣлъ я твою Арапку. Прошлый разъ четырнадцать часовъ насчитала.

— Что-жъ такое? и человѣкъ ошибиться можетъ. А у тебя твой Фингалъ тетерьку на охотѣ съѣлъ, ногу твою за тумбу принялъ. Ну, молчи, давай коньяку-то...

— Да ты посмотри его прежде. Эй, Фингалъ, иси! Ты погляди у него носъ. Ну, пощупай. Масло сливочное. Возьми его за брюхо...

— Давай, говорю, коньяку! пристаетъ актеръ.

Пріятели входятъ въ комнату. Начинается глотаніе. Смотрятъ и

Digitized by Google

собаку. Актеръ разсматриваетъ ошейникъ съ надписью: Фингалъ. П. Л. Столѣтова».

— Ты зачѣмъ-же это надъ своимъ именемъ корону-то сдѣлалъ? говоритъ онъ. Развѣ ты графъ или князь? Короны дворянскіе бываютъ, а ты прохвостъ.

Хозяинъ обижается.

— Нѣтъ, врешь. Я отставной балетный артистъ. Да у меня и корона не дворянская, отвѣчаетъ онъ. У меня на ложкахъ и на посудѣ...

— А то какая-же? Балетныя короны развѣ бываютъ? Тебѣ лиру слѣдуетъ.

— Да развѣ я на лирѣ играю?

— Дуракъ. Впрочемъ, я и забылъ: и лира тебѣ не по чину. Вѣдь ты скоморохъ, плясунъ. Тебѣ погремушки и колпакъ дурацкій.

— А ты-то кто?

— Я драматическій актеръ. Я страсти олицетворяю. Понялъ?

— Это стулья-то выносишь на сцену, страсти олицетворяешь?

— Ахъ ты, дубина, дубина!

Балетный танцоръ вспыхиваетъ.

— Какъ ты смѣешь ругаться въ моемъ домѣ? кричитъ онъ.—Мое пьешь, мое ѣшь и меня-же ругаешь? Пошелъ вонъ! Фингалъ, пиль его! Ахъ ты прощалыга! Шулеръ билліардный! Тебѣ-бы только полушубки купцамъ начищать, выжига ты этакая.

— Ну-ну, ты не очень... Я вѣдь и самъ отмѣчу... спадаетъ въ тонѣ актеръ и ретируется. Балетная корона! вотъ дуракъ-то! бормочетъ онъ.

Ему попадается купецъ.

— Пьютъ что-ли, тамъ? обращается онъ съ вопросомъ, и не дождавшись отвѣта, говоритъ: а я, братъ, вчера съ Фомкой двухъ зайцевъ... Не зайцы, а телята, въ одномъ пудъ десять фунтовъ. А все Неронъ. Не собака, а роскошь! Да куда ты?

— Отстань. Объясни пожалуста этому болвану, что балетной короны не бываетъ. Послѣ этого и купцы корону имѣютъ.

— А то нѣтъ, что-ли? Купеческая корона завсегда имѣется.

— Купеческая корона... вотъ какъ хвачу по затылку! замахиваетъ актеръ.

На улицѣ толпа. Идутъ мущины, женщины, дѣти; виднѣются дамскіе зонтики.

— Федя, куда это вы? окликаетъ кого-то купецъ.

— Собаку топить. Ивана Кузьмича собака, Діанкина мать, чума у нея. Лѣчитъ, лѣчитъ—никакого толку. Пойдемъ, посмотримъ. Интересно. Да и лучше: нѣкоторыя говорятъ, что бѣшенная.

Digitized by Google

И купецъ, и актеръ, и танцоръ выходятъ за калитку и присоединяются къ толпѣ.

Вдругъ, въ одномъ изъ палисадниковъ раздается выстрѣлъ; за выстрѣломъ крикъ; какой-то мужикъ машетъ руками.

— Иванъ Порфирьичъ! Нешто возможно въ курицъ чужихъ стрѣлять? Развѣ это охота? кричитъ онъ.

— Я нечаянно, я по ошибкѣ, я хотѣлъ въ ворону. Мнѣ чтобъ ружье попробовать.

— Попробовать! Ворона на деревѣ, а вы по землѣ стрѣляете. Курица только нестить начала.

— Ну, молчи, Ферапонтъ, я деньги отдамъ.

— Мнѣ не деньги ваши нужны, курица полтора рубля, а вы можете въ человѣка попасть. Вѣдь опять на меня своротите. Прошлый годъ и то цѣлый зарядъ дроби въ повивальную бабку всадили. Спасибо еще, что карнолинъ ее спасъ, а меня къ мировому таскали.

— Ну, довольно, довольно!

Толпа останавливается и начинаетъ глазѣть.

VIII. Карповка.

— Карповка—это рѣчка, отдѣляющая Аптекарскій островъ отъ Петербургской стороны. Карповка—это родная сестра Черной Рѣчки, что можно тотчасъ-же узнать по ихъ фамильному благоуханію, по готовой «ботвиньѣ», всегда имѣющейся въ достаточномъ количествѣ въ нѣдрахъ ихъ мутныхъ водъ, которую такъ любятъ мѣсить веслами обитатели той и другой рѣчекъ. Карповка—это первая ступень дачной жизни. Сѣрый купецъ, познавшій прелесть цивилизаціи въ видѣ дачной жизни, и рѣшаясь впервые выѣхать на лѣто изъ какой-нибудь Ямской или съ Калашниковой пристани, ѣдетъ на Карповку и потомъ, постепенно, переходя къ Черной Рѣчкѣ, Новой Деревнѣ, Лѣсному, доходитъ до Парголова и Павловска. На Карповкѣ онъ отвыкаетъ отъ опорокъ, замѣняя ихъ туфлями; ситцевую рубаху съ косымъ воротомъ и ластовицами, прикрытую миткалевой манишкой, мѣняетъ на полотняную сорочку, начинаетъ выпускать воротнички изъ-за галстуха, перестаетъ ѣсть постное по средамъ и пятницамъ, сознаетъ, что можно обойтись и безъ домашнихъ кваса и хлѣбовъ, начинаетъ подсмѣиваться надъ кладбищенскими стариками, наставниками древняго благочестія, сознаетъ, что и «прикащики—то же люди», укорачиваетъ полы сюртука, отвыкаетъ отъ сапоговъ со скрипомъ и впервые закуриваетъ на легкомъ воздухѣ «цигарку»;—од-

Digitized by Google

нимъ словомъ, пріобрѣтаетъ лоскъ и быстро идетъ по пути къ прогрессу.

Обитатели Карповки дѣлятся на «жильцовъ» и «дачниковъ». Пояснять отличіе тѣхъ отъ другихъ я не стану, ибо оно и само понятно. Жильцы состоятъ, большей частью, изъ мелкихъ чиновниковъ; дачники есть всѣхъ сословій. Большинство дачниковъ, кромѣ купцовъ, переселяется сюда «со всей своей требухой», не оставляя за собой городской квартиры, и старается пожить какъ можно дольше, иногда до октября, соблюдая выгоду, ибо за дачу платится въ лѣто, а не помѣсячно. Домохозяева не любятъ этихъ дачниковъ. Иногда случается, что дачникъ, дождавшись перваго снѣга, зимуетъ на дачѣ и превращается въ жильца. Жильцы всегда во враждѣ съ дачниками, хотя, въ сущности, имъ дѣлить нечего. У жильцовъ господствуетъ какая-то зависть къ дачникамъ. Особенно это замѣтно у женщинъ. Съ завистью смотрятъ онѣ на наряды дачницъ, на ихъ лѣтнія платья, шляпки, и покупая себѣ на обѣдъ у рыбака десять ряпушекъ и окунька съ плотичкой, питаютъ даже ненависть къ дачницамъ, пріобрѣтающимъ у того-же рыбака матераго сига на пирогъ.

Поселеніе Карповки незначительно. Отъ Карповскаго моста до казармъ считается едва двадцать дворовъ, а по рѣчкѣ, черезъ Каменно-островское шоссе, и того меньше. Къ Карповкѣ причисляется и Песочная улица. Тамъ живутъ аристократы Карповки, стыдящіеся выходить на улицу въ халатахъ и распашныхъ капотахъ.

Заглянемте на Карповку въ воскресный день, когда и мужская половина дачниковъ находится въ сборѣ.

Время подъ вечеръ. Изъ нарядной дачки, на песчаный дворъ, заросшій мѣстами травой, вышелъ «основательный» купецъ. Онъ въ туфляхъ, безъ шляпы, въ коломенковомъ пальтишкѣ. Вышелъ, потянулся, зѣвнулъ и крикнулъ, ни къ кому особенно не обращаясь:

— Ставьте самоваръ-то, черти окаянные!

— Сейчасъ, сейчасъ, Кузьма Данилычъ—засуетилась на балконѣ жена, что-то прожевывая, и схвативъ съ тарелки горсть кедровыхъ орѣховъ, бросилась въ комнаты.

— Кузьмѣ Данилычу—раскланивается передъ нимъ дворникъ, тащущій черезъ дворъ на коромыслѣ два ведра съ водой. Поспать, сударь, изволили?

— Да, отсвисталъ таки часика два съ половиной, отвѣчаетъ купецъ, почесывается и треплетъ себя рукой по жирному брюху, на которомъ неэримыми буквами написано слово «довѣріе».

— Ну, и чудесно! Теперь чайкомъ побалуетесь, а тамъ проминажъ... Пища у васъ хорошая, сытная. И мы отъ вашей пищи кро-

Digitized by Google

хами сыты. Кабы не вы, подохли бы... Сами возьмите, что у насъ за народъ живетъ? Чиновница съ дочкой вотъ въ этой дачкѣ селедкой, да кофейными переварками питаются, полковница, что на верху...

— Полковница! Можетъ только рядомъ съ полковникомъ лежала. Ты читалъ-ли паспортъ-то?

— Въ паспортѣ, это точно, сказано, что она вдова подпоручика, ну, а сама она себя полковницей величаетъ. Полковница эта, говорю, безъ дровъ живетъ, потому она на керосиновой лампѣ себѣ варево дѣлаетъ. Чай, да булки, а супъ—ложкой ударь, пузырь не вскочитъ. На что тутъ нашему брату покуситься? На верху, опять, чиновникъ — тотъ окурки цигарокъ по землѣ сбираетъ, да въ трубкѣ куритъ; восьмушкой лошадиной колбасы обѣдаетъ. Знали-бы и не пустили. Одно—дачу нанималъ другой баринъ, а онъ переѣхалъ. Въ прошломъ году онъ жилъ на сосѣдской дачѣ, такъ его только въ декабрѣ выжить могли. Ей-Богу! Шубенки никакой. Чуть не подохъ! Къ будочнику въ будку грѣться бѣгалъ. А то, такъ у дворника сидитъ. Да ужъ потомъ пущать не стали, потому на каверзы пустился. Не жралъ онъ тутъ дня три: прибѣгаетъ въ дворницкую, видитъ дворничиха лапшу хлѣбаетъ; облизнулся и говоритъ: «смотри-ка Ульяна, что народу на улицѣ собралось, шаръ летитъ, да таково низко, пренизко». Та, дура, само собой, и выскочила на улицу шаръ смотрѣть, а онъ лапшу-то съѣлъ, опрокинулъ чашку, да и говоритъ, что это кошка. Вотъ какіе, сударь, дачники! Съ полиціей сгоняли; такъ и денегъ не отдалъ. «Я, говоритъ, обязался въ концѣ лѣта за дачу заплатить, а для меня еще и посейчасъ лѣто». Это въ декабрѣ-то! А вы у насъ дачники желанные... дай Господь...

Брюхо купца колышется, уста разверзаются для улыбки.

— Ну, это голь, шмоль и компанія, говоритъ онъ, лѣзетъ въ карманъ за пяти-алтыннымъ и суетъ его въ руку дворнику.

— Много, сударь, благодарны, кланяется тотъ и продолжаетъ свой путь съ ведрами.

Купецъ выходитъ за ворота, и остановясь на мосткахъ, смотритъ на рѣчку. По рѣчкѣ, въ барочныхъ лодкахъ, купленныхъ за два съ полтиной, катаются дачники. Лопата замѣняетъ руль, вмѣсто уключинъ, весла прикрѣплены веревками къ палкамъ. Вотъ три чиновника катаютъ барышню въ соломенной шляпкѣ, двое на веслахъ, одинъ на рулѣ. Гребли, гребли они, заѣхали въ ботвинью и сѣли на мель. Барышня визжитъ.

— Помилуйте, чего вы? Страшнаго тутъ ничего нѣтъ. Мы сейчасъ на баграхъ пройдемъ, утѣшаютъ они ее, вскакиваютъ съ мѣстъ, упираются веслами въ грунтъ, но еще больше залѣзаютъ на мель.

Digitized by Google

Лодка не идетъ ни взадъ ни впередъ.

— Ну, что же вы надѣлали? Какъ вамъ не стыдно! А еще хотѣли на Лаваль-дачу. Какъ же мнѣ на берегъ-то попасть? Вѣдь не въ бродъ-же идти, чуть не плачетъ барышня.

— Не безпокойтесь, Анна Дмитревна, сейчасъ мы васъ снимемъ съ мели и доставимъ на Лаваль. Эй, почтенный! кричатъ гребцы мужику на баркѣ. — Сдѣлай милость, влѣзь въ воду и сними насъ съ мели.

— На полштофъ дашь? Меньше ни копѣйки! отвѣчаетъ мужикъ, и почесывая спину, отворачивается.

— Ахъ, Боже мой, дайте ему. Пусть онъ насъ сниметъ съ мели, упрашиваетъ дѣвушка.

Гребцы переглядываются другъ съ другомъ и шарятъ у себя въ карманахъ.

— Миша, есть у тебя деньги? У меня въ томъ сюртукѣ остались.

— Нѣтъ, я дома забылъ. Нѣтъ-ли у Феди?

— У меня всего восемь копѣекъ.

— Врешь, ты вчера у экзекутора занялъ цѣлковый.

— Не цѣлковый, а пятьдесятъ рублей занялъ у экзекутора, вспыхиваетъ, какъ піонъ, Федя, но они у меня дома. Почтенный, ну, сними сапоги и спустись въ воду. Мы тебѣ восемь копѣекъ дадимъ. Все-таки на шкаликъ.

— И мараться не стоитъ. Ужъ коли сѣлъ на мель, такъ и сиди, бормочетъ мужикъ и даже не оборачивается.

Гребцы почесываютъ затылки.

— Ахъ, Господи! Такъ какъ-же намъ быть-то? восклицаютъ они хоромъ. Нужно самимъ раздѣваться и лѣзть въ воду.

— При мнѣ-то? Что вы! Развѣ возможно? Да вы съ ума сошли, говоритъ барышня.

— Да вы, Анна Дмитревна, не безпокойтесь. Мы только снимемъ сапоги и засучимъ штанины, а остальное все будетъ въ порядкѣ. Видали въ театрѣ венеціанскихъ рыбаковъ? вотъ и мы такъ же.

— Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно! Все-таки ноги ваши...

— Только до колѣнъ, брюки и весь остальной составъ останутся. Ну, посудите сами, что-жъ намъ дѣлать! Не прибыли же воды ждать. Наконецъ, вы можете отвернуться, закрыться зонтикомъ.

— Попросите вонъ у тѣхъ мущинъ, что на лодкѣ, чтобы они попробовали насъ за веревку потянуть. Киньте имъ веревку отъ нашей лодки, упрашиваетъ барышня.—Господа, будьте столь добры, не можете-ли?.. обращается она къ гребцамъ другой лодки.

Дѣлается буксирная попытка, но тщетно. Лодка такъ и врѣзалась.

Digitized by Google

— Дѣлать нечего, надо раздѣваться. Отвернитесь, Анна Дмитріевна. Федя снимай сапоги!

— Я сниму, но пусть и Вася сниметъ. Всѣ и влѣземъ въ тину. Снимай Вася.

Вася смущенъ.

— Не могу я при ней снимать сапоги, шепчетъ онъ. У меня внизу не чулки, а портянки. Ну, что за видъ?

— Важное кушанье! У меня и того нѣтъ, я на босу ногу.

— Не кричи, пожалуйста. Ты, другое дѣло, за ней не ухаживаешь, а я виды на нее имѣю. Наконецъ, вы и двое можете стащить лодку.

— Нѣтъ, вдвоемъ мы не полѣземъ! Ужъ лѣзть, такъ лѣзть всѣмъ троимъ.

— Да пойми ты, я на линіи жениха. Я ей два раза по фунту конфектъ подарилъ и ликерное сердце.

— И какъ это, господа, вы на гуляньи и вдругъ безъ денегъ? говоритъ дѣвушка.

— На кислыя щи я взялъ восемь копѣекъ.

— Да я вынулъ десять рублей, положилъ на столъ и вдругъ...

— Да полѣзайте же, господа!

— Сейчасъ, сейчасъ. Отвернитесь. Снимай, Вася, сапоги, она отвернулась и не увидитъ (идетъ шопотъ).

— Ей-Богу, увидитъ, она глазастая. Видишь, изъ-за зонтика смотритъ. Заслони меня.

Кое какъ гребцы снимаютъ сапоги, засучиваютъ брюки и лѣзутъ въ воду.

— Ой, да здѣсь яма. Смотрите, я по брюхо въ водѣ. Ну, что теперь дѣлать? и штаны и визитка...

— Послѣ обсудимъ. Пихай лодку! Ну, понатужимтесь! Разъ, два...

— А вы, господа, дубинушку затяните, ходчѣе пойдетъ, глумится съ барки мужикъ. Эхъ, а еще господа! Трехъ гривенниковъ пожалѣли! Сейчасъ видно, что стрюцкіе!

— Молчи, чертова кукла!

— Чертова кукла, да вотъ не для тебя! У!.. крапивное сѣмя.

— Федоръ Федоровичъ, не ругайтесь, плюньте на него! упрашиваетъ дѣвушка.

— Я тѣ, барышня, плюну! Тонко ходите, не равно чулки отморозите.

Мужикъ сбрасываетъ съ барки полѣно и обдаетъ брызгами компанію.

— Послушай, мерзавецъ, я городоваго позову!

Digitized by Google

Лодка сдвинута. Гребцы влѣзаютъ въ нее и начинаютъ одѣваться. Съ Васи льется вода.

— Послушайте, что это за свинство! Гдѣ же мой сапогъ? Вы его въ воду уронили. Ну, какъ-же теперь на Лаваль? Я безъ сапога. Кто-жъ его кинулъ? Вонъ изъ воды ушко торчитъ.

Сапогъ достали, вылили изъ него воду, но онъ не одѣвается на ногу. Приходится ѣхать домой.

А на берегу, уперши руки въ боки, хохочетъ «обстоятельный» купецъ.

— Иди, Кузьма Данилычъ, самоваръ давно готовъ! кричитъ ему жена.

Купеческое семейство располагается на дворѣ за самоваромъ и начинаетъ пить чай, а напротивъ, на томъ же дворѣ, на полуразвалившемся балконѣ идутъ пересуды.

— Смотри, смотри, опять чай жрать принялись, говоритъ вдовачиновница дочкѣ. И какъ только не лопнутъ? Четвертый разъ сегодня.

— Но, маменька, вѣдь мы и сами сегодня третій разъ кофей пьемъ, да два раза переварки пили, пробуетъ возражать дочь.

— Такъ, вѣдь, это питаніе, и для насъ взамѣсто обѣда, а чай, такъ себѣ, теплая сырость. Ну, молчи, не тревожь мать. Лучше-бы ватную шинель съ нѣмецкимъ бобромъ на веревкѣ развѣсила, да поколотила-бы ее. Иванъ Миронычъ, то и дѣло мимо ходитъ. Удивительное равнодушіе! Ничѣмъ не хочешь мущину прельстить! Женихъ въ руки дается, а она... Къ тому же къ купцу прикащики въ гости пріѣхали. Народъ холостой.

— Прикащика выѣденнымъ молью воротникомъ не прельстишь. Онъ норовитъ на какихъ-нибудь каменныхъ баняхъ жениться или пустопорожняго мѣста ищетъ съ денежнымъ прилагательнымъ. Окромя того брилліанты.

— И за тобой пятипроцентный билетъ съ выиграшами, да бабушкина брилліантовая серьга.

— Одна-то серьга.

— Дура, изъ одной можно двѣ сдѣлать. Тамъ четыре брилліантика. Наконецъ, Иванъ Миронычъ... Эй, дѣвка, не упускай случая! Я третій день подъ рядъ на окошкѣ пятипроцентный билетъ утюгомъ разглаживаю. Вчера онъ прошелъ мимо и пріятно таково улыбается. Вчера билетомъ, а сегодня шинелью можно прельстить, потомъ серьгу надѣнь.

— Вѣдь, она одна. Не въ ноздрю-же мнѣ ее надѣть. Вотъ ежели бы брошка...

Digitized by Google

— И, матушка, другая-бы и въ ноздрю надѣла, только-бы жениха подцѣпить!

— Ахъ, оставьте! Вы знаете, я не люблю интригъ подводить!

Купецъ отпилъ чай, надѣлъ халатъ и икаетъ; жена его жуетъ пряники. Пріѣхавшіе въ гости прикащики, какъ облитые водой и вытянувъ руки по швамъ, бродятъ по двору.

— А что, не сыграть-ли намъ въ преферансикъ по маленькой? обращается хозяинъ къ прикащикамъ.

— Какъ будетъ вашей чести угодно, Данило Кузьмичъ, отвѣчаютъ они. Не замотаться-бы только, потому завтра въ лавку.

— Тащи столъ и карты!

Черезъ пять минутъ, хозяинъ и прикащики играютъ на дворѣ въ преферансъ. Купцу не везетъ. Около стола взадъ и впередъ шмыгаетъ чиновничья дочка, предварительно нацѣпивъ на грудь огромный розовый бантъ, умильно взглядываетъ на прикащиковъ и закатываетъ глаза подъ лобъ. Для Ивана Миронича вывѣшена на веревку шинель. Купецъ проигралъ, остался безъ трехъ и поставилъ большой ремизъ.

— Тьфу ты окаянная! Какъ блоха неотвязчивая! плюетъ онъ по направленію къ чиновничьей дочкѣ. Какъ пройдетъ мимо, словно колода! Ну, чего ты мотаешься, барышня? Точно смерти ждетъ! Брысь!

Дѣвушка такъ и шарахнулась въ сторону. На глазахъ слезы.

— Удивительно, какіе учтивые кавалеры! Такъ тулупомъ и пахнетъ! говоритъ она.

— А ты ужъ и обнюхала! Ну, пошла прочь! Черезъ тебя проигралъ.

— Мужикъ!

— Отъ принцесы слышу. Вишь, какая арабская королева выискалась!

Купца начинаютъ успокоивать жена и прикащики. Дѣвушка, заплакавъ, уходитъ. Съ балкона ругается вдова-чиновница.

— Плюнь на него, Машенька. Вишь, онъ до радужной кобылы допился! Лѣшій!

Во дворъ врывается Иванъ Миронычъ и рыцарски заступается за дѣвушку. Купецъ подбоченился.

— Ты чего прилѣзъ? За оскорбленіе получить хочешь? На рубль цѣлковый! кричитъ онъ. Не дождешься! И рукъ о тебя марать не стану. Эй, дворникъ! Калистратъ! Поласкай его полѣномъ.

— Послушай, борода! горячится чиновникъ. Я надворный...

— Знаю, что надворный, не комнатнымъ-же тебѣ быть. Рыломъ не вышелъ! Гоните его.

— Не смѣешь гнать, это нашъ гость, вопитъ съ балкона чиновница.

Digitized by Google

— А коли твой гость, то и привяжи его на цѣпь, чтобы онъ на людей не бросался!

Мало по малу все успокоивается. Съ сосѣдняго балкона слышны ругательства шопотомъ. Снова пьютъ кофей. Игра въ преферансъ продолжается.

«Пики, трефы, бубны, семь первыхъ». Купецъ отбилъ у прикащиковъ игру, купивъ до восьми червей, и объявляетъ «просто трефы».

— Вы до восьми червей изволили покупать, осмѣливается замѣтить прикащикъ.

— Трефы! возвышаетъ голосъ хозяинъ. Ты торпеду-то не подводи.

— Можетъ, девять трефъ, и вы, какъ мониторъ, супротивъ насъ?

— Просто трефы!

Прикащикъ ходитъ. Купецъ кладетъ туза масти, другой прикащикъ бьетъ козыремъ.

— Извините, Кузьма Данилычъ, но дезентерія маленькая вышла съ вашей стороны, и мы у васъ лафетъ подбили.

— Какъ лафетъ? Мой ходъ. Какъ ты смѣешь? Давай назадъ, я козыряю.

— Вовсе не вашъ ходъ! Извольте поглядѣть, вотъ и сдавальщикъ сидитъ. Окромя того, вы до семи червей.

— Какъ ты смѣешь меня учить? Уродъ! Я игру лучше тебя знаю. Пошелъ вонъ! Обыграть хотѣли!

— Намъ вашихъ денегъ не надо, а только...

— Оставь, Трифонъ! Дѣйствительно, ихъ ходъ. Ходите, Кузьма Данилычъ.

Купецъ взбѣшенъ и бросаетъ карты.

— Не желаю я вашихъ снисхожденіевъ! Довольно! Убирайтесь домой! горячится онъ: Вѣрно сговорились мнѣ полушубокъ вычистить? Неудастся!

Вступается и жена.

— Тутъ-же всякое лыко въ строку! обращается она къ прикащикамъ. Вѣдь, онъ хозяинъ. Да хоть-бы и проиграли ему, такъ вѣдь, чай, не свое, а у насъ-же наворованное.

Прикащики берутся за шапки и прощаются.

— Дай имъ поужинать-то, шепчетъ она мужу.

— Не надо! Коли мобилизацію на себя эту напустили, такъ пусть налегкѣ домой бѣгутъ! отчеканиваетъ онъ, потягивается, грозитъ сидящей на балконѣ чиновницѣ кулакомъ и говоритъ: похлебать-бы, да и ко сну...

Digitized by Google

IX. Павловскъ.

Когда-то Павловскъ былъ аристократическимъ дачнымъ мѣстомъ. Въ немъ прозябали въ лѣтнее время исключительно родовитые люди или чиновные. Какой-нибудь Триждыотреченскій, ясно доказывающій свое происхожденіе, не иначе рѣшался переселиться на лѣто въ Павловскъ, какъ по достиженіи имъ чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Надворный совѣтникъ, ежели онъ не могъ доказать документами, что его предковъ «били въ ордѣ батогами нещадно», сажали на колъ или, уже въ крайнемъ случаѣ, отрѣзали носъ и уши, былъ здѣсь не мыслимъ, какъ дачникъ. Даже денежная аристократія не рѣшалась сюда переѣзжать на дачу. Теперь уже не то. Населеніе явилось смѣшанное. Павловскъ сдѣлался притономъ всѣхъ нарѣчій. Недостаточный человѣкъ сюда не поѣдетъ: и дачи не по карману, и проѣздъ дорогъ. Развѣ сунется онъ въ деревни между Царскимъ Селомъ и Павловскомъ. Такихъ, впрочемъ, очень немного.

Въ Павловскѣ прозябаютъ нынѣ всѣ тѣ, которые имѣютъ возможность заплатить въ лѣто за дачу не менѣе трехъ-сотъ рублей. Рядомъ съ генераломъ живетъ какой-нибудь купецъ изъ Перинной линіи и ежедневно дразнитъ генеральшу, выѣзжающую на музыку на клячахъ, своими тысячными рысаками. Тутъ-же пріютился модный адвокатъ, поселилась содержанка, банковскій кассиръ и жидъ, жидъ, жидъ, начиная съ биржевика и подрядчика, до концессіонера включительно, жидъ полированный, всячески старающійся задушить свой чесночный запахъ одеколономъ. Жидовъ и содержанокъ здѣсь особенно много. Нѣкоторыя улицы вплотную населены содержанками, и есть дачевладѣльцы, которые исключительно отдаютъ свои дачи въ наемъ содержанкамъ, находя это болѣе выгоднымъ, ибо содержанка не скупится на чужія деньги.

Днемъ, Павловскъ сонливъ и скученъ, также какъ и Лѣсной. На улицахъ и въ паркѣ вы исключительно встрѣтите только нянекъ съ ребятами, да разнощиковъ. Онъ оживляется только по вечерамъ, и то около вокзала, гдѣ играетъ музыка.

Попробуемъ однако прослѣдить будничный день, начиная съ утра.

Девятый часъ. По улицамъ бѣгутъ, съ портфелями подъ мышкой, чиновники, чиномъ до статскаго совѣтника, спѣша поспѣть къ отходу поѣзда, купцы, торопящіеся въ лавку. Люди чиномъ выше, а также биржевые жиды и адвокаты ѣдутъ позднѣе. Въ паркѣ малолюдно. По одной изъ аллей прогуливается старикъ, отставной генералъ, въ

Digitized by Google

бѣломъ кителѣ, и маршируя, напѣваетъ военные сигналы. Онъ съ палкой въ рукахъ; изъ задняго кармана у него выглядываетъ кувшинъ съ минеральной водой. Генералъ пьетъ воды и дѣлаетъ движеніе. Скучно генералу. Онъ останавливаетъ разнощика съ ягодами, прицѣняется почемъ фунтъ, спрашиваетъ разнощика, какой онъ губерніи и уѣзда, женатъ онъ или холость, есть-ли у него дѣти, сколько барыша онъ имѣетъ въ день отъ своего товара. Разнощикъ добросовѣстно отвѣчаетъ на всѣ его разспросы, и пытливо взглядывая на широкіе красные лампасы генеральскихъ штановъ, спрашиваетъ:

— Такъ не купите, ваше превосходительство, земляники-то?

— Нѣтъ, любезный, иди съ Богомъ! Я такъ только... Мнѣ ягоды запрещены, я воды пью.

Разнощикъ отходитъ въ полнѣйшемъ недоумѣніи, а генералъ останавливается передъ отдавшимъ ему честь сторожемъ, изъ отставныхъ «ундеровъ».

— Кавалеристъ? въ кавалеріи служилъ? спрашиваетъ онъ его, и осматривая съ головы до ногъ внушительно, какъ труба, сморкается въ красный фуляровый платокъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство, въ пѣхотѣ. Въ Балабаевскомъ пѣхотномъ полку, рапортуетъ сторожъ вытянувшись въ струнку и опустя руки по швамъ.

— А отчего же у тебя лицо кавалерійское?

— Не могу знать ваше превосходительство. Видно такъ Богу угодно. Съ семидесятаго года въ отставкѣ.

— Въ Балабаевскомъ пѣхотномъ... знаю, знаю. Полковой командиръ былъ Красносизовъ?

— Накакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство,—полковникъ Уваровъ.

— Ахъ, да, Уваровъ, помню. Женатый человѣкъ и кучи дѣтей у него?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство,—холостъ-съ.

— Ну, все равно. Полька у него была мать-командирша, съ полькой онъ жилъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство, — съ поручикомъ Ивановымъ. Родной племянникъ имъ.

— Георгія за Карсъ имѣешь?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство, — за взятіе Силистріи.

— А ну-ко, пропой на губахъ сигналъ къ отступленію.

Отставной воинъ поетъ.

— Врешь, врешь! кричитъ генералъ.

— Вру ваше превосходительство, отчеканилъ ундеръ.

Digitized by Google

— А еще артиллеристъ! ученое войско!

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство,—пѣхота.

— Пѣхота, а лицо артиллерійское. Ну, ступай съ Богомъ своей дорогой!

Ундеръ трогается съ мѣста.

— Не съ той ноги! не съ той ноги! Развѣ забылъ маршировку? кричитъ ему въ слѣдъ генералъ.

— Виноватъ, ваше превосходительство, отвыкъ. Съ семидесятаго года въ отставкѣ.

— Съ Богомъ!

Генералъ допилъ воду въ кувшинѣ и отправился домой. По дорогѣ онъ остановилъ мальчишку спичечника и подробно разспросилъ его, какой онъ губерніи, есть-ли у него отецъ и мать, отъ хозяина торгуетъ или самъ по себѣ, деретъ-ли его хозяинъ розгами, и поскольку разъ въ недѣлю, и не сообразя, что мальчишкѣ едва двѣнадцать лѣтъ, задалъ вопросъ: «женатъ, вдовъ или холостъ?», но тутъ же спохватился и крикнулъ:

— Пошелъ прочь!

— А спичекъ, ваше сіятельство, купите? Духовыя, безопасныя есть, говоритъ мальчишка.

— Не надо!

Генерала у калитки его дачи ждалъ уже хозяинъ-извощикъ, пришедшій получать деньги за лошадей. Извощикъ снялъ картузъ.

— А, Панкратьевъ, здорово! привѣтствовалъ его генералъ.

— Бандуринъ, ваше превосходительство, поправляетъ извощикъ.

— Да, Бандуринъ. Ты, вѣдь, кажется, Тверской?

— Рязанскій-съ. Прикажите, ваше превосходительство, деньги получить за лошадей для генеральши.

— Рязанскій, рязанскій?.. А какого уѣзда?

— Прикажите, ваше превосходительство, деньги за генеральшу получить.

— Михайловскаго уѣзда, ну, и чудесно. Что-же жену, поди изъ деревни выписалъ, въ шляпкахъ щеголяетъ, на рысакахъ катается?

— Прикажите на счетъ денегъ-то...

Генералъ громко сморкается въ фуляръ и издаетъ нѣчто въ родѣ трубнаго гласа.

— Насчетъ денегъ за лошадей? протягиваетъ онъ. Я, любезный, на лошадяхъ не ѣзжу, мнѣ запрещено, я воды пью. На лошадяхъ ѣздитъ генеральша, ты съ нея и получай. Ты купецъ? Дѣти у тебя есть?

— Дозвольте получить, ваше превосходительство. Генеральша къ вамъ прислали.

Digitized by Google

— Ко мнѣ! А какой вѣры: церковной или къ старикамъ ходишь?

Извощикъ въ отчаяніи. Жирное брюхо его колышется, потъ съ него льетъ градомъ.

— Ахъ ты, Господи! восклицаетъ онъ. Коли такъ, прощенья просимъ, ваше превосходительство, говоритъ онъ и трогается съ мѣста.

— Не съ той ноги, не съ той ноги! кричитъ ему вслѣдъ генералъ, но, не получивъ отвѣта, машетъ рукой и идетъ на балконъ.

На балконѣ нестарая еще генеральша пьетъ кофе. На рукахъ у нея собака; двѣ другія собаки находятся на колѣняхъ у желтой, какъ лимонъ, компаніонки, сидящей тутъ-же.

— Зачѣмъ вы ягоды ѣли? обращается генеральша къ мужу. Знаете, что вамъ сырые фрукты запрещены! Не отпирайтесь! не отпирайтесь! Иванъ ходилъ въ булочную и видѣлъ, какъ вы разнощика останавливали съ ягодами.

— Ей Богу, не ѣлъ, матушка, я такъ, только понюхалъ; остановилъ разнощика и понюхалъ, оправдывается генералъ.

— Такъ вамъ и дастъ разнощикъ обнюхивать ягоды! Наконецъ, зачѣмъ вы останавливаетесь? Докторъ предписалъ вамъ во время питья водъ ходить, и ходить. Боже, въ какомъ вы видѣ! всплескиваетъ она руками. Boutonez-vous.

Генералъ оправляетъ костюмъ и застегивается.

— Здравствуй, матушка, прежде, говоритъ онъ и хочетъ поцѣловать жену.

— Прежде всего выздоровѣйте отъ вашей толщины и потомъ цѣлуйтесь, отстраняетъ она его рукой. Видѣли вы извощика Бандурина? Il demande de l'argent.

— Видѣлъ, матушка, но ты знаешь, что у меня теперь нѣтъ денегъ. Да и зачѣмъ тебѣ здѣсь лошади? На музыку можно и пѣшкомъ...

— Что такое? Вы меня, кажется, хотите лишитъ всѣхъ правъ состоянія! Какая-нибудь дрянь, жидовка, разъѣзжаетъ въ шорахъ... Вамъ мало того, что я заказываю платья, вмѣсто мадамъ Изомбардъ, безмѣстной портнихѣ и нашиваю на нихъ старыя ленточки съ фирмой и адресомъ Изомбардъ? Вѣдь вы познакомились съ этимъ биржевымъ жидомъ? какъ его? Шельменмейеръ?

— Познакомился.

— Ну, и что-же вы сдѣлали? Взяли у него въ займы?

— Онъ обыгралъ меня въ вистъ на двѣнадцать рублей. А насчетъ денегъ... видишь-ли я началъ издалека... Сначала полюбо-

Digitized by Google

пытствовалъ, знаетъ-ли онъ военные сигналы, потомъ спросилъ какой онъ губерніи.

— Вы невыносимы! Скройтесь съ глазъ моихъ, уйдите, не торчите тутъ!

— Но я бы хотѣлъ кофейку...

— Нельзя вамъ кофею... Вамъ запрещено, пейте вашу воду! Уходите-же, вамъ говорятъ!

Генералъ, опустя голову, сходитъ съ балкона. У калитки палисадника стоитъ нищій и проситъ.

— Какой губерніи и уѣзда? раздается возгласъ генерала. Какого уѣзда?

А извощикъ Бандуринъ направился къ содержанкѣ Каролинѣ Францовнѣ. Та приняла его у себя въ спальной лежа на кровати.

— Прикажите Каролина Францовна деньги за лошадей получить, говоритъ онъ. Третій мѣсяцъ, сами посудите... Ей-Богу, сведу со двора, потому ужъ не въ терпежъ.

— Ахъ, милый, да откуда я возьму деньги? Ты знаешь, что я теперь безъ друга; отвѣчаетъ она. Съ барономъ я поссорилась.

— Что баронъ!... Баронъ для насъ никакого состава не составляетъ, а мы больше на Ивана Федосѣича Мухоморова уповали, такъ какъ тѣ—купцы обстоятельные. Опять-же дома у нихъ, лабазы...

— И съ Мухоморовымъ разошлась. Погоди, сойдусь съ адвокатомъ Коромысловымъ — все отдастъ. Мало того, скажу, что за четыре мѣсяца должна. На жида Шельменмейера я имѣю виды... Банкиръ.

— Адвокатъ, за французинку на Крестовскомъ намъ же платитъ, а господинъ Шельменмейеръ англичанку держатъ и по веснѣ ей пару рысаковъ подарили. Я, сударыня, сведу коней...

— Садись! милый, давай вмѣстѣ кофей пить. Видишь, какъ я тебя принимаю? Въ спальнѣ, глазъ на глазъ. Это не всякому достается. Вотъ какъ я тебя цѣню!

— Благодаримъ покорно, а только для насъ это разности никакой не стоитъ. Я, барыня, сведу коней.

— Погоди недѣльки двѣ, Шельменмейеръ заплатитъ. Ну, прошу тебя, голубчикъ... хочешь, я тебя поцѣлую?

Королина Францовна кокетливо улыбается и простираетъ къ извощику полныя бѣлыя руки, выставившіяся по плечи изъ-за бѣлаго шитаго одѣяла.

— Нѣтъ, ужъ это зачѣмъ-же, это оставьте при себѣ. Намъ это все равно, что волку трава, мы женскимъ малодушествомъ не занимаемся. Я, барыня, сведу...

Digitized by Google

— Эдакій ты безчувственный! Ну, садись сюда поближе. Ты водочки не хочешь-ли?

— Увольте, безъ благовременія зачѣмъ-же? Такъ какъ-же насчетъ лошадей-то?

— Оставь мнѣ ихъ недѣльки на двѣ. Сведешь со двора, ничего не получишь. Ну, какъ я безъ лошадей этого Шельменмейера прельщу? безъ лошадей цѣна другая. Понялъ?

— Какъ не понять, мы не махонькіе. Такъ вотъ что барыня: изволь, на двѣ недѣли оставлю, а ты орудуй. Ну, прощенья просимъ! Только вотъ что: мой совѣтъ — пріударь за Иваномъ Федосѣичемъ, хлѣбнѣе...

— Прощай, прощай! Черезъ двѣ недѣли заходи. Или нѣтъ, пришли лучше старшаго сына, тотъ сговорчивѣе.

— Нѣтъ, ужъ сына зачѣмъ-же?.. Самъ приду. Прощенья просимъ!

Извощикъ уходитъ.

Время близится къ обѣду. Умолкли голосистые разнощики. Лакеи изъ «пиньжаковъ« перерядились во фраки и бѣлые жилеты. Отъ вокзала идутъ и ѣдутъ должностныя лица, успѣвшія побывать въ городѣ. Нѣкоторые нагружены закупками. Женская половина вылѣзла изъ капотовъ и принарядились. Кой-гдѣ въ палисадникахъ накрываютъ обѣденные столы, лакеи разставляютъ въ симетрію тарелки и хрусталь.

Съ балкона одной изъ дачъ сошла барыня и смотритъ на накрытый столъ.

— Иванъ, ты зачѣмъ мельхіоровый холодильникъ на столъ не поставилъ? обращается она къ лакею.

— Да зачѣмъ же его, сударыня, ставить? Вѣдь у насъ шампанскаго нѣтъ.

— Все равно, что нѣтъ, холодильникъ придаетъ красоту столу. Можешь пустую бутылку изъ-подъ шампанскаго въ него поставить. Да выбери съ бѣлой пробкой.

— Зачѣмъ это? Что за фокусы! откликается мужской голосъ съ балкона, и изъ-за листа «Голоса» показывается плѣшивая голова.

— Не ваше дѣло, оставьте! обрываетъ его дама, ну, что за видъ безъ шампанскаго? Этотъ жидъ Шельменмейеръ можетъ пройти мимо, и вдругъ... Сегодня на музыкѣ я окончательно рѣшилась попроситъ у него пятьсотъ рублей въ займы. Помилуйте, мы должны поддерживать довѣріе къ себѣ въ нашемъ теперешнемъ положеніи. За дачу не заплачено. Ставь, Иванъ, холодильникъ, и послѣ обѣда кофе въ серебрянномъ кофейникѣ и на серебрянномъ подносѣ.

На другомъ дворѣ конюхъ вывелъ лошадь въ чепракѣ и гоняетъ ее на кордѣ. Баринъ стоитъ поодаль и смотритъ.

Digitized by Google

— Иванъ Иванычъ, иди обѣдать. Нашелъ время когда лошадь гонять, кричитъ жена. Супъ простынетъ, я одна сяду.

— Ну и пускай его стынетъ. Я дѣло дѣлаю, я для меня дѣло важнѣе супу—откликается мужъ.

— Могъ-бы и послѣ обѣда, покрайности моціонъ.

— Послѣ обѣда никакого смысла не будетъ въ этомъ дѣлѣ. Да пойми ты, тихо говоритъ онъ, подойдя къ рѣшеткѣ сада и наклонясь по направленію къ женѣ, пойми ты, что я велѣлъ вывезти ее изъ конюшни для портнаго. Здѣсь мой портной изъ города пріѣхалъ долги сбирать и ходитъ по дачамъ; сейчасъ зайдетъ ко мнѣ. Ну, поняла? Будетъ денегъ просить.

— Такъ что-жъ тутъ лошадь-то? Вѣдь она изъ манежа?

— Скажу, что лошадь купилъ и сейчасъ сто рублей задатку далъ, почему ему и не могу уплатить по счету, ибо деньги въ городѣ. Иначе, отъ меня онъ пойдетъ къ Шельменмейеру и можетъ разсказать, что я не плачу ему и такъ далѣе. Подрывъ кредита, а я у Шельменмейера хочу тысячу рублей занять... Ахъ, Карлъ Богданычъ, мое почтеніе! Пожалуйте, пожалуйте! восклицаетъ онъ, завидя портнаго. А я вотъ новой покупкой любуюсь.

Въ третьей дачѣ уже отобѣдали. Молодая дама разливаетъ на балконѣ кофе; бородатый элегантный адвокатъ въ сѣрой парѣ и соломенной шляпѣ покачивается на стулѣ-качалкѣ и читаетъ «Новое Время».

— Женичка, сейчасъ мимо насъ Шельменмейеръ прошелъ, и что мнѣ въ голову пришло, говоритъ онъ, ковыряя перышкомъ въ зубахъ и обращаясь къ женѣ: ты бы съ нимъ ужо на музыкѣ поласковѣе и пококетливѣе...

— Ахъ, Сержъ, онъ такой противный: маленькій, лицо какъ у обезьяны, зубы оскаленные... наконецъ, я ненавижу жидовъ.

— Приневолъ себя, отъ этого зависитъ моя выгода. Онъ охотникъ до женщинъ, а я хочу попросить у него мѣсто юрисъ-консульта въ страховомъ обществѣ. Онъ директоръ и все можетъ сдѣлать. Шесть тысячъ въ годъ, можно изъ-за этого быть любезной. Наконецъ, онъ засѣдаетъ въ трехъ банкахъ, самъ банкиръ. Рано-ли, поздно-ли можетъ надѣлать злоупотребленій... Поняла?

— Ахъ, Сержъ, ей-Богу, не хочется, но для тебя я на все готова. Тебѣ со сливками или съ коньякомъ?

Но вотъ, изъ парка доносятся звуки оркестра, и по улицамъ потянулись въ вокзалъ вереницы дачниковъ.

Раньше всѣхъ къ вокзалу явились старыя дѣвы и вдовы генеральши, статскія совѣтницы и засѣли на первыя скамейки, съ ногъ до головы озирая другъ-друга. Ихъ обожаемый скрипачъ, смуглый

Digitized by Google

брюнетъ съ маленькой бородой и львиной гривой, вмѣсто волосъ бросаетъ молніеносные взоры изъ оркестра. Явилась сумасшедшая барыня въ красной шали и съ цѣлымъ огородомъ цвѣтовъ на шляпѣ, взяла стулъ и сѣла впереди всѣхъ. Ея шаль застегнута большой брошкой съ портретомъ красавца-скрипача. Пришли купцы съ женами, приказавъ имъ надѣть на себя брилліантовые серьги и браслеты.

— Такъ-то лучше! Пущай генеральши смотрятъ, да отъ зависти въ кровь чешутся, говорятъ они. Да и намъ черезъ эти самые браслеты довѣрія больше. Вонъ господинъ Шельменмейеръ идетъ, а мы у нихъ въ банкѣ векселя дисконтируемъ.

Площадка около оркестра наполняется все болѣе и болѣе. Публика пріѣзжаетъ и съ подъѣздами желѣзной дороги. Пріѣзжихъ отъ дачниковъ отличаютъ по цилиндрамъ. Пенсне́ и лорнеты въ ходу. Дамы передаютъ другъ дружкѣ о своихъ сосѣдкахъ самыя сокровеннѣйшія тайны, узнанныя черезъ горничныхъ.

— Вотъ эта дама вся на ватѣ, зубы вставленные, на груди гутаперча, коса фальшивая и въ лѣвой ботинкѣ косокъ; у нея одна нога короче, разсказываетъ одна многосемейная дама. Смотрите, смотрите, туда-же Шельменмейера хочетъ прельстить. Ахъ, чортъ крашеный!

— А Шельменмейеру этому, должно быть, все равно, была-бы юбка, откликается другая дама.—Ну, растаялъ, слюной брыжжетъ. Туда-же улыбается, жидъ негодный!

— Да вѣдь онъ, душечка, Марья Ивановна ничего не видитъ, хоть и въ пенсне съ зажигательными стеклами смотритъ... Батюшки, и адвокатша къ нему подошла!

Оркестръ играетъ «Lieder ohne Worte» Мендельсона.

— Это должно быть что-нибудь изъ «Рогнѣды», шепчетъ дама своему мужу. Посмотри на аншлагъ.

— Ты знаешь, я близорукъ. Только нѣтъ, это не изъ «Рогнѣды», это скорѣй изъ «Карла Смѣлаго».

— Душечка у тебя совсѣмъ слуха нѣтъ. Ежели не изъ «Рогнѣды», то навѣрное изъ «Пророка».

Къ разговору прислушивается сидящій сзади купецъ.

— Ни изъ «Рогнѣды», ни изъ «Пророка», а просто Травіату изъ русскихъ пѣсенъ жарятъ, откликается онъ.

Сидящіе на скамейкѣ оборачиваются и смотрятъ на него въ упоръ. Нѣкоторые лорнируютъ. Оркестръ играетъ пьянисимо. Гдѣ-то, какъ труба, сморкается генералъ.

Digitized by Google

X. Ораніенбаумъ.

Я не стану описывать вамъ самый Ораніенбаумъ или Рамбовъ, какъ его называетъ простой народъ. Это не входитъ въ составъ моей задачи. Мое дѣло нарисовать вамъ картинку прозябанія ораніембаумскихъ дачниковъ, показать, чѣмъ они занимаются, интересуются. Разумѣется, я коснусь будничной стороны, обыденной, не тронувъ праздничной, которая всегда составляетъ казовый конецъ. Я вырву двѣ-три картины и покажу ихъ вамъ.

Дачники Ораніенбаума состоятъ изъ актеровъ, какъ провинціальныхъ, такъ и казенныхъ, находящихся на дѣйствительной службѣ или доживающихъ свои дни въ отставкѣ, изъ купцовъ покрупнѣе, изъ чиновниковъ и разбогатѣвшихъ ремесленниковъ, удалившихся отъ дѣлъ. Вся эта толпа пересыпана бѣлой фуражкой флотскаго офицера, играющаго здѣсь роль сахара на куличѣ. Жители Ораніенбаума досужливый народъ. Они не претерпѣваютъ муки ежедневнаго скитанія въ городъ и обратно. Къ своимъ служебнымъ обязанностямъ, ежели таковыя имѣются, они удаляются разъ, два, много три раза въ недѣлю и при этомъ клянутъ судьбу, заставившую ихъ часомъ раньше покинуть широкій халатъ и туфли.

Однако, довольно вступленія. Я навожу камеру-обскуру.

Полдень, жаркій полдень. Солнце печетъ. Пыльно. Лѣнь какая-то видна во всемъ. Въ комнатахъ жужжатъ мухи. Вотъ какая-то крупная муха, съ синимъ брюхомъ, налетѣла на стекло окна, ударилась и свалилась. Въ комнатѣ одной изъ дачъ, съ книжкой въ рукахъ, лежитъ на клеенчатомъ диванѣ актеръ-комикъ. Скучно ему, не читается. Онъ ворочается съ бока на бокъ, пробуетъ плевать въ потолокъ, но, не достигнувъ этого, вскакиваетъ съ дивана, сбрасываетъ съ себя коломенковый пиджакъ, потягивается и недоумѣваетъ, чѣмъ-бы ему заняться. На подоконникѣ лежатъ рѣдиска и огурецъ, оставшіеся отъ вчерашняго ужина. Взялъ рѣдиску, откусилъ, пожевалъ и плюнулъ.

— Ахъ да! Чтобъ не забыть! говоритъ онъ самъ себѣ, садится къ столу, и развернувъ записную книжку, пишетъ:

«Новый типъ для водевильнаго отца. Лице по гримировкѣ № 17, фонъ темный, носъ съ перекурносіемъ, краснота—отъ переносья, по щекамъ, до верхняго предскулія. На кончикѣ носа можно сдѣлать бородавку съ волосомъ. Безъ бровей. Брови замазать клейстеромъ изъ крупичатой муки и потомъ уже класть подмазку. Морщины испан-

Digitized by Google

скаго злодѣя. Парикъ голый, съ кустомъ волосъ на лбу. Правый глазъ подбитъ. На нижнее вѣко припустить слегка швейнфуртской зелени».

Написавъ все это, актеръ озаглавилъ на поляхъ книжки: «типъ № 109. лит. С.». Вдругъ, о лице его ударились двѣ мухи. Онъ хватилъ себя ладонью, поймалъ одну муху и началъ ее разсматривать. Скучно. Вышелъ на балконъ. На верху жилъ другой актеръ. Онъ сидѣлъ, тоже на балконѣ, въ одномъ нижнемъ бѣльѣ и пощипывалъ струны гитары, налаживая пасхальное: «Плотію уснувъ»...

— Николай Николаичъ, брось ты эту свою гитару! крикнулъ нижній актеръ верхнему. Надоѣло. И ежели-бы выходило что, а то только въ колки плюешь.

— Да струны спускаются, ужъ я плюю поневолѣ. И слюней-то нѣтъ, откликаетси верхній актеръ.

— Ты замочи лучше гитару-то, она разсохлась.

— Ну вотъ! Люди нарочно сушатъ струнные инструменты по нѣскольку лѣтъ, а ты—замочи. Вѣдь гитара не бочка. Ты знаешь что Паганини съ своей скрипкой дѣлалъ? Онъ черезъ годъ клалъ ее въ мѣшокъ и разбивалъ объ уголъ, потомъ склеивалъ. Зато и звукъ-же былъ.

— Ну, и ты хвати свою гитару объ уголъ.—А я, братецъ ты мой, поймалъ сейчасъ муху и не могу опредѣлить: самка это или самецъ.

— Эхъ, дѣлать-то тебѣ нечего! Не объ уголъ надо-бы гитарой-то хватить, а о твою голову. Муха!

— Что-же такое! И великіе философы мухами занимались: Одюбонъ, напримѣръ, Кювье, Карлъ Фогтъ... Дарвинъ, путемъ прегражденія этихъ самыхъ мухъ...

— Ну, пошелъ, поѣхалъ! Путемъ перерожденія, а не прегражденія,—поправилъ его верхній актеръ.

— Это, братъ, все равно: прегражденіе и перерожденіе, былъ-бы естественный подборъ. Дарвинъ, говорю, путемъ перерожденія превращалъ даже этихъ мухъ въ пчелъ.

— Въ слоновъ не превращалъ-ли?

— Ты не смѣйся! Вѣдь ты не читалъ. Прочти, а потомъ и говори. Ты вотъ «Рокамболя» прочтешь, а серьезной книги тебѣ читать некогда.

— Врешь, я Іоанна Массона читалъ. Тамъ онъ объ этой земной корѣ такъ толкуетъ, что потомъ боишься и ходить по ней. Потомъ, читалъ Мартына Задеку.

— А ты-бы Дарвина почиталъ. Дарвинъ произвелъ особую породу голубей, съ красными костями внутри. Скрещиваніе—великое дѣло!

Digitized by Google

Вотъ, ежели теперь взять овода лошадинаго и піявку—какой отъ нихъ приплодъ можетъ быть?

— Актеръ-комикъ.

— Ты не шути. Я серьезно... Ты знаешь-ли, отчего утка жретъ въ четыре раза больше своего тѣла вѣсомъ? Оттого, что у нея теплота необычайная развита въ желудкѣ и быстро перевариваетъ пищу до точки кипѣнія... у нея кишки...

— Знаю, знаю. Въ Парижѣ, въ парикмахерскихъ, щипцы для завивки на огнѣ и не грѣютъ, а засунутъ уткѣ въ глотку—ну, они и накалятся.

— Пожалуйста, не шути! Всѣ мы живемъ естественнымъ подборомъ. Вначалѣ была одна момеба, слизь, и отъ нея произошли всѣ животныя.

— Какъ ты сказалъ?

— Момеба.

— Ну, навѣрное, перевралъ. У тебя талантъ на это, ты и по суфлеру врешь. Помнишь? суфлеръ кричитъ: «коканецъ и киргизъ-кайсакъ», а ты повторяешь,—«какъ агнецъ и, кажись, казакъ».

— Ну ужъ, вовсе и не остро! Вначалѣ, говорю, носилась по необозримому океану тропическихъ водъ, согрѣтыхъ внутреннимъ огнемъ гигантскихъ папоротниковъ, которые, тлѣя, превращались въ каменный уголь, одна момеба. Потомъ, путемъ прегражденія видовъ въ борьбѣ за существованіе пищи, черезъ милліоны тысячелѣтій квадреліоновъ явилась обезьяна, а отъ нея произошли, наконецъ, и мы.

— Зачѣмъ-же мы? Ты, можетъ быть, произошелъ отъ обезьяны, а я нѣтъ.

— Планета наша была раскалена такъ, что на нее ступать ногами было невозможно. Явились допотопные звѣри: мастодонты, горизонты, мониторы, ихтіонасабры и носились въ раскаленномъ воздухѣ на перепончатыхъ крыльяхъ, вѣсомъ въ три тысячи пудовъ, а для отдыха, садились на верхушки гигантскихъ папоротниковъ и питались плавающей рыбой. Ну, что ты скажешь на это, Николай Николаевичъ? Да ты тамъ? Ушелъ, мерзавецъ, съ балкона! говоритъ нижній актеръ, заглядываетъ изъ палисадника на верхъ и повторяетъ: «дѣйствительно, ушелъ». Укроповъ! кричитъ онъ.

— Чего тебѣ? откликается съ верху актеръ и выходитъ уже въ брюкахъ. Я въ Петербургъ ѣду.

— Ты-то, чортъ съ тобой, а мнѣ ребятишекъ твоихъ надо. Вели, братецъ, имъ наловить мнѣ сотню лягушекъ; вѣдь они все равно ничего не дѣлаютъ.

— Охъ, Митрій, скоро тебя на цѣпь посадятъ, скоро! Совсѣмъ ты свихнулъ чердакомъ! со вздохомъ произноситъ верхній актеръ.

Digitized by Google

Ты полечись, не запускай, а то ты, ей-ей, всѣхъ насъ перекусаешь. Сходи ты хоть въ баню, да натрись чѣмъ-нибудь покрѣпче. Я, вотъ, скажу твоей женѣ.

— Смѣйся, братъ, смѣйся! Надъ Галилеемъ и Коперникомъ тоже смѣялись и называли ихъ сумасшедшими, когда они, сидя за самоваромъ, пары изобрѣтали, а теперь вотъ изъ паровъ-то локомотивъ да пароходъ вышли, и ты на нихъ ѣздишь въ Питеръ. На кострѣ жгли Галиллея-то. Совсѣмъ ужъ сгорѣлъ, а все-таки кричитъ своимъ врагамъ: «а все-таки вертится».

— Голубчикъ, ну, сядь ты хоть на мѣсяцъ въ сумасшедшій домъ! восклицаетъ верхній актеръ.

Нижній уже начинаетъ сердиться.

— Да ты говори мнѣ толкомъ: наловятъ твои ребятишки мнѣ лягухъ? Я второй мѣсяцъ жабу здѣсь ищу и все найти не могу. Можетъ быть, въ сотнѣ-то лягушекъ и найду одну жабу.

— Это не мое дѣло. Сговаривайся съ ними самъ.

— Ну, ладно. Я имъ за это змѣя двухъ-аршиннаго склею. Да, вотъ еще что: ежели ты въ городъ ѣдешь, то купи мнѣ въ москательной лавкѣ фунтъ жженнаго купоросу.

— А его не взорветъ въ дорогѣ?

— Что ты? Вѣдь это не глицеринъ, не пирохтемалинъ.

— Ну, хорошо. Это ты лечиться хочешъ, что-ли? Ты въ темя втирай!

— Дуракъ! Вонъ твоя жена съ купанья идетъ. Здравствуйте, Анфиса Петровна.

Въ калитку влетаетъ пожилая дама, съ растрепанными волосами. Въ рукахъ губка и простыня.

— Гдѣ Александра Павловна? позовите ее! восклицаетъ она.—Новость, великая новость! Представьте вы себѣ, купчиха-то керосинщица-то, что въ соломенной коляскѣ-то ѣздила... сбѣжала!

— Не можетъ быть! Съ кѣмъ? спрашиваетъ мужъ, перевѣшиваясь съ балкона.

— Съ докторомъ! Сбѣжала и удрала заграницу. Вотъ онѣ, купеческія-то тихони! На актрисъ-то только слава. Изъ хорошаго фруктоваго семейства богобоязненныхъ купцовъ, и вдругъ!..

— Тутъ, матушка, семейство не причемъ. Это чума на бабу нападаетъ, ну, она и бѣжитъ, откликается мужъ. Старикъ Овсяниковъ тоже былъ изъ богобоязненнаго семейства, пудовыя свѣчи ставилъ, колокола вѣшалъ...

— Нѣтъ, представьте себѣ: керосинщица! все еще не можетъ успокоиться актерская жена.

Нижній актеръ задумался, разставилъ ноги и чешетъ переносье.

Digitized by Google

— Борьба за существованіе, естественный подборъ, и больше ничего! говоритъ онъ.

— Однако, ежели-бы этотъ естественный подборъ твоя жена сдѣлала, тогда что? обращается къ нему верхній актеръ, — тогда ты какъ-бы заговорилъ?

— Никакъ! Взялъ-бы и сталъ искать себѣ въ предопредѣленіи душъ другую самку.

— Оставь его, Николай Николаичъ, останавливаетъ мужа жена. Онъ иногда такія вещи говоритъ, что волосъ дыбомъ становится. Я за нашихъ дѣтей боюсь. Вдругъ брякнетъ!.. Ты въ городъ ѣдешь?

— Да, въ городъ. Я хочу, наконецъ, подать къ мировому на этого мѣховщика. Какъ-же?... Отдаю на храненіе мѣховой салопъ—возвращаютъ тальму, отдаю тальму—возвращаютъ одинъ воротникъ, и то поѣденный молью. Вѣдь это мерзость!

— Ну, пойдемъ, я тебя провожу до вокзала, говоритъ нижній актеръ. Да не забудь купоросу-то...

Актеры выходятъ.

Комикъ Дмитрій Петровичъ проводилъ «благороднаго отца» и возвращается домой. Пыльно. Вотъ проѣхалъ шарабанъ съ дамами. Комикъ раскланялся. Прошелъ дьяконъ—комикъ подошелъ къ нему и то-же поклонился. Дьяконъ остановился и началъ отирать потъ съ лица.

— Давно васъ желалъ видѣть, отецъ дьяконъ, проговорилъ актеръ. Вы въ семинаріи были, такъ навѣрное знаете: въ книгѣ «Премудростей сына Сирахова» сказано... опять-же и въ «Паралипоменонѣ» то-же говориться... ..

— Что такое? что такое? зачастилъ дьяконъ и преклонилъ ухо.

— Что должны были обозначать слова: «мани, факелъ, фаресъ»?

— Это вамъ зачѣмъ-же? Это слова таинственныя и предрекали они гибель царю богохульнику Вальтазару... А вы пари, вѣрно съ кѣмъ-нибудь держите? ...

— Нѣтъ, просто такъ, въ голову пришло. Я знаете люблю мудреныя и звучныя слова. Скажите, вы не замѣчали, у васъ нѣтъ въ пруду или около пруда жабъ? Не лягушекъ, а жабъ?..

Дьяконъ смотритъ на него въ недоумѣніи.

— Нѣтъ, не замѣчалъ. Да гдѣ-же, помилуйте... до жабъ-ли тутъ? говоритъ онъ, каждый день служба.

— Вы, можетъ быть, болѣзнь жабу смѣшиваете съ жабой животнымъ?

— Нѣтъ, я понимаю. Да вамъ зачѣмъ она?

— Хочу поймать, положить въ коробку и опустить въ муравейникъ, чтобы скелетъ сдѣлался.

Digitized by Google

— Нѣтъ, здѣсь про жабъ что-то не слыхать. Прощайте, однако, пора!...

— Прощайте, батюшка, извините, что безпокоилъ.

— Ничего, ничего...

Актеръ идетъ своей дорогой. Попадается на встрѣчу другой актеръ, любовникъ, въ самомъ фантастическомъ бѣломъ костюмѣ. Фуражка съ необыкновенно длиннымъ козыремъ, на ногахъ стиблеты бѣлые съ голубыми бантами, на носу пенснэ; рядомъ съ нимъ громадная собака.

— Здравствуйте, Дмитрій Петровичъ, говоритъ онъ. А я сейчасъ угря для маринаду купилъ. Угорь два аршина длины.

— Въ пирогъ хорошо... угря-то, отвѣчаетъ комикъ. У Карла Фогта въ книгѣ...

— Э, батюшка, что угорь въ пирогѣ? дрянь! восклицаетъ любовникъ, стараясь произносить слова въ носъ. Вы, значитъ, не ѣли хорошаго угря въ маринадѣ. Вотъ у отца поваръ готовитъ...

— Вы шкуру-то снимете, такъ мнѣ отдайте. Молешотъ говоритъ...

— Дичь! Молешотъ никогда не былъ хорошимъ поваромъ. Безобразовъ взялъ его къ себѣ и послѣ первой-же кулебяки выгналъ? А вы попробуйте у отца. Да ежели къ этому угрю бутылку холоднаго шабли, да зеленыя рюмки...

— Позвольте, позвольте. Молешотъ естествоиспытатель...

— Вздоръ! Возьмите и приправьте его перцемъ, лавровымъ листомъ, лимономъ, бросьте щепоть каену... Когда я былъ въ Парижѣ... Вы ѣдали навагу въ прованскомъ маслѣ?

— Молешотъ, естествоиспытатель, говоритъ...

— Плюньте ему въ глаза!... или нѣтъ, возьмите бутылку оливковаго масла... Вы знаете что такое рубцы, простые рубцы, вотъ что на мостахъ продаютъ? Сходите къ отцу, попробуйте? Ахъ, да! Слышали про керосинщицу-то? Говорятъ, пятьдесятъ тысячъ наличными и на двадцать-шесть тысячъ брилліантовъ... Вы помните брилліантъ у отца?

Актеръ-комикъ не слушаетъ и продолжаетъ о Молешотѣ.

— Такъ вы утверждаете, что Молешотъ былъ поваръ? кричитъ онъ.—Хотите пари на десять угрей и на десять бутылокъ шабли? Молешотъ позаръ! Ахъ, Боже мой!

— Ну, портной, чертъ съ нимъ! Такъ я и говорю: облейте его прованскимъ масломъ... или нѣтъ, что я... объ чемъ бишь я?... Да, керосинщица! Нѣтъ, докторъ-то каковъ! Вѣдь она съ докторомъ убѣжала. Молодецъ, собака! А вѣдь такъ себѣ мразь! Что вы на это?...

— А то, что иногда самцы по своимъ перьямъ или по хвосту... начинаетъ комикъ.

Digitized by Google

— Сами вы самецъ! вотъ что. Я думалъ о дѣлѣ потолковать, а онъ чортъ знаетъ что говоритъ! Ну васъ!... Прощайте. Да, кстати, посмотрите сегодня жену въ «Блестящей партіи». Отецъ въ восторгѣ. Вотъ это актриса! Милордъ! Идемъ! Прощайте!

Комикъ смотритъ ему вслѣдъ, плюетъ и произноситъ!

— Дуракъ! Молешотъ поваръ! У Безобразова служилъ!

Вниманіе его отвлекаетъ не то громкое чтеніе, не то пѣніе. Онъ прислушивается. Въ саду, за палисадникомъ кто-то дикуется и громкимъ искуственнымъ басомъ выкрикиваетъ «многолѣтіе». У воротъ стоитъ дворникъ, безъ шапки и въ опоркахъ на босу ногу.

— Кто это такъ завываетъ? обращается къ нему актеръ. Шпарятъ его, что-ли?

— Нѣтъ, не шпарятъ, а это погребщикъ одинъ, Кузнецовъ... разсказываетъ дворникъ. Это они въ себя приходятъ, голосъ накрикиваютъ, такъ какъ у нихъ сновидѣніе было, чтобъ въ дьякона...

— Купецъ? Погребщикъ? Да онъ на билліардѣ играетъ?

— Игралъ въ прошломъ году, да бросилъ, а потомъ на соловьевъ перешелъ. По сту рублей за хорошаго соловья платилъ. Отъ соловьевъ на голубей его своротило, турмановъ гонять началъ... Кузнецовъ фамилія. Съ актеркой связался, та, изъ ревности, головы имъ долой... Онъ умоизступленіе изъ себя испустилъ и теперь въ помраченіи, чтобъ дьякономъ... Сказали ему, что нужно ястреба съѣсть... Зажарилъ и съѣлъ. Потомъ опомнился, ротъ святить началъ...

— Это зачѣмъ-же, ястреба-то?

— Для голоса, чтобы трепетъ наводить. Ястреба съѣлъ съ перьями.

— Ну, и чтоже, достигъ своей цѣли?

— Достигъ, только и по-сейчасъ каждый день по ночамъ у него изъ горла перо летитъ. Уйдетъ въ дьякона, это вѣрно. Теперича онъ, какъ ежели всѣ въ отсутствіи оглянется, никого нѣтъ, сейчасъ это полотенце черезъ плечо и давай жарить во всю глотку.

— Пьетъ?

— Теперь ужъ не пьетъ, а спринцуетъ этой водкой горло, по утрамъ бабью кожу для голоса ѣстъ. Затылокъ себѣ выбрилъ, накололъ его булавками и ледъ прикладываетъ.

— Это для чего-же?

— Тоже для голоса. Пятки ртутью мажетъ... Ходилъ къ архирею. «Нельзя-ли, говоритъ, изъ меня въ двадцать четыре часа дьякона образовать»? «Безъ послушанія, говоритъ, нельзя, а сперва, чтобъ дрова колоть, воду носить».—«А ежели я, говоритъ, плоть свою умерщвлю»?—«Тоже нельзя». «А ежели колоколъ на колокольню прожертвую»?—«Кто три года въ послушаніи...». Двое у насъ такихъ купцовъ было. Одинъ вонъ на томъ углу жилъ. Бывало и начнутъ

Digitized by Google

перекликаться. Этотъ садитъ «анафему» во все горло, а тотъ «а жена да боится своего мужа». Тому теперь докторъ запретилъ на двѣ недѣли, потому, говоритъ, безъ передышки и нутро повредить немудрено, становая жила оборваться можетъ... Войдите во дворъ, посмотрите: онъ у насъ теперь все равно, что глухарь, ничего не видитъ и не слышитъ.

Актеръ въ недоумѣніи.

— А не кинется спрашиваетъ онъ.

— Съ опаской ничего, а замѣтитъ — сейчасъ камнемъ и швырнетъ.

— Нѣтъ, ужъ лучше я пойду своей дорогой.

Актеръ идетъ, ему попадается флотскій офицеръ.

— Что это вы тутъ слушали? задаетъ онъ вопросъ.

— А купецъ тутъ одинъ въ борьбѣ за существованіе голосъ совершенствуетъ. Вы Карла Фогта знаете?

— Фохта, а не Фогта. Ихъ два: отецъ и сынъ; у сына портеръ англійскій хорошъ бываетъ.

— Да вы про кого?

— Про погребщика Фохтса. Только онъ не Карлъ, а Андрей или Августъ.

— А я про натуралиста Карла Фогта. Скажите, вѣдь смерчь въ своемъ столбѣ водоворота приноситъ иногда на землю тропическихъ жабъ?

— То есть, какъ это? вопросительно смотритъ на него офицеръ.

— Да вы въ Бразиліи бывали? или на Антильскихъ островахъ?

— Чортъ знаетъ, что вы городите! Не всегда, батюшка, можно быть комикомъ, нужно быть и человѣкомъ. На то сцена есть.

— Такъ я-то, по вашему, кто-же?

— Оставьте меня. Прощайте! говоритъ офицеръ и идетъ своей дорогой.

XI. Каменный островъ.

Характеристику Каменнаго острова можно сдѣлать въ нѣсколькихъ словахъ: здѣсь все подстрижено, все прилизано, жизнь въ корсетѣ, прозябаніе на вытяжку. Кореннаго каменно-островскаго дачника вы не встрѣтите здѣсь, на улицѣ, безъ перчатокъ, все равно, какъ за калиткой сада вы не увидите дачницы безъ шляпки. Филейная косыночка или кружевной фаншонъ, столь употребительный головной уборъ всѣхъ дачницъ, вообще, носятъ здѣсь только у себя

Digitized by Google

въ саду. Исключенія допускаются лишь во время перехожденія изъ сада въ купальню, находящуюся, обыкновенно, противъ дачи, чрезъ дорогу, куда ходятъ не иначе, какъ въ бѣлыхъ шитыхъ пеньюарахъ. Здѣсь дачнику, даже на балконъ, немыслимо выдти въ халатѣ. Халаты замѣняются фантастическими домашними костюмами, принаровленными для того, чтобы стѣснять человѣка, связать его по рукамъ и по ногамъ. Дачникъ Каменнаго острова непремѣнно аристократъ, не удравшій за границу, въ Эмсъ или Баденъ-Баденъ, по случаю разстроенныхъ денежныхъ обстоятельствъ. Попадается здѣсь и аристократъ дѣловой, не поселившійся въ Павловскѣ потому только, что тамъ изъявила свой непремѣнный капризъ жить его содержанка.

На Каменномъ островѣ прозябаніе тихое. Здѣсь нѣтъ даже увеселительнаго сада. Нигдѣ не играетъ оркестръ музыки, и дачники группируются только на Елагиномъ островѣ, на взморьи, на знаменитомъ «пуантѣ», куда пріѣзжаютъ въ колясках, съ восьмипудовыми кучерами и ливрейными гайдуками, смахивающими по своимъ бакенбардамъ на англійскихъ лордовъ. Уличною жизнью на Каменномъ живетъ только прислуга, дачники же прозябаютъ только въ садахъ, откуда выходятъ только ступая въ коляску, для того, чтобы проѣхаться «по островамъ», постоять на «пуантѣ», полюбоваться на заходящее солнце и на яхтъ-клубистовъ, чуть не въ голомъ видѣ, снующихъ по взморью на своихъ гичкахъ.

День каменно-островскаго дачника начинается поздно. Только во второмъ часу вы увидите на балконѣ утренній самоваръ. Исключенія полагаются развѣ только по праздникамъ, чтобы имѣть возможность побывать въ каменно-островской церкви, у обѣдни. Это единственное мѣсто, гдѣ каменно-островскій аристократъ смѣшивается съ плебеемъ.

Зайдемте въ церковь въ воскресенье.

Служба кончилась. Священникъ собственноручно выноситъ особенно почетнымъ дамамъ просфоры и поздравляетъ съ праздникомъ, спрашиваетъ хорошо-ли было стоять, не дуло-ли изъ оконъ и т. п. Въ толпѣ разъѣзжающихся дамъ стоитъ говоръ. Французская рѣчь перемѣшалась съ русской.

— Bon jour! И вы на Каменномъ? кивает наштукатуренная дама другой дамѣ, про которую ходитъ молва, что у нея лицо на пружинахъ и морщины разутюжены какимъ-то новоизобрѣтеннымъ утюгомъ.

— Да, что дѣлать! мы хотѣли ѣхать за границу, но при настоящихъ событіяхъ это совсѣмъ невозможно. Вы знаете, за нашъ русскій рубль даютъ только пятьдесятъ три копѣйки. Но я не раская-

Digitized by Google

ваюсь: здѣсь такъ хорошо, прелестно! Вода, сѣверная природа... Наконецъ, надо быть немножко патріоткой. Пьеръ засѣдаетъ каждый день... Онъ въ коммиссіи... Такъ занятъ, такъ занятъ... Прощайте!

Дама съ лицомъ на пружинахъ, раскланивается и идетъ къ выходу. Наштукатуренная дама смотритъ ей вслѣдъ. Рядомъ съ ней компаньонка, желто-лимоннаго цвѣта, въ обноскахъ съ барскаго плеча.

— Не вѣрьте ей, Раиса Всеволодовна, шепчетъ компаньонка. Никакой-бы курсъ не удержалъ ее здѣсь, приказала-бы мужу хоть изъ земли деньги вырыть и все-таки-бы уѣхала въ Эмсъ, а просто не поѣхала потому, что гувернеръ не захотѣлъ. Удивительную власть онъ надъ ней забралъ, вертитъ ей какъ дѣвченкой. У него въ Новой деревнѣ метресса живетъ... Каждый день тамъ, каждый день... Вотъ онъ и не захотѣлъ ѣхать за границу, ну, она безъ него никуда... Срамъ! И какъ онъ съ ней обращается! Какъ мужикъ. Маша горничная видѣла, какъ она передъ нимъ на колѣняхъ стояла и руки цѣловала.

— Не шипи змѣя! Ты знаешь я не люблю сплетенъ, замѣчаетъ дама.

— И посудите сами, на что имъ гувернеръ? Сыновья давно въ Пажескомъ. Мальчики смышленые, вѣдь они все видятъ. Ахъ, нѣмецъ проклятый! банкирскую контору нынче на награбленныя-то деньги открылъ. На дняхъ, старшій сынъ ему плюху далъ. «Вы, говоритъ, мамашинъ любовникъ, такъ вотъ вамъ! Ну и ударилъ...

— Ты врешь, врешь!

Подалѣе стоятъ два аристократическихъ брюха, одинъ въ пенсне, другой въ очкахъ, у одного голова голая, какъ ладонь, у другаго поросла сѣрой щетиной.

— По тому миніатюрному досугу мнѣ и совсѣмъ-бы нельзя жить на дачѣ, но я воды пью—вотъ почему я избралъ Каменный островъ, говоритъ щетина. Павловскъ я не люблю потому, что тамъ эта ежедневная ѣзда въ вагонахъ: поневолѣ сидишь Богъ знаетъ съ кѣмъ. Конечно, первый классъ, но все-таки... Какъ ни странно это слышать въ наше время, но что дѣлать, я человѣкъ стараго лѣса, и каюсь. Вы-то, конечно, поймете.

— О, да! Здѣсь въ коляскѣ! Сѣлъ и черезъ полчаса на службѣ. Наконецъ, курьеры, спѣшныя бумаги...

— Еще-бы!...

Щетина и голый черепъ молча раскланиваются и расходятся.

Теперь я васъ попрошу посмотрѣть на идилію.

Утро, т. е. утро каменно-островское—часъ двѣнадцатый дня. Въ шикарномъ садикѣ, обнесенномъ чугунной рѣшеткой, на садовой

Digitized by Google

скамейкѣ сидитъ молодой мужъ, съ зачесанными назадъ, бѣлокурыми волосами; онъ въ лѣтнемъ костюмѣ, въ башмакахъ, въ соломенной шляпѣ; рядомъ съ нимъ жена въ пеньюарѣ, въ англійской соломенной шляпѣ, съ большими полями. Лицо блѣдно, глаза оловяннаго цвѣта, волосы какіе-то пепельные. Противъ нихъ, на другой скамейкѣ, рядомъ съ нянькой, играетъ нарядная дѣвочка, лѣтъ шести, въ буколькахъ, въ филейной юбочкѣ, съ голенькими ножками; дѣвочка тщедушна и блѣдна до невозможности.

— Послушай, Миша, неправда-ли мы всецѣло отдадимся этому ребенку? спрашиваетъ жена. Мы сдѣлаемъ изъ него образецъ человѣчества.

— О, да. Прошла ты съ ней сегодня русскую грамоту? спрашиваетъ мужъ.

— Прошла. Сегодня я по методѣ Золотова... Фребеля я оставила. Золотовъ гораздо болѣе сосредоточиваетъ умъ. Я вотъ все думаю, что она имѣетъ слишкомъ много физическаго труда.

— Но по системѣ Жанъ-Жака Руссо... Ахъ, кстати! вчера я тебѣ принесъ Песталоцци. Онъ у меня въ шляпѣ. Ничего, что по нѣмецки?

— Ничего... но я боюсь смѣшивать вмѣстѣ нѣсколько системъ. Смотри, она у насъ и то худѣетъ.

— Это просто отъ не цѣлесообразной пищи. Молешотъ жестоко ошибается. Наконецъ, новѣйшіе ученые давно уже опровергли его тезисы. Давай, попробуемъ отпускать ей побольше легумину и крахмалу. Казеинъ молока хорошъ, но не въ такомъ количествѣ.

— Да, да, надо попробовать! Кромѣ того, я, знаешь, что думаю: путемъ умственныхъ занятій она расходуетъ слишкомъ много фосфору; намъ нужно стараться пополнять эту убыль, чтобы приходъ уравновѣшивался съ расходомъ. Не худо-бы, даже, еслибы на сторонѣ прихода былъ перевѣсъ.

— Ахъ, да! кстати—опредѣлила ты ея сегодняшній вѣсъ?

— Опредѣлила, мой другъ, неужели я забуду? Ты знаешь, я вся отдалась ей. Сегодня 33 фунта 81 золотникъ. Каждый день убыль. Со вчерашняго дня шесть золотниковъ.

Мужъ вздрагиваетъ.

— Неужели? Вотъ онъ, Жанъ-Жакъ-Руссо-то съ своимъ физическимъ трудомъ на воздухѣ! Нѣтъ, одно спасеніе въ крахмалистыхъ веществахъ. Знаешь-ли что: не бросить-ли намъ этотъ гигіеническій корсетъ, въ которомъ мы ее держимъ по три часа сряду?

— Что ты! Корсетъ необходимъ. А я просто, думаю, что надо сдѣлать совершенную передѣлку въ воспитаніи. Надо въ швейцарскихъ педагогахъ порыться.

Digitized by Google

— Мамашенька, я ѣсть хочу! говоритъ дѣвочка, оставляя играть и бросаясь на колѣни матери.

— Нельзя, душечка, ты уже получила свой первый завтракъ изъ казеина и фибрина. Второй завтракъ въ часъ, послѣ гимнастическихъ упражненій, отвѣчаетъ мать, взасосъ цѣлуя ребенка.

— Гляжу я, гляжу и думаю: и что это за бѣдная дѣвочка у васъ, ворчитъ нянька. Вчуже жалко. Голодомъ держите, пить по часамъ даете. Вѣдь вы замучили ее совсѣмъ. А еще говорите, что любите! Вчера пошли мы гулять по двору, а она булку отняла у дворникова сына и съѣла; траву гложетъ, поневолѣ воровкой сдѣлается.

— О, это восторгъ! это совсѣмъ Жанъ-Жакъ-Руссовская простота, соединенная съ законами Дарвина. Понимаешь-ли, вѣдь это инстинктъ борьбы за существованіе! восклицаетъ папаша. — Поди, милая дѣвочка, я тебя поцѣлую.

— Оставь Мишель, оставь, я цѣловала ее уже, останавливаетъ мать.—Рекламъ говоритъ, что частые поцѣлуи, особенно въ губы раздражаютъ нервы ребенка и приводятъ его къ преждевременному развитію.

— Но я, мой другъ, въ головку только...

Нянька качаетъ головой.

— Ахъ нянька, какая ты ворчунья! Не твое дѣло, дай намъ развивать ребенка! говорятъ супруги.

— Мамочка, я ѣсть хочу, очень, очень хочу.

— Нельзя, душечка, потерпи до часу.

— Послушай, Мари, дай ты ей унцъ или два крахмалистыхъ веществъ.

— Невозможно, Миша. Послѣ игры она должна будетъ углубиться въ созерцаніе природы, на полчаса, потомъ, четверть часа на гимнастику педагогическую и четверть часа на гигіеническую.

— Эхъ, вколотите вы въ гробъ и этого ребенка! Не людямъ дѣти-то достаются! ворчитъ нянька.

— Молчи-же, тебѣ говорятъ! Ты ужъ начинаешь грубить!

— Не могу я молчать, коли у меня сердце кровью обливается. Вѣдь ужъ умеръ у васъ отъ вашихъ истязаній старшенькій мальчикъ; погубите и дѣвочку.

— Ты глупа и больше ничего! Сержъ умеръ отъ скоротечной чахотки.

— Такъ вѣдь въ чахотку-то вы-же его вогнали. Хороша любовь къ дѣтямъ!

— Я тебя прогоню! кричитъ отецъ и сжимаетъ кулаки.

— Оставь, Мишель. Посмотри, который часъ, не пора-ли за созерцаніе приниматься? говоритъ мать.

Digitized by Google

— Пять минутъ перваго.

— Боже мой! Пять минутъ просрочили. Элизъ, поди ко мнѣ, сядь рядомъ.

Дѣвочка садится.

— Что ты видишь, дружочекъ, передъ собой? Отвѣть матери.

— Няньку, отвѣчаетъ дѣвочка, и у няньки въ карманѣ булка.

— Я про природу, мой ангельчикъ, спрашиваю. Повторяй за мной: во-первыхъ, зеленый лугъ, на лугу злаки, состоящіе изъ мечеобразныхъ былинокъ и трубчатыхъ стебельковъ, желтые цвѣточки, въ видѣ усѣченнаго конуса, основаніемъ вверхъ.

Ребенокъ повторяетъ, губы его дрожатъ, онъ сбирается плакать. Мать продолжаетъ.

— Потомъ, передо мной дубъ, кора котораго сѣро-коричневаго цвѣта; листья дуба темнозеленые, съ притупленными зубцами. Вотъ летитъ бѣлая бабочка.

Такое созерцаніе продолжается полчаса. Дѣвочка уже плачетъ. Отъ созерцанія переходятъ къ гимнастикѣ на трапеціи. Дѣвочку заставляютъ вытягиваться, она уже громко плачетъ и даже кричитъ. Папаша управляетъ ея движеніями.

— Оставь ее, Мишель, дай ей отдохнуть. Видишъ, какъ она кричитъ. Ахъ, какая блажная дѣвочка!

— Зачѣмъ, мой другъ? Пусть кричитъ. Это развиваетъ легкія; она пріобрѣтаетъ голосовыя средства, укрѣпляетъ голосовыя связки.

Гимнастика помѣщается какъ разъ около рѣшетки сада. У рѣшетки на улицѣ, начинаетъ останавливаться народъ и смотритъ на кричавшую дѣвочку.

— Акробаты живутъ тутъ. Вишь, какъ къ своему рукомеслу-то пріучаютъ, разсказываетъ бабѣ-селедочницѣ маляръ, съ кистью на плечѣ. Это вотъ родители.

— Эхъ, вырѣзать-бы хорошую орясину, да самихъ родителевъ! восклицаетъ баба.

Папаша оборачивается.

— Идите, милая, а то васъ въ три шеи отсюда за ваши глупыя замѣчанія, говоритъ онъ бабѣ.

— А ну-ко, посмѣй! Я вольная торговка! Я съ жестянкой хожу. Можно и городоваго кликнуть? онъ те уйметъ, акробата! Я трудами хлѣбъ добываю, а не вихляніемъ! голоситъ баба.

— Няня, позовите человѣка, позовите Карпа!

— Зови хоть десятерыхъ, и вовсе мнѣ твой человѣкъ не страшенъ. У него не подымется рука на христіанскую душу!

— Мишель, оставь, что за спектакль! останавливаетъ мужа жена.

Digitized by Google

— Шпарятъ здѣсь, что ли кого? спрашиваетъ за рѣшеткой рыбакъ, съ бадьей на головѣ, и останавливается.

— Дѣвочку драть собираются, отвѣчаетъ кто-то. Халуя за розгами въ мелочную лавку послали. Говорятъ, молочникъ разбила.

— Мишель, посмотри, который часъ, можетъ быть, можно оставить гимнастику. Ну, что за радость народъ вокругъ себя собирать!

— Съ гигіенической стороны пора оставить, но съ педагогической... Впрочемъ, довольно!

Дѣвочку отдаютъ нянькѣ и приказываютъ дать второй завтракъ. Къ толпѣ подходитъ городовой и разгоняетъ ее.

— Я говорилъ тебѣ, Мари, что гимнастику нужно перенести въ глубь сада, а то каждый день у нашей рѣшетки спектакль происходитъ, замѣчаетъ мужъ.

Городовой, разогнавъ толпу, останавливается у рѣшетки и дѣлаетъ подъ козырекъ.

— Здравствуй, Уваровъ, отвѣчаетъ на его поклонъ молодой супругъ. Ну, что прочелъ ты «Подводный камень», что дала тебѣ жена? Ну, какъ тебѣ понравилось?

— Прочелъ-съ. И даже очень интересно, какъ это господа съ блуждающими женами обращеніе имѣютъ-съ. А только, все-таки, повадка для женскаго племени, отвѣчаетъ городовой. Я такъ полагаю, что тутъ полоумные представлены.

— Это тебѣ отъ неразвитія такъ кажется. Побольше почитаешь, и будешь имѣть другія понятія.

— Это точно-съ. Это вы, дѣйствительно. Для насъ темнота, ну и мудрено. По нашему, взялъ бы, кажись, и выступилъ супротивъ этой самой жены съ полѣномъ. Нѣтъ-ли, сударь, ваше благородіе, другой какой книжки, только позанятнѣе. А то стоишь, стоишь на часахъ, инда одурь... Вотъ книжка есть: «о томъ, какъ солдатъ спасъ Петра Великаго».

— Нѣтъ, нѣтъ, жена приготовила уже тебѣ большой романъ: «Что дѣлать?».

— Ваньки Каина у васъ, ваше высокоблагородіе, нѣтъ-ли?

— Эти книги, мой другъ тебя не разовьютъ. Я хочу, чтобы чтеніе было тебѣ утѣшеніемъ въ твоемъ семейномъ горѣ, чтобы ты, наконецъ, нашелъ исходъ изъ гнетущихъ тебя обстоятельствъ.

— Это дѣйствительно, это точно.

— Ну, вотъ видишь. Кстати, что твоя жена, и какъ ты смотришь теперь на нее, по прочтеніи «Подводнаго камня»?

— Вчера прибѣгала. Бурнусъ на ней это бархатный, въ соломенной шляпкѣ. Давай, говоритъ, паспортъ.

— Ну, и что-же ты?

Digitized by Google

— Помялъ маленько, грѣшнымъ дѣломъ. Прическу попортилъ, украшеніе своротилъ.

— Ай, ай, ай! Значитъ на тебя чтеніе не дѣйствуетъ, значитъ къ тебѣ, что къ стѣнѣ горохъ..

— Нѣтъ-съ, помилуйте, какъ возможно, даже и очень чудесно дѣйствуетъ. А она зачѣмъ Бога забыла?

— Ну, и что-же, разговаривалъ ты съ этимъ купцомъ, которому она отдалась? Вчера я думалъ о дуэли, но дуэль въ вашемъ положеніи не у мѣста. Положимъ, ты человѣкъ военный и владѣешь оружіемъ, но онъ купецъ.

— Теперъ ужъ не купецъ, ваше благородіе, а съ желѣзной дороги они—инженеръ.

— Какъ-же ты мнѣ разсказывалъ, что купецъ изъ-подъ Апраксина?

— Спервоначалу, ваше благородіе, это дѣйствительно, что она съ купцомъ, ну, а теперь, къ этому инженеру перебѣжала. Да и промежъ купца-то былъ еще одинъ офицеръ конюшенный.

— Ахъ, Боже мой, да это совсѣмъ Мессалина какая-то! всплескиваетъ руками жена Мишеля.

— Хуже, сударыня! Просто шкура барабанная! подстега на вздержкѣ!

— Уваровъ! Что за слова! Удержись, мой милый, останавливаетъ его баринъ.

Виноватъ, ваше благородіе! вспохватывается городовой.—Я такъ, сударь, полагаю, что безъ рабочаго дома не обойдется, придется ее упрятать! Надо, вотъ, къ приставу сходить.

— Что ты! что ты! Какъ можно наказывать влеченіе женскаго сердца! Ты вотъ прочти «Что дѣлать?»

— Да нешто, тутъ влеченіе? Вѣдь она шельма!..

— Удержись, говорю!..

— Обидно, ваше благородіе. Вы то возьмите: вѣдь жена. Третьеводня-съ говорю: давай пять цѣлковыхъ, а она «накось, говоритъ, выкуси!»

Супруги въ ужасѣ.

— Пять цѣлковыхъ! Что-же ты это продавать ее хочешь, что-ли? восклицаютъ они.

— Не продавать, а коли ты жена непочтительная, то должна по крайности, помогать своему супругу. Вы то возьмите: вѣдь я ее пять лѣтъ кормилъ...

— Молчи, молчи! Ты говоришь что-то совсѣмъ несообразное!

— Нѣтъ сообразное, чуть не плачетъ городовой. Куда она бѣличій салопъ дѣвала? Бѣлка-то, ваше благородіе, полюбовнику на ха-

Digitized by Google

латъ пошла. Теперича она въ шелковыхъ чулкахъ щеголяетъ, а гдѣ мои двѣ ситцевыя рубахи? По крайности хоть-бы по пяти цѣлковыхъ въ недѣлю...

— Полно, стыдись и говорить-то это.

— А она, нешто, стыдится? Она вонъ пришла, да бокъ у самовара проломила.

— Ахъ, бѣдный, бѣдный! качаетъ головой жена Мишеля. Мишель, я все думаю, что-бы ему теперь дать почитать такого, чтобы подходило къ его положенію?

Мишель задумывается.

— Дай ему Анну Каренину Толстаго, говоритъ онъ. У Каренина онъ научится мужеству въ несчастіи.

Но вѣдь Анна Каренина съ однимъ Вронскимъ, а тутъ трое соперниковъ. Она съ тремя...

— Какое, сударыня, съ тремя! Объ трехъ-бы я и не говорилъ! утираетъ кулакомъ слезы городовой, — графскій камардинъ, четвертый, правовѣда-мальчишку подцѣпила, офицеръ уланскій, околодочный изъ седьмаго участка! Да, что, всѣхъ и не перечтешь!

— Послушай, Мишель! Ужъ это происшествіе выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ. Тутъ и романа такого не подберешь, всплескиваетъ руками барыня.

— Дай ему «Отцы и дѣти» Тургенева или «Наканунѣ». Или нѣтъ, дай «Что дѣлать?» Пусть онъ тѣмъ утѣшится, что ревность, по инымъ понятіямъ, есть ничто иное, какъ брезгливость. На́ тебѣ, Уваровъ, сигару! Это хорошая сигара, гаванская... говоритъ Мишель.

— Погоди, Уваровъ, сейчасъ я тебѣ принесу книжку. Ты навѣрное найдешь въ ней и исходъ, и утѣшеніе, прибавляетъ жена Мишеля и идетъ по направленію къ балкону.

Городовой встрепенулся.

— Вотъ отстою на часахъ, приду домой, да ежели застану ее, стерву, такую встряску, ваше благородіе, задамъ, что небо-то съ овчинку покажется! восклицаетъ онъ и сжимаетъ кулаки.

XII. Старая деревня.

Порядочное состоятельное семейство, проживъ одно лѣто въ Новой деревнѣ и переиспытавъ всѣ безпокойства и терзанія, сопряженныя съ прозябаніемъ въ этомъ вѣчно ярморочномъ мѣстѣ, на слѣдующій годъ, навѣрное поселится въ Старой деревнѣ, гдѣ жизнь

Digitized by Google

уже спокойнѣе, трактировъ и портерныхъ меньше. Обитатели Старой деревни — люди семейные. Ремесленникъ, ежели и поселяется сюда, то отнюдь не для того, чтобы открыть мастерскую или лавочку и потомъ эксплоатировать своего брата дачника. Здѣсь онъ живетъ исключительно для отдыха, окруженный своимъ семействомъ. Въ Старой деревнѣ есть много англичанъ-купцовъ, изъ года въ годъ арендующихъ дачи, много нѣмцевъ-купцовъ, всячески старающихся походить, по своей внутренней и внѣшней складкѣ, на англичанъ, много русскихъ купцовъ, оперирующихъ на биржѣ, утратившихъ свой первоначальный типъ и отдавшихся подражанію англичанамъ и нѣмцамъ. Обитатели Старой деревни на половину рыболовы и охотники до экскурсій на лодкѣ. Они щеголяютъ другъ передъ другомъ гичками, рыболовными принадлежностями, купленными въ англійскомъ магазинѣ, эксцентричными костюмами. Многіе держатъ здѣсь какъ верховыхъ, такъ и упряжныхъ лошадей, коляски и выѣзжаютъ по вечерамъ на елагинскій пуантъ. Около пяти часовъ дня, за воротами дачъ, вы встрѣтите лакеевъ, во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, успѣвшихъ уже накрыть столъ и ожидающихъ пріѣзда изъ города своихъ господъ. Биржевые дни, какъ вторникъ и пятница, ознаменовываются здѣсь позднимъ пріѣздомъ изъ города, серіознымъ настроеніемъ дачниковъ, суровыми лицами, капризнымъ педантизмомъ. Англичанинъ и нѣмецъ пріѣхавшіе въ эти дни съ биржи на дачу ранѣе обыкновеннаго, ни зачто не сядутъ обѣдать ранѣе шести часовъ. Послѣ обѣда — отдыхъ на мосткахъ, перекинутыхъ черезъ канавку, съ хорошей сигарой, стиснутой въ зубахъ, со взоромъ быка, смотрящаго на проходящій мимо его поѣздъ желѣзной дороги. А по аллейкѣ, около дачъ, шныряютъ дачницы, яхтъ-клубисты, въ фуфайкахъ и яхтъ-клубскихъ фуражкахъ, по дорогѣ проѣзжаютъ шикарныя коляски, съ развалившимися въ нихъ бакенбардистами, спѣшащими на острова, на елагинскій пуантъ.

Къ таковому мужу, крѣпко стиснувшему зубами сигару и предавшемуся невозмутимому отдохновенію, подходитъ жена.

— А у насъ, сегодня, Васенька чуть глазъ себѣ не выкололъ, разсказываетъ она.—Пришелъ шарманщикъ съ обезьяной...

— Огы! издаетъ утвердительный звукъ мужъ, даже и не пошевеливъ головой.

— Да что ты, какъ будто и не отецъ? Вѣдь ребенокъ могъ-бы и окривѣть.

— Вѣдь не окривѣлъ-же, цѣдитъ сквозь зубы мужъ.

— Ахъ, Петя, какая обезьяна! Восторгъ! Потомъ монахъ приходилъ съ Афонской горы и образа продавалъ. Руки у него татуиро-

Digitized by Google

ваны молитвами, на груди наколото изображеніе Іерусалима! и грудь такая волосатая.

— Угы.

— Англичанка изъ большой дачи удила рыбу и вытащила щуку. Вѣтеръ шляпу у нея съ головы въ Неву сдунулъ. Неудобны эти шляпы съ широкими полями.

— Игы.

— А ожидая тебя къ обѣду, я до того испугалась: вдругъ у насъ по улицѣ несется лошадь съ сломанной оглоблей, сшибла разнощика съ дынями. Я гляжу—дѣтей нѣтъ, кричу: мамка! нянька!

— Гмъ! Огы!

— Потомъ, вотъ потѣха-то! ѣхалъ на извощикѣ музыкантъ съ контръ-басомъ и уронилъ. Ну, разумѣется, въ дребезги!... Мальчишки подымать начали осколки, потомъ онъ колесами переѣхалъ... Годится этотъ контръ-басъ? Поди, склеить можно?

— Угы!

— Да что это ты все только гамкаешь, и не добьешься отъ тебя ни одного слова.

— Огы!

Мимо проходятъ яхтъ-клубисты, въ тѣльныхъ фуфайкахъ и жокейскихъ фуражкахъ. Жена переноситъ на нихъ свое вниманіе.

— Опять кататься ѣдете? спрашиваетъ она. — Да какъ у васъ силъ хватаетъ?

— Сгребаться идемъ. Завтра гонка. Мы уже рѣшили взять призъ и до тѣхъ поръ не успокоимся, покуда не возьмемъ, отвѣчаетъ кто-то изъ гребцовъ. Ахъ, Анна Ивановна, ежели-бы вы знали, какъ мы себя ведемъ въ эту недѣлю! Вина и пива ни капли, черезъ это одышка дѣлается, обѣдъ и завтракъ безъ хлѣба и чай, чай, чай. Оглоблинъ вонъ вчера девять стакановъ за присѣстъ... Это мы потъ изъ себя выгоняемъ. Все сосредоточено для того, чтобы сохранять силы. Завтра, завтра...

— Со щитомъ или на щитѣ...

— Непремѣнно со щитомъ. Нашъ рулевой, дядя Германъ Карлычъ, поклялся своей лысиной... Прощайте, однако, пора!

А вотъ, на другомъ помостѣ, перекинутомъ черезъ канаву, сидитъ дачникъ, въ красной канаусовой рубахѣ, въ синихъ плисовыхъ шароварахъ, въ лакированныхъ сапогахъ бутылками и въ поярковой шляпѣ грешневикомъ, перевитой цвѣтными лентами и павлиными перьями. Онъ собралъ вокругъ себя мужиковъ. Мужики стоятъ и осматриваютъ его съ ногъ до головы; на лицахъ улыбки.

— Я, господа, такой-же славянинъ, какъ и вы, и потому не хочу пренебрегать русскимъ костюмомъ, говоритъ онъ съ замѣтнымъ нѣмец-

Digitized by Google

кимъ акцентомъ. Сочувствовать русскому народу надо и по внѣшности, такъ сказать, сливаться съ нимъ и оболочкой. Поняли?

— Это дѣйствительно, что говорить? откликается кто-то, ласковые господа пріятнѣе, а то вонъ иной такъ и норовитъ тебя въ ухо. Что хорошаго? А вы завсегда цигарочкой, водочкой...

— Я славянинъ и горжусь этимъ. Поняли? Но разница между нами та, что вы съ Волги, а я съ Дуная. Я такой-же русскій.

— Нѣтъ, Богданъ Иванычъ, это зачѣмъ-же? Ты нѣмецъ, только нѣмецъ обстоятельный, ласковый...

— Что вы, что вы! Я славянинъ, я чехъ, я ненавижу нѣмцевъ.

— Ой, нѣмецъ! Ты вонъ и въ церковь не ходишь, а въ кирку. Шутишь, Богданъ Иванычъ.

— Чехъ, говорю вамъ, славянскаго племени; а что до религіи, то это все равно.

Мужики улыбаются.

— Нѣтъ... коли ты русскій, то ты и молись по-русски. Вчера я вонъ вошелъ къ тебѣ въ горницу, снялъ шапку и перекреститься не на что, а ты повѣсь образъ, затепли лампадку по усердію.

— Это нейдетъ къ дѣлу. Я и ваши русскія народныя пѣсни знаю: «Хуторокъ», «Стрѣлокъ», «Камаринскаго мужика», «Вотъ мчится тройка удалая». Я и ругаться по русски умѣю.

— Ругаться мудрость не велика! Ругаться нѣмецъ первымъ дѣломъ учится, потому у насъ ругань легкая, способная, что твой бархатъ, и ко всякому слову подходить, а ты просиди-ка великій постъ на грибахъ, да на кислой капустѣ; вотъ, баринъ, тогда мы и скажемъ, что ты русскій.

— Не называй меня бариномъ, съ 19-го февраля баръ нѣтъ. Не люблю этого слова. А что до грибовъ и кислой капусты, то я ихъ до безумія люблю и завсегда, когда водку пью, то закусываю кислой капустой. Я русскій, и по мясу, и по крови, потому что славянинъ, а по-славянски у васъ и евангеліе въ церкви читаютъ.

Мужики смѣются.

— Чудно это, Миронычъ, все былъ нѣмецъ Богданъ Иванычъ, и, вдругъ, русскимъ сталъ.

— У меня и имя чисто русское. Богданъ—Богомъ данный.

— Это все такъ, а, все-таки, внутри-то себя все-таки, Карла Иваныча содержишь.

— Ахъ, братцы, какъ трудно съ вами разговаривать! всплескиваетъ руками дачникъ. Наконецъ, вѣдь и вы, ежели такъ говоритъ, не чисто русскіе, а на половину татары, потому что татарское иго тяготѣло...

— Ну, это ты, баринъ, врешь! Ты говорить—что хочешь говори,

Digitized by Google

а обижать зачѣмъ-же? Какіе мы татары? Мы и свинину ѣдимъ и водку пьемъ. На татаринѣ креста нѣтъ.

— Да вѣдь это путемъ историческихъ событій.

— Нѣтъ, ужъ это ты оставь, это лишнее. Мы съ одной женой живемъ, кобылятины не жремъ.

— Ну, хорошо, хорошо. Знаете, я и балалайку себѣ купилъ, люблю русскій инструментъ.

— Балалайка вещь занятная, а только зачѣмъ христіанскія души татарами обзывать?..

— Да, довольно, довольно! Я и трепака плясать умѣю, балясы дѣвушкамъ точить.

— Въ балясахъ мудрости не состоитъ, а только зачѣмъ тебѣ, баринъ, въ русскіе лѣзть? Нѣмцемъ у насъ жить много пользительнѣе! Ты, баринъ...

— Опять баринъ. Ежели я еще разъ это слово услышу, я перестану разговаривать и уйду.

— Ну, прости, Богданъ Иванычъ.

— Давайте слово, что не будете меня бариномъ называть. Ну, протягивайте руки.

Мужики хлопаютъ по ладони дачника.

— Зачѣмъ-же ты это, баринъ, черкесомъ-то вырядился? опять задаетъ вопросъ кто-то.

— Какъ черкесомъ? Я надѣлъ русскій костюмъ; это народный русскій нарядъ.

— Русскій нарядъ не такой.

— Полно-те, господа, вы не знаете. Ну, братцы, пойдемте ко мнѣ, сейчасъ я васъ водкой и пивомъ угощу, говоритъ дачникъ, и на закуску есть прелестные раки.

— Водки и пива давай, а раковъ мы не ѣдимъ. Нешто можно гада есть? Ты писаніе-то, читалъ-ли? А еще говоришь, что русскій! Русскимъ ракъ не показанъ. Срамятся иные, жрутъ, да вѣдь и Богу отвѣчаютъ.

— Ну, такъ пирогъ ѐсть, пирожкомъ закусите. Сзывайте своихъ товарищей!

Рыжебородый мужикъ начинаетъ скликать.

— Иванъ! кричитъ онъ, иди сюда!

— Что тамъ? отвѣчаетъ Иванъ, находящійся черезъ нѣсколько дачъ.

— Иди, въ убыткѣ не будешь! Тиролецъ водку пить зоветъ!

Восемь часовъ вечера. Обладатели колясокъ понеслись на Елагинъ островъ, на пуантъ. Поѣхали туда и всадники. Перенесемтесь и мы въ это модное мѣсто.

Краснымъ шаромъ опускается въ воды взморья солнце; Нева гладка, какъ стекло; то тамъ, то сямъ движутся лодочки. На картину

Digitized by Google

эту взираютъ тысячи глазъ, прикрытыхъ пенсе и лорнетками. Коляски, соломенные кабріолеты, шарабаны, лошади въ шорахъ, пони—все это остановилось и группируется на мыскѣ. Мелькаютъ лихіе кавалеристы, статскіе всадники, франты съ одноглазками перебѣгаютъ отъ коляски къ коляскѣ, становятся на подножки и разговариваютъ съ помѣщающимися въ колясках дамами, накрашенными, набѣленными, разъутыженными, прикрытыми вуалями, съ собаченками въ рукахъ.

— Думаю ѣхать на Дунай и поступить въ армію простымъ рядовымъ, разсказываетъ дамѣ совсѣмъ износившійся молодой человѣкъ, съ одноглазкой, втиснутой въ орбиту глаза, и трясется на жидкихъ козлиныхъ ножкахъ. Тамъ уже есть одинъ рядовой камеръ-юнкеръ, такъ пусть будутъ двое.

— Но кто-же останется при князѣ Петрѣ? задаетъ вопросъ дама.

— О, его утѣшитъ нашъ правитель дѣлъ Манифакелфаресскій. Преуморительный семинаристъ! Является къ князю и жуетъ сухой чай, чтобъ виномъ не пахло; розовымъ масломъ душится. Ну, и пусть съ нимъ остается, а я на Дунай. Я разочарованъ, мнѣ терять нечего.

— Теперь нужны жертвы и жертвы! вздыхаетъ сидящая рядомъ съ дамой компаньонка, съ болонкой на рукахъ, закатываетъ подъ лобъ глаза до бѣлковъ и цѣлуетъ собаку въ морду.

— Я, Таисія Дмитріевна, былъ влюбленъ, влюбленъ страстно, безумно!.. шепчетъ молодой человѣкъ. Я каюсь, она была женщина не нашего круга.

— Да, да, помню, она, кажется, изъ Бразиліи или съ острова Борнео... испанка?

— Испанка. Но корабль мой разшибся о скалы, зданіе рухнуло. То теплое, то святое чувство...

— Ah, mon Dieu! вздыхаетъ снова компаньонка и снова цѣлуетъ собаку въ морду.

— Тотъ якорь, въ который я вѣровалъ, какъ въ непоколебимую силу... продолжаетъ молодой человѣкъ и вдругъ мѣняется въ лицѣ.

Голосъ его осѣкается. Вдали онъ видитъ тучную фигуру портнаго, кивающаго ему головой.

— Довольно! Трудно объ этомъ говорить! наскоро произноситъ молодой человѣкъ и даже забывъ раскланяться, соскакиваетъ съ подножки и бѣжитъ, лавируя между экипажами.

— Herr Tenkoff! Herr Тенковъ! кричитъ ему вслѣдъ портной, но того уже слѣдъ простылъ.

Поношенный молодой человѣкъ подходитъ къ рослому бородачу въ пенсне, и озираясь по сторонамъ, говоритъ:

— Ѣдемъ, Мишель, домой! Или нѣтъ, ѣдемъ на Крестовскій! Здѣсь сыро.

Digitized by Google

— Постой немного. Я вотъ все любуюсь этой француженкой, отвѣчаетъ бородачъ.—Вотъ породистость-то, mon cher! Посмотри на ея руки. Этотъ овалъ лица, стиснутыя губы. И отчего это у насъ не принято выдавать женщинамъ медали за породистость? Удивляюсь!

— Пойдемъ, Мишель, искать коляску. Право, мнѣ что-то нездоровится. Должно быть, оттого, что я двѣ сигары выкурилъ, озирается по сторонамъ поношенный молодой человѣкъ, но только дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, какъ натыкается на рыжаго бекенбардиста.

— Ah, monsieur Тенковъ! Послушайте, я хотѣлъ съ вами поговорить... раздается голосъ бакенбардиста.

— Некогда мнѣ теперь, некогда! Извините, я завтра къ вамъ заѣду и уплачу сполна!

— Ага, теперь некогда, а мебель брать есть когда, не платить деньги есть когда?

— Не кричите, Бога ради! Я отдамъ, завтра-же отдамъ.

— Нѣтъ, я буду кричать! Я уже имѣю исполнительный листъ на васъ и распоряжусь имъ завтра-же...

Поношенный молодой человѣкъ какъ-бы присѣлъ. Онъ совсѣмъ растерялся. На него направились сотни глазъ. Не зная что дѣлать, онъ вдругъ ни съ того, ни съ сего, замурлыкалъ какой-то оффенбаховскій мотивъ, и обратясь къ бородачу забормоталъ:

— Ты, Мишель, давеча говорилъ о подаркѣ этой, какъ ее?.. Я охотно подпишу сто рублей, охотно... Да, вотъ еще что .. Продай мнѣ твоего сѣраго жеребца, я его подарить хочу...

Рѣчь его была безсвязна, монокль не вставлялся въ глазъ, ноги дрожали, и кончилъ онъ тѣмъ, что наткнулся на лошадь англичанина, сидѣвшаго верхомъ, и началъ извиняться.

Среди аристократическихъ экипажей виднѣется и купеческій шарабанъ, въ который запряжена шведка. Въ шарабанѣ—купецъ съ подстриженой бородой и въ циммерманѣ и купчиха въ бѣлой шляпкѣ съ цѣлымъ огородомъ цвѣтовъ. Они остановились и смотрятъ на закатъ солнца, на яхтъ-клубистовъ, разъѣзжающихъ близь берега на гичкахъ. Купчиха пристально взираетъ на ихъ тѣльнаго цвѣта фуфайки. Купецъ ласково и учтиво ругаетъ бойкую шведку, не стоящую на мѣстѣ и ударяющую копытами о землю.

— Балуй, въ ротъ-те ягода!

— Митрофанъ Иванычъ, это зачѣмъ-же они голые на лодкѣ катаются? спрашиваетъ жена.

— А это яхтъ-клубъ, и такое у нихъ положеніе, чтобъ въ трикахъ и акробатскихъ костюмахъ, отвѣчаетъ купецъ. Стой, ты, лягушка тебя заклюй! Вотъ каторжный жеребенокъ!

— И дамы ихнія въ трикахъ ходятъ?

Digitized by Google

— И дамы, только всѣ въ блесткахъ.

— Что-же, они у себя въ клубѣ на канатахъ ломаются?

— Нѣтъ, такъ, для блезиру, чтобъ продувало, значитъ. Извѣстно ужъ, какой народъ! Все больше артисты!.. Не стоитъ на мѣстѣ, муха ее залягай, да и все тутъ!

— И не стыдно это имъ?

— Чего стыдиться-то! На то артисты! на то пошли!.. Балуй, каравай те въ бокъ!

— Вѣра у нихъ какая?

— Да разная, сборная, потому тутъ народъ и нѣмецкаго пола есть, и французскаго, русскіе, которые ежели Бога забыли... Ахъ, сковорода честная! Ну, что мнѣ съ жеребенкомъ дѣлать?

— Застоялся. Смотри, смотри, дама собаку въ морду цѣлуетъ!

— Не указывай перстомъ-то, не хорошо! Тутъ все народъ въ генеральскомъ чинѣ.

— А коли въ генеральскомъ чинѣ, такъ нешто можно пса въ морду цѣловать?

— У нихъ псы особенные, духами надушенные.

— Все-таки, не модель! А зачѣмъ это вонъ тамъ баринъ самъ правитъ, а халуй сзади на барскомъ мѣстѣ, сложа руки, сидитъ?— все еще допытывается супруга.

Купецъ выходитъ изъ терпѣнія.

— Да замолчишь-ли ты, быкъ-те поперегъ! кричитъ онъ на жену. Черезъ тебя и конь на мѣстѣ не стоитъ. Ужъ коли впустили въ хорошую компанію, то сиди и молчи. Вонъ французинка, въ лимонныхъ шиньонахъ, стиснула губы и молчитъ. Сиди и ты смирно!

— Насмотрѣлся на фрацузинокъ-то, такъ послѣ ея тебѣ и жена не мила.

На глазахъ купчихи слезы.

XIII. Съ дачи въ городъ.

Августъ перевалилъ на вторую половину. Небо хмуро, перепадаютъ дожди, съ деревьевъ валится желтый листъ. Дачники вереницей потянулись въ городъ. Оставшіеся еще по какимъ-либо причинамъ на дачѣ желчны, ежатся, жалуются на погоду, перебраниваются другъ съ другомъ. Въ вагонахъ конно-желѣзныхъ дорогъ только и толковъ, что о переѣздѣ въ городъ.

— Вы когда?

— Квартиру все еще не могу найти. Третій день я и жена бѣгаемъ по городу.

Digitized by Google

— Ахъ, Боже мой! Да вы бы въ бывшую овсяниковскую мельницу. Тамъ квартиръ пропасть и недороги.

— Далеко, на краю города. У меня дѣти учатся, самому нужно каждый день въ должность, на Литейную.

— Но конно-желѣзная дорога,—она мимо проходитъ.

— Надоѣла мнѣ и здѣсь эта конно-желѣзная дорога. Развѣ въ Новой улицѣ посмотрѣть, у квартирнаго фабриканта Рота? Дорожится тоже. Комнаты—клѣтки... И, наконецъ, это паровое отопленіе!..

— А мы такъ съ мужемъ рѣшили еще пожить до первыхъ чиселъ сентября, ввязывается въ разговоръ желтолимоннаго цвѣта дама. Бываетъ еще очень хорошо на дачѣ. Видѣли возрождающуюся природу, хотимъ видѣть и ея вымираніе.

— Ври больше, шепчетъ про желтолимонную даму коричневая дама, съ пятнами не искусно положенныхъ бѣлилъ на лицѣ. Выѣхать не съ чѣмъ, вотъ ты и будешь ожидать умиранія природы. Хозяинъ уже къ мировому подалъ,—добавляетъ она.

— Не говорите! отвѣчаетъ сосѣдка.—Ежели бы вы слышали, какъ ее въ мясной лавкѣ честятъ—срамъ! Набрала въ долгъ и не платитъ. Разнощики, по утрамъ, толпою осаждаютъ за долгами. Даже, угольщику-чухонцу ухитрилась задолжать. Ужъ онъ ее вчера ругалъ, ругалъ.

Мясники, зеленщики и мелочные лавочники просто караулятъ дачниковъ.

— Нѣтъ, ужъ я въ гробъ лягу, морозомъ заморю, а эту полковницу безъ денегъ съ дачи не выпущу! говоритъ мясникъ, стоя на порогѣ своей лавки и спрятавъ руки подъ передникъ.—И вѣдь, что ни на есть лучшія мѣста, окаянная, брала: то вырѣзку, то ростбифъ. Вотъ олухи-то отпускали! киваетъ онъ на прикащиковъ.—Кружевницу тутъ до чего она запутала! Сама у нея кружева въ долгъ брала и сейчасъ-же сосѣдямъ продавала. Вчера та проходила мимо—плачетъ.

— Про чиновника изъ четырнадцатаго номера слышалъ? откликается мелочной лавочникъ.—Табашникъ и я караулили его, караулили... Перевезъ потихоньку одежду, подушки, посуду, да и исчезъ съ дачи. Мебель-то не его была. За городъ отмѣтился. У табашника тридцать восемь четверокъ табаку, гильзы, да два рубля деньгами бралъ. Тюфякъ даже свой перетащилъ. Тюфякъ-то духомъ надувался. У надувнаго человѣка и тюфякъ надувной.

За утреннимъ чаемъ сидитъ мать съ дочерьми. На лицахъ какое-то озлобленіе. Молчатъ. На улицѣ дождь.

— Вотъ, просились на дачу, а что сдѣлали хорошаго? первая прерываетъ молчаніе мать.—Съ чѣмъ мы теперь съѣдемъ? Говорили:

Digitized by Google

жениховъ найдемъ, на легкомъ воздухѣ мужчины влюбчивѣе. Влюбчивѣе на легкомъ воздухѣ—это точно, но только тогда, когда за невѣстами есть прилагательное. А за вами только по выѣденному молью бѣличьему салопу. Гдѣ они, женихи-то?

— Ахъ, маменька, кто-же зналъ, что будетъ эта самая мобилизація? откликается старшая дочь.—Гвардія въ походѣ, наконецъ, ратники. Болѣе половины жениховъ на войну ушло.

— Гвардія! Да развѣ вы гвардейскія невѣсты? Ужъ хоть-бы калѣкъ себѣ, или пожилыхъ вдовцовъ залучили.

— Нѣтъ, это ужъ годъ такой, добавляетъ младшая дочь.—Неурожай на жениховъ. Вонъ фруктовщицы и почище насъ—штукатурились, штукатурились цѣлое лѣто, плясали, плясали, а что выплясали и выштукатурили?

— Такъ за фруктовщицами, по крайней мѣрѣ, хвостъ былъ, а вы все въ одиночку бѣгали.

На балконѣ появляется дворникъ и слегка стучитъ въ стекло.

— Ахъ, опять этотъ несносный дворникъ! восклицаетъ мать.—Что тебѣ, любезный?

— Будто ужъ не знаете что! говоритъ съ балкона дворникъ.—Полноте притворяться-то! Знамо, за деньгами пришелъ.

— Я вѣдь тебѣ сказала, что въ концѣ лѣта деньги отдамъ.

— Да вѣдь теперь конецъ и есть. Хорошіе люди съѣзжаютъ ужъ. Помилуйте, мѣсяцъ хожу...

— Другъ мой...

— Намъ вашей дружбы не надо. Пусть она при васъ и останется, а намъ деньги пожалуйте.

— Я сказала—въ концѣ лѣта, въ концѣ лѣта и отдамъ. Мы еще и не думаемъ съѣзжать; мы еще половину сентября проживемъ. Вѣдь тебѣ за воду заплочено.

— Ну, Господа! разводитъ руками дворникъ.—И куда это только хорошіе господа дѣвались?

— Машенька, вынеси ему двугривенный на чай, авось отстанетъ.

— Но, маменька, у насъ всего шесть гривенъ...

— Вынеси, говорю.

Дворнику выносятъ. Онъ взвѣшиваетъ двугривенный на рукѣ, смотритъ на него, чешетъ затылокъ, плюетъ и сходитъ съ балкона.

Вотъ изъ дачи выѣзжаютъ возы съ мебелью. Кухарка сидитъ поверхъ всего на диванѣ. Въ рукахъ у нея кофейная мельница и котъ въ мѣшкѣ. Горничная осталась, чтобы ѣхать съ господами въ каретѣ. Карета стоитъ тутъ-же. Горничная, стоя у воротъ, прощается съ сосѣдскимъ лакеемъ. Глаза ея заплаканы.

Digitized by Google

— Прощайте, Пелагея Дмитріевна, не забывайте насъ грѣшныхъ! говоритъ лакей.

— Вы-то не забудьте! Поди, переѣдите въ городъ и плюнуть не захотите.

— Мы-то васъ будемъ помнить въ самомъ разѣ, а вотъ вы, какъ пріѣдите въ городъ, сейчасъ и начнете мужской полъ обозрѣвать. Ну, смотришь мелочной лавочникъ какой-нибудь сережки въ два двугривенныхъ подаритъ, а то разписную чашку.

— Зачѣмъ такія низкія слова?

— Затѣмъ, что ваша сестра просторъ любитъ. Мы на Васильевскомъ островѣ, вы на Пескахъ.

— Это вотъ вы—такъ завсегда непостоянное коварство въ себѣ содержите, а мы никогда. Сами же вы разсказывали, что вамъ ваша нянька англичанка глазки дѣлаетъ.

— Англичанка намъ все равно, что плюнуть, да растереть. А у васъ, опять же, баринъ, и человѣкъ молодой.

— Барину у насъ отъ барыни хвостъ пришпиленъ. Прощайте! однако, пора! Вонъ наши ужь въ карету садиться хотятъ! суетится горничная и протягиваетъ руку.

— Съ холоднымъ жаромъ и прощаться не хочу, отстраняетъ руку лакей.

— Какого-же вамъ еще прощанья надо? Вѣдь ужь вчера, простилась по настоящему.

— Какъ какого? Чтобы въ губы... Шутка — цѣлое лѣто гуляли вмѣстѣ!

— Въ губы нельзя, народъ... Вонъ мелочной лавочникъ смотритъ... дворникъ стоитъ.

— Коли хладнокровіе въ себѣ чувствуете, не надо и прощанья. Нѣтъ, я вижу, что тутъ бариномъ пахнетъ!

— Ахъ, какой вы право! Ну, зайдите за домъ. Тамъ и поцѣлуемся.

— Маша! раздается крикъ въ саду,—гдѣ ты шляешься! Мы ужъ ѣдемъ.

Горничная стремглавъ бросается къ каретѣ. Въ карету начинаютъ садиться. Вывели старуху подъ руки. Старуха совсѣмъ дряхлая.

— Ногу-то можете на ступеньку занести? спрашиваетъ ее нянька съ ребенкомъ.

— Могу.

Старуха пробуетъ сѣсть, но не можетъ. Съ козелъ въ полоборота смотритъ извощикъ.

— Пропихни ее въ спину-то, поддай слегка съ зади, вотъ она и внѣдрится, говоритъ онъ нянькѣ.

Digitized by Google

— Гдѣ тутъ пропихнуть, коли у нея нога не поднимается. Пихнешь, а она клюнется носомъ.

— Подсадить васъ, сударыня?

— А?

— Подсадить, говорю, васъ въ карету-то? возвышаетъ голосъ нянька.

— Подсади, подсади...

— Вонъ кучеръ подсадитъ.

— Что!

— Кучеръ говорю, васъ подсадитъ. Ничего не слышетъ. Подсади ее, любезный.

Извощикъ слѣзаетъ съ козелъ.

Старыя кости перетряхивать начнемъ. Не развалились-бы грѣхомъ, бормочетъ онъ, беретъ старуху поперегъ и втискиваетъ въ карету. Вотъ тоже, Богъ смерти не даетъ!

— Не говори ужь! машетъ рукой нянька.

Къ каретѣ подходитъ барыня и ведетъ за руку маленькую дѣвочку. Горничная выноситъ канарейку въ клѣткѣ, ларецъ съ чаемъ и сахаромъ, кардонку съ шляпкой. Клѣтку и кардонку привѣшиваютъ къ потолку кареты, ларецъ ставятъ на полъ. На колѣни къ старухѣ кладутъ двухъ собакъ. Садится барыня. Въ рукахъ у нея корзинка съ стѣнными часами. Горничная опять бѣжитъ въ садъ и выноситъ оттуда бѣлку въ колесѣ и четвертную бутыль съ водкой, настоянной на ягодахъ.

— Тише, тише бутыль-то, не разбей. Это любимая настойка Петра Иваныча, говоритъ барыня.

Все это помѣщаютъ въ карету. Влѣзаетъ нянька съ ребенкомъ, вносятъ туда-же зеркало.

— Пужалуйста поосторожнѣе. Зеркало разбить нехорошая примѣта.

Въ ту-же карету влѣзаетъ гувернантка и ставитъ себѣ дѣвочку въ колѣни. Въ рукахъ у гувернантки котенокъ и два образа въ серебряныхъ ризахъ. На козлы ставятъ корзину съ цвѣтами. Туда же взбирается и горничная и садится рядомъ съ кучеромъ. Ей подаютъ клѣтку съ попугаемъ. Къ каретѣ подходитъ дворникъ, дворничиха и дворницкія ребятишки.

— Счастливый путь, сударыня! Дай Богъ благополучно, въ цѣлости и какъ подобаетъ по христіански, говоритъ дворникъ, держится за дверцы кареты и медлитъ запирать ее.— На чаекъ-бы съ вашей милости! чешетъ онъ затылокъ.

— Вѣдь я ужъ дала, давеча! восклицаетъ барыня.

— Это точно, дали, мы вами завсегда благодарны, но такъ какъ

Digitized by Google

мужики просили, то мы мебель помогали на воза укладывать. Опять же, въ кухнѣ стекло у васъ треснуло...

Барыня даетъ двугривенный. Дворникъ все еще медлитъ запирать дверцы кареты. Подходитъ дворничиха.

— Не оставьте и насъ, сударыня, вашей милостью. Молочкомъ за лѣто-то васъ попоили, бормочетъ она, какъ-то вся искобенясь, и сморкается въ кончикъ головнаго платка. Кринку, вчера, изъ-за васъ разбила.

— Да, вѣдь, я и тебѣ, милая, подарила полотенца, ситцу на передникъ. Вѣдь тебѣ за молоко заплочено.

— Эхъ, сударыня, я тоже для вашей милости садъ мела!

Барыня опять даетъ. Подступаютъ ребятишки. Дворничиха толкаетъ ихъ въ затылки, чтобъ они кланялись.

— И вамъ тоже? Я вѣдь дѣвочкѣ подарила старое Лизанькино платье.

— Не обезсудьте, сударыня, отвѣчаетъ за нихъ дворничиха, тоже дѣти, пряничковъ хотятъ. Они для васъ старались, траву изъ дорожекъ выщипывали. Сынку-то моему ничего не перепало, а его ваша собака въ прошломъ мѣсяцѣ какъ за ногу тяпнула! Что вамъ по пятиалтынничку? плюнуть. А они за васъ Бога помолятъ. Кланяйтесь, паршивцы, просите!

— Сударыня! начинаетъ мальчикъ.

Дѣвочка тыкается головой въ юбку дворничихи.

— Ну, поборы! вздыхаетъ барыня и даетъ дворниковымъ ребятишкамъ по мелкой монетѣ.

Дворницкое семейство кланяется.

— Ну, Господи, благослови! Трогай! На слѣдующее лѣто жалуйте!

Дворникъ захлопываетъ карету. Карета трогается.

— Стой! Стой! машетъ рукой ситцевая рубаха съ небритымъ подбородкомъ, по виду, отставной солдатъ, и снявъ картузъ, подходитъ къ стеклу остановившейся кареты.

— Что тебѣ, любезный? кто ты такой? задаетъ ему вопросъ барыня.

— Дворникъ съ сосѣдской дачи, Иванъ, окликается тотъ.—Мы, сударыня, въ очередь съ вашимъ дворникомъ васъ-же по ночамъ караулили. Какъ я старался въ колотушку-то бить?

— Ну, такъ что-же? Это твоя была обязанность.

— Моя обязанность своихъ господъ караулить, а я и васъ караулилъ. На чаекъ-бы съ вашей милости слѣдовало.

— Это ужъ изъ рукъ вонъ! Извощикъ, пошелъ! восклицаетъ барыня.

Digitized by Google

Карета снова трогается. Сосѣдскій дворникъ скашиваетъ глаза по направленію къ каретѣ.

— Сволочь! Шарамыжники! бормочетъ онъ въ слѣдъ. И куда это только хорошіе господа задѣвались?

Два дачника тоже смотрятъ въ слѣдъ удаляющейся и до невозможности туго набитой и людьми и животными и вещами каретѣ.

— Совсѣмъ Ноевъ ковчегъ, говоритъ первый дачникъ.

— Чистыхъ по парѣ, а нечистыхъ по семи паръ, дополняетъ другой.

Дворницкое семейство входитъ въ опустѣлую дачу. На полу валяются лоскутки, никуда негодное тряпье, кардонки изъ-подъ табаку и папиросъ, сѣно, оставшееся отъ укладки посуды; на подоконникахъ оставлены банки и склянки съ недопитымъ лекарствомъ.

— Эво, какую аптеку оставили! киваетъ дворникъ на стклянки. Которыя пустыя—продать надо. Постой, вотъ полбанки съ какимъ-то снадобьемъ. Желтая... Фу, какой ядъ! нюхаетъ онъ.—На, вотъ, пребери. Лекарство, надо быть, хорошее, обращается онъ къ женѣ. Ужо, вотъ, у ребятишекъ заболятъ животы, такъ и дашь имъ по ложкѣ.

— Да это лекарство для ноги, баринъ имъ ногу мазалъ, возражаетъ дворничиха.

— Такъ что-жъ, что для ноги? Коли для ноги хорошо, то для живота еще лучше. Бери! Да сходи на ледникъ и посмотри не оставили-ли чего съѣдобнаго.

— Гдѣ ужъ оставить! Даже и дрова всѣ до полѣшка единаго вывезли. Сквалыги какія-то!

— Сходи, говорю.

— Не пойду. Ты нарочно меня теперь посылаешь, чтобы деньги у ребятишекъ отобрать и въ кабакъ ихъ снести. Не давайте ему, дѣти.

— Что? Брысь живымъ манеромъ, коли я приказываю!

— Не пойду!

Бацъ! бутылка изъ-подъ зельтерской воды летитъ въ женщину.

— Убилъ, убилъ, мерзавецъ! кричитъ та.

Дворникъ отнимаетъ у ребятишекъ пятиалтынные и бѣжитъ въ кабакъ.

Digitized by Google

КАРТИНКИ СЪ НАТУРЫ.

I. Новый годъ.

Десять часовъ утра, а ужъ въ квартирѣ у купца Пармена Захарыча Переносьева все прибрано, выметено. Въ углахъ у образовъ не горятъ, а просто пылаютъ лампадки. Въ залѣ накрытъ столъ съ двадцатью сортами закусокъ и двѣнадцатью сортами выпивокъ. На столъ выложено все имѣющееся серебро, какое только можно было выложить, не компрометируя себя. Самъ хозяинъ въ вышитомъ мундирѣ и при шпагѣ мѣрно ходитъ по навощенному до-нельзя паркетному полу и любуется своей осанкой, изрѣдка поглядывая на себя въ зеркала. То подойдетъ къ акваріуму съ золотыми рыбками и ящерицами, то къ самоигральнымъ фортепіанамъ, то попугая подразнитъ, сидящаго въ бронзовой клѣткѣ. «Ура! Ваше степенство!» картавитъ попугай, а хозяину любо и все его заплывшее жиромъ лицо сіяетъ, какъ мѣдный тазъ, тщательно вычищенный суконкой съ кирпичемъ. «Всѣмъ я благодѣтель! Полтысячи народу кормлю!» мелькаетъ у него въ головѣ и онъ важно поправляетъ висящій на шеѣ орденъ.

Близъ закуски сидитъ разряженная жена Переносьева, еще не старая, но уже совсѣмъ дряблая отъ сидячей жизни женщина, и дочь Переносьева, курносенькая, но пикантная дѣвушка, пятьдесятъ тысячъ приданаго которой рѣшено приложить не менѣе, какъ къ двухъсотъ-тысячному капиталу. Онѣ вздыхаютъ и ждутъ гостей съ визитами.

Звонокъ.

— Анна Митрофановна! Приготовься! Можетъ быть это кто-нибудь изъ нашихъ пріютскихъ! говоритъ Переносьевъ.

Легкое смятеніе. Дочка складываетъ губы сердечкомъ.

— Швейцаръ съ нашей лѣстницы! докладываетъ лавочный мальчикъ.

Digitized by Google

— Зови его сюда! Да пусть прежде ноги оботретъ. Не ловко же мнѣ къ нему въ мундирѣ выходить въ прихожую! Произноситъ хозяинъ.

Въ залу входитъ швейцаръ.

— Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ-съ имѣю честь поздравить ваше высокоблагородіе! Первый разъ васъ приходится видѣть въ мундирѣ... Солидно, очень солидно! Дай вамъ Господи! Это, Парменъ Захарычъ, какъ-же, ежели на военный чинъ перевести!...

— По военному, я буду маіоромъ. Выпей вонъ, да только закуску не вороши, потому я жду къ себѣ генерала.

Швейцаръ пьетъ. Переносьевъ лѣзетъ въ бумажникъ и подаетъ ему трехъ-рублевую бумажку.

— Всѣхъ, Пименъ Захарычъ, я по нашей лѣстницѣ обошелъ, и, вѣрите-ли, какіе есть сквалыжники! Вотъ хоть-бы генеральша Бахмутова — полтинникъ дала... Ей-Богу! Вотъ вами такъ ужъ у насъ всѣ довольны. Вѣрите-ли, извощики у подъѣзда не нахвалятся вами! Что это, говорятъ, у васъ за купецъ за пречудесный!

— Анна Митрофановна! Дай ему отъ себя рубль!

— Много вамъ благодарны, ваше высокородіе! Дай вамъ Богъ до самаго высшаго чина дожить, въ военную службу перейти и полкомъ командовать!

— Ну, ужъ это зачѣмъ-же? Мы вонъ и для сына рекрутскую квитанцію купили! вставляетъ слово жена.

— Анна Митрофановна, не вмѣшивайся.

— Счастливо оставаться, ваше степенство! Пойду къ нѣмцу-доктору, авось тотъ два двугривенныхъ отвалитъ!

Швейцаръ ушелъ.

— Сторожа изъ пріюта! докладываетъ мальчикъ.

Хозяинъ вынимаетъ синюю бумажку и приказываетъ угостить водкой.

— Счетчики изъ банка!

Тоже самое.

Попугай кричитъ «хозяину нашему слава!» Звонокъ.

— Анна Митрофановна! Поправься! Можетъ быть, это кто нибудь изъ пріютскихъ чиновниковъ!

Легкое смятеніе. Дочка складываетъ губы сердечкомъ.

— Маша, обращается хозяинъ къ дочери, коли кто обратится къ тебѣ по французски, ты по-французски и отвѣчай.

— Мнѣ стыдно, папенька!

— Дура!

Входитъ гость въ сюртукѣ и съ медалью на шеѣ.

— Господи! Первый разъ вижу тебя въ мундирѣ. Генералъ, со-

Digitized by Google

всѣмъ генералъ! раздаются восклицанія. Повернись-ка, повернись-ка, спиной-то!

— Да, братъ, полторы тысячи ежегодно обязался вносить! мѣрно произноситъ хозяинъ.—Колоколъ у себя на родинѣ повѣсилъ. На часовнѣ куполъ позолотилъ и всѣ штукатурныя работы на свой счетъ принялъ. Балъ сиротамъ устроилъ... Елку на праздникахъ дѣлалъ. Образъ у Закхея въ кованную ризу вправилъ.

Мальчикъ подаетъ письмо.

— Какая-то женщина васъ поздравляетъ съ новымъ годомъ.

Переносьевъ распечатываетъ и начинаетъ читать въ слухъ:

«Ваше боголюбивое единоутробіе, господинъ именитый купецъ Пименъ Захарычъ, защитникъ сирыхъ и убогихъ, одѣленныхъ на общественномъ пирѣ жестокосердаго человѣчества! Служа тридцать пять лѣтъ, вѣрою и правдою престолу и отечеству, будучи обремененъ удрученною старостью и болѣзнью, женою съ девятью малыми младенцами и ожидая ниспосланія десятаго, находящагося еще въ утробѣ, и по волѣ неотразимаго рока, не имѣя силъ къ добыванію пропитанія ослабѣвшей отъ злостнаго паралича десницей, шлю тещу мою къ вамъ, въ полковницкомъ чинѣ состоящую, и молю ваше единоутробіе...».

— На, вотъ ей, вынеси трешничекъ! подаетъ Переносьевъ мальчику зелененькую бумажку.—И что это, Ананій Кузмичъ, денегъ выходитъ, такъ просто страсти? восклицаетъ онъ, обращаясь къ гостю.—Ну зато почетъ! Выпей водки-то, только закуску не очень вороши, потому я къ себѣ генерала жду! Настоящаго генерала. Къ сегодняшнему дню только пожаловали.

Въ зало входитъ «ундеръ» въ отставномъ военномъ сюртукѣ съ нашивками, и ведетъ за руку мальчика лѣтъ десяти.

— Съ новымъ годомъ, ваше высокородіе! Дай вамъ Богъ счастія, богатства, чтобъ куры не клювали и всего хорошаго! Дождаться внуковъ, правнуковъ и еще далѣе, говоритъ «ундеръ».—Ну, Петрунька, сади! Не бойся, читай, читай! гладитъ онъ по головѣ мальчика.

На глазахъ мальчика показываются слезы, нижняя губа дрожитъ, онъ подаетъ купцу Переносьеву листъ бумаги, свернутый въ трубочку, и начинаетъ читать стихи:

Съ новымъ годомъ поздравляю,
Счастья, радости желаю
Папа крестный дорогой.
Дай вамъ, Боже, многи лѣта,
И чтобъ вашъ счастливый вѣкъ,
Какъ прекрасная планета,
Лучезарно-бы истекъ.

Digitized by Google

— Довольно, довольно! перебиваетъ его хозяинъ.—Это крестникъ мой, обращается онъ къ гостю съ медалью.—Вотъ у него всѣ дѣти умирали, и онъ у насъ въ сторожахъ по церкви состоялъ. Ну и упросилъ онъ меня сынишку окрестить. Что-жъ ты думаешь? Вѣдь задался и живъ. Вотъ у меня какая рука-то счастливая!

— Ужъ вамъ это, ваше высокородіе, свыше, отъ Бога за ваши благодѣянія, бормочетъ «ундеръ».

— Да, я многимъ благодѣтель! Коли такъ, нà синенькую! Пальтецо либо спинжакъ себѣ новый купишь. Постой, экзаменъ сдѣлаю.

Переносьевъ вынимаетъ изъ бумажника огромную пачку денегъ.

— Много-ли здѣсь денегъ? Говори!

— Не знаю-съ...—робко шепчетъ мальчикъ.

— А это въ какую цѣну сѣренькая бумажка? Не знаешь? А эта радужная вотъ? А какая изъ нихъ цѣннѣе? Ахъ ты, самаго-то настоящаго и не знаешь, а еще въ школѣ учишься!

Звонокъ.

— Ну, съ Богомъ! Идите на кухню! Тамъ васъ угостятъ. А я къ себѣ генерала жду! Анна Митрофановна! Маша!

Переносьевъ бросаетъ на жену и на дочь значительный взглядъ. «Ундеръ» съ сыномъ уходятъ, а на ихъ мѣсто является молодой гость во фракѣ и въ бѣломъ галстухѣ. Голова его завита бараномъ, а отъ самаго несетъ пачулей.

— Съ новымъ годомъ! Съ новымъ счастьемъ!

Онъ подсаживается къ дамамъ. Тѣ съ разу оживляются.

— Гдѣ новый годъ встрѣчать изволили?

— Дома; у насъ никого не было. Сходили сначала ко всенощной, а потомъ и за ужинъ... Хотѣли въ театръ, да ложи не достали, отвѣчаетъ дочка Переносьева.—Ряженые къ намъ пріѣзжали, да папенька выгналъ. Хотѣла было гадать, въ зеркало съ нашей горничной смотрѣть, да папенька свѣчки задулъ. Впрочемъ, мостокъ себѣ подъ кровать мостила. И видѣла суженаго.

— Офицеръ?

— Много будете знать—скоро состаритесь.

— А именъ за воротами у прохожихъ не спрашивали?

— Не позволяю я именъ-то спрашивать, вставляетъ слово мать.— Прошлый годъ у насъ дѣвицы гостили и побѣжали имена спрашивать, да и натолкнулись на какого-то пьянаго, а онъ имъ такое имя сказалъ, что срамъ!

— Ахъ, маменька, что вы!

— Впрочемъ я гадала, брюнетъ или блондинъ... Брала снѣгъ и искала въ немъ волосъ.

— Ну, что-же?

Digitized by Google

— Да длинный какой-то попался и жесткій такой.

— Ну, значитъ женихъ будетъ попъ, либо дьяконъ.

— Нѣтъ, кухарка наша говоритъ, что это лошадиный волосъ изъ хвоста.

— А мы такъ вчера ряжеными ѣздили. Я былъ одѣтъ Мазепой...

— Что же это за костюмъ?

— Отличный. На головѣ треухъ, а самъ какъ-бы въ халатѣ... Сабля, шпоры...

Опять звонокъ.

— Анна Митрофановна, можетъ-быть это генералъ! восклицаетъ Переносьевъ.

Въ комнату входитъ гость въ отрепаномъ фракѣ и мятомъ бѣломъ галстухѣ. Лицо его одуто, глаза косятъ. Начинаются поздравленія. Переносьевъ подаетъ ему два пальца.

— Ну, живая душа на костыляхъ, стрекоза въ серьгахъ! Выгребай сплетни-то, говоритъ онъ ему, сколько сегодня народу обѣгалъ?

— Одиннадцать визитовъ сдѣлалъ, отвѣчаетъ слегка пришепетывая гость.—У балабаевскаго архіерея былъ... Звонковы свой домъ продали, Кузьма Данилычъ своего кучера прогналъ. Представьте, онъ на лѣстницѣ жену его цѣловалъ.

Глаза дамъ заискрились и онѣ ближе подвинулись къ гостю.

— Федоръ Кузьмичъ съ синякомъ ходитъ. Во весь глазъ синякъ... На тройкѣ къ Дороту ѣздили, такъ вывалился изъ саней.

— Павелъ Андреечъ, какъ-же это кучеръ-то? Разскажите, пристаютъ къ гостю дамы.

— Послѣ, послѣ... Третьяго дня у Додонова сороковой день справляли, такъ гости разодрались. Сейчасъ сваху Лукерью встрѣтилъ, такъ разсказывала, что Машенька Брындина замужъ выходитъ. Женихъ—мусорщикъ и съ двумя каменными домами. Приданое изъ батисту дѣлаютъ, и женихъ непремѣнно требуетъ золотую кровать.

— А ужъ и побьютъ-же тебя, Павелъ, за твои сплетни! восклицаетъ Переносьевъ.

— Да и били-съ! Ахъ, самую-то главную новость и забылъ! Представьте, Теленкина-то сынъ, что въ уланскіе юнкера поступилъ, ужъ больше не служитъ. Отецъ взялъ его изъ полка обратно и купилъ ему рекрутскую квитанцію за четыре тысячи... «Пусть, говоритъ, лучше на глазахъ въ лавкѣ стоитъ, а то за глазами-то онъ такъ отъ рукъ отобьется, что еще, пожалуй, кутить начнетъ да долговъ надѣлаетъ». Теперь унтеръ-офицеръ въ отставкѣ...

— Ахъ какая жалость, а ему такъ шелъ уланскій мундиръ! вставляетъ слово дочка Переносьева.

Digitized by Google

— Выгодный женишекъ! Никакая купеческая дочка не побрезгуетъ, что онъ отставной солдатъ! восклицаетъ Переносьевъ.

— Да вѣдь можете вы думать, не ѣхалъ онъ изъ полка-то! Ему военная служба смерть какъ понравилась. Такъ за нимъ въ Польшу въ полкъ прикащика посылали и силою взяли. Ну, конечно, папенька—звѣрь. Пріятно-ли? Онъ радъ былъ, что на свободу-то отъ семейства вырвался. А тутъ вдругъ шабашъ! Будетъ тебѣ служить! Воюй въ лавкѣ аршиномъ!

Звонокъ.

— Анна Митрофановна! Можетъ быть это самъ генералъ! Ну, Павелъ, выпей водки, да убирайся вонъ, а то еще что-нибудь сболтнешь!

— Курьеръ отъ его превосходительства! докладываетъ мальчикъ и подаетъ конвертикъ.

Лицо Переносьева омрачается. Онъ разрываетъ конвертъ, вынимаетъ оттуда карточку и читаетъ:

— «Дѣйствительный статскій совѣтникъ Аристархъ Аристарховичъ Громоносовъ». Нѣтъ, не осчастливилъ-таки своимъ посѣщеніемъ, а вѣдь какъ обѣщалъ!

— Это кто-же, Пименъ Захарычъ? подскакиваетъ къ нему гость—сплетникъ.

— Пошелъ прочь, выжига! Анна Митрофановна! Вели закладывать лошадь! Я самъ къ генералу поѣду, даже, мало того, къ тремъ генераламъ поѣду!

Черезъ полчаса купецъ Переносьевъ, въ треуголкѣ и шубѣ, выходитъ изъ своей квартиры на лѣстницу. Его провожаетъ жена и говоритъ ему въ слѣдъ:

— Пименъ Захарычъ, ты ужъ на счетъ вина-то сегодня постерегись, а то въ мундирѣ, при шпагѣ и вдругъ...

— Дура!

II. На святкахъ.

Восемь часовъ вечера. Въ табачную лавку, стѣны и окна которой увѣшаны «уродскими» масками и костюмами, входятъ два апраксинскіе молодца—одинъ въ бараньей чуйкѣ, другой въ енотовой шубѣ. Дребезжитъ звонокъ, привѣшанный у двери. На звонокъ выходитъ содержатель табачной лавки—старикъ въ серебряныхъ очкахъ, закинутыхъ на лобъ. Молодцы озираются по сторонамъ.

— Побаловаться задумали, говоритъ одинъ изъ нихъ,—то есть, къ примѣру, ряжеными походить, такъ костюмчикъ-бы требовалось.

Digitized by Google

— Можно-съ, отвѣчаетъ табачникъ и начинаетъ тыкать пальцами, въ развѣшенные костюмы.—Вотъ краковякъ, вотъ «фигаро».

— Нѣтъ ужъ съ фигарой подальше! Тутъ въ чулкахъ, а это не по нынѣшнимъ холодамъ. У васъ прошлые святки сосѣдскій молодецъ рядился въ эту фигару, да съ нея и въ больницу слегъ.

— Уже коли насчетъ тепла хлопочете, такъ вонъ медвѣдя возьмите—баню замѣнитъ. Только вы это напрасно холоду боитесь: ежели въ нутро поддавать будете, такъ оно даже лучше, весь хмѣль отъ головы оттягиваетъ.

— А почемъ медвѣдь? спрашиваетъ баранья чуйка.

— Съ кого двѣнадцать, а съ васъ восемь рублей возьму.

Енотовая шуба свиститъ.

— Это за съѣденную-то молью шкуру?

— Нѣтъ, не за съѣденную, а за медвѣдя.—Эхъ, господа, купцы! Иногда и у живаго медвѣдя молеѣдина заводится, а вѣдь это костюмъ. Ну, семь рублей, коли не восемь.

— Нѣтъ, не рука! Намъ вѣдь такъ, побаловаться просто. Мы бы и изъ театра взяли, у насъ знакомые изъ театральныхъ, да вѣдь тѣхъ веди въ трактиръ поить и все эдакое... Ты, почтенный человѣкъ, говори цѣну настоящую.

— Коли такъ, возьмите мельника; вчера только стиранъ. Коли кто умѣетъ, такъ можно страсть какъ чудить въ немъ. А то вотъ возьмите турку за три рубля; за ту-же цѣну и рыцарскія шпоры къ вашимъ каблукамъ прибьемъ.

Молодцы шушукаются. «Мнѣ-бы сосѣдскую горничную Варвару попугать хотѣлось», слышится у нихъ.

— А чорта у васъ нѣтъ? задаетъ вопросъ енотовая шуба.

— Эхъ, насчетъ чорта и не говорите! машетъ рукой табачникъ.— Былъ у меня чортъ, и важный чортъ, плисовый, съ краснымъ суконнымъ хвостомъ и на концѣ золотая стрѣла, даже рога настоящіе, да въ прошломъ году пропалъ. Взяли его вотъ такъ-же, какъ и вы, нарядиться, поѣхали на огонекъ, гостбища искать, надебоширили гдѣ-то, да въ часть и попали. Такъ я и поклонился чорту! Обезьяну возьмите: отличная, плюшевая, только маленько деревяннымъ масломъ залита. За два съ полтиной ее отпущу.

Молодцы переминаются.

— Намъ-бы что-нибудь за рубль, да чтобъ побрякивало. Ну шпоры, что-ли...—говоритъ чуйка.—Ты самъ посуди: мы вѣдь то же по огоньку пойдемъ. Богъ вѣсть еще впустятъ-ли куда...

— Епанчи какой старенькой нѣтъ-ли? Казака, черкеса?

— Да возьмите мельника и трубочиста... Три рубля за пару возьму.

— Съ метлой?

Digitized by Google

— Метлу у дворника возьмете.

— Разбойника какого попроще нѣтъ-ли?

— Такъ такъ-бы и говорили! Разбойниковъ у насъ гибель! Идите сюда въ комнату, приглашаетъ табачникъ.

Черезъ полчаса молодцы вырядились разбойниками. Табачникъ далъ имъ по красной курткѣ и по поярковой шляпѣ. Одному желтые испанскіе штаны, другому кучерскіе плисовые шаровары. На каблуки сапоговъ набилъ шпоры. Масокъ они изъ экономіи не покупали, а зашли въ мелочную лавку и вымазали себѣ лица сажей и давленной клюквой.

— Куда теперь пойдемъ? спрашивала на улицѣ баранья чуйка у енотовой шубы.—Ты говорилъ у твоего дяди гости сегодня?

— Гости-то гости, только боюсь къ нему идти: человѣкъ онъ строгой жизни, какъ-бы насъ въ этой нечести по шеямъ не спровадилъ.

— А говорилъ, съ радостью примутъ. Куда-жъ теперь?

— Да толкнемся прежде къ сосѣдямъ по нашей лѣстницѣ, попугаемъ горничную, а тамъ видно будетъ. Она сказывала, что хозяева въ театрѣ.

Отправились къ сосѣдямъ. Постучались съ черной лѣстницы. Двери отворила горничная.

— У—у! Смерти или живота? зарычала на нее, отпахнувъ воротникъ, баранья шуба.

Горничная взвизгнула. Ряженые ворвались въ кухню. На крикъ выбѣжалъ хозяинъ въ халатѣ.

— Что это такое? Ряженые? Вонъ! Акулина, бѣги за дворникомъ! кричалъ хозяинъ.

Ряженые кой-какъ выбѣжали на лѣстницу, и опасаясь погони, засѣли въ чуланѣ. На лѣстницѣ минутъ пять слышались возгласы, въ родѣ слѣдующихъ: «бери полѣно! Не забѣжали-ли на чердакъ? пошарь-ко тамъ! Что полѣно, у меня кулакъ за десять фунтовъ отвѣтитъ!» Мало-по малу шумъ утихъ, и ряженые вышли изъ засады.

— А говорилъ, что хозяевъ дома нѣтъ? Все-то ты врешь! бормотала баранья шуба.

— Да, вѣдь, кто-жъ ихъ зналъ! Горничная даве сказывала, что въ театрѣ. А все ты виноватъ! Зачѣмъ зарычалъ? Тутъ и не женщину испугать можно. Куда-жъ теперь?

— А сунемся къ Ильѣ Семенычу Налимову, что по лицевой линіи галантерейщикъ. У него давеча большой свѣтъ въ окнахъ былъ. А допрежъ того зайдемъ въ трактиръ, дербалызнемъ.

Зашли въ трактиръ и выпили. Буфетчикъ, «отпустивъ по стаканчику», не позволилъ даже и шубъ снимать, а просилъ поскорѣй отправляться «по добру, по здорову». Черезъ четверть часа они вхо-

Digitized by Google

дили по лѣстницѣ къ галантерейщику Налимову. Ихъ остановилъ швейцаръ.

— Вы куда?

— Къ купцу Налимову! Ряженые!

— Нельзя. Никово изъ ряженыхъ не велѣно пускать. У нихъ третьяго дня были ряженые да двѣ серебряныя ложки слимонили.

— Да мы ихъ знакомые, изъ одного съ ними рынка...

— Коли нельзя, такъ нельзя! крикнулъ швейцаръ.

Ряженые опять вышли на улицу.

— Куда-же теперь? Вотъ незадача-то! задавали они другъ другу вопросы и чесали затылки.

— Вотъ что! Сунемся къ Скалкинскимъ молодцамъ. Ежели ихняго хозяина нѣтъ дома, такъ можетъ и впустятъ, сказала енотовая шуба.

Наняли извощика и поѣхали. По дорогѣ рычали на переходившихъ улицу женщинъ и пугали ихъ. У Скалкиныхъ легонько постучались съ грязной лѣстницы и вызвали знакомаго молодца.

— Можно войдти? Только ты не говори, что это мы, говорили они ему.

— Можно-то можно, потому самъ въ банѣ, отвѣчалъ молодецъ.— Только вы, Бога ради, на скору-руку, а то вернется самъ, тогда бѣда.

Ряженые вошли въ молодецкую и начали ходить по комнатѣ и рычать. Одинъ изъ нихъ кричалъ: «смерти или живота?» Другой ревѣлъ фразу: «я разбойникъ и тринадцать душъ загубилъ!» Въ отворенныя двери на нихъ смотрѣла кухарка, горничная, хозяйская жена и двѣ дочки.

— Что-жъ, ряженныхъ-то угостить винцомъ надо, заговорила хозяйка и полѣзла въ карманъ за ключами.

— Это мы можемъ, потому мы разбойники! Только ужъ намъ и посуду разбойническую подавай, а не какую нибудь рюмку! кричалъ одинъ изъ ряженыхъ и началъ плясать въ присядку.

Въ это время вернулся изъ бани самъ хозяинъ, и вошелъ въ молодецкую.

— Это что кабакъ? Ни на минуту отлучиться нельзя! Вонъ! заоралъ онъ.

Ряженные схватили свои шубы и опрометью выбѣжали на лѣстницу.

— Опять не впопадъ! разводила руками баранья чуйка. Даже и угоститься не успѣли. Куда жъ теперь?

— Да ужъ самое лучшее, я полагаю, домой, отвѣчала енотовая шуба. А то еще куда нибудь, сунешься, такъ еще, пожалуй, шею накостыляютъ! Вотъ незадача-то! Цѣлые два цѣлковыхъ прахомъ

Digitized by Google

пошли! Лучше-бы эти деньги пропить. Цѣлыя двѣ бутылки коньяку на нихъ купить было можно.

— Толкнемся хоть къ нашимъ дворникамъ въ дворницкую. Что-жъ костюмамъ то задарма пропадать!

— А ну ихъ! Еще ихъ-же угощать придется!

III. Не по нынѣшнимъ временамъ.

Жена купца, Анна Савельевна Ловкачева, была имянинница. Къ этому дню во всей квартирѣ обмели паутину, вычистили мѣдные замки у дверей, образа, натерли воскомъ полы, съ мебели сняли чахлы, а красное дерево помазали деревяннымъ масломъ. Самъ Ловкачевъ рѣшилъ не звать гостей на имянины.

— Зовъ великое дѣло, говорилъ онъ женѣ.—Кто придетъ—такъ ладно, а нѣтъ и не надо. Не по нынѣшнимъ временамъ балы-то устраивать. Гдѣ-бы прежде рубль цѣлковый нажилъ, а нынче едва полтина тебѣ очищается. То-есть, Господи, когда это все кончится! прибавлялъ онъ, махая руками.

Между тѣмъ, въ день имянинъ, родные и знакомые съ утра начали присылать поздравительные пироги и крендели.

— Вотъ прорвало-то, прости, Господи! восклицалъ послѣ каждаго пирога мужъ имянинницы. Насильно звать заставляютъ. Ну, ихъ, и съ учтивостью-то! На цѣлковый пришлютъ, а ужо на два рубля брюхомъ вынесутъ.

Послѣ каждаго пирога и кренделя хозяинъ и хозяйка выходили въ кухню къ посланному и говорили:

— Кланяйтесь и благодарите. Пусть ужо вечеромъ пожалуютъ. Скажите, что, молъ, никого не звали, такъ только свои, запросто.

Хозяйка сходила къ обѣднѣ, и вернулась съ двумя просфорами.

— Какъ не скрывалась отъ протопопа—увидѣлъ-таки! съ неудовольствіемъ разсказывала она мужу.—Только стала прикладываться къ мѣстнымъ образамъ, а онъ выходитъ и выноситъ просвирку. «Съ ангеломъ, говоритъ, дорогую имянинницу»! Вѣдь эдакій глазастый! Дѣлать нечего, позвала его. У насъ, говорю, никаго не будетъ, а такъ, безъ зова, запросто, милости просимъ.

— Вотъ еще гость! Этотъ придетъ, не утерпитъ.

Послѣ обѣдни начали являться родственники и знакомые съ поздравленіемъ. Накрыли закуску. Гости пили водку, тыкали вилкой въ закуску и спрашивали: почемъ покупали селедки, ветчину, икру, Хозяинъ разсказывалъ.

Digitized by Google

— Хотѣлъ купить ногу телятины, прибавлялъ онъ, да что, приступу нѣтъ. Такія цѣны ломятъ, что страсть! Нѣтъ, не по нынѣшнимъ временамъ телятину-то ѣсть! Гдѣ прежде наживали рубль-цѣлковый,—теперь только полтину.

— И не говорите! Что только и будетъ! поддакивалъ гость, пилъ на дорожку послѣднюю и уходилъ.

— Ужо вечеромъ, запросто, милости просимъ чайку напиться. Безъ зову, никого не зовемъ. Зовъ, сами знаете, великое дѣло, а такъ... Не по нынѣшнимъ временамъ балы-то дѣлать, говорили ему хозяинъ и хозяйка.

— Что за церемоніи! да и зачѣмъ? Кто хочетъ, тотъ и безъ зова придетъ, отвѣчалъ тотъ и ретировался.

— Вотъ и этотъ придетъ. Отъ него ужъ не отвертишься, разводили руками хозяева, послѣ ухода гостя.

Часовъ въ семь, начали освѣщать квартиру. Зажгли парадныя лампы въ гостиной.

Хозяинъ ходилъ по комнатѣ мрачный и недовольный.

— Почемъ керосинъ-то брали! спросилъ онъ у жены.

— По одиннадцати. Вздорожалъ нынче, да, говорятъ, еще дороже будетъ. И свѣчи стеариновыя двадцать девять...

— Эхъ! крикнулъ хозяинъ. Не зажигай люстру, не надо! Что за праздникъ! Сидятъ и при лампахъ однѣхъ! крикнулъ онъ лавочному мальчику.

Съ восьми часовъ начались звонки.

— Ну, кого-то Богъ даетъ? со вздохомъ произнесли хозяева.

Вошелъ военный докторъ въ капитанскихъ погонахъ.

— Съ ангеломъ! обратился онъ къ имянинницѣ.—Хотя и не звали, а я, все-таки, по старой памяти, дай, думаю, зайду. Нарочно пораньше, чтобъ тихо и смирмо маленькій преферансикъ... чайку напиться, да къ двѣнадцати часамъ домой.

— Милости просимъ! Мы гостямъ завсегда рады, пробормоталъ хозяинъ,—а только никого не звали. Не по нынѣшнимъ временамъ зовъ-то дѣлать.

— Ужъ не говорите! махнулъ рукой докторъ.—Все вздорожало. Даже извощикъ, каналья, и тотъ меньше четвертака никуда не везетъ.

— Вамъ, докторамъ, что! Вы вотъ пощупали пульсъ, и три цѣлковыхъ... а вотъ наше дѣло, гдѣ прежде наживали цѣлковый, нынче едва полтина очистится.

Еще звонокъ. Явился протопопъ въ зеленой рясѣ. Вошолъ и помолился на образа, держа лѣвую руку на желудкѣ.

— Еще разъ съ ангеломъ! проговорилъ онъ, благословляя имя-

Digitized by Google

нинницу и цѣлуясь съ нею.—Вотъ, видите, пришелъ таки. Я своихъ духовныхъ дочерей твердо помню.

— И хорошо дѣлаете, батюшка, что безъ церемоніи... Прошу покорно садиться, примолвилъ хозяинъ.

— Сядемъ, сядемъ, усаживался протопопъ.—А я, признаться сказать, къ вамъ съ панихидки. Помните старушку?.. Купеческаго она рода... Ахъ, какъ ее? Еще внучку зимой замужъ выдала за... Мерзавцемъ еще онъ потомъ оказался... Ну, все равно! Старушка богобоязненная была... Три дня хворала... И съ чего началось? Принесъ ей племянникъ арбузъ...

— Да, вотъ только арбузы-то и дешевы, а къ остальному ни къ чему приступу нѣтъ, перебилъ его хозяинъ.—Хотѣлъ, вотъ сегодня, тетерекъ къ вечеру купить на жаркое—рубль тридцать пара. Нѣтъ, думаю, не по нынѣшнимъ временамъ тетерекъ ѣсть, лучше куръ изжарить. Знаете-ли почемъ съ меня взяли за три языка?

— Знаю, знаю. Вчера мы съ попадьей и то говорили: «просто хоть треской одной питайся». Такъ вотъ, я насчетъ старушки-то... Соборне отпѣвать будемъ. Осталось у нея кой-что, и очень осталось. Да какой случай! Подарилъ ей племянникъ арбузъ... Нѣтъ-ли у васъ водицы съ лафитцомъ? Горло что-то пересохло, отъ ладону или отъ пѣнія, Богъ его знаетъ.

Хозяинъ вздохнулъ.

— Анна Савельевна, вели тамъ откупорить бутылку марги, сказалъ онъ женѣ.—Лафиту, батюшка, нѣтъ, а марго да медокъ. Не по нынѣшнимъ временамъ... Вонъ Елисѣевъ-то...

Вздохнулъ и протопопъ.

— Такъ вотъ, я насчетъ арбуза-то, что старушку мы отпѣвали... началъ было онъ, но хозяинъ опять перебилъ его.

— Вамъ, батюшка, что, вамъ въ пол-горя, у васъ все тѣ-же достатки. Кому ужъ нужно родиться или умереть, тотъ не отложитъ этого, и вы завсегда свое получите. Крестины и свадьбы тоже идутъ своимъ чередомъ, а вотъ каково намъ, торговымъ людямъ! Гдѣ прежде полтину наживалъ, теперь четвертакъ, а икра-то вонъ полтора рубля дряненькая, купилъ грушъ для гостей — шесть гривенъ десятокъ.

— Всѣ тяготы несемъ, всѣ! протянулъ протопопъ.—А однако, у васъ долгонько не собираются, добавилъ онъ. Чѣмъ-бы золотое-то время даромъ тратить сѣли-бы по четвертушечкѣ съ курочкой, и любезное дѣло.

— Да вѣдь никого не звали, батюшка, сказалъ хозяинъ.—Погодите, вотъ, можетъ быть кто изъ нецеремонныхъ и подойдетъ.

Къ десяти часамъ начали съѣзжаться «нецеремонные» и мало по малу наполнили весь домъ. Пришли купцы—родственники хозяина

Digitized by Google

и хозяйки, съ чадами и домочадцами, явились чиновники изъ какого-то мѣста, куда хозяинъ производилъ поставку чего-то. Хозяинъ морщился, отводилъ жену въ сторону и говорилъ:

— Вишь, сколько гостей навалило: Экономь хоть на сахарѣ. Нечего по четыре куска въ стаканъ валить. Да съ дамами-то не очень насчетъ хересовъ усиливайся, пьютъ и очищенную. Нужно тоже, чтобы хоть одна бутылка къ вечеру осталась. Груши-то мужчинамъ можно и не подавать: за картами онѣ все одно, что волку трава.

Мужчины сѣли играть кто въ стуколку, кто въ преферансъ. Дамы размѣстились въ спальной на диванѣ и на стульяхъ и говорили о свадьбахъ, о банѣ, о свахахъ, о предстоящемъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ солдатскомъ наборѣ.

— Чахлые-то теперь мальчики лучше, по крайности, и не горевать съ ними, слышится гдѣ-то.—А здороваго-то сейчасъ возьмутъ, да прямо подъ турку. Говорятъ вотъ старшенькій-то у Ивана Иваныча на очереди нынче, такъ по бутылкѣ въ день уксусу выпиваетъ. Конечно, за вѣру идутъ, а все лучше, какъ не идти.

— Ужъ и съ дочерями тоже!... Гдѣ имъ нынче жениховъ сыщешь! откликаюся съ другой стороны.—За того, кто не ослобонился отъ солдатчины, не отдашь, а настоящій женихъ голову подымаетъ. Кто прежде-бы пять тысячъ взялъ, а нынче десять проситъ. А гдѣ по нынѣшнимъ временамъ такія деньги возьмешь? Вонъ Петръ Захарычъ за двумя дочерями по роялю да по чернобурому салопу давалъ, а теперь за третьей только фортепьяны, да простой лисій салопъ. Была я въ банѣ...

— Посвольте, перебиваетъ толстая купчиха въ чепцѣ.—Помните у Федюкова прикащика Кузьму? Вѣдь ни кожи, ни рожи, изъ себя полуарабъ какой-то, а нынче къ Зиминымъ сватался—красненькую проситъ.

Дѣвицы шушукались въ углу, въ гостиной, разсматривали альбомъ и читали какое-то любовное письмо на розовой бумажкѣ. Письмо оканчивалось словами:

«Умру подъ сѣнью древесныхъ струй отъ злой чахотки или, оставивъ родителей въ пренебреженіи, уйду на Дунай проливать свою кровь за вѣру противъ турецкаго звѣрства и поступлю въ черногорцы».

— Да кто онъ такой? спрашивали дѣвицы другъ друга.

— Гусачное заведеніе у нихъ, двѣ водогрѣйки и, кромѣ того, кислыя щи дѣлаютъ, отвѣчаетъ кто-то.

— Ахъ, Боже мой, при своемъ купеческомъ видѣ, и такой герой! Да кому-же это онъ писалъ?

— Нашей портнихѣ. Онъ въ нее влюбленъ, а отецъ не позво-

Digitized by Google

ляетъ жениться, потому простая дѣвушка портниха. Два-три платьишка и больше ни кругомъ, ни около. Зимой въ холодномъ пальтишкѣ бѣгаетъ.

— Ахъ, Боже мой, да вѣдь и у нея душа! заступается какая-то дѣвица.

— Душа-то душа, только всякій свое мѣсто долженъ знать. Для портнихи и писарь хорошій женихъ, наконецъ, кондукторъ на желѣзной дорогѣ. Оплела купеческаго сына, а теперь и хвастается.

— И вовсе она не хвастается, а только показала, какое безчувство родители имѣютъ, ну, а ты отняла у нея это письмо и сказала, что потеряла.

— И завсегда отниму, чтобы мараль на нашу купеческую націю не была, потому я патріотка! отрѣзала дѣвушка, подмигнула и даже подбоченилась.

У мужчинъ за картами было шумно. Всѣ играли разговаривая и съ прибаутками, въ родѣ слѣдующихъ:

— Супротивъ васъ такъ-же трудно въ вистъ идти, какъ и Плевну приступомъ брать. Пасъ.

— Пасъ хлѣба не дастъ. Разверните вашу кавалерію! откликается второй партнеръ.—Вотъ теперь мы и начнемъ бомбардировку червями. Пожалуйте козырькомъ!

— Въ какой масти играете?

— Въ христіанской, которую Грегеръ, Горвицъ и Коганъ не любятъ. Трефы, сирѣчь крести.

— Трефы? Ну, пиши письмо къ родителямъ! Погибъ, какъ Мухтаръ-паша въ Малой Азіи!

— Не бойся, не погибнемъ! У насъ здѣсь большая Азія, а не малая. Короля-то самъ-другъ мнѣ отъиграете.

— Короля самъ-другъ, это точно, что отъиграемъ, а казачья масть—пики завсегда свою рекогносцировку сдѣлаетъ. Ложись, купецъ! Вотъ тебѣ перевязочный пунктъ! А вотъ тебѣ и госпиталь! Дѣлай перевязку! Безъ двухъ, какъ безъ шпаги!

Хозяинъ игралъ съ протопопомъ, докторомъ и интендантскимъ чиновникомъ. Онъ проигрывалъ и былъ мраченъ.

— Говорилъ я, что не по нынѣшнимъ временамъ по полкопѣйки съ курицей играть, бормоталъ онъ,—такъ и вышло. Сама судьба наказываетъ. Вотъ теперь и на угощеніе потратился, и полушубокъ господа гости вычистили. Пятнадцатью рублями ежели только отдѣлаешься, такъ и торжествуй.

— Эхъ, Семенъ Панкратьичъ, на долю каждаго человѣка Богъ, что ему нужно, посылаетъ, утѣшалъ его священникъ, списывая восемь безъ козырей.

Digitized by Google

— Вамъ, батюшка, хорошо говорить, коли вы сегодня двѣ панихидки, да нѣсколько молебновъ отслужили, а каково мнѣ-то! Я можетъ, въ лавкѣ безъ почину просидѣлъ, да на угощеніе издержался. Окорокъ-то ветчины вонъ шесть цѣлковыхъ, а его завтра одна кость, мостолыга останется.

— Не надо садиться совсѣмъ играть, коли жалѣете проигрывать, откликнулся чиновникъ.—Я вонъ вчера пятьдесятъ рублей въ клубѣ отдалъ и глазомъ не моргнулъ.

— То вы, а то я. Вамъ по нынѣшнимъ временамъ можно и сто рублей отдать, а мнѣ и десяти невозможно! горячится хозяинъ.— Гдѣ прежде рубль наживали, теперь полтину. Свѣчи-то стеариновыя почемъ?

— Почему-же мнѣ можно, а вамъ нельзя? Что это намекъ? обижается чиновникъ.

— А хоть-бы и намекъ. Вы свои достатки завсегда своимъ чередомъ получите, а я нѣтъ. Намъ въ военное время плохо.

— То-то плохо! Не хочу играть, давайте разсчитываться.

— Разсчитываться! — выигралъ, да и разсчитываться! Радъ до чужаго-то добра.

— Господа, что вы, что вы! Помиритесь! успокоиваетъ протопопъ.

— Да, помилуйте, ваше преподобіе, онъ дерзничаетъ! Купчишка и вдругъ тѣнь на меня наводитъ!

— Самъ ты на меня тѣнь наводишь. На, получай, я разсчитываюсь.

Купецъ разсчитался. Чиновникъ всталъ изъ-за стола и началъ прощаться.

— Не сердись, пожалуйста, на него, упрашивала хозяйка.—Онъ ужъ съ утра обозленъ былъ; мало-ли что между своими бываетъ? Все таки вы мнѣ родня, кумомъ приходитесь, крестили вмѣстѣ. Ну, я его заставлю извиниться. Оставайтесь ужинать.

Священникъ и докторъ помирили хозяина съ чиновникомъ. Тотъ не ушелъ и ужиналъ. Хозяинъ молчалъ и косился.

Въ третьемъ часу гости разошлись.

— Ну, саранча! развелъ руками хозяинъ.—Вотъ тебѣ и зову не было! Рублей сорокъ угощеніе стоило, да за картами на одиннадцать съ полтиной требухи вымотали. Поди и имянинные пироги всѣ съѣли? спросилъ онъ жену.

— Съѣли. Да успокойся, вѣдь одинъ разъ въ году я бываю имянинница, говорила жена.

— Еще-бы десять разъ! Тогда ужъ ложись въ гробъ и умирай! Нѣтъ, не по нынѣшнимъ временамъ съ гостями возжаться! Господи! Вѣдь и отплатить на зло этому чиновнику, твоему куму, ничѣмъ не

Digitized by Google

могу. Стой, вотъ что, спохватился хозяинъ: Спиридономъ Семенычемъ его зовутъ — онъ у насъ, какъ кумъ твой, въ наше заздравное поминанье вписанъ, такъ возьми завтра наше заздравное поминаніе и выхерь оттуда раба Спиридона.

— Семенъ Панкратьичъ... начала было возражать жена.

— Молчать! крикнулъ хозяинъ и стукнулъ кулакомъ по столу.

IV. Въ пріемной благодѣтеля.

Пріемная именитаго и богатаго купца, «вышедшаго въ генералы». Кромѣ ясеневыхъ скамеекъ, мебели никакой. На стѣнахъ, надъ скамейками, литографированныя и раскрашенныя картины, изображающія фортуну на колесѣ и церемонію перенесенія мощей Тихона Задонскаго, а также два портрета масляными красками: «самого» и «самой», снятые въ молодости. Самъ — въ сибиркѣ, съ медалью на шеѣ и со счетами въ рукахъ, и сама въ ковровомъ платкѣ, въ косынкѣ на головѣ, повязанной по купечески и въ длинныхъ бриллiантовыхъ серьгахъ. Въ рукахъ у самой носовой платокъ, свернутый въ трубочку. На скамейкахъ сидятъ разныя «салопницы», оборванцы съ одутлыми лицами, отставной военный въ засаленномъ мундирѣ съ краснымъ воротникомъ и съ фуражкой съ кокардой въ рукахъ.

Женщины все больше старухи, но есть одна и среднихъ лѣтъ съ бѣдно-одѣтыми мальчикомъ и дѣвочкой, которымъ она нашептываетъ разныя наставленія. Изъ мужчинъ есть убогіе: съ подвязаннымъ глазомъ, съ рукой въ тряпицѣ и на перевязи. Одинъ даже на костылѣ. Все это просители, ожидающіе выхода благодѣтеля. Нѣкоторые держатъ въ рукахъ свидѣтельство о бѣдности. Тихо. Въ комнатѣ идетъ шепотъ. Соскучившіеся сидятъ, встаютъ и любуются на громадную икону Николая Чудотворца, стараго письма, въ массивномъ серебрянномъ окладѣ, висящую въ углу, или разсматриваютъ портреты. По пріемной шмыгаютъ артельщики въ длиннополыхъ сюртукахъ и проникаютъ въ дверь съ надписью «контора», откуда раздается звяканье на счетахъ. Изъ передней выглядываетъ «унтеръ», съ нашивками на рукавѣ, приставленный къ вѣшалкѣ. Утро.

— Скоро сами-то выйдутъ? спрашиваетъ артельщика старушка въ полинявшемъ салопѣ.

— Имѣйте терпѣніе... Когда-нибудь да выйдутъ. Вѣдь вы не деньги принесли, а за карманной выгрузкой пришли, ну, значитъ, и подождите, отрѣзываетъ артельщикъ. — А тебѣ чего? Опять прилезъ? обращается онъ къ блѣдному и изнуренному парню въ армякѣ

Digitized by Google

и на костылѣ—.Вѣдь тебѣ было отпущено пять цѣлковыхъ, ну, и нечего шляться. Иди, по добру по здорову.

— По добру, по здорову! стонетъ тотъ.—Вѣдь я на вашихъ-же работахъ ногу повредилъ. Самъ знаешь, работать не могу, въ больницу опять не берутъ. Чѣмъ тутъ жить? Пять-то рублей онъ мнѣ еще въ прошломъ мѣсяцѣ далъ. Какой я теперь слесарь въ своемъ калѣчествѣ.

— За калѣчество тебѣ и дано. Не вѣкъ-же тебя содержать. Иди съ Богомъ, не проѣдайся!

— Позволь подождать, землякъ. Можетъ онъ хоть двугривенничекъ... Ей-ей на хлѣбъ. Самъ видишь, какой я... упрашиваетъ парень на костылѣ.

— Эхъ народъ тоже! Думаешь, что у него только и дѣловъ, что ты! У насъ, можетъ, цѣлыя сотни народа на нашихъ работахъ поврежденіе себѣ получили, такъ неушто ему всѣхъ и одѣлять? Ну, сиди!

Артельщикъ машетъ рукой и хочетъ юркнуть въ контору, но ему заграждаетъ путь отставной военный.

— Скоро ихъ превосходительство, Кузьма Іонычъ, выйдутъ? спрашиваетъ онъ.

— Подождать надо. Сейчасъ только въ столовую въ халатѣ вышли и чаемъ заправляются.

— Въ одиннадцатомъ-то часу? Экъ его! оттого и жиренъ.

— Пустите, что-жъ вы мнѣ дорогу загородили? Стоите, словно застава какая! отстраняетъ его артельщикъ.

Военный грозитъ ему пальцемъ.

— Осторожнѣе, любезный! Я съ вашимъ братомъ не люблю фамильярности!

— Намъ ее и не нужно. Ваше при васъ и останется, а только пустите, у насъ тоже дѣла, мы лодырнечествомъ не занимаемся, горячится уже артельщикъ и проскользаетъ въ дверь конторы.

— Скотина! сквозь зубы произноситъ ему въ слѣдъ военный.

Въ комнатѣ слышенъ громкій вздохъ. Какая-то женщина съ подвязанной щекой умильно смотритъ на висящій на стѣнѣ портретъ купца и въ полъ-голоса говоритъ своей сосѣдкѣ:

— Этотъ портретъ съ «нихъ» очень давно снятъ, когда еще «они» въ люди вышедши не были, а простымъ десятникомъ состояли. То есть, Господи, какъ это человѣкъ!.. Было время лаптемъ щи хлебалъ, жена сама ему лапшу на солонинѣ стряпала, а теперь иначе, какъ на серебряной тарелкѣ, и не ѣстъ. Дача у него, матушка, такъ уму помраченье, словно рай земной, и какъ онъ только передъ обѣдомъ водку пить начнетъ—сейчасъ въ пушку палятъ. Органъ у

Digitized by Google

него въ гостиной и такой романецъ играетъ, что славься, славься, Кузьма Іонычъ! Нарочно сочинители и сочинили. Страсть богатъ! Три милліона, сказываютъ.

— Экъ сморозила! Десять! поправляетъ ее одутлая физіономія съ зачесомъ на головѣ, въ черномъ сюртукѣ безъ признаковъ бѣлья и съ засаленной голубой ленточкой въ петлицѣ. Станетъ онъ тремя милліонами мараться.

— Далеко за пятнадцать будетъ, вмѣшивается въ разговоръ военный. У него, у шельмы, одни заводы три милліона стоятъ. И чего только на нихъ не дѣлаютъ: и керосинъ, и человѣчью шерсть перебиваютъ, собольи мѣха ткутъ, шкуры дѣлаютъ, а обрѣзки въ бумагу превращаютъ.

— Да, поди-жъ ты! прибавляетъ женщина съ подвязанной скулой. Генералъ вотъ и при эдакомъ богатствѣ, а супруга, не взирая на свое богатство, по старой памяти, по фунту подсолнуховъ и кедровыхъ орѣховъ въ день грызетъ.

— Что-жъ, не полуимперіалы-же ей грызть?

— Зачѣмъ полуимперіалы, а только можно-бы было конфектами забавляться, а то такъ шеколадъ... Да ежели она и четыре ананаса въ день...

— Богатые-то люди хуже. Ѣстъ, ѣстъ стерлядь живую, вдругъ трески захочется. Кто въ какомъ званіи рожденъ. Вонъ этотъ жидъ у Казанскаго моста, тоже милліонеръ, по цѣлковому простому просителю даетъ, чиновному—зеленую, а вдругъ, ни съ того, ни съ сего, вмѣсто фрикасе, чеснокъ жевать начнетъ.

Изъ конторы выходитъ другой артельщикъ.

— Скоро «самъ»-то? пристаютъ къ нему.

— Потерпите маленько. Даве я былъ на верху, такъ камердинъ сказывалъ, что сапоги натянули, снисходительно отвѣчалъ артельщикъ и идетъ въ прихожую.

— Вотъ тоже насчетъ сапоговъ, замѣчаетъ чиновникъ.—При сынишкѣ у него французъ гувернеръ, дѣвочку англичанка на трехъ языкахъ воспитываетъ, а самъ нѣтъ, нѣтъ, да изъ нѣмецкаго-то платья да въ сибирку съ дутыми сапогами и одѣнется.

— Онъ и пѣсенникомъ одѣвался, чтобъ Молчанову подражать, замѣчаетъ мужчина въ пальто и съ невозможно красными руками. Что это, матушка, какъ отъ васъ перегаромъ несетъ, перемѣняетъ онъ разговоръ, обращаясь къ женщинѣ съ громаднымъ ридикюлемъ въ рукахъ. Вы бы заѣли чѣмъ-нибудь.

— Да я только за пять копѣекъ, конфузливо отвѣчаетъ та.

— Все-таки нехорошо. Понюхаетъ, услышитъ запахъ и выго-

Digitized by Google

нитъ. Вотъ вамъ жаренныя кофеинки, заѣшьте скорѣй. Ужо за нихъ поподчуете. Я этотъ матерьялъ завсегда при себѣ ношу.

Женщина съ редикюлемъ начинаетъ жевать. Къ ней подходитъ старуха съ обвязанной тряпкой головой.

— Платокъ у васъ носовой есть? спрашиваетъ она.

— Есть.

— Ну, такъ подвяжите скорѣй щеку. Во первыхъ, полъ-рта можно закрыть, а во-вторыхъ подвязаннымъ онъ иногда и по два цѣлковыхъ даетъ. Да внятно не разговаривайте.

— Благодарю васъ, отвѣчаетъ женщина, подвязываясь.—Вы, должно быть, часто ходите, скажите: любитъ онъ слезныя прошенія? спрашиваетъ она совѣтчицу. У меня такое письмо есть, гдѣ сказано: «будучи обремененная на краю гроба семью младенцами и разбитымъ параличемъ мужемъ, лежащемъ на одрѣ смерти»... Отлично расписано.

— Не надо, не надо! Разсердится, не любитъ писемъ читать, потому безъ очковъ-то онъ не очень, а въ очкахъ еще того хуже. Ежели заплакать можете—заплачьте.

Появляется опять артельщикъ.

— Скоро? снова спрашиваютъ его.

— Сертукъ одѣли и повару обѣдъ заказываютъ, отвѣчаетъ тотъ.— Вы тоже не очень разсчитывайте. У насъ и такъ бываетъ: доложитъ ему комардинъ или старшій артельщикъ, а онъ сейчасъ: «гони всѣхъ въ шею»!

— Ужъ и въ шею! Посмотрѣлъ-бы я, кто мнѣ въ шею далъ! сверкаетъ глазами отставной военный.

— А знаете, это бываетъ иногда очень выгодно, замѣчаетъ пальто съ красными руками.—Пришелъ я къ жиду въ Троицкій переулокъ. Тоже по цѣлковому даетъ. Сказалъ нѣсколько поперечныхъ словъ швейцару, тотъ меня и мазни, да такъ, что до крови. Стой! думаю. Расковырялъ себѣ носъ, да въ эдакомъ окровавленномъ видѣ и предсталъ предъ «нимъ» у подъѣзда. Такъ, молъ, и такъ, вотъ какую непріятность вашъ челядинецъ мнѣ сдѣлалъ». Что-же вы думаете? Десять цѣлковыхъ далъ.

— Такъ-то, это такъ, а все-таки... протягиваетъ пальто.—Господа, сложимтесь по гривеннику и дадимте артельщику хоть цѣлковый, онъ объ насъ, какъ слѣдуетъ, доложитъ, предлагаетъ онъ компаніи. Мы это въ другихъ мѣстахъ дѣлывали.

— Ну, вотъ! Стоитъ хамовъ баловать! возражаетъ отставной военный. На десять-то копѣекъ я въ лучшую согрѣюсь.

— Позвольте, господа, останавливаетъ чиновникъ.—Я натуру ихъ купеческаго превосходительства отлично знаю. Прежде всего, намъ

Digitized by Google

слѣдуетъ вотъ этого рабочаго удалить, что на костылѣ. Я ужъ бывалъ тутъ и видѣлъ. «Самъ» смерть не любитъ, ежели къ нему рабочіе лѣзутъ, ежели которые на его работахъ поврежденіе себѣ получили. Сунется первый и всю обѣдню испортитъ, и намъ, вмѣсто рубля, полтина. Дадимте ему отступнаго.

За дверью въ конторѣ послышались шаги. Изъ конторы выскочилъ артельщикъ.

— «Самъ» идетъ! крикнулъ онъ, и распахнувъ двери, остановился у косяка.

Просители начали оправляться, кашляли, сморкались, женщина съ дѣтьми дала мальчишкѣ и дѣвченкѣ по подзатыльнику. Всѣ встали. Вскорѣ на порогѣ появилась жирная фигура «самого». На этотъ разъ онъ былъ въ длиннополомъ сюртукѣ, въ глянцевыхъ сапогахъ «бутылками, въ бѣломъ галстухѣ и съ орденами на шеѣ. На тучномъ чревѣ его колыхалась массивная цѣпь изъ золотыхъ желѣзнодорожныхъ жетоновъ. Выйдя на середину комнаты, онъ уперъ руки въ бока.

— А! нищая братія все! За подаяніемъ пришли?.. А мы, подижьты, какая неудача! сами семерыхъ сбирать послали.

Сказалъ и улыбнулся во всю ширину лица.

— Ну, подходите по очереди! добавилъ онъ.—Можетъ наскребемъ по карманамъ десятокъ рублей. Что съ вами дѣлать!

Просители ринулись къ нему.

V. Скромная свадьба.

Конторщикъ одного изъ частныхъ банковъ, а, по паспорту, купеческій братъ Петръ Романычъ Перехватовъ задумалъ жениться на скромной бѣдной дѣвушкѣ и объявилъ о своемъ рѣшеніи женатому брату, купцу, торгующему и маклерующему чѣмъ-то на биржѣ. Образовалось нѣчто въ родѣ семейнаго совѣта, на которомъ присутствовали жена брата и теща, купеческая вдова, проживавшая съ нимъ вмѣстѣ.

— Чтожъ, я препятствовать не могу, твоя воля, говорилъ братъ,— а только обдумалъ-ли ты хорошенько свой шагъ? Шагъ важный. Вѣдь тутъ ужъ на весь вѣкъ. За тебя-бы и Тропалкины съ удовольствіемъ дочь выдали, а тамъ десять тысячъ, здѣсь-же ни кругомъ, ни около.

— Конечно, ужъ обдумалъ, коли и приданое успѣлъ ей сдѣлать, отвѣчалъ Петръ Романычъ.—Все отъ нитки до нитки сдѣлалъ. Салопъ мѣховой, мебель купилъ.

— Ну, это-то, положимъ, ничего не значитъ, сказала жена брата.— Иногда и отъ затраченыхъ денегъ выгоднѣе отказаться. Кто она такая?

Digitized by Google

— Портниха, дѣвушка-работница; она сама себѣ хлѣбъ достаетъ.

— Портниха! протянула теща брата.—Нынче портнихи-то ужъ какія. Такъ заберетъ въ руки, что потомъ и не вырвешься. Кругомъ оплететъ. Какъ хотите, а вы, все-таки, купеческаго званія... Подумайте хорошенько.

— Да что тутъ думать, коли ужъ я рѣшилъ! Я объявляю только свое рѣшеніе. Тебя братецъ, съ Анной Степановной, я попрошу благословить меня съ невѣстой, да позволь въ твоемъ домѣ свадьбу съиграть. Можно-бы и у меня на квартирѣ, да ужъ очень тѣсно, квартиру я взялъ маленькую. Свадьба будетъ тихая, скромная. И такъ ужъ много потратился.

— Изволь, изволь, отвѣчалъ братъ.—Только ужъ, все-таки, надо приличнѣе сдѣлать. Какъ хочешь, а только и тебя, и меня знаютъ, родственники у насъ купцы... Неловко какъ осуждать начнутъ. Да и что тутъ? Вѣдь люди одинъ разъ женятся.

— Такъ-то, такъ, только мнѣ не хотѣлось-бы входить въ долги. Вѣдь и послѣ свадьбы надо чѣмъ-нибудь жить.

— Проживете какъ-нибудь, а только безъ парада нельзя, снова вмѣшалась въ разговоръ теща. Нынче и солдатъ женится, и тотъ дѣлаетъ все, какъ слѣдуетъ, а мы, все-таки купцы. Не сдѣлай-ко угощенія, такъ, такъ-то родственники процыганятъ, что ой-ой-ой!

— Ну, Богъ тебя благословитъ! Въ часъ добрый. Тебѣ съ ней жить, а не намъ! закончили всѣ хоромъ, встали и перекрестились.

Невѣста была представлена родственникамъ, и женихъ началъ приготовляться къ свадьбѣ. Дѣлались необходимыя закупки.

— Главное дѣло, Машенька, поскромнѣе все дѣлай, говорилъ женихъ,—я не капиталистъ, а ты сама знаешь, надо и послѣ свадьбы чѣмъ-нибудь жить.

— Ахъ, Петя! Да, по мнѣ, хоть и ничего не надо. Я въ простомъ платьи обвѣнчаюсь, отвѣчала она.

— Нѣтъ, зачѣмъ-же? Все будетъ прилично, но только скромно. Нужно экономить.

Пошли покупать на подвѣнечное платье. Вмѣсто по-де-суа, рѣшили купить бѣлаго канаусу.

Купецъ въ лавкѣ оказался знакомымъ.

— Помилуйте, кто изъ канаусу дѣлаетъ? разсуждалъ онъ.—Виду никакого не будетъ. Да и великъ-ли разсчетъ? Всего шесть гривенъ на аршинъ; одинъ разъ женитесь; вѣдь васъ тоже знаютъ. Ну, что хорошаго, какъ осуждать начнутъ? Берите по-де-суа. Вотъ, этотъ еще по старой пошлинѣ у насъ полученъ. Нынче, эдакая матерія, по золотой пошлинѣ, приступу нѣтъ.

Разница вышла по рублю на аршинъ.

Digitized by Google

— Однако, вы съ насъ дорого взяли, заключилъ женихъ, разсчитываясь съ купцомъ.

— Помилуйте, съ кого-же и нажить, какъ не съ невѣсты? безвастѣнчиво отвѣтилъ купецъ.—Ужъ это такой случай: люди единажды бракосочетаются. Конечно, есть дозволеніе до трехъ разъ, только, избави Богъ, и мы завсегда должны желать долговѣчія. Въ часъ добрый! Съ нашей руки... желаю всего хорошаго, добавилъ онъ, кладя деньги въ выручку.

Зашли въ башмачную лавку.

— Бѣлые атласные полусапожки вотъ ей... Подъ вѣнецъ... Только простые... безъ вычуровъ.

— Пожалуйте-съ, первый сортъ! проговорилъ прикащикъ, ударяя сапогами подошвой о подошву и, изъ учтивости, какъ-то проглатывая слова.

— Почемъ!

— Съ людей девять рублей беремъ, ну, а съ васъ—хорошо, извольте, восемь съ полтиной.

— За что такъ дорого? Тоненькая подошва, простой атласъ.

— За подвѣнечные сапоги и по пятидесяти рублей платятъ. Вонъ фруктовщикъ Позвонковъ дочь выдавалъ...

— Фруктовщикъ, а я не фруктовщикъ.

— Да вѣдь и вы одинъ разъ женитесь, сударь; вѣдь свадьбы не каждый день играютъ. Возьмите бѣлые, прюнелевые. Тѣ за шесть рублей отдать можно.

— Отчего-же черные прюнелевые дешевле? Вѣдь, что черная, что бѣлая прюнель—одной цѣны.

— То простые, а это подвѣнечные. Съ кого-же и нажить, какъ не съ невѣсты? На свадебныя вещи неслѣдъ и торговаться. Примѣта есть: безъ торга счастливѣе. Возьмите атласные, я уже безъ торга, по своей доброй волѣ, полтину серебра вамъ уступлю.

За сапоги взяли въ три дорога.

Отправились покупать подвѣнечные цвѣты и вуаль. Опять ломятъ страшныя цѣны.

— Помилуйте, за что-же? Вѣдь это самые обыкновенные цвѣты, самый обыкновенный тюль.

— Это точно-съ, это дѣйствительно, только товаръ ужъ такой, отвѣчаетъ прикащикъ.—Тутъ экстренный случай. Невѣста—все невѣста. Много-ли этихъ цвѣтовъ-то въ мѣсяцъ продашь? На подвѣнечный товаръ хорошаго барыша не взять, такъ ужъ на что-же и взять? Люди не каждый день вѣнчаются, такъ и переплатить нечувствительно.

Купили цвѣты и зашли къ парикмахеру.

— Ее вотъ причесать надо въ воскресенье, говорилъ женихъ па-

Digitized by Google

рикмахеру; къ четыремъ часамъ вамъ къ ней на квартиру придт придется. Вотъ и адресъ. Что вы возьмете?

— Два рубля, отвѣчалъ парикмахеръ.

— Ну, хорошо, я согласенъ, только ужъ, пожалуйста, не опоз дайте, а ровно къ четыремъ часамъ, потому—въ шесть часовъ он вѣнчаться будетъ.

Парикмахера какъ-то передернуло.

— Невѣста онѣ-съ? спросилъ онъ.—Невѣстъ мы меньше какъ з десять рублей не чешемъ. Я полагалъ—онѣ такъ куда-нибудь, н вечеръ, а ежели съ невѣсты, то десять рублей...

— Помилуйте, за что же? Прическа все одна и та-же, значитъ, и времени на работу не больше пойдетъ. Ежели вуаль и цвѣты, то вы и на простой балъ кружева и цвѣты дамамъ прикалываете...

— Все-таки, тамъ дамѣ, а здѣсь невѣстѣ.

— Да вы вообразите, что она не невѣста, а такъ дама.

— Какъ-же я могу вообразить это, коли онѣ невѣста. Да меня подмастерья осмѣютъ.

— Три рубля я дамъ.

— Нѣтъ-съ, меньше ни копѣйки не возьму. Намъ, по нашему заведенію, не стоитъ и мараться, ежели съ невѣсты десяти рублей не брать. Мы у купца Панкратова дочь, невѣсту, убирали, такъ...

— Да поймите вы, что я не купецъ. Купцы могутъ бросать деньги, а я не могу...

Парикмахеръ задумался и отвелъ жениха въ сторону.

— Семь рублей я съ васъ возьму и меньше ни копѣйки, шепнулъ онъ.—У меня заведеніе хорошее, мнѣ не стоитъ его славу портить. Невѣстъ я всегда самъ, на дому, чешу. Вотъ ежели-бы къ намъ въ залъ пожаловали, тогда дѣло другое.

Женихъ согласился. Уходя изъ парикмахерской, онъ сказалъ:

— Жалѣю, что объявилъ вамъ, что она невѣста. Черезъ это только лишнее переплачиваю.

— Вовсе не лишнее. Вѣдь я, все равно, пришелъ-бы къ вамъ увидалъ, что она невѣста, и меньше семи рублей, все-таки, не взялъ бы. Неужели вы думаете, что я сталъ-бы невѣсту за два рубля ч сать? У насъ, въ нашемъ залѣ, молодцы кухарокъ чешутъ, и то цѣлковый. Желаю вамъ быть здоровымъ! дай Богъ счастливо! з кончилъ парикмахеръ, раскланиваясь и отворяя двери.

Дня черезъ два, то-же было и съ каретами. Пришли на изв щичій дворъ.

— Кареты бы мнѣ... Одну четырехъ-мѣстную, другую двухъ-м стную. Главное, чтобы обивка внутри была почище, да лошади л лучше, разсказывалъ женихъ.

Digitized by Google

— Дадимъ-съ, будьте покойны, все будетъ въ порядкѣ. Куда прислать прикажете и какъ ѣзды? спросилъ прикащикъ на извощичьемъ дворѣ, учтиво снялъ шапку и спряталъ ее за спину.

Женихъ хотѣлъ скрыть, на какой предметъ нужны кареты, но послѣ вопроса прикащика, видя невозможность это сдѣлать, взглянулъ на невѣсту и улыбнулся. Пришлось объявить.

— Адресъ я дамъ. Четырехъ-мѣстную карету нужно для невѣсты. Сначала нужно пріѣхать ко мнѣ потомъ съ шаферомъ и съ одной дамой ѣхать за невѣстой, оттуда—въ церковь, потомъ...

— Знаю, знаю-съ. Не извольте безпокоиться. Одно слово—свадебнымъ порядкомъ, все какъ подобаетъ. Вторую карету для жениха потребуется.

— Да, для жениха. Только, чтобы лошади были не одры, кафтаны на кучерахъ чтобы не были прорваны...

— Будьте покойны, лошадей заводскихъ поставимъ. Въ гривы по розовому банту.

— Мнѣ не надо ни заводскихъ лошадей, ни бантовъ, а только, чтобъ все было прилично.

— Въ-четверку за невѣстой-то желаете, съ фолейторомъ?

— Зачѣмъ въ-четверку? Въ пару. Кто нынче въ-четверку ѣздитъ?

— Господа купцы завсегда въ-четверку ѣздятъ, ежели вѣнчаются. Вонъ, за рыбачихой Колдыбоевой, на прошлой недѣлѣ, мы посылали. У Троицы вѣнчались...

— У меня невѣста не рыбачиха и мнѣ въ пару надо.

— Хорошо, извольте, въ пару пришлемъ. Карета о восьми стеклахъ.

— Это мнѣ все равно, а только, чтобы нутро не было грязное, потому въ бѣломъ подвѣнечномъ платьи... Ну, сколько вы возьмете за двѣ кареты?

Прикащикъ чесалъ затылокъ и соображалъ. Онъ два раза смѣрилъ жениха взоромъ съ ногъ до головы, посмотрѣлъ и на невѣсту.

— Да вы, вѣрно, чиновникъ, будете? спросилъ онъ, послѣ нѣкотораго раздумья.

— Не купецъ, не купецъ. Не грабьте, а говорите настоящую цѣну. Я человѣкъ небогатый.

Прикащикъ выговорилъ не вдругъ:

— Да что съ васъ взять? протянулъ онъ... Ежели обыкновенныя кареты и только чтобы чистыя... Опять-же, чтобъ лошади въ порядкѣ... Тридцать рубликовъ положьте.

— Что ты, что ты?! Да какъ-же у васъ мой-же братъ за пять рублей карету нанялъ? воскликнулъ женихъ.

— Братецъ вашъ не вѣнчается, а тутъ дѣло свадебное. Сами знаете, нужно за невѣстой ѣхать. Я ужъ и такъ безъ запросу;

Digitized by Google

тридцать рублей и такъ не дорого. Сѣрыхъ лошадей поставимъ, трезвыхъ кучеровъ посадимъ.

— Рубликовъ пятнадцать я дамъ.

Прикащикъ махнулъ рукой.

— Пущай лучше на дворѣ стоятъ! сказалъ онъ.—Кухарка съ солдатомъ вѣнчается, и та пять рублей за карету платитъ, а вы, все-таки, господинъ. Съ купца я и этого-бы не взялъ. Вѣдь это не на похороны, а на свадьбу. Вотъ, ежели-бы вы въ великомъ посту вѣнчались...

— Кто-же въ великомъ посту вѣнчается? Развѣ нѣмцы...

— То-то я и говорю. Ну, вотъ, что круглымъ счетомъ, за четвертную, хорошо, извольте.

— Двѣ красненькія.

— Безъ четвертной на свадебное дѣло и со двора не тронемся! Не стоитъ и срамиться! Вы то учтите—двѣ кареты. На другой дворъ пойдете, дороже заплатите. Такъ ужъ только, что вы меня въ заблужденіе ввели.

Пришлось нанять. Дали адресъ.

— Съ нареченной честь имѣю поздравить, говорилъ прикащикъ, кланяясь.—На старосту что-нибудь положьте.

Женихъ далъ пятиалтынный. Прикащикъ взвѣсилъ его на рукѣ.

— Свадебное дѣло, а вы... Тутъ только чайку напиться, сказалъ онъ.—Господа купцы бумажками даютъ. Вонъ, подрядчикъ Востроносовъ женился, такъ тотъ мнѣ зелененькую...

— То подрядчикъ, а я не подрядчикъ... Тотъ, можетъ, наворовалъ деньги-то, отрѣзалъ женихъ.

— Намъ, сударь, это все равно: не мы воровали, а онъ, а только, все ужъ, хоть шесть гривенъ положьте, черезъ это я вамъ карету получше и почище выберу.

Женихъ вздохнулъ и далъ три двугривенныхъ.

— Вотъ хотѣлъ поприличнѣе и, въ то-же время, поэкономнѣе сдѣлать, сказалъ онъ невѣстѣ, уходя съ извощичьяго двора.—Какая тутъ, къ черту, экономія, коли каждый скотъ, только узнаетъ, что у тебя свадьба, сейчасъ тебя ободрать хочетъ!

— И не говори! прибавила невѣста.—Вотъ хорошо, что я портниха и сама себѣ подвѣнечное платье шить буду, а знаешь, ежели-бы на-сторону отдать шить, почемъ-бы съ меня взяли? За шитье подвѣнечнаго платья съ невѣсты берутъ двадцать пять рублей, двадцать и, самое меньшее, пятнадцать, тогда какъ за обыкновенное шелковое платье, съ болѣе затѣйливой отдѣлкой, шесть рублей возьмутъ.

— Эхъ, а еще какъ впереди-то обдирать будутъ! съ новымъ вздохомъ произнесъ женихъ.—Дворники, за отвореніе воротъ, сторожа

Digitized by Google

въ церкви, разные причетники. Двѣ обыкновенные свѣчи, по четверти фунта вѣсомъ, шесть гривенъ стоятъ, а меня вчера дернуло сказать въ свѣчной лавкѣ, что мнѣ вѣнчальныя свѣчи нужно. Мнѣ дали такія-же, только съ двумя бантиками, гдѣ на пятіалтынный лентъ пошло, да въ коробочкѣ, и взяли за нихъ три съ полтиной.

Жениха и невѣсту обогналъ прикащикъ съ извощичьяго двора.

— Сударь, сударь! Позвольте на пару словъ! кричалъ онъ. Тѣ остановились.

— Запамятовалъ я вамъ одно дѣло сказать. Уговоръ лучше денегъ... У насъ ужъ положеніе такое: теперича, какъ къ вѣнцу ѣхать, такъ чтобы извощикамъ по платку отъ невѣсты; чай чаемъ, а платки платками. Купецъ Слоновъ женился, въ воскресенье прошлое, такъ даже по шелковому, фуляровому...

Вмѣсто отвѣта, женихъ плюнулъ.

— Ладно, ладно, дамъ я имъ по бумажному платку, успокоила прикащика невѣста.

VI. У Церкви.

Грязь; слякоть, съ неба моросить дождь, туманъ стоитъ въ воздухѣ. Начались сумерки, зажгли фонари. На паперти приходской церкви стоитъ народъ, мокнетъ подъ дождемъ и ждетъ пріѣзда свадебнаго поѣзда. Кто идетъ мимо, останавливается, задаетъ вопросы.

— Свадьбу здѣсь ждутъ, что-ли?

— Конечно, свадьбу, а не похороны. Похороны въ русскихъ церквахъ по вечерамъ не бываютъ, раздается грубый, отрывистый отвѣтъ.

— Купецъ женится, прибавляетъ кто-то болѣе снисходительнымъ тономъ.

— На комъ?

— На своей душенькѣ. Говорятъ, подсыпала чего-то, ну, купецъ и одурѣлъ. Рыбачиху съ двадцатью тысячами и бриллiантовой ниткой сватали,—отказался. «Намъ, говоритъ, ейнаго не надо».

— Можетъ, своего довольно?

— Какое! Прогаръ. Не сегодня,—завтра въ трубу вылетитъ. Купецъ и на душенькѣ!..

— Чего-жъ родители-то смотрятъ?

— Онъ безъ родителевъ, только тетка... Ну, женщина расхлябаная, что она можетъ? Пробовала его окуривать—ничего не помогаетъ. «Коли, говоритъ, она въ душеньки ко мнѣ рѣшилась идти, пусть женой будетъ, не бросать-же ее».

Digitized by Google

— Это купецъ-то?

— Да, купецъ.

— Скажи на милость, какіе нонѣ купцы пронзительные бываютъ. Отъ двадцати тысячъ и вдругъ отказаться! Да давали-ли? Можетъ только сулили?

— На бочку выкладывали. Плюнулъ и вотъ теперь голую беретъ. Все приданое самъ ей сдѣлалъ.

— Можетъ, по своей прозрачности душенька-то очень приглянулась? Изъ себя хороша?

— Ни кожи, ни рожи! Даже тѣла настоящаго нѣтъ. Такъ себѣ, субтильная.

— Да вѣдь ты не видалъ ея, замѣчаетъ кто-то со стороны.

— Я-то не видалъ ея, а только кухарка ихняя прежняя сказывала. Два года у купца жила. Вонъ она съ кувшиномъ квасу стоитъ. Поди, послушай. Она тебѣ всю подноготную процѣдитъ.

— Можетъ, качества какія за купцомъ есть, такъ ужъ изъянъ къ изъяну и идетъ?

— Вовсе безъ качествъ, совсѣмъ трезвый человѣкъ. Пьетъ по малости, но вѣдь по малости и курица пьетъ.

— Можетъ на зло кому нибудь на душенькѣ женится?

— Говорили, что брату на зло, да пустое! Просто опоили. Нешто мало опаиваютъ? У насъ въ Ямской одного мастероваго опоили, такъ тотъ ни съ того, ни съ сего въ черкесы поступить хотѣлъ.

— Женихъ-то въ церкви ужъ?

— Въ церкви. Невѣсту ждутъ. Вотъ шкура! Въ душенькахъ жила, а туда-же барышню изъ себя разъигрываетъ, ломается, заставляетъ народъ подъ дождемъ мокнуть. Ужъ ѣхала-бы скорѣй, такъ нѣтъ, тоже нѣжности при нашей бѣдности.

— Повивальная бабка она?

— Нѣтъ, мастеричка, шляпница. Ходила къ купцу ленты въ лавку покупать, ну, и снюхались. А ты почемъ думаешь, что повивальная бабка?

— Такъ ужъ потому купцы завсегда около повивальныхъ бабокъ. Да и бабки-то наровятъ все больше къ купцамъ въ душеньки попасть. Зналъ я одного. Пятерыхъ дѣтей отъ бабки-то имѣлъ, а потомъ на лабазницѣ изъ Никольскаго рынка женился. Эхъ, дождь-то! Господи! такъ и подливаетъ! Даже за шиворотъ попало.

— Ничего, подождемъ, авось не размокнемъ! Я вонъ фракъ одному давальцу несу. Утюжить къ балу отдавалъ. На балъ сегодня ѣдетъ. Ждетъ, поди, теперь. Пущай подождетъ! Безъ фрака на балъ не уѣдетъ.

Digitized by Google

— И что это народъ теперича съ одного вѣнчается! раздается гдѣ-то восклицаніе.—У насъ война, а народъ свадьбы играть!

— Въ войну-то и играть: въ сраженіяхъ убыль, въ рожденіяхъ пополненіе. Ты знаешь-ли какая перепона есть? Въ войну завсегда мальчиковъ больше, нежели дѣвочекъ, родится.

— Это вѣрно, это я знаю, поддакиваетъ собесѣдникъ. А отчего? Оттого что въ войну всѣ женщины только объ мужской націи думаютъ, а женское сословіе въ пренебреженіи. У насъ въ Ямской одна купчиха все на арапскую вывѣску смотрѣла, что на табачной лавочкѣ висѣла, и, само собой, все объ арапахъ думала, что-жъ ты думаешь?..

— Арапа родила? перебиваютъ разскащика.

— Нѣтъ, не то, чтобы арапа, а какой-то полубѣлый ребенокъ родился, какъ-бы цыганской породы. Съ мѣста не сойти, не вру! Вотъ тоже беременнымъ женщинамъ на корявое полѣно не хорошо смотрѣть. Отъ этого корявыя дѣти родятся.

— Ѣдетъ! ѣдетъ! раздается въ толпѣ, и народъ напираетъ другъ на друга.

Къ церкви подъѣзжаетъ карета. Съ козелъ соскакиваетъ лакей въ гороховой ливреѣ и бросается къ дверямъ. Зрители продолжаютъ судачить.

— Смотри на милость! Въ душенькахъ жила, а туда-же съ лакеемъ! Ахъ, ты, тварь! Думаетъ, что за купца идетъ, такъ ужъ и невѣсть что! Можетъ, и купецъ-то не настоящій.

— Настоящій-то-онъ—настоящій, а только не обстоятельный, поясняетъ кто-то.—Запоемъ пьетъ по три раза въ годъ. Въ семи домахъ сватался—вездѣ отказъ, ну, за неволю на своей собственной душенькѣ и женится.

Лакей вынимаетъ изъ кареты мальчика съ образомъ. Выходитъ «поѣзжаная» дама, вся въ бриллiантахъ.

— Туда-же, для всякой дряни бриллiанты нацѣпила! охота! цыганятъ въ толпѣ.

— Да это не настоящіе бриллiанты, просто стекла. Ну, ужъ дама! Ткни пальцемъ въ лицо—винище съ пивищемъ польется, инда обухла вся.

Выходитъ и невѣста, молоденькая, хорошенькая дѣвушка.

— Смотри, смотри, туда-же глазки въ землю опускаетъ, невинность изъ себя корчитъ, язвятъ женщины.—Знаемъ, матушка, кто ты такая, знаемъ!

— Осадите господа! Дайте пройти невѣстѣ! восклицаетъ лакей.

— Не велика фря! пройдетъ и такъ. Купеческая душенька и больше ничего! громко говорятъ зрители.

Digitized by Google

Невѣста входитъ въ церковь. Публика начинаетъ расходиться.

— Какъ-же ты говорилъ, что ни кожи, ни рожи? замѣчаетъ портному съ фракомъ его собесѣдникъ.—Дѣвушка совсѣмъ во вкусѣ, одно слово—малина, и даже въ тѣлахъ.

— Такъ что-жъ что въ тѣлахъ? Въ беззаконіи-то жиръ легче нагуливается, отвѣчаетъ портной.

— Къ тому же свѣженькая.

— Свѣжесть то эта—взялъ на копѣйку мѣлу, вотъ тебѣ и вся недолга!

— Нѣтъ, совсѣмъ хорошенькая дѣвушка, а ты говорилъ рожа! Нешто такія рожи бываютъ?

— А то какія-же! Можетъ, у нея вокругъ и около все поднавачено. Нынче и лица-то на пружинахъ бываютъ.

— Шалишь, братъ, бываютъ, да не такія! А ты вдругъ: «ни кожи, ни рожи»! Ахъ ты, углицкій клей!

Кто углицкій клей? Ты чего ругаешься? Мнѣ кухарка сказывала.

— Кухарка! Въ пропойныхъ глазахъ тебѣ привидѣлось.

— Что?

— Ничего, проѣхало!

— Нѣтъ, ты поговори еще. Я тѣ смажу!

— И поговорю. Смазать-то и сами умѣемъ.

Собесѣдники лѣзутъ другъ на друга. Появляется городовой.

VII. У гадалки.

У мелочной лавочки, на углу одного изъ грязнѣйшихъ переулковъ, обстроенныхъ деревянными домишками, остановились парныя сани, съ сидящей въ нихъ пожилой женщиной въ чернобуромъ салопѣ. Лакей, въ гербовой ливреѣ съ мѣховымъ воротникомъ, соскочилъ съ запятокъ и бросился отстегивать полость саней.

— Нѣтъ, нѣтъ, Андріанъ, не надо пока! сказала барыня,— Зайди прежде въ мелочную лавочку и спроси, гдѣ здѣсь живетъ ворожея. Слѣпая она, чухонка... Тутъ ее всѣ должны знать.

Лакей бросился въ мелочную лавочку.

— Гдѣ у васъ здѣсь ворожея живетъ? обратился онъ къ мелочному лавочнику.

— А у васъ собака пропала, что-ли? встрѣтилъ его, въ свою очередь, вопросомъ лавочникъ.

— Нѣтъ, у насъ все цѣло. А только сама генеральша пріѣхала и хочетъ насчетъ собственныхъ похожденіевъ гадать.

Digitized by Google

— Генеральша?!.. протянулъ лавочникъ и вышелъ изъ-застойки.— насъ тутъ двѣ ворожеи: казакъ одинъ за ворожею гадаетъ на жейной дроби и, окромя того, чухонка слѣпая—на картахъ... привилъ онъ.

— Ну, вотъ, ее-то намъ и надо! какъ пройти?

— А это по нашему двору будетъ. Какъ въ ворота войдешь, сейсъ смотри, гдѣ помойная яма. Понялъ? Ее ты не огибай, а рямъ увидишь дверь, обитую рогожей, и на ней сапогъ; въ эту дверь входите. Тутъ она у сапожника и живетъ. Только вамъ бы лучше ь казаку... Тотъ—съ молитвой... сказалъ лавочникъ.

— Приказано слѣпую чухонку розыскать... отвѣтилъ лакей и ышелъ на улицу.

Лавочникъ послѣдовалъ за нимъ.

— Здѣсь, ваше превосходительство! подскочилъ къ генеральшѣ акей.—Извольте выходить.

— Вамъ ежели сердце, сударыня, приворожить, то лучше къ казаку ступайте, прибавилъ лавочникъ.

— Андріанъ! Скажи ему, чтобъ онъ не совался не въ свое дѣло... здохнула генеральша.

Лакей махнулъ рукой лавочнику: «дескать, молчи»—и повелъ генеральшу на дворъ.

Дворъ былъ грязный; попадались какіе-то навѣсы съ стоящими юдъ ними телѣгами, амбары; на дверяхъ одного изъ амбаровъ мѣмъ было написано: «я картина, а ты скотина». Изъ-за угла выочила собака и бросилась на генеральшу. Лакей принялся отготь. Собака хуже, такъ и заливалась лаемъ. Вышла баба и отола собаку.

— Вы къ скубенту, что-ли? Тутъ у насъ скубентъ въ газетахъ печатался... спросила она.

— Нѣтъ, намъ ворожею, слѣпую чухонку, отвѣчалъ лакей.

— А... вотъ въ эту дверь. Только вамъ придется подождать, наъ есть... У васъ серебро вѣрно пропало?

Отвѣта не воспослѣдовало. Лакей отворилъ дверь, обитую рогожей, которой была вывѣска съ сапогомъ и надписью: «Сапож. ц. маст, фонъ Куз.» Барыня вошла въ кухню, гдѣ ее такъ и обдало запахомъ кожи, печенаго хлѣба и дыма. У окна сидѣлъ сапожникъ въ ваномъ халатѣ и набивалъ коблукъ у сапога.

— Ворожею бы мнѣ... сказала барыня.

— Занята теперь. Извольте присѣсть...

Сапожникъ указалъ на лавку. Барыня сѣла. Лакей сталъ у дверей. Кухнѣ, на полуобломанныхъ стульяхъ, сидѣли трое: купецъ въ новой шубѣ, молодая разряженная барынька въ опущенной собо-

Digitized by Google

лями шубкѣ, съ плутовскими глазками и съ бриллiантовыми кольцами на пальцахъ, да пожилая женщина въ сѣромъ байковомъ платкѣ на головѣ и въ кацавейкѣ. Купецъ вздыхалъ и отиралъ потное лицо фуляромъ.

— Однако, долгонько она барина-то исповѣдуетъ, сказалъ онъ и мигнулъ на дверь.—Вы здѣсь въ первый разъ, сударыня? обратился онъ къ генеральшѣ.

— Въ первый разъ, отвѣчала та, хмурясь.

— Изъ-за воровства или по части мужнинаго запоя?

— Андрiанъ! вскинула барыня глазами на лакея.

— Не извольте, господинъ купецъ, не въ свое дѣло лѣзть! дернулъ купца за шубу лакей.—Онѣ генеральша.

— Что-жъ, и у генеральшъ мужья запиваютъ. Будто и спросить нельзя?! огрызнулся купецъ.

— Сидите и свою думу думайте!

Купецъ умолкъ, сталъ смотрѣть по сторонамъ, изловилъ на стѣнѣ таракана, оторвалъ у него двѣ ноги и бросилъ его на полъ.

— Это невѣрная примѣта, чтобъ ноги тараканамъ рвать, все равно водиться будутъ... замѣтила ему женщина въ платкѣ.—Бурой ежели—не въ примѣръ лучше...

— Ахъ, какъ долго! Это даже ужасти какъ удивительно... прошептала молоденькая барынька въ соболяхъ, и вставъ со стула, подсѣла на лавку рядомъ съ генеральшей.—А страху подобно, какъ эта самая гадалка вѣрно гадаетъ, и, вѣдь, сама слѣпая... обратилась она послѣ нѣкотораго молчанiя, къ генеральшѣ.—Выберете вы, примѣрно карту, и ежели вы на коварнаго мущину гадаете, то безпремѣнно должны этой картѣ глаза выколоть, королю то есть, и какъ на блондечкѣ все объ этомъ предметѣ вамъ разскажетъ... И какъ она при своей слѣпотѣ карты видитъ—ужасти подобно!

— У нея глазъ одинъ цѣлъ, но только зракъ поврежденъ, и ежели покосясь, то она какъ-бы въ туманѣ обозрѣваетъ, вставилъ свое слово сапожникъ и опять забилъ молоткомъ.

— Нѣтъ, совсѣмъ слѣпая! возразила женщина въ платкѣ.—Я у купцовъ живу, такъ у насъ хозяйка гадала насчетъ сына: женить его, или въ монастырь на послушанiе... Ужъ такъ загуливалъ, не приведи Богъ!.. Ну-съ, какъ пояснила ей хозяйка про всѣ художества, гадалка-то и говоритъ, ворожея эта самая: «вы, говорит барыня, не обидьтесь, а мнѣ вамъ, для вѣрности въ картахъ, глаза плюнуть надо. Все одно, говоритъ, потомъ умыться может Ну, хозяйка и согласилась. Та плюнула—и не попала. Ужъ ежели бы зрячая была, то попала-бы, а то до трехъ разъ пробовала...

— Вы чьихъ будете? спросилъ женщину купецъ.

Digitized by Google

— Купцовъ Сподвигаевыхъ. Солью они торгуютъ. Окромя того воскъ.

— Не слыхалъ. Такъ что-же, сынъ-то совсѣмъ повихнулся?

— Совсѣмъ. Свезли въ монастырь, а онъ тамъ до полоумія уже на нутро принимать началъ и вдругъ въ актеры сбѣжалъ, чтобы представлять...

— Она у насъ эта самая гадалка, только гадаетъ, а ни приворотнаго зелья, ни исцѣленія не даетъ, пояснилъ сапожникъ.

— Какъ, и приворотъ не даетъ? спросила, вся вспыхнувъ, генеральша.

— Нѣтъ, не даетъ. У нея и зельевъ-то нѣтъ!

— Не вѣрьте ему, даетъ. Корешки такіе у нея есть; окромя того соль наговоренная... шепнула генеральшѣ разряженная барынька.— Не скупитесь только—все дастъ: и приворотъ, и любовную ладонку.

Генеральша смягчилась.

— А вы, вѣрно, ужъ не въ первый разъ? спросила она сосѣдку.

— Совсѣмъ напротивъ того, и даже очень часто... отвѣчала та, слегка потупившись.—У меня какъ измѣна, я сейчасъ къ ней...

— Какая измѣна?

— А насчетъ мущиновъ, съ ихъ стороны... По веснѣ я была съ купцомъ однимъ знакома и очень даже довольна отъ его была... Купецъ—при всемъ своемъ образованіи, и даже нѣсколько разъ насчетъ женитьбы разговоръ былъ—вдругъ, гляжу—съ арфянкой... Я сюда—за корешкомъ...

— То есть... это женихъ вашъ былъ? задала вопросъ генеральша.

— Не совсѣмъ, но какъ-бы... Они мнѣ квартиру нанимали и потомъ другія покровительства...

Генеральша нахмурилась, однако продолжала:

— И помогъ этотъ корешекъ?

— Помогъ, но вышла интрига. Познакомилась я въ маскарадѣ съ офицеромъ и пріѣхалъ онъ ко мнѣ...

Генеральша вся вспыхнула.

— Андріанъ! крикнула она лакею и поднялась съ мѣста.

Лакей засуетился, но не зналъ что дѣлать. Въ это время изъ другой комнаты отворилась дверь и вышелъ пожилой, гладко выбритый, мущина въ виц-мундирѣ и съ орденомъ на шеѣ. Генеральша тотчасъ-же шмыгнула въ комнату на его мѣсто и захлопнула за собой дверь.

Мущина надѣлъ шубу и ушелъ. Купецъ посмотрѣлъ ему въ слѣдъ.

— Ой-ой, въ какихъ чинахъ! кивнулъ онъ на него.

— Полугенералъ... пояснилъ про чиновника сапожникъ.—Третій разъ пріѣзжаетъ. Все насчетъ мѣста гадаетъ, мѣсто перемѣнить хо-

Digitized by Google

четъ. Служитъ по суду, а теперь хочетъ по таможнѣ перейти, ну, вотъ, и совѣтуется съ гадалкой—выгоднѣе-ли это ему будетъ.

— Такъ, такъ... пробормоталъ купецъ. А госпожа-то, вѣдь, не въ свой чередъ прошмыгнула, сказалъ онъ.—За это-бы за шиворотъ слѣдовало, ну, да Богъ съ ней! Видно, ужъ очень насчетъ любовныхъ дѣлъ приспичило!

— Гувернера для себя новаго выбираютъ. И есть теперь у нихъ на примѣтѣ, такъ пріѣхали узнать, каковъ онъ и нѣтъ-ли за нимъ художествъ насчетъ женскаго сословія... пояснилъ про генеральшу лакей.—Ну, а вы, господинъ купецъ, здѣсь по какимъ дѣламъ? спросилъ онъ...

— Прикащикъ насъ на лѣвую ногу обдѣлалъ, такъ вотъ пришли справку сдѣлать: въ деревнѣ у него эти самые хопунцы припрятаны, или гдѣ здѣсь по мамзелямъ розданы... отвѣчалъ купецъ, лукаво подмигнулъ глазомъ барынькѣ въ соболяхъ, сѣлъ съ ней рядомъ, улыбнулся и слегка потрепалъ ее по плечу.

VIII. Штурмъ.

(Дѣло было вскорѣ послѣ взятія Плевны).

У дверей квартиры, на мѣдной доскѣ значится: «Купецъ Иванъ Тихонычъ Смородиновъ», звонится осанистый чиновникъ, въ форменной фуражкѣ съ зеленымъ околышкомъ. Ему отворяетъ кухарка.

— Дома Иванъ Тихонычъ? спрашиваетъ онъ.

Кухарка заминается и осматриваетъ чиновника сь ногъ до головы.

— Да вы что такое изъ себя будете? задаетъ она, послѣ нѣкотораго молчанія, вопросъ.—Вы, то-есть, по своимъ дѣламъ къ нему или насчетъ взятія Плевны?

— Какая Плевна! Что мнѣ объ ней толковать съ нимъ?! Я, по своимъ дѣламъ... Дома онъ?

— Иванъ-то Тихонычъ?... То-есть какъ вамъ сказать... дома-то они дома, но такъ, что какъ будто-бы ихъ дома нѣтъ...

— Значитъ, спитъ?... Коли спитъ, то я его подожду: теперь двѣнадцатый часъ, скоро проснется.

— Нѣтъ, не спятъ-съ; у нихъ ужъ дня три какъ сна нѣтъ. Такъ, прикурнутся, какъ въ забытьи, и опять за старое..

— Стало-быть нездоровъ?

— Нѣтъ, здоровы, и такъ здоровы, что даже можно сказать—черезчуръ. Который день думаемъ все, что вотъ-вотъ свалитъ,—нѣтъ ничего не беретъ!

Digitized by Google

Чиновникъ недоумѣваетъ.

— Не понимаю, милая, что ты городишь, говоритъ онъ. — Я пришелъ къ нему потолковать насчетъ квартиры, я хочу нанять въ его домѣ квартиру. Ежели онъ здоровъ и не спитъ, то доложи, что коллежскій совѣтникъ...

— Ежели насчетъ квартиры, перебиваетъ кухарка, — то и докладывать не стоитъ: все равно, никакого разговора съ вами не будетъ. У нихъ теперь одна забота—Плевна. Съ самаго Варварина дня они ее берутъ...

— Ты, милая, или съ ума сошла, или допилась до бѣлой горячки! возвышаетъ голосъ чиновникъ.—Про какую Плевну то мнѣ городишь?

— Да извѣстно, какая Плевна у насъ бываетъ, отвѣчаетъ кухарка.—У насъ одна Плевна—четвертная бутыль. Онъ, вонъ, у Варвары Великомученицы на имянинахъ проигрался въ карты, обозлился, запилъ со злости, да вотъ до сихъ поръ все и беретъ эту самую Плевну, съ своими гостями. Такъ и живутъ теперь эти самые гости, шутка, двѣнадцатый день! Семь четвертей охолостили, окромя вина. Даже все лица-то у нихъ перекосило! Одинъ гость пріѣхалъ совсѣмъ тощій, а теперь такъ даже опухъ. Конечно, самый большой штурмъ у нихъ былъ въ Николинъ день и теперь они всѣ сильно уже ослабѣмши, потому, почитай, не ѣдятъ ничего, окромя килекъ,—а все-таки сунься-ка, поди, съ дѣлами-то, попробуй, такъ онъ тебѣ бока намнетъ, — не посмотритъ, что ты чиновникъ!

— Послушай, дрянь ты эдакая, ты мнѣ не груби! Не дерзничай! горячится чиновникъ.

— Я и не грублю, а только наша такая обязанность, чтобъ охранять человѣка. Ну, что за радость, ежели онъ вамъ синяки подставитъ или въ ребрахъ поврежденіе?... Судись, поди, съ нимъ! Что съ пьянаго возьмешь? Вотъ ежели бы вы сами насчетъ Плевны, за компанію, тогда—дѣло другое, а то, вѣдь, вы по дѣламъ...

Чиновникъ успокоивается.

— А-а, понимаю! протягиваетъ онъ. — Значитъ, онъ пьетъ запоемъ?

— Ну, да... Экой какой недогадливый! Конечно, запоемъ...

— Такъ ты-бы такъ и сказала, дурища полосатая! А то толкуетъ насчетъ какой-то Плевны! Вотъ клячь-то водовозныхъ себѣ въ прислугу берутъ! восклицаетъ чиновникъ и хочетъ уйти.

— Да ты чего ругаешься? въ свою очередь кричитъ кухарка.— А еще съ кокардой! Пришелъ въ чужой домъ, да на-кося!... Вотъ напустить на тебя за это хозяина, тогда и будешь знать!

Digitized by Google

— О, небольно-то страшенъ мнѣ твой хозяинъ!

— Мавра! Мавра! Каки-таки тамъ у тебя куплеты? Съ кѣмъ? раздается изъ внутреннихъ комнатъ пьяный голосъ. — Мавра, во грѣсѣхъ своихъ окаянная.

— Вотъ онъ услыхалъ!... Уходите скорѣй, а то и мнѣ, и вамъ шею накостыляетъ! бормочетъ кухарка.

Чиновникъ слегка вздрагиваетъ и хочетъ удалиться, но уже поздно. На порогѣ въ прихожую, покачиваясь, показывается опухшая и бородатая фигура «самого». Онъ въ старомъ халатѣ, съ гражданской саблей у бедра и въ пріютской трехъуголкѣ на головѣ.

Кухарка слегка посторонилась.

— Докричались! обратилась она къ чиновнику.—Вотъ онъ, берите его, самъ хозяинъ, купецъ Смородиновъ и есть!

Чиновникъ попятился, а купецъ подбоченился и крикнулъ:

— По какому виду? По какому праву? Гдѣ пропускъ?

— Позвольте, милостивый государь, я по дѣлу... забормоталъ чиновникъ.—Вы купецъ Смородиновъ?

— Онъ самый и есть! Вы парламентеръ? Коли парламентеръ, такъ залѣзай въ траншею!

Купецъ распахнулъ двери въ гостинную. Чиновникъ снялъ пальто и вошелъ въ нее.

Въ гостинной, на столѣ, стояла закуска и нѣсколько бутылокъ вина. Посреди закуски, на подносѣ, возвышалась четвертная бутыль съ водкой въ плетеной корзинѣ. Дорогая мебель была обрызгана виномъ и закидана объѣдками. На полу валялись пробки. Какой-то рыжій купецъ въ жилеткѣ, изъ-подъ которой виднѣлись розовые ситцевые рукава рубахи, лежалъ на диванѣ внизъ лицомъ и спалъ. На стулѣ сидѣла какая-то небритая личность въ засаленномъ вицмундирѣ безъ пуговицъ и въ чалмѣ, свитой изъ полотенецъ.

— Рекомендую: Османъ-паша! указалъ на него хозяинъ. — А вонъ та каналья — Мухтарка, что Карсъ проспалъ. Вотъ и теперь дрыхнетъ, анафема! кивнулъ онъ на диванъ.

— Радъ стараться! рявкнула небритая личность, приподнялась со стула и протянула было руку чиновнику, но, икнувъ, снова шлепнулась на стулъ.

Чиновникъ не зналъ, смѣяться ему или сердиться.

— Я къ вамъ по дѣлу, господинъ Смородиновъ, насчетъ квартиры... началъ онъ.—Я бы желалъ...

— Прежде всего—пей! перебилъ его хозяинъ и указалъ на закуску.—Мы парламентеровъ иначе не принимаемъ.

— Извините, я не пью.

Digitized by Google

— А не пьешь, значитъ съ тобой никакого и разговора не будетъ. Ныньче курица—и та пьетъ... Эй вы, казаки, на штурмъ! крикнулъ хозяинъ, и схвативъ со стола колокольчикъ, позвонилъ въ него.

Рыжебородый купецъ проснулся, сѣлъ на диванъ и сталъ протирать глаза. Небритая личность схватила четвертную бутыль и начала наливать рюмки.

— Угодно вамъ говорить со мной на счетъ квартиры, господинъ домовладѣлецъ? спросилъ чиновникъ.

— Пошелъ прочь! Мы Плевну беремъ, а ты турецкій лазутчикъ!

— Послушайте, вы не забывайтесь!—я чиновникъ!

— Важности не составляетъ. Мы сами при мундирѣ, медаль въ себѣ содержимъ и даже членомъ этого самаго герольштейнскаго братства состоимъ.

— Гольдингенскаго!... поправила его небритая личность.

— Все равно, отвѣчалъ хозяинъ, выхватилъ изъ ноженъ шпагу и крикнулъ:—ребята, въ штыки!

— Компанія закричала «ура», схватилась за рюмки и выпила. Чиновникъ выскочилъ въ прихожую, хозяинъ пошелъ за нимъ.

— Господинъ квартирантъ! Въ послѣдній разъ тебя спрашиваю: хочешь брать съ нами Плевну? обратился онъ къ чиновнику.

Тотъ молчалъ и напяливалъ на себя пальто.

— Можетъ, Карсъ брать хочешь? продолжалъ хозяинъ.—Такъ у насъ и Карсъ есть... на рябинѣ настоенный.

Чиновникъ копошился у дверей, стараясь отворить ихъ и выдти на лѣстницу.

— Эй, вернись, ваше благородіе! шампанскимъ поподчую.

— Да отворите-же, Бога ради! завопилъ у дверей чиновникъ.

— Ну, не хочешь, такъ изволь!... Мавра! крикнулъ хозяинъ, проводи его честь честью—кочергой по затылку!

Чиновникъ кое-какъ отворилъ дверь, выскочилъ на лѣстницу и опрометью сбѣжалъ внизъ. У подъѣзда стоялъ дворникъ.

— Что это у васъ съ хозяиномъ-то? въ испугѣ спросилъ онъ дворника.

Тотъ почесалъ затылокъ и махнулъ рукой.

— Да что? сказалъ онъ,—совсѣмъ допился! Теперича такъ полагаю, что еще денька два-три—и тогда ему совсѣмъ на цѣпь пора!

IX. Зубная боль.

Вагонъ конно-желѣзной дороги, стоящій около Технологическаго института, наполняется публикой и собирается тронуться въ путь,

Digitized by Google

вдоль по Загородному проспекту. Кондукторы и кучера слегка переругиваются между собой. Контролеръ, съ двойнымъ галуномъ на фуражкѣ, энергично размахиваетъ руками. Тутъ-же сбитенщикъ мальчишка съ бадьей, наполненной яблоками, и газетчикъ съ пачкой трубниковскихъ телеграммъ. Въ дверяхъ портерной, находящейся противъ Технологическаго института, мелькаютъ кондукторскія фуражки. Нѣкоторые кондуктора, остановясь около саячника съ лоткомъ, ѣдятъ яйца.

— Газеты! Номера газетъ! выкрикиваетъ разнощикъ.—Свѣжія телеграммы, первый сортъ! Вечернія телеграммы!

— Какія телеграммы? «Правительственнаго Вѣстника»? — спрашиваетъ остановившійся офицеръ.

— Нѣтъ-съ, бюллетени господина Трубникова.

— Ну, эти бюллетени ты самъ ѣшь, а мнѣ не надо. Эти телеграммы вы сами съ Трубниковымъ сочиняете.

— Помилуйте, сударь, досугъ-ли намъ сочинять? оправдывается разнощикъ.—Стрекозу возьмите.

Офицеръ садится въ вагонъ. Рядомъ съ нимъ помѣщается тощій, тщедушный господинъ, съ подвязанной щекой. Голова прикрыта барашковой шапкой, лицо нахмурено и искривлено. Онъ, то и дѣло, хватается за щеку.

— Вечернія телеграммы! суетъ прямо къ его носу пачку бюллетеней заглянувшій въ вагонъ газетчикъ.

— Ну тебя въ болото и съ телеграммами-то! сквозь зубы откликается тщедушный господинъ.

— Что у васъ зубъ болитъ? спрашиваетъ сидящая противъ него дама.

— Зубъ. Вѣрите-ли, мочи нѣтъ... Третій день... Готовъ, повременамъ, на стѣну лѣзть... Ночей не сплю.

— Пользуете чѣмъ-нибудь?

— Все перепробовалъ и послѣ каждаго лекарства все хуже и хуже.

— Знаете что? положите припарку изъ березовыхъ листьевъ съ ромашкой; съ вѣниковъ листья можно снять. Главное, чтобы тепло было.

— Э-е-е! кряхтитъ тщедушный господинъ.—Нѣтъ ужъ, рѣшилъ вырвать... Ѣду къ зубному врачу.

Къ уху его слегка наклоняется офицеръ, и смѣясь, говоритъ:

— У насъ въ полку былъ штабсъ-капитанъ Вотрушкинъ, такъ тотъ отъ зубной боли всѣмъ совѣтывалъ: «возми, говоритъ, въ ротъ холодной воды и сядь на горячую плиту, когда вода во рту скипитъ, тогда и зубъ пройдетъ».

Тщедушный господинъ строго взглядываетъ на офицера.

Digitized by Google

— Милостивый государь! Мнѣ не до шутокъ теперь! со стономъ отчеканиваетъ онъ.

Вагонъ трогается въ путь. На ходу въ него влѣзаетъ чиновникъ съ портфелемъ и садится рядомъ съ тщедушнымъ господиномъ.

— Зубною болью мучаетесь? спрашиваетъ онъ, посмотрѣвъ на гримасы тщедушнаго господина.

— Да. Танталовы муки испытываю. Вся челюсть... И въ ухо стрѣляетъ и въ затылокъ.

— Знаете что? Возьмите кусокъ льда и трите имъ щеку до онѣмѣнія. У меня есть теща; у нея постоянная зубная боль. Изъ трехъсотъ шестидесяти пяти дней въ году, вы ее, навѣрное, триста дней увидите съ подвязанной щекой. Такъ ей удивительно какъ ледъ помогаетъ.

— Нѣтъ, ужъ я рѣшился вырвать. Богъ съ нимъ! По крайней мѣрѣ, кратковременная боль.

— У васъ зубъ болитъ, и вы вырвать хотите? откликается повязанная косынкой купчиха.

— Да. Всѣ средства перепробовалъ.

— Не совѣтую вырывать. У меня деверю зубной врачъ всю челюсть на сторону своротилъ. Можетъ, слыхали купца Панкратьева? Дровяной дворъ у него и известкой торгуетъ. Такъ вотъ ему. А вы сходите вотъ куда: у Іоанна Предтечи въ церкви есть сторожъ, такъ онъ бумажки со словами даетъ, нужно эти бумажки съѣсть, и какъ рукой сниметъ. Я три раза такимъ манеромъ избавлялась.

— Нѣтъ, это что! Заговорамъ, вообще, вѣрить нельзя, перебиваетъ купчиху молодой человѣкъ.—А вы вотъ что сдѣлайте: нарвите вы свѣжихъ березовыхъ почекъ... Впрочемъ, теперь у насъ осень...

Молодой человѣкъ конфузится.

Заслыша разговоръ о зубной боли, съ другаго конца вагона подсаживается къ тщедушному господину купецъ въ сѣрой сибиркѣ и въ картузѣ.

— Зубомъ страдаете, что-ли? спрашиваетъ онъ.

— Зубомъ. Третій день ни минуты покою! Ничего ѣсть не могу, кромѣ жидкой пищи.

— Постой! У меня чудесное есть средство. Вы холостой или женатый?

— Холостой.

— Ну, это все равно. Возьмите вы въ аптекѣ на три копѣйки жженаго купоросу, потомъ натрите кирпичу: кирпичъ о кирпичъ трите. Поняли? Отлично. Купоросъ и кирпичъ смѣшайте вмѣстѣ и облейте все это скипидаромъ и три дня сушите на печи. Потомъ...

— Помилуйте! Я замучился совсѣмъ, хочу облегчить себя, а тутъ

Digitized by Google

еще жди три дня, пока лекарство ваше высохнетъ! восклицаетъ больной.

— Ну, какъ хотите. А только въ одинъ мигъ помогаетъ, и кромѣ того, оно тѣмъ хорошо, что, ежели поясница у васъ болитъ, можно и поясницу помазать, только стоитъ на простомъ винѣ настоять. Я своимъ ребятишкамъ даже носы примачиваю отъ насморка... Потомъ, ежели у васъ жена... Впрочемъ, вы неженатый.

— Господинъ, послушайте! кричитъ съ другаго конца вагона какая-то женщина. Помажьте вы вашу щеку бодягой, какъ рукой сниметъ! Я десять лѣтъ этимъ средствомъ избавляюсь.

— Бодяга что! Бодяга только раздражаетъ, а вы попробуйте бѣленымъ масломъ, замѣчаетъ кто-то.—Возьмите, разогрѣйте на свѣчкѣ бѣленое масло и втирайте, втирайте до тѣхъ поръ, пока и рука и щека высохнутъ.

— У меня зубы никогда не болятъ, разсказываетъ какой-то военный чиновникъ.—Но когда я въ Сибири жилъ, то у насъ первое средство отъ зубной боли была угриная шкура. Покойница жена тысячу разъ избавлялась этимъ средствомъ. Нужно купить живаго угря и снять съ него кожу, какъ чулокъ снимается. Потомъ, этой кожей обвязать горло. Говорятъ, что тутъ электричество помогаетъ. Купите на живорыбномъ садкѣ угря и попробуйте сдѣлать это, обращается онъ къ тщедушному господину.

— Нѣтъ, ужъ я рѣшился вырвать свой зубъ, отвѣчаетъ тотъ.

— Не вырывайте, баринъ, наклоняется къ тщедушному господину черезъ сосѣда простая женщина, въ набивномъ бумажномъ платкѣ на головѣ. Вотъ, когда наши русскіе цирульники рвали зубы, то можно было рвать, а теперь жиды рвутъ и только портятъ человѣка. Я у купцовъ жила, такъ у насъ хозяинъ, вотъ, также вырвалъ себѣ зубъ, а у него жена съ бариномъ изъ военныхъ докторовъ и сбѣжала. А до того времени душа въ душу жили.

— Да пойми ты: они неженаты и имъ это въ составъ не входитъ, поясняетъ купецъ.—Кому бѣжать, коли жены нѣтъ?

— Жиды и помимо жены найдутъ, какъ человѣка испортить, все еще стоитъ на своемъ женщина.

У Пяти Угловъ въ вагонъ влѣзаетъ монахиня и садится какъ разъ противъ тщедушнаго господина.

— Зубами видно мучаетесь, господинъ? спрашиваетъ она.

— Зубами.

— Охъ! завсегда я повѣрю этому злому недугу! Намучилась ужъ я съ зубами-то! Только вѣрой и спасалась. А вы вотъ что сдѣлайте: поставьте свѣчку Антипію чудотворцу. Онъ врачъ былъ, батюшка, и многихъ отъ зубной боли спасалъ. Да помолитесь поусерднѣе, пока

Digitized by Google

она горѣть будетъ, а потомъ отломите кусочекъ воску отъ свѣчки-то, да на зубъ и положьте. Увидите сами, какое получите чудесное облегченіе; только надо непремѣнно, чтобы съ вѣрой... Сдѣлаете?

Больной, придерживая рукой щеку, упорно молчитъ. Въ вагонѣ перемѣнилось нѣсколько пассажировъ. На мѣстѣ офицера, рядомъ съ больнымъ сидитъ уже усатый толстякъ съ двойнымъ подбородкомъ.

— Зубы болятъ у васъ? задаетъ онъ вопросъ.

— Да, вырвать ѣду.

— Не стоитъ, бросьте. А вы лучше вотъ что сдѣлайте... Конечно, это немножко странное предложеніе, но, все-таки... Поѣзжайте вы сейчасъ домой, велите у себя въ комнатѣ натопить печку какъ можно жарче и напейтесь пьяны пуншемъ. Пуншъ пейте такъ: половина воды и половина рому. Да напейтесь до безчувствія. Увѣряю васъ, что къ утру какъ рукой все сниметъ. Правда, будетъ голова трещать, но опохмѣлитесь рюмочкой-другой, и чудесно!

— Зачѣмъ имъ напиваться? Ромъ и такъ помогаетъ, ежели имъ безостановочно полоскать зубы, вмѣшивается въ разговоръ чуйка.—Вы водку-то потребляете?

— О, Господи! Пью, пью! теряетъ терпѣніе отъ поминутныхъ вопросовъ больной.

— Ну, такъ тогда надо что-нибудь покрѣпче. Возьмите вы голый спиртъ и купите стручекъ краснаго перцу; перецъ разотрите или истолките и положите его, примѣрно, хоть на косушку и вотъ этимъ то составомъ полощите зубы.

— Креозотъ отъ зубовъ хорошо, слышится гдѣ-то.—Только креозотъ зубы крошитъ.

— И пускай крошитъ. На что они ему, коли они у него постоянно болятъ? Возражаетъ чиновникъ въ фуражкѣ съ кокардой.

— Какъ на что? Все-таки, вовсе безъ зубовъ невозможно.

— Очень возможно, ежели деньги есть. Нынче такіе зубы вставляютъ, что лучше собственныхъ. И пить и ѣсть что угодно можно. Хоть орѣхи грызи.

— Зато корни болятъ. У васъ, въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ-ли вставныхъ зубовъ? задаютъ вопросъ тщедушному господину.

— Боже мой! Да что-жъ это такое? восклицаетъ онъ, вскакиваетъ съ мѣста, бѣжитъ къ дверямъ и выпрыгиваетъ вонъ изъ вагона.

X. Читатель газетъ.

Часъ четвертый дня. Въ трактиръ средней руки входитъ среднихъ лѣтъ чиновникъ, въ вицъ-мундирѣ и съ значительно подержаннымъ

Digitized by Google

портфелемъ подъ мышкой.

— Виссаріону Потапычу! протягиваетъ онъ руку буфетчику, и положивъ портфель на буфетъ, звонко сморкается въ красный фуляровый платокъ.

— Все-ли въ добромъ здоровьи, Иванъ Иванычъ? спрашиваетъ его буфетчикъ, принимая отъ стоящаго около служителя марки и засыпая въ чайникъ чай. Какъ живете-можете?

— Ничего, ничего по маленьку. Вотъ только поясница что то... и чиновникъ, закинувъ руки назадъ, упирается кулаками въ поясницу.

— А вы-бы въ баньку, да тепленькимъ керосинцемъ...

— Гдѣ тутъ! До бани-ли намъ, до керосину-ли? Вонъ портфелище-то какъ набитъ! Все это спѣшная работа. Домой несу. Засяду на ночь, да до утра. Эхъ, грѣхи наши тяжкіе! Ахъ, ты служба, служба! вздыхаетъ онъ и озирается по сторонамъ.—А у тебя и сѣсть негдѣ. Всѣ столы заняты.

— А вотъ тутъ около буфета на стуликъ пожалуйте. Я вамъ и столикъ велю маленькій подать.

— Ну, и отлично. Да вѣдь и я, братъ, не закакими-нибудь разносолами зашелъ, а просто газеты почитать, да рюмочку выпить. Нельзя ужъ безъ рюмочки, а то скажешь: «вотъ лѣшаго гостя принесло! Газеты читаетъ, а ничего не потребляетъ».

— Нельзя намъ такого головнаго воображенія про хорошихъ гостей имѣть, отвѣчалъ буфетчикъ.—Вы гость постоянный: сегодня ничего не выпьете, завтра сторицею нагоните.

— Насыпь-ка поскорѣй рюмочку. Только ужъ хорошенькую, кадетскую. Одну вѣдь пить буду. Вотъ такъ. Чудесно. Ухти!

Чиновникъ вкладываетъ въ пасть рюмку и опрокидываетъ ее.

— И какъ это только люди пить могутъ эдакую мерзость? продолжаетъ онъ, проглотивъ и сморщившись, и ищетъ на буфетѣ чѣмъ-бы закусить.—Вотъ жена меня все бранитъ, говоритъ онъ, прожевывая бутербродъ съ тешкой, зачѣмъ я передъ обѣдомъ хожу въ трактиръ газеты читать. «Купилъ-бы, говоритъ, у разнощика газеты, да и читалъ-бы дома», а я ей въ отвѣтъ: «Милая моя, я экономію соблюдаю; теперь я приду въ трактиръ, я выпью съ бутербродомъ на гривенникъ, а газетъ начитаю на полтину». И въ «Иллюстраціи» картинки посмотришь, и «Будильникъ» поглядишь, и «Стрекозу» все за тотъ же гривенникъ. А у разнощика только «Голосъ» съ «Новымъ Временемъ» купить и то четырнадцать копѣекъ, значитъ, все-таки, четыре копѣйки убытку. А нынче безъ политики нельзя. Нельзя вѣдь?

— Какъ возможно безъ политики, соглашается буфетчикъ.—Къ

Digitized by Google

тому-же теперича ужасти, что пишутъ. Даже такъ, можно сказать, что ничего и не разберешь.

— Нѣтъ, разобрать-то можно. Туманно, это правда, но все-таки... Однако, пора и почитать. Вели-ка дать мнѣ «Голосъ».

Чиновникъ усаживается за маленькій столикъ около буфета. Буфетчикъ звонитъ мальчика.

— «Голосъ» Ивану Ивановичу, приказываетъ онъ.—Да живо, поворачивайся! Нечего въ носу-то ковырять. Вишь, брюхо-то отростили, черти! Наказаніе нынче съ народомъ, Иванъ Иванычъ.

Мальчишка бѣжитъ и черезъ нѣсколько времени возвращается съ «Новымъ Временемъ».

— «Голосъ» читаютъ-съ, а вотъ «Новое Время», предлаетъ онъ чиновнику.

— Ну тебя въ болото съ «Новымъ Временемъ»! еще ослѣпнешь. Удивительная у нихъ печать: словно слонъ брюхомъ по газетѣ ползалъ—ничего не разберешь. Посмотри, нѣтъ-ли тамъ «Петербургскихъ Вѣдомостей».

— И «Вѣдомости» читаютъ-съ.

— Ну, я подожду.

Чиновникъ сидитъ и отъ нечего дѣлать внимательно смотритъ на муху, перелетающую на буфетѣ съ бутерброда на бутербродъ. Проходитъ минутъ пять. Его пробираетъ зѣвота. Онъ чешетъ затылокъ и крякаетъ.

— Эхъ, была не была! Брызни-ка еще рюмочку, обращается онъ къ буфетчику.—Хотѣлъ одну выпить, ну, да ужъ вторую. Все равно, дома передъ обѣдомъ пить не буду.

— Ничего, разойдется, ободряетъ чиновника буфетчикъ.

— Знаю, что разойдется, да вотъ спѣшныя бумаги сегодня вечеромъ переписать надо. Чтобъ завтра къ утру. Мальчикъ, посмотрика тамъ «Голосъ» не освободился-ли?

Чиновникъ пьетъ.

— «Голосъ» купецъ какой-то читаетъ, возвращается съ отвѣтомъ мальчикъ.

— Что онъ наизустъ его вздумалъ учить, что-ли? Сунь ему вмѣсто «Голоса» «Полицейскія Вѣдомости». Вѣдь ему все равно. По крайности почитаетъ, кто обанкрутился. Это чтеніе для него болѣе подходящее.

— Нельзя, Иванъ Иванычъ, отвѣчаетъ за мальчика буфетчикъ.— Это купецъ обстоятельный.

Чиновникъ опять остается безъ чтенія. Сидитъ и барабанитъ пальцами по столу.

— Подъ Плевно-то читалъ? обращается онъ къ буфетчику.—Османа-

Digitized by Google

то нашу совсѣмъ кольцомъ окружили. Одно вотъ: подкрѣпленія къ нему сквозь нашу кавалерію прорвались.

— Дѣла! протягиваетъ буфетчикъ.—Тутъ какъ то читали у насъ, что турки-то съ отчаянія пить начали. Теперь раненыхъ плѣнныхъ такъ вмѣсто госпиталя для вытрезвленія отправляютъ.

— Запьешь, вздыхаетъ чиновникъ и косится на буфетъ.—Со скуки это. Наплюй-ка мнѣ еще рюмочку, раздражается онъ.—Не хотѣлъ ужъ пить, да такъ. Все равно, послѣ обѣда всхрапку хорошую задамъ, а тамъ бумаги писать. Число-то хорошее, христіанское: три. Мальчикъ, посмотри, не отчитали-ли тамъ «Голосъ»!

Чиновникъ пьетъ третью рюмку.

— «Голосъ» читаютъ-съ, докладываетъ мальчикъ.

— Ахъ, анафемы! горячится чиновникъ.—Ну, принеси хоть «Новое Время». Можетъ быть, сегодня получше напечатано. Да, братъ Виссаріонъ Потапычъ, обращается онъ къ буфетчику.—Съ одной стороны это даже лучше, что турки пьянствовать начали. Человѣчнѣе будутъ. Пьяненькій—онъ всегда чувствительнѣе. Посмотри, иной напьется, такъ какъ плачетъ. А то ужъ у нихъ такія звѣрства пошли, такія!...

Чиновникъ отираетъ слезу.

— Кто какъ-съ... Иногда водка въ чувства вгоняетъ, иногда чтобъ чужой физіономіи бомбардировку нанести.

— Это вѣрно. Бомбардировка... бомбардировка... У меня вотъ въ животѣ что то бомбардировка идетъ. Съ утра я, признаться, чувствовалъ, какъ-бы какое-то сжиманіе. Думаю, вотъ полечится. Насыпь-ка еще рюмочку, да съ перечкомъ, знаешь, и бальзамчику прибавь. Одно вотъ боюсь, что спѣшныя бумаги къ утру... Директоръ даже сказалъ: «Пожалуйста, Иванъ Иванычъ».

— Ничего, выспитесь послѣ обѣда, ободряетъ его буфетчикъ. Вѣдь ежели-бы ради пьянства, а то лечиться, животъ у васъ болитъ. Ради немощи, я полагаю, и самъ директоръ разрѣшаетъ.

Чиновникъ пьетъ.

— Мальчикъ! что-же ты мнѣ «Новое Время»? кричитъ онъ.—Полъ часа жду.

— «Новое Время» читаютъ-съ. Сидятъ и въ одной рукѣ «Новое Время» держутъ, въ другой «Голосъ».

— Возьми у него. Скажи, что двѣ газеты сразу читать нельзя.

— Боюсь-съ. Такіе изъ себя страшные они, отвѣчаетъ мальчикъ.

— Кто такой? Опять вѣрно купецъ наизусть учитъ?

— Нѣтъ-съ, военный. Усы, какъ у налима.

— Что мнѣ военный! Я самъ могу завтра же быть военнымъ. Гдѣ онъ? Я самъ пойду! горячится чиновникъ.

Digitized by Google

— Иванъ Иванычъ, оставьте! Ну, что ссориться? Охота! Погодите маленько, останьтесь, останавливаетъ его буфетчикъ.

— Ну, хорошо, я останусь; только пусть мнѣ, наконецъ, хоть «Русскій Міръ» принесутъ.

Чиновникъ садится.

— Фу, какъ взбѣсить человѣка могутъ! говоритъ онъ.—Сердце словно выскочитъ хочетъ. Вотъ, думалъ, тихо, мирно почитаю газеты, а тутъ, извольте видѣть! Налей-ка мнѣ еще рюмку!

Пьетъ.

— «Русскій Міръ» читаютъ-съ, а вотъ не угодно-ли «Стрекозу». приноситъ мальчикъ.

— Что мнѣ въ твоей «Стрекозѣ»! Я ее вчера еще чуть не насквозь проглядѣлъ и прочиталъ. Мнѣ политическую газету надо. Я хочу телеграммы о дѣйствіяхъ нашихъ братьевъ... Живо!

Языкъ чиновника начинаетъ заплетаться.

— Поищи ты тамъ хоть «Биржевыя Вѣдомости» или «Сынъ Отечества», говоритъ мальчику буфетчикъ.

— Что мнѣ «Сынъ Отечества»! Тамъ Христа ради старыя извѣстія по банямъ сбираютъ. «Голосъ» мнѣ нужно. Господи! Только раздражаютъ человѣка. Понятное дѣло, что, явясь домой, я начну ругать жену.

— Сейчасъ вамъ принесутъ, Иванъ Иванычъ, «Биржевыя». Успокойтесь.

Бьетъ четыре часа.

— «Биржевыя» читаютъ-съ, докладываетъ мальчикъ.—Все лежали, а какъ я подошелъ, подрядчикъ одинъ и взялъ.

— Чортъ, лѣшій! Тащи сюда скорѣй хоть «Правительственный Вѣстникъ»! кричитъ буфетчикъ и съ размаху даетъ мальчишкѣ подзатыльника.

— Ну, что я теперь, спрашивается, буду дѣлать, Виссаріонъ Потапычъ? совсѣмъ уже пьянымъ голосомъ говоритъ чиновникъ—.Приду домой, жена спроситъ: что Сулейманъ-паша, что Плевна, что Малая Азія? а я ничего не знаю. Одно остается сказать «пардонъ», или прямо въ ухо.

— Сейчасъ вамъ принесутъ «Правительственный Вѣстникъ», утѣшаетъ его буфетчикъ.

— «Правительственный Вѣстникъ» тоже читаютъ-съ, снова докладываетъ мальчикъ.

— Что? Ахъ ты, курицынъ сынъ! Иди карауль «Голосъ»! Что у тебя, Потапычъ, за безпорядки!

— Нельзя-съ, помилуйте! Не по два-же номера покупать. Тепе-

Digitized by Google

рича каждый интересуется. Вотъ ежели-бы по утру пришли, всѣ газеты были свободны.

— Ну, что я теперь женѣ скажу! А купить газеты—вечеромъ читать некогда, спѣшныя бумаги. Налей-ка съ горя еще рюмочку.

Бьетъ половину пятаго часа. Чиновникъ пьетъ рюмку водки и окончательно хмѣлѣетъ. Онъ начинаетъ дремать.

— Фу, Боже мой, какъ сонъ клонитъ, еле бормочетъ онъ.—Дай-ка еще рюмочку. Авось полегче будетъ.

Рюмка выпита. Молчаніе. Пробило пять часовъ.

— Пожалуйте «Голосъ». Тамъ кончили читать.

Чиновникъ спитъ. Буфетчикъ начинаетъ его будить.

— Иванъ Иванычъ, безобразно! Ступайте домой. У васъ спѣшныя бумаги. Завтра придете, расплатитесь за водку и почитаете. Я для васъ и сегодняшнія газеты сохраню. Посади его, Ванюшка, на извощика.

Чиновникъ, шатаясь и поддерживаемый мальчикомъ уходитъ.

XI. Въ библіотекѣ.

Торговая библіотека. Шкафы съ книгами, прилавокъ съ конторкой, на стѣнѣ карта Турціи. Посреди комнаты столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, на которомъ разложены газеты и журналы на палкахъ. За прилавкомъ элегантный бородачъ и нарядно-одѣтая дама, въ черномъ шелковомъ платьи и при часахъ съ цѣпочкой, разбираютъ книги въ грязныхъ переплетахъ. За столомъ сидитъ старикъ отставной военный, съ сѣдыми щетинистыми усами и въ шинели, и, хмуря брови, читаетъ «Голосъ». Далѣе, полный, румяный господинъ просматриваетъ «Стрекозу». Тихо. Отставной военный время отъ времени громко и съ какимъ-то раскатомъ харкаетъ и плюетъ на полъ, такъ что заставляетъ вздрагивать библіотекаршу. Такъ-же изрѣдка у него раздается возгласъ «мерррзавецъ!», неизвѣстно къ кому относящійся. Библіотекарь и библіотекарша переглядываются другъ съ другомъ и улыбаются.

Входитъ очень молоденькая дѣвушка въ сѣромъ ватерпруфѣ и съ связкой книгъ въ рукахъ и подаетъ ихъ библіотекарю. Тотъ, отмѣтивъ ихъ пріемъ, слегка наклоняется черезъ прилавокъ и спрашиваетъ:

— Что вамъ взять будетъ угодно?

— Дайте мнѣ романъ Белло «Мамзель Жиро, моя жена», отвѣчаетъ она и тутъ-же прибавляетъ: говорятъ, дѣвушки это не читаютъ, да я не для себя. Потомъ—«Таинственнаго монаха» Зотова,

Digitized by Google

— А еще что прикажете?

Дѣвушка конфузится.

— Ей-Богу, я не знаю... Это также не для себя, а для одной пожилой, замужней дамы. Мнѣ подруги сказывали, что дѣвицамъ это также не годится читать... Нѣтъ, я не могу сказать! вы такъ дайте, заканчиваетъ она.

— Какъ-же я могу угадать, что вамъ угодно?

— Мнѣ угодно... Нѣтъ, мнѣ такъ стыдно, что я не могу сказать! Это докторская книга. У насъ въ институтѣ воспитанницы читали ее, да классная дама отняла ее.

— Докторскихъ книгъ много есть.

— Знаю, что много, но эта такая особенная... Вы Богъ знаетъ что можете подумать про меня. Я лучше вотъ имъ скажу, киваетъ она на даму, а вы уйдите отсюда. Это сочиненіе господина Дебе.

— «Физіологія брака»? спрашиваетъ библіотекарь.

Дѣвушка потупляетъ глазки.

— Ахъ, что вы! Какъ вамъ не стыдно, говоритъ она.—Ну, пожалуй, дайте ее. Только ей-Богу, я не для себя. Это братъ гимназистъ...

— Х-х-х-х... тьфу! плюетъ отставной военный.

Полный господинъ, читающій «Стрекозу», ни съ того ни съ сего фыркаетъ. Военный, нахмуривъ брови, косится на него. Тотъ разражается хохотомъ.

— Милостивый государь! строго восклицаетъ военный.

— О, Господи, моченьки моей нѣтъ! Погодите. Что вамъ угодно? Ха, ха, ха! продолжаетъ хохотать толстякъ.

— Милостивый государь, вы невѣжа! отчеканиваетъ военный.

— То есть, какъ это? За что-же это? недоумѣваетъ толстякъ.

— Вы позволяете себѣ смѣяться надъ старымъ ветераномъ. Я, батюшка, тридцать лѣтъ отслужилъ вѣрою и правдою своему Богу и Государю!

— Помилуйте, да я вовсе не на васъ смѣюсь. Я «Стрекозу» читаю. Виноватъ я, что такъ смѣшно пишутъ? Вотъ здѣсь одинъ умникъ городъ Горный Студень принялъ за кушанье. О, Боже мой! Даже слезы изъ глазъ... произноситъ смѣшливый толстякъ и отираетъ платкомъ глаза.

— Что-то подозрительно. Ну, а ежели это правда, въ такомъ случаѣ, пардонъ. Надъ недугами грѣхъ смѣяться. У меня катарръ. Я его на службѣ получилъ. Хххръ... тьфу!

— Я и не смѣялся надъ вашимъ недугомъ. Вольно вамъ принимать это на себя. Вы вотъ давеча ни съ того, ни съ сего произнесли нѣсколько разъ слово «мерзавецъ, однако-же, я не обидѣлся.

Digitized by Google

— Это я, милостивый государь, изъ патріотическихъ чувствъ, про Гобарта-пашу.

— А я по поводу стрековинаго смѣха расхохотался! а вы ужъ сейчасъ «невѣжа!».

— Ну, довольно! Я сказалъ «пардонъ» и теперь будемъ молчать.

Военный и толстякъ снова погружаются въ чтеніе. Входитъ пожилой, гладко-выбритый господинъ, въ очкахъ и съ портфелемъ, худой, лицо гемороидальное, лысина на головѣ тщательно зачесана прядью волосъ.

— Здѣсь я вамъ двѣ книги обратно принесъ, говоритъ онъ, доставая ихъ изъ портфеля. Знаете, по вечерамъ, при нашихъ сидячихъ занятіяхъ... я и серьезное чтеніе... Иногда Бокля... Но просто хочется отдохнуть. Дайте мнѣ почитать что-нибудь изъ Поль-де Кока. Есть у васъ?

— Есть-съ, отвѣчаетъ библіотекарь. «Монфермельскую молочницу» читали?

— Читалъ давно. Ну, да все равно, дайте. А то я читаю теперь «Погребальные обычаи древнихъ славянъ», такъ знаете, сплинъ нагоняетъ. Ну, просто хочется иногда развлечься. Да положите «Огненную женщину». Вотъ, говорятъ, сальность-то! Читать не буду, но такъ пробѣгу. Потомъ... потомъ, говорятъ, есть удивительно глупая книга (я читалъ въ объявленіяхъ... меня поразило названіе) «Тайна нравится женщинамъ». Есть такая книга?

— Есть-съ.

— Ну, вотъ ее дайте. Воображаю, какая тамъ дичь! восклицаетъ пожилой господинъ.—Вамъ, я думаю, смѣшно, что я такой выборъ умственной пищи дѣлаю? обращается онъ къ библіотекарю!

Тотъ слегка улыбается. Пожилой господинъ, взявъ книги, уходитъ. Входитъ не то мѣщанинъ, не то купецъ въ сибиркѣ.

— У васъ, говорятъ, книги по-штучно съ проката почитать отдаются? спрашиваетъ онъ.

— Да, отдаемъ. И помѣсячно можно, и за день, поясняетъ библіотекарь.

— Ну, такъ дайте какую ни-на-есть повеселѣе. Мнѣ для жены. Я-то въ лавкѣ, а она дома, такъ говоритъ—скучно. Нанесъ ей старыхъ газетъ—не читаетъ. «Мнѣ бы, говоритъ, книгъ позанятнѣе». Хотѣлъ купить, да думаю: куда съ ней? Прочтетъ,—все равно надо бросить. На свѣчки, ежели въ шандалы вставлять,—бумага жидка. Дай, думаю, съ проката возьму.

— Какую-же вамъ книгу?

— Да такъ, почуднѣе.

— Романъ какой-нибудь?

Digitized by Google

— Богъ съ нимъ съ романомъ! машетъ рукой купецъ.—Говорятъ, тъ романовъ-то иные на стѣну лѣзутъ.

— Такъ возьмите «Арабскія сказки».

— А пужаться жена съ нихъ не будетъ?

— Нѣтъ не будетъ. Тамъ ничего нѣтъ страшнаго.

— Ну, давайте!

XII. На живорыбномъ садкѣ.

Живорыбный садокъ. Утро. Въ рубкѣ, около прилавка съ вѣсами, ıдитъ на скамейкѣ прилично одѣтый, полный мужчина съ гладкобритымъ подбородкомъ и пьетъ чай. Противъ него, тоже съ стакаюмъ чаю въ рукахъ, стоитъ хозяинъ садка, въ наваченной сибиркѣ ı передникѣ, и отгрызая маленькіе кусочки сахару, со звукомъ прилебываетъ чай. Въ одномъ углу рубки, мальчишки перетряхиваютъ ıзъ корзинки въ корзину рыбу, въ другомъ прикащикъ продаетъ ıакой-то кухаркѣ соленою рыбью тешку.

— Такъ это бѣлужья тешка, а не осетровая? спрашиваетъ та.

— Бѣлужья.

— То-то. У насъ барыня такъ и сказала: возьми, говоритъ, бѣлужью. Какъ съѣздила лѣтомъ въ Зоологическій садъ, посмотрѣла на осетра, такъ и апетиту къ нему лишилась, совсѣмъ перестала осетрину ѣсть.

— Это еще отчего? Что въ немъ такого постыднаго?

— Да, говорятъ, на человѣка мертваго похожъ. Опять-же тутъ слухъ прошелъ, что онъ будто мужика съѣлъ. Она и раковъ изъ-за ого не ѣстъ, что тѣ на мертвечину садятся.

— Ври больше! Ну, ракъ туда сюда. А осетръ, гдѣ-жъ ему мужика съѣстъ? У него ротъ такъ себѣ—махонькая дырка.

— А, можетъ быть, по кускамъ съѣлъ. Спервоначалу одно мѣсто отгрызъ, потомъ другое. Такъ бѣлужья тешка-то? снова задаетъ она вопросъ.

— Бѣлужья, бѣлужья. Смѣло бери.

— Дай-ко понюхать-то свѣжая-ли она?

— Самая свѣжая; что ее нюхать? Мы нюхать не даемъ. Что за дѣль? Вѣдь это товаръ. Одинъ понюхаетъ, другой понюхаетъ и йдетъ обнюханный кусокъ. Кому обнюханную тешку нужно? Вѣдь нами тоже полиція смотритъ, чтобъ въ чистотѣ... Вотъ тутъ къ-то бѣлорыбицу нюхали, нюхали, а она и провоняла! Бери такъ.

— Ну, ладно, только смотри, коли не свѣжая будетъ, обратно инесемъ.

Digitized by Google

Хозяинъ обращается къ сидящему покупателю.

— Ну, а вамъ что пособрать, Ардаліонъ Никитичъ? спрашиваетъ онъ.

— Да сегодня «самъ» уху заказалъ, отвѣчаетъ покупатель.—Шесть персонъ приглашено, и между ними какой-то англійскій попъ, такъ хочетъ его ухой кормить. «Смотри, говоритъ, Ардальонъ, не осрамись». «Помилуйте, говорю, ваше сіятельство, какой-же я, говорю, поваръ, коли осрамлюсь? Мы графовъ и князей кормимъ, а не токма, что англійскаго попа». Такъ вотъ отпусти-ка ты мнѣ налимчика, продолжаетъ онъ, да ершей съ полсотни для навару, да стерлядку вершковъ десять-одинадцать; ну, сижка...

— Стерлядка-то не мала-ли будетъ?

— Нѣтъ, что ихъ баловать! Раковаго масла подпущу, за тотъ же стерляжій наваръ уйдетъ.

— Эй, молодцы! кричитъ хозяинъ.—Соберите Ардальону Никитичу, что они требуютъ. Угря для маринаду ненадо-ли?

— Нѣтъ. Вотъ, братъ, рыба! что твой турокъ! произноситъ поваръ. Теперича изрѣжь его въ куски—живъ.

— Ну, а что про турку слышно?

— Да разное. Главное, окопался теперь, весь въ землѣ сидитъ и только головешку высовываетъ. Какъ въ него попасть? Только нацѣлишься, а онъ подъ землю и нырнетъ. Флигель-адъютантъ одинъ обѣдалъ, такъ сказывалъ. Лакей слышалъ.

— А правда, что туда изъ Москвы царь пушку повезутъ?

— Нѣтъ, про это разговору не было. Да и что въ ней? Теперича она совсѣмъ расхлябана. Вотъ ежели бы изъ Адмиралтейства пушку туда... Да не довести, тяжела очень.

— Богъ знаетъ, что тамъ творится, разводитъ руками хозяинъ.— Теперича мы «Новое Время» покупаемъ. Читаешь — ничего понять невозможно. Такая газета, словно они ее ваксой смазываютъ. Черна и въ пятнахъ.

— Нарочно такъ и печатаютъ, отвѣчаетъ поваръ. Потому у нихъ корреспондентъ невѣроятный, вретъ много, ну они и замазываютъ, чтобъ не такъ замѣтно было. Потомъ станутъ ихъ уличать, а они отопрутся. «Вы, говоритъ, не такъ по замазанному прочли. Это совсѣмъ въ противоположномъ видѣ понимать должно». У нихъ одинъ корреспондентъ изъ трубочистовъ.

— Зачѣмъ-же это?

— Своя заводка торговая. Сегодня читатель ничего не понялъ, завтра опять покупаетъ. «Авось, говоритъ, теперь пойму». Ну, а газета модная. Неловка сказать, что «Новое Время» не читалъ. Я такъ ее приравниваю, что все равно, что итальянская опера. Иной

Digitized by Google

и плачетъ, а идетъ, потому скука, каждый разъ одну и ту-же канитель панихидную поютъ, а модно. Я вотъ «Голосъ» читаю. Очень явственно пишутъ. Теперь насчетъ политики у господъ, вотъ какая мода завелась.

Поваръ лѣзетъ въ карманъ и торжественно вытаскиваетъ набивной платокъ съ изображеніемъ карты Турціи.

— Это что-же такое? спрашиваетъ его хозяинъ, наклоняясь къ платку.

— Сморкальный платокъ и въ тоже время карта Турціи съ городами. Вонъ Плевна, вотъ Константинополь, Рущукъ, Систово.

— Какой Константинополь-то маленькій; ничего не видать, дивятся прикащаки; заглядывая на платокъ.

— Дурьи головы! это для примѣра только, обрываетъ ихъ хозяинъ.—Тутъ и видѣть ничего не надо, а знаешь что въ этомъ самомъ мѣстѣ Константинополь долженъ быть, ну, и довольно съ тебя. На бумагѣ я эти самыя карты видалъ, а зачѣмъ-же онѣ на платкѣ? обращается онъ къ повару.

— А вотъ зачѣмъ. Теперича сижу я и читаю въ «Голосѣ», что турки на Шипкѣ звѣрства турецкія производятъ, разсердился я и сморкнулся прямо въ Шипку.

— Такъ вѣдь отъ этого не легче будетъ.

— Не легче-то не легче, это точно, да мода такая.

— Ну, а ежели въ такое мѣсто попадешь, гдѣ русскія войска стоятъ? И непріятно, что на своихъ сморкнулся.

— Зачѣмъ я буду на своихъ сморкаться? Я знаю, что русскіе на шипкинскомъ перевалѣ стоятъ, ну, я это мѣсто и берегу.

— Ну, а Плевна? Тамъ теперь и русскіе, и турки? допытывается хозяинъ садка.

— Ежели осторожно будешь сморкаться и съ разборомъ, завсегда можно въ турецкое войско попасть и свои позиціи уберечь, продолжаетъ поваръ.—Ты вотъ давеча говорилъ, что отъ этого не легче будетъ, ежели сморкнешься. Нѣтъ, не скажи... Теперича ежели человѣка, врага своего обругать, такъ вѣдь сердцу легче? Такъ и тутъ. Сморкнулся на какого-нибудь Османа-пашу, плюнулъ въ него, ну, какъ будто и отлегло, сорвалъ свой гнѣвъ.

— Да, это дѣйствительно, соглашается хозяинъ.—И графы въ эти платки теперь сморкаются?

— Вся аристократія. Однако, заболтался. Надо еще въ мясную лавку сходить, да на Щукинъ въ курятную... фазана поискать. Такъ пришлите рыбу-то.

Поваръ встаетъ и протягиваетъ хозяину руку.

Digitized by Google

— А молоковъ налимьихъ съ печенками, Ардальонъ Никитичъ, не прикажете на растегаи напотрошить? предлагаетъ хозяинъ.

— Нѣтъ, не стоитъ. Дороги печенки-то. Что баловать гостей.

— У хорошаго повара и пѣтушьи гребешки съ сладкимъ мясомъ за налимьи печенки съ молоками уйдутъ. Растегай, вѣдь, начинка нарублена,—разбери, что въ немъ, заканчиваетъ поваръ, и простившись, важно идетъ къ выходу.

XIII. У подъѣзда Пассажа.

Утро. По Невскому бѣгутъ чиновники съ портфелями, спѣшатъ конторщики къ мѣсту своихъ занятій. Изрѣдка промелькнетъ клеенчатая шляпа дѣвушки, торопящейся на уроки. Прошли нагруженные до нельзя два вагона конно-желѣзной дороги, проѣхала «барышня» на извощичьей линейкѣ. Глаза припухши, нарядное бархатное пальто въ пуху, бѣлила и румяна на лицѣ полосами. На ступенькахъ пассажа столпились разнощики газетъ. Продажа идетъ успѣшно. Запасшіеся газетами прохожіе даже на ходу развертываютъ ихъ и пробѣгаютъ телеграммы.

Къ газетчику подходитъ лакей въ мятой фуражкѣ. Въ рукахъ у него корзинка, въ которой лежатъ булки и сухари.

— Газету-бы мнѣ, говоритъ онъ.

— Какую газету-то? У насъ разные есть, отвѣчаетъ газетчикъ.

— Да вотъ на семь копѣекъ.

— Ну, вотъ тебѣ «Биржевыя Вѣдомости».

— Что мнѣ въ Биржевыхъ-то? У насъ торговлей не занимаются, на биржу не ѣздятъ. Намъ чтобъ про войну.

— Да здѣсь про биржу ничего и не написано, а это только одно названіе. Здѣсь и про войну, и про все. Ты для себя?

— Ну, вотъ! Стану я для себя покупать! Я не кучеръ, изъ газетной бумаги папиросъ не курю...

— Не для куренія, а для чтенія. У насъ газеты разныя есть, для всякаго народа. Теперича купецъ, который по проще, беретъ «Полицейскія», потому тамъ завсегда напечатано: кто обанкрутился, кто застрѣлился, кто удавился. Нѣмецъ покупаетъ себѣ нѣмецкую газету, французъ—французскую. Чиновникъ къ «Голосу» пристрастенъ, военный—«Новое Время» беретъ; опять-же, кто и веселость въ себѣ чувствуетъ, за этой газетой гоняется. Серьезный человѣкъ—«Сѣверный Вѣстникъ» покупаетъ. Ну, а «Биржевыя» съ «С.-Петербургскими Вѣдомостями»—такъ зря берутъ. Потомъ есть маленькія газеты. Тебя кто послалъ-то?

Digitized by Google

— Да барыня.

— Изъ какихъ она?

— У статскаго генерала воспитанницей живетъ. Отъ жены ее на сторонѣ держутъ. Теперича, помимо генерала у нихъ былъ офицеръ, да на войну уѣхалъ, такъ вотъ она и приказала, чтобъ каждый день, по утру, къ кофею была газета. Опаску насчетъ офицерской жизни имѣютъ и хотятъ про войну читать.

— Такъ вотъ ей «Сѣверный Вѣстникъ».

— Не годится. Она у насъ съ юга. Только и говоритъ, что «у насъ на югѣ, да у насъ на югѣ».

— Ну, вотъ, возьми «Новое Время». Эта газета и сѣверному и южному человѣку годится.

— А про войну здѣсь пишутъ?

— Самый первый сортъ пишутъ. Здѣсь такіе все корреспонденты, что ужасти!

— Ну, ладно.

Лакей беретъ газету и уходитъ.

— Дай-ка газетку побаловаться, говоритъ газетчику остановившійся не то мѣщанинъ, не то купецъ, въ картузѣ и кафтанѣ со сборами.

— Какую прикажете?

— Да какую попроще, только чтобы про войну было писано.

— Вотъ «Сынъ Отечества», «Новости». Обѣ по пяти копѣекъ.

— А за три серебра нѣтъ?

— За три нѣтъ.

— А ты уступи! Чудакъ человѣкъ, вѣдь я въ трактирѣ даромъ могу прочесть, а это ужъ такъ, чтобъ въ лавкѣ.

— Въ трактирѣ все равно за чай еще больше заплатишь.

— Такъ вѣдь то въ утробу пойдетъ. А газета—куда съ ней? Прочтешь и бросишь.

— Бумага все-таки годится.

— Жидка нонѣ бумага-то стала. На картузы ежели, совсѣмъ дѣло не подходящее. Такъ не берешь три серебра?

— Возьми, вотъ, вчерашній номеръ. Эту за три копѣйки отдамъ. Вѣдь тебѣ все-равно.

— Конечно, все равно. А не измята газета то?

— Какъ есть свѣжая! Одно только, что вчера не успѣлъ продать.

— Ну, давай...

Кафтанъ со сборами беретъ газету.

— Есть у васъ вечернія телеграммы? спрашиваетъ дама.

— Помилуйте, сударыня, теперь утро. Вечернія телеграммы—вечеромъ, отвѣчаетъ разнощикъ.

Digitized by Google

— Нѣтъ, я думала, что, можетъ, есть заранѣе напечатанныя.

— Возьмите «Голосъ», «Новое Время».

— Эти намъ почтальонъ носитъ, а по вечерамъ мужъ вечернія телеграммы покупаетъ. Такъ я думала ему сюрпризомъ. Думаю: «придетъ, по утру, завтракать, а ужъ у насъ вечернія телеграммы есть».

Къ газетчику подходитъ кухарка съ мѣшкомъ провизіи.

— Дай-ка газетку, какую ни на есть, за пятачокъ, а то и подешевле, мнѣ все-равно.

— На вотъ «Новости» за пятачокъ.

— А про восьмой флотскій экипажъ здѣсь пишутъ?

— Про все пишутъ. Бери и читай во все свое удовольствіе.

— Да я, голубчикъ, неграмотная. Ты ужъ мнѣ самъ прочти за тѣ-же деньги. Мнѣ про кума, про боцмана Тихона Гаврилова. Гдѣ онъ, и какъ, и что, и не убили-ли его?

Газетчикъ вырываетъ у нея изъ рукъ газету.

— Ступай, матушка, съ Богомъ, ступай! машетъ онъ рукой.—У насъ нѣтъ газетъ... За пять-то копѣекъ, да еще читай тебѣ ее отъ доски до доски! Проходи! намъ времени нѣтъ!

Кухарка смотритъ на него въ недоумѣніи.

— Вишь ты, сердитый какой! говоритъ она и отходитъ.

Къ газетчику со всѣхъ ногъ подбѣгаетъ горничная, покрывшаяся байковымъ платкомъ.

— Дайте пожалуйста, «Новое Время», говоритъ она, запыхавшись.— Только, пожалуйста, новое, а не старое. Стараго намъ не надо.

— Вотъ, пожалуйте, подаетъ ей газетчикъ.

Горничная развертываетъ газету, держитъ ее кверху ногами и смотритъ.

— Да это старое, а не новое. Смотрите, какъ буквы-то слились, и прочитать ничего невозможно. Мнѣ баринъ приказалъ «Новое Время» купить, а это цѣлый мѣсяцъ въ сырости лежало и все растеклось.

— Да это «Новое Время» и есть. Такъ газета называется. Я вамъ даю сегодняшній номеръ.

— Онъ про сегодняшній номеръ ничего не сказалъ, а только два раза повторилъ, чтобъ «Новое Время». Нѣтъ, не возьму у васъ. Пойду поновѣе у другихъ поищу, а то все равно обратно погонитъ, да еще изругаетъ.

Горничная перебѣгаетъ къ другому газетчику.

Digitized by Google

XIV. Двѣсти тысячъ.

1-е сентября. Часъ первый дня. На дворѣ государственнаго банка, у подъѣзда, толпится народъ. Одни пришли справиться насчетъ тиража выигрышей 2-го пятипроцентнаго займа и жаждутъ попасть въ корридоръ, а затѣмъ въ зало, гдѣ производится тиражъ; другіе такъ остановились, потому что народъ стоитъ и что-то смотритъ. Настоящихъ капиталистовъ тутъ нѣтъ. Все это по большей части владѣльцы одного, двухъ билетовъ. Явились и по двое, по трое съ однимъ билетомъ, купленнымъ въ складчину. Народъ разный: десятникъ по строительной части, жаждущій выбиться въ купцы-подрядчики, отставной военный, вдова чиновница съ Петербургской стороны, графскій поваръ, дворецкій, вахтеръ казеннаго зданія, «дочь благородныхъ, но бѣдныхъ родителей», получившая билетъ въ наслѣдство отъ «благодѣтельницы». Изъ подъѣзда выходятъ и входятъ туда артельщики, выскакиваютъ чиновники. Изрѣдка протискается туда кто нибудь изъ толпы и выйдетъ, отирая обильный потъ.

— Богъ знаетъ, гдѣ этотъ самый тиражъ происходитъ, говоритъ онъ.—Кого не спрашивалъ, никто не знаетъ.

— Не вывѣшивали еще въ корридорѣ номеровъ-то! спрашиваютъ его.

— Нѣтъ еще, но говорятъ, что уже вынули главный выигрышъ. Артельщикъ какой-то двѣсти тысячъ выигралъ.

— Опять артельщикъ! восклицаютъ всѣ хоромъ. Поди-жъ ты, какое счастье артельщикамъ! Прошлый разъ артельщикъ, нонѣ опять артельщикъ! Что-жъ это такое? Ужъ нѣтъ-ли тутъ обману какого?

— Одно остается—въ артельщики поступать, произноситъ, разводя руками, кафтанъ со сборами.—Можетъ, тогда и выиграешь.

— Вамъ-то, милый, хорошо, вы мущины, говоритъ старушка съ ридикюлемъ, который она держитъ, прижавъ къ груди. Вы мущины и завсегда можете въ артельщики поступить, а каково намъ, женщинамъ-то? Насъ и въ артельщики не примутъ, ну, значитъ, и сиди на бобахъ.

— А вы отдайте свой билетъ артельщику, онъ и выиграетъ, подшучиваетъ гладкобритый, полный, пожилой мущина, съ круглымъ брюшкомъ и съ толстой палкой въ рукахъ.

— Вотъ еще что выдумали! Копила, копила, да и отдай. Вѣдь, я изъ-за него подчасъ однѣми кофейными переварками питалась. Ну, отдамъ я артельщику, выиграетъ онъ, а мнѣ то какая будетъ польза?

Digitized by Google

— Вы на томъ свѣтѣ воздаяніе получите. Артельщикъ за васъ Богу помолится. Наконецъ, вы съ нимъ завсегда можете уговориться, чтобъ, въ случаѣ выигрыша двухъ сотъ тысячъ, онъ вамъ далъ пятьдесячъ тысячъ.

— Вишь, ты, какой! Нѣтъ, ужъ женщинамъ завсегда несчастье! восклицаетъ старуха.

— Успокойтесь, сударыня, и мущинамъ не слаще, уговариваетъ ее отставной военный, въ фуражкѣ съ краснымъ околышкомъ.—Вотъ я отставной маіоръ, а на чинъ-бы свой не посмотрѣлъ и поступилъ-бы въ артельщики, а что изъ этого? Поступишь въ артельщики, а тутъ, какъ на зло, повара начнутъ выигрывать.

— А что-жъ такое, что повара? обидчивымъ голосомъ откликается изъ толпы пальто. Повара нешто нелюди? И поварамъ ѣсть хочется.

— Я ничего объ этомъ не говорю, а только не поступать-же мнѣ изъ артельщиковъ въ повара.

— Отчего-же не поступать? Есть такіе повара, что любаго барина за поясъ заткнутъ.

— Ты зачѣмъ грубишь? Какъ ты смѣешь? наступаетъ на него военный.

— Я не грублю, а только зачѣмъ-же поваровъ обижать?

— Мутовка-то и обозначила себя сейчасъ, киваетъ на пальто сибирка въ серебряной цѣпочкѣ черезъ шею.—Всѣ про человѣка думали, что господинъ, анъ оказывается, что поваръ.

— Поваръ, да, а ругать поваровъ не позволю! Ну, что-жъ что поваръ? Каждому свой удѣлъ положенъ. Не карманникомъ мнѣ быть.

— А ты видалъ, что я карманникъ? вламывается въ амбицію, въ свою очередь, сибирка.

— Господа, оставьте! что это? Пришли за какимъ важнымъ дѣломъ и вдругъ ругаться! останавливаютъ ихъ со всѣхъ сторонъ.

Къ толпѣ подходитъ кучеръ, въ сѣрой, нанковой безрукавкѣ съ стеганнымъ задомъ.

— Неслыхать, почтенный, кто выигралъ-то? обращается онъ съ вопросомъ къ сибиркѣ.

— Да, говорятъ, что артельщикъ выигралъ, а, впрочемъ, Богъ вѣсть, отвѣчаетъ сибирка, и смѣривъ кучера взглядомъ съ головы до ногъ, говоритъ: «да у тебя билетъ-то есть-ли»?

— У меня-то нѣтъ, а только наша экономка говорила, у нея билетъ есть: «Какъ, говоритъ, двѣсти тысячъ выиграю, сейчасъ, говоритъ Захару пять тысячъ на извозъ, чтобы закладки покупалъ». Это мнѣ, то-есть.

Въ толпѣ смѣхъ.

Digitized by Google

— Изъ подъѣзда выбѣгаетъ сторожъ безъ шапки. Его осаждаютъ вопросами.

— Ну, что, дѣйствительно артельщикъ двѣсти тысячъ выигралъ?

— Какое артельщикъ! портной. Простой портной, штучникъ, двѣсти тысячъ выигралъ. Какъ узналъ, такъ сейчасъ въ кабакъ и побѣжалъ. Даже наши чиновники за нимъ сзади пустились, наскоро разсказываетъ сторожъ и протискивается сквозь толпу.

— Портной выигралъ, портной, простой портной, штучникъ, слышится въ толпѣ.

— А говорили артельщикъ! разводитъ руками сибирка. Портнымъ завсегда счастье! Тутъ катъ-то въ Лѣтнемъ, саду, въ лотерею, портной большіе часы выигралъ.

— Корову, а не часы, поправляетъ кто-то.

— Ну, такъ что-жъ, что корова? Иная корова почище часовъ.

— Вотъ видите, сударыня, портной выигралъ, а не артельщикъ, обращается къ старушкѣ отставной военный.—Въ портные и нашему брату, мущинѣ, поступить не возможно, потому тутъ надо съ малолѣтства учиться.

— Да. Ужъ и неговорите! А представьте, какъ я живо видѣла во снѣ, что я выиграю. Вижу я, что разверзлись небеса, и выходитъ оттуда Анна Петровна, это одна наша знакомая покойница. Вся въ бѣломъ, волосы распущены, и на животѣ у нея крупными буквами: «двѣсти тысячъ».

— Что дѣлать, сударыня, не судьба! разводитъ руками отставной военный.

— Свѣчку, говорятъ, кверху ногами хорошо ставить, замѣчаетъ кто-то.

— У насъ князь Голицынъ на прошлой недѣлѣ обѣдалъ, разсказываетъ гладкобритый, пожилой мущина съ просѣдью.—Нашъ графъ и говоритъ ему о двухъ-стахъ тысячахъ, а князь Голицынъ ему въ отвѣтъ! «двѣсти тысячъ такое-же точно вѣроятіе выиграть, какъ если бы вы, говоритъ, шли мимо дома, и вдругъ отвалился-бы карнизъ и убилъ-бы васъ».

— Нѣтъ, карнизомъ скорѣе убьетъ, чѣмъ выиграешь, откликается кучеръ.—У насъ, лѣтось, на Васильевскомъ островѣ, во какой кусокъ карниза отвалился.

— Пятьсотъ рублей, я полагаю, также легко выиграть, какъ ежели, къ примѣру, задавить на конно-желѣзкѣ человѣка, говоритъ сибирка.

— Однако-жъ, смѣю быть увѣренъ, вѣдь вы, до сихъ поръ, не выиграли и пятисотъ рублей? спрашиваетъ его отставной военный.

Digitized by Google

— Нѣтъ, не выигралъ; да вѣдь меня и конно-желѣзкой не задавили.

— Изъ-за пятисотъ рублей не стоитъ, чтобы и давили, отвѣчаетъ кучеръ.—Вотъ за двѣсти тысячъ, ну, можно-бы рукой или ногой пожертвовать. Съ капиталомъ можно и безъ руки жить.

Изъ подъѣзда протискивается на дворъ чуйка и отираетъ платкомъ потъ со лба. Онъ запыхавшись.

— Господа, вотъ диво-то! Сейчасъ двѣсти тысячъ, кто-бы вы думали, выигралъ? восклицаетъ онъ.

— Портной?

— Нѣтъ.

— Артельщикъ?

— Нѣтъ. Нищій двѣсти тысячь выигралъ. Тамъ, въ корридорѣ, стоитъ. Одеженка—заплата на заплатѣ, изъ себя—голенищу подобенъ. Сейчасъ два генерала его поздравляли.

— Какъ, нищій, а говорили портной?

— Нѣтъ, не портной, а нищій! На Пескахъ живетъ. По грошамъ на папертяхъ на билетъ насбиралъ. Ахъ, ты, Господи! Вотъ ужъ подлинно, что счастье! А тутъ свѣчи ставишь!

— Но скажите, пожалуйста, какъ-же его сейчасъ не задержали? спрашиваетъ, ни къ кому особенно не обращаясь, военный.—Развѣ нищій, просящій подаяніе, можетъ билетъ имѣть?

— Ну, ужъ тамъ можетъ, или не можетъ, а вотъ выигралъ! продолжаетъ чуйка.

— Вотъ ужъ въ нищіе, изъ-за выигрыша, я-бы ни за что не пошелъ, вставляетъ слово сибирка.—Потому, попросишь у человѣка, а онъ тебя сейчасъ: «сами семерыхъ собирать послали!». Окромя того, каждаго городоваго бойся. Сейчасъ схватитъ за шиворотъ честью, да и пойдемъ въ участокъ.

— Это не токма что съ нищимъ, а завсегда съ каждымъ можетъ случиться, откликается купеческое пальто.—Объ этой зашиворотной рекогносцировкѣ каждый завсегда долженъ памятовать. А только какой нищій? Иной нищій слаще купеческаго куска ѣстъ-то.

— Скажите, пожалуйста, обращается къ гладкобритому, полному мущинѣ съ тростью желто-лимонная старая дѣва.—Со мной былъ такой случай. Генеральша Алтынова мнѣ подруга по институту приходится. Очень онѣ богаты. И видѣла я во снѣ, что онѣ мнѣ два билета, за мои домашнія услуги, отдали. Могу я съ нихъ теперь эти билеты судебнымъ порядкомъ требовать?

— Нѣтъ, сударыня, этого, кажется, нельзя требовать. Про сны въ законѣ ничего не говорится, отвѣчаетъ тотъ.

— А навѣрное не знаете? Вы развѣ не адвокатъ?

Digitized by Google

— Никакъ нѣтъ-съ. Я главный дворецкій графа Ольдендорфа.

— Скажите, пожалуйста, а у васъ лицо такое адвокатское.

— Это бываетъ-съ, улыбается всѣмъ лицомъ дворецкій.—Меня разъ, въ одномъ мѣстѣ, даже за самого графа приняли.

Изъ подъѣзда выбѣгаетъ полная дама. Лицо у нея раскраснѣвшись, шляпка свернута на сторону, сборки у платья оторваны.

— Господи! да что-же это такое? Когда-же этому будетъ конецъ. Вѣдь, это скандалъ! Двѣсти-то тысячъ опять банковскій чиновникъ выигралъ! восклицаетъ она.

— Не можетъ быть, гудитъ толпа. Какъ, чиновникъ? Сейчасъ говорили—портной, а потомъ нищій. Ну, а семьдесятъ пять тысячъ?

— Тоже чиновникъ, отвѣчаетъ дама.

Въ толпѣ недоумѣніе полное.

— Боже мой, Боже мой, до чего мы дожили! вздыхаетъ до сего времени стоявшій тутъ-же и молчавшій священникъ.

XV. У доктора.

Утро. Часъ одиннадцатый. Въ пріемной у доктора собрались пациенты. Они сидятъ, стоятъ, ходятъ. Нѣкоторые разсматриваютъ иллюстрированные журналы, лежащіе на столѣ, нѣкоторые отъ нечего дѣлать считаютъ розетки рисунка обой, коими оклеены стѣны Слышна сдержанная зѣвота въ кулакъ, слышенъ шопотъ. Какой-то толстый лысый господинъ съ сердоликовой печаткой на брюхѣ и съ подвязанной рукой притаился въ углу на креслѣ и спитъ, слегка похрапывая. Публика самая разношерстная. Тутъ сухой и длинный гемороидальный чиновникъ въ вицмундирѣ и съ желтолимоннымъ лицомъ, съ шпанскими мушками за ушами, священникъ въ коричневой рясѣ, изъ подъ которой виднѣется широкій, шитый шерстями поясъ; священникъ громко вздыхаетъ, поминутно вынимаетъ изъ кармана гребенку и расчесываетъ волосы на бородѣ и на головѣ. Тутъ и пожилой купецъ съ толстой золотой цѣпочкой черезъ шею, въ брюкахъ на выпускъ и въ сюртукѣ ниже колѣнъ. Купецъ то и дѣло вытаскиваетъ изъ кармана красный фуляровый платокъ и отираетъ имъ градомъ катящійся потъ. Не довольствуясь отираніемъ, онъ утюжитъ себѣ платкомъ затылокъ, подъ бородой Рядомъ съ купцомъ старушка съ редикюлемъ въ рукахъ, на которомъ изображена птица, клюющая цвѣты. Около старушки молодая дѣвушка съ заплаканными глазами. Далѣе чуйка въ дегтярныхъ сапогахъ. Отъ чуйки такъ и отдаетъ деревяннымъ масломъ, коимъ смазана голова.

Digitized by Google

По пріемной изъ угла въ уголъ, побрякивая шпорами и прихрамывая, ходитъ офицеръ. Въ углу возится баба съ ребенкомъ. Всѣ въ ожиданіи и взираютъ на запертую дверь, ведущую въ кабинетъ. Многіе посматриваютъ на часы. Изъ прихожей выглядываетъ лакей.

— Скоро начнетъ принимать? спрашиваютъ его.

— Отпили чай и теперь умываются. Вонъ фыркаетъ! Теперь ужъ скоро. Брюки да сюртукъ напялитъ, сѣдые волосы изъ бороды выщиплетъ и готово, отвѣчаетъ лакей.

У бабы плачетъ ребенокъ. Та жужжитъ, какъ муха, стараясь его укачать. Къ ней подходитъ, скрипя сапогами, чуйка.

— Недужется ребенку-то? задаетъ онъ вопросъ и тыкаетъ пальцемъ въ пеленки.—Чѣмъ страдаетъ-то?

— Животомъ. Охъ, ужъ и не говори! Смучилась вся... Какъ завинтитъ это у него, надо полагать, подъ сердцемъ, инда взвизгнетъ! Благимъ матомъ оретъ, словно крышу съ дома снести хочетъ.

— Ты зачѣмъ-же къ доктору-то его принесла? Ребенка къ доктору не слѣдоваетъ. Его старухамъ показать надо, или такъ свѣдующему человѣку. Докторъ нутро попортитъ. Неси назадъ.

— Да ужъ изъ силъ выбилась. Бабка повитуха смотрѣла ужъ. «Положи, говоритъ, ему на брюшко утюгъ». Гдѣ-жъ ребенку такую тягость вынести? Вдругъ задавитъ? Кто въ отвѣтѣ?

— Неси, говорю, назадъ. Докторъ тутъ не при чемъ. Покажи ребенка-то мнѣ. Я смыслю.

Баба развертываетъ пеленки. Чуйка смотритъ, тыкаетъ пальцемъ.

— Мальчикъ или дѣвочка? спрашиваетъ онъ.

— Дѣвочка. Году еще нѣтъ ребенку. Гдѣ-жъ тутъ утюгъ?..

— А коли дѣвочка, то возьми ты на три копѣйки меду краснаго въ мелочной лавочкѣ, потомъ перцу стручковаго, размѣшай и намажь ей животъ-то. Да затопи печь и какъ намажешь этимъ составомъ, то и держи ее передъ печью. Кричать будетъ—все держи. Болѣзнь крикомъ лучше выходитъ.

— Русскую печь-то затопить?

— Безпремѣнно русскую. Голандская не подходитъ. Поняла теперь какъ нужно орудовать?

— Поняла. Такъ нести ребенка-то?

Баба въ нерѣшимости.

— Неси. Докторъ попортитъ. Онъ сейчасъ струментомъ ковырять начнетъ. Красный медъ и стручковый перецъ передъ русской печью и какъ рукой сниметъ! У моей бабы шестеро...

— Спасибо тебѣ, голубчикъ. И въ самомъ дѣлѣ понесу домой. Прощай!

— Иди, иди съ Богомъ!

Digitized by Google

Баба уходитъ.

— Купецъ подсѣлъ къ священнику.

— Чѣмъ, батюшка, страдаете? Вѣрно крѣпко недужится? Обликъ-то у васъ такой истомленный, говоритъ онъ.

— Надбрюшіе болитъ. У меня съ малолѣтства попорчено, отвѣчаетъ священникъ.—Еще въ бытность въ семинаріи въ богословіи поднялъ я корову подъ пахъ...

— Скажите на милость! Ай-ай-ай! качаетъ головой купецъ.

— Извѣстно, народъ молодой, показать себя передъ невѣстой хотѣлось. Мы изъ уѣзда. И съ тѣхъ поръ, вѣрите-ли?...

— Все надбрюшіе какъ есть одержимо?

— Нѣтъ, мѣстами. То ущемленіе, то какъ-бы стонъ... Отпѣвали мы тутъ старосту. Только возгласилъ я и вдругъ...

— Урчаніе есть?

— И урчаніе, и сверблeніе, и подходъ подъ сердце, одно слово—какъ-бы чемеръ лошадиный.—А вы чѣмъ страдаете?

Купецъ вздыхаетъ.

— У меня болѣзнь душевная, потому что она въ головѣ, начинаетъ онъ.—Сны снятся по ночамъ.

— Къ Богу-бы обратились. Сны отъ Господа Бога.

— Обращались и къ Богу, но никакой пользы. Видно ничего не подѣлаешь. Я сны вижу и весь въ трепетѣ... Ежели, къ примѣру, съ вечера выпьешь, то легче, но намъ ежедневно нельзя, потому люди торговые и въ товарѣ перепутаться можно. Опять-же хмѣльной не углядишь, а молодцы въ сапогъ...

— И страшные сны? интересуется священникъ.

— Трепету подобно! Спервоначалу снилось все насчетъ божества. Разверзутся это, будто, небеса, ангелы изъ нихъ вылетятъ, возьмутъ меня на рамена и несутъ...

— Что-жъ, это сны хорошіе съ предопредѣленіемъ, говоритъ священникъ...

— Позвольте, все это было сначала. Бывало проснешься на недоконченномъ снѣ, хватишь стаканъ квасу, ляжешь опять и видишь продолженіе... Случалось, что и три ночи подъ-рядъ одинъ сонъ...

— Ахъ, Господи!

— Потомъ, кромѣ ангеловъ, святые. Выдутъ и гласъ... «Иди и водрузи подъ моимъ ликомъ свѣщу въ десять фунтовъ».

— И водружали?

— Водружалъ. Но подъ конецъ силъ не стало. То въ пять фунтовъ, то въ десять. Торговля плохая... Сталъ ослушиваться, впалъ въ отказъ. И тутъ-то перемѣна. Страхъ напалъ. Ангелы скрылись и началось иное видѣніе. Какъ заведу глаза, вижу демоновъ, и тѣ

Digitized by Google

будто бы драть меня сбираются. Орясины у нихъ въ рукахъ съ аршинъ, стоятъ и помахиваютъ, инда свистъ стоитъ.

— И больно драли? интересуется священникъ.

— Дранья настоящаго не было, но только примѣръ: раскладываютъ это на скамейкѣ, снимаютъ одежды съ меня. Согласитесь, что страшно и стыдно? Человѣкъ я семейный... Сначала молчалъ, но потомъ повѣдалъ женѣ. Съ той минуты отъ этихъ мыслей лихорадка: и въ жаръ, и въ дрожь. Думали, думали и устроили молебствіе съ водосвятіемъ. Отлегло. Два мѣсяца ничего не снилось.

— Вотъ видите, я говорилъ, что надо къ Богу обратиться, перебиваетъ священникъ.

— Позвольте, позвольте, останавливаетъ его купецъ.—Два мѣсяца ничего не снилось, потомъ стали показываться легкія видѣнія. Вижу что будто съ неба спускается пирогъ съ сигомъ, потомъ скатерть и на ней какъ-бы куличъ и бутылка хересу, величиною съ домъ. Молчу. Думаю, съ такими снами жить можно... Вдругъ перемѣна. Женскія тѣла показываться начали. То плясовица съ бубномъ, то купидонъ женскаго пола оголенный, жена Пентефрія пригрезилась. Говору никакого, все въ отдаленіи и къ себѣ перстами на ложе манятъ.

— Это бѣсы, бѣсы смущаютъ, поясняетъ священникъ.—И угодникамъ таковыя видѣнія были.

— Позвольте, батюшка. И это еще ничего. Женѣ сказать боюсь, потому, думаю, ревность начнется, содержу внутри себя и молчу. Только вдругъ повремени вижу уже другой интересъ... Тѣла исчезли и сталъ старецъ появляться. Борода до чреслъ, на главѣ сѣдины...

— Эй, человѣкъ! Доложи-ко доктору, что его статскій совѣтникъ Треуховъ дожидается! восклицаетъ гемороидальный чиновникъ съ желтолимоннымъ лицомъ и поправляетъ орденъ на шеѣ.

Толстякъ, спавшій въ углу на креслѣ, громко всхрапываетъ, просыпается и начинаетъ потягиваться.

— Пріѣхали, развѣ? спрашиваетъ онъ остановившагося передъ нимъ офицера.

Тотъ въ недоумѣніи смотритъ на него.

— Скажите, какая-же это станція? зѣваетъ толстякъ.

— Чортъ знаетъ, что вы городите! отвѣчаетъ офицеръ и повертывается на коблукахъ.

— Человѣкъ! Кто тамъ? Доложите-же, наконецъ. Мнѣ къ министру надо! продолжаетъ чиновникъ.

Входитъ лакей.

— Сейчасъ, сейчасъ. Имѣйте терпѣніе... Умылись и брюки надѣваютъ, говоритъ онъ.

Digitized by Google

— Намъ до его брюкъ дѣла нѣтъ. Пріемъ объявленъ въ девять часовъ, а теперь скоро одиннадцать!

Толстякъ, поправившись на стулѣ, снова засыпаетъ.

— Ну-съ, продолжайте,—продолжайте, понукаетъ купца священникъ, весь обратившійся въ слухъ.—Это довольно интересно. Перебили нашъ разговоръ то. Сталъ вамъ появляться старецъ, сѣдинами убѣленный и съ бородой до чреслъ...

— Да-съ, старецъ, продолжаетъ купецъ.—Объ оголенныхъ плясовицахъ я вамъ разсказывалъ?

— Разсказывали.

— Ну-съ, сталъ появляться старецъ съ бородой до чреслъ, лицо постное, морщинистое, точь въ точь на старинныхъ образахъ. Остановится въ отдаленіи и качаетъ головой. Это въ первую ночь. Во вторую ночь подошелъ и говоритъ: «Прасковею пятницу помнишь?» Хотѣлъ я отвѣчать, но языкъ прилипъ къ моей гортани. На третью ночь опять вопросъ: «Ильинскую пятницу соблюдаешь?» Нѣтъ словесъ на отвѣтъ. На четвертую ночь подошелъ къ ложу и громовымъ голосомъ вострубилъ: «Калистратій, иди и удавись на осинѣ!» Тутъ я бужу жену и разсказываю ей. Плачемъ.

— Господи Боже мой! всплескиваетъ руками священникъ.—Это видѣніе изъ ряда вонъ!

— Да-съ, и плачемъ. На слѣдующую ночь боюсь заснуть. Сижу и нюхаю табакъ, перомъ у себя носъ щекочу, чтобы, значитъ, чиханіемъ заняться и сонъ отогнать. Однако, не могъ и сморило, уснулъ и вижу опять старца и опять тотъ-же возгласъ: «Калистратій, иди и удавись!» Ну, ужъ тутъ я не стерпѣлъ и къ доктору... Думаю, порошковъ у него какихъ попросить, что-ли, чтобы въ совершенное забытье приходить и спать крѣпче. Я-бы даже и на операцію какую-нибудь рѣшился, потому, вѣрите-ли, мочи нѣтъ. Ну, итожъ, неужто и въ самомъ дѣлѣ мнѣ давиться? Вѣдь у меня жена, дѣти.

— Нѣтъ, какъ возможно! Что вы! восклицаетъ священникъ.— Самоубійство и отъ Бога запрещено. Чудна у васъ болѣзнь! Признаюсь первый разъ о такомъ недугѣ слышу. Вы чтеніемъ страшныхъ романовъ на ночь не занимаетесь-ли?

— Помилуйте, до романовъ-ли! Придешь изъ лавки усталый, прочтешь въ «Полицейскихъ Вѣдомостяхъ» подрядную часть, объявленія о томъ, кто обанкрутился, похлѣбаешь щей да и ко сну...

— Можетъ слишкомъ жирно ѣдите? Упитываетесь? Напримѣръ, винину, огузокъ...

— Извѣстно въ пищѣ себѣ не отказываемъ, только мы съ молитвой... Выпьешь это водки рюмку...

Digitized by Google

Священникъ разводитъ руками.

— Читалъ я сначала въ «Полицейскихъ Вѣдомостяхъ», разсказываетъ купецъ, объ утопленникахъ и удавленникахъ. Кого вагономъ переѣхало—въ то время все съѣдобное снилось; бросилъ—старецъ пошелъ.

— А вотъ что: вы когда ложитесь спать, не думайте о суетѣ мірской, а творите молитву.

— А къ доктору не надо?

— Нѣтъ, и къ доктору обратитесь, да отслужите опять молебенъ, подымите икону...

Къ дѣвушкѣ подсѣлъ офицеръ и крутитъ усъ.

— Какая у васъ болѣзнь? Вѣрно сердечная? спрашиваетъ онъ.

— Флюсъ и ухо заложило. Стрѣляетъ все.

— Болѣзнь самая женская.

— Ахъ, что вы, какъ вамъ не стыдно это говорить! шепчетъ дѣвушка и потупляетъ глазки.

— Отчего-же? Мужской болѣзни у дѣвушекъ не можетъ быть. Ну, ежели не женская, то дѣвичья. Или можетъ быть вы сердечко обожгли?

— Развѣ сердце обжечь можно? Оно внутри помѣщается.

— Сердце обжигается пламенною любовью. У васъ есть мамаша?

— Нѣтъ, у меня тетенька.

— Какъ, тетенька? Значитъ мамаши и не было никогда?

— Не привязывайтесь, пожалуйста, какъ полицейскій крючекъ. Это вамъ вредно.

— Для васъ я даже самую смерть готовъ перенесть. Вы гдѣ живете?

— Не доходя прошедшаго. Этого вамъ и знать не надо.

— Я васъ до дому проводить хочу. Дѣвушкамъ такъ трудно нынче однѣмъ ходить, отбою отъ лавеласовъ нѣтъ, а я васъ защитить могу, при мнѣ сабля.

Купецъ, отирая обильный потъ, катящійся съ него ручьями, сидитъ уже около старухи съ редикюлемъ и шепчетъ:

— Возьмите вы на копѣйку голландской сажи, потомъ ворвани достаньте и на гривенникъ купоросу въ аптекѣ. Поняли? Потомъ полштофъ водки, да натолките кирпичу. Шубный клей есть у васъ дома?

— Найдется.

— Ну, и разболтайте все это.

— И мазаться, и натираться?

— Нѣтъ, отъ натиранья никакого толку не будетъ. Пейте по рюмкѣ, да на зарѣ... А тереться надо лошадиной дугой, просто дугой... Потомъ сними шкуру съ угря...

Digitized by Google

Толстякъ въ углу, на креслѣ, начинаетъ неистово храпѣть. Его ɪдятъ. Съ просонья онъ толкуетъ что то о ворахъ и чешется.

— Вишь скребется-то, словно въ банѣ! киваетъ на него кузецъ.—Попросите, ваше степенство, умыться у служителя. Отъ хоɔдной воды сейчасъ разгуляетесь, обращается онъ къ толстяку.

— Всю ночь не спалъ, отвѣчаетъ тотъ. Рука, мочи нѣтъ, какъ ɔлѣла, а вотъ пришелъ сюда и унялась боль. Ну и сонъ...

— Человѣкъ! Доложите же, наконецъ, доктору! кричитъ чиновникъ съ орденомъ на шеѣ.

— Одѣлись. Сейчасъ выдутъ. Въ сюртукѣ ужъ, отвѣчаетъ лакей.

Въ кабинетѣ раздается звонокъ. Дверь отворяется и на порогѣ ɔказывается докторъ. Паціенты приходятъ въ движеніе, кашляютъ, ɪоркаются.

XVI. Наемъ квартиры.

Августъ мѣсяцъ. Полдень. Улицы Петербурга пыльны. Идетъ ерестилка мостовой. Вездѣ разставлены баррикады. Поправляютъ ротуары, красятъ дома. То тамъ, то сямъ приставлены лѣстницы, ɔлтаются койки съ малярами, спущенныя на блокахъ съ крышъ. ородъ спѣшитъ принарядиться къ сентябрю. Дачники ищутъ зимɪія квартиры.

На Загородномъ проспектѣ, отъ дома къ дому бродятъ дама и ужчина и останавливаются у воротъ, около которыхъ, рядомъ съ ывѣсками «акушерка, sage femme, Hebamme», или «здѣсь дѣлаютъ лото», прилѣплены жеванымъ хлѣбомъ билеты съ надписями въ дѣ: «одаеца комната хотъ чересъ хозяйку», «одаются углы со свемъ», «сдезь ѣстъ разные квартиры сводопроводомъ» и т. п. Протавъ ярлыкъ объ отдачѣ квартиры, мужчина звонитъ въ колоьчикъ, около котораго изображена рука въ синемъ рукавѣ съ выутымъ впередъ указательнымъ перстомъ и надписью: «къ двору». Мущина звонитъ разъ, два, три, слышенъ шелесть провоɪи, но отвѣта никакого. У воротъ на тумбѣ сидитъ кучеръ въ дѣвкѣ, и сплевывая въ сторону длинной слюной, куритъ папиу, свернутую изъ газетной бумаги.

— Напрасно звоните-то, сударь, колокольчикъ у насъ еще съны оборванъ, говоритъ онъ.—А вы лучше толкнитесь сами въ ɔницкую да и постучитесь. Дворницкая у насъ тутъ на дворѣ, гломъ направо.

— Отчего же ты, милый, раньше мнѣ объ этомъ не сказалъ?

Digitized by Google

Сидишь и видишь, что я минутъ пять звонюсь и ни слова, упре каетъ его мущина.

— Да лѣнь. Жара такая, что и говорить-то не хочется! Толк нитесь, говорю, въ дворницкую-то.

Мущина и дама входятъ на дворъ и ищутъ дворницкую, но з угломъ направо ея не оказывается. Дворъ темный, узкій.

— Дворникъ! дворникъ! кричитъ, надсаживаясь, мущина.

Изъ оконъ выглядываютъ женскія головы.

— Послушайте, гдѣ здѣсь дворницкая? обращается дама къ пол ногрудой бабѣ, по поясъ высунувшейся изъ окна.

— А рядомъ съ прачешной.

— Да гдѣ же прачешная-то?

— А вотъ тутъ въ проулкѣ. Идите прямо.

Мущина и дама идутъ по проулку, и наконецъ видятъ двер съ надписью «дворникъ». Мущина отворяетъ дверь, и смотря въ под валъ, кличетъ дворника. Выходитъ заспанный мужикъ съ всклоко ченной головой, въ ситцевой рубахѣ и босикомъ.

— Вамъ повивальную бабку, что ли? спрашиваетъ онъ, зѣвая почесываясь.

— Какое повивальную бабку! здѣсь отдаются квартиры? Есть в пять комнатъ?

— Не знаю. Это надо у дворника спросить.

— Такъ ты не дворникъ?

— Нѣтъ, я землякъ.

— Гдѣ же дворникъ?

— А надо полагать, на заднемъ дворѣ дрова колетъ. Посмотр тамъ около помойной ямы.

Мущина и дама идутъ на задній дворъ. Вотъ и помойная я Зловоніе такъ и бьетъ по носу, а дворника все-таки нѣтъ. Д грязныхъ ребятишекъ играютъ въ пятнашки.

— Послушайте, милыя дѣти, вы не видали дворника? спра ваетъ дама.

— А вамъ котораго надо? Ивана или Данилу?

— Намъ все равно.

— Иванъ дрова понесъ въ прачешную. Тамъ мамка бѣлье стира

Приходится отправляться опять на первый дворъ. Разъиска прачешная. Тамъ, стоя около лоханокъ, во все горло переругива прачки.

— Дворникъ, дворникъ! въ третій разъ кричитъ мущина.

— Чего орешь-то! напускаются на него прачки.—Видишь, здѣсь нѣтъ дворника.

— Говорятъ, что здѣсь былъ.

Digitized by Google

— Былъ да весь вышелъ.

— Гдѣ же онъ? Не можете-ли вы мнѣ сказать? Битыхъ четверть часа ищемъ!

— Вы въ портерную загляните, здѣсь же въ нашемъ домѣ. Его офицерскій деньщикъ угощать повелъ.

Мущина выходитъ изъ терпѣнія.

— Это истинное наказаніе! восклицаетъ онъ, однако идетъ въ портерную.

Въ портенной за столомъ за бутылкой пива сидитъ мужикъ въ ситцевой рубахѣ и передникѣ.

— Ты дворникъ здѣшняго дома?

— Точно такъ-съ, дворники будемъ. Вы насчетъ лошадей и шарабана? спрашиваетъ онъ.

— Нѣтъ, мнѣ квартиру надо. Есть у васъ квартира въ четыре комнаты?

— Есть у насъ квартиры, всякія есть, отвѣчаетъ дворникъ и осматриваетъ съемщика съ ногъ до головы.—Да вы актеръ будете?

— Нѣтъ, не актеръ.

— Тото. Хозяинъ не велѣлъ актерамъ отдавать. Сталовѣръ онъ. «Не хочу, говоритъ, чтобъ беззаконники въ домѣ жили». Пожалуйте, я сейчасъ.

Дворникъ наскоро глотаетъ стаканъ пива и ведетъ съемщика.

— Высоко?

— Нѣтъ, не очень. Коли ежели не считать подвала, то въ четвертомъ этажѣ. Пожалуйте!

— Охъ какая вышь!

— У насъ еще пятый этажъ есть, да и на чердакѣ сапожникъ одинъ живетъ. На высотѣ-то, сударь, лучше, воздухъ чище. Пожалуйте, по черной лѣстницѣ, парадная-то у насъ загорожена. У насъ квартиры чистыя, хорошія, съ водопроводомъ.

Съемщики начинаютъ подниматься по черной лѣстницѣ. Вонь. Попадаются ушаты съ помоями, поверхъ которыхъ плаваютъ лимонные кружки, яичная скорлупа. Въ одной изъ кухонь отворена дверь и оттуда валитъ чадъ отъ жженаго кофею. На съемщиковъ лаетъ большая собака и бросается къ самому лицу.

— Удержи ее, я боюсь, говоритъ дама.

— Не бойтесь, сударыня, щенокъ еще, не укусить. Цыцъ. Валетка! Это офицерская собака. Деньщикъ пріучилъ, чтобъ лицо лизать, успокоиваетъ дворникъ.—Пожалуйте, еще этажикъ.

Поднялись еще этажъ. Дворникъ приводитъ къ дверямъ и пробуетъ отворить ихъ, но двери оказываются запертыми.

— Эхъ, варварки, заперты, а ключъ-то, кажись, не захватилъ,

Digitized by Google

говоритъ онъ и начинаетъ рыться въ карманахъ. Такъ и есть, ключь въ дворницкой. Повремените маленько, я сейчасъ, только за ключемъ сбѣгаю.

— Эхъ, любезный, какъ-же ты это ведешь въ запертую квартиру и не захватилъ ключа!

— Да думалъ, сударь, что не заперто. Все отперта стояла, а тутъ какъ на грѣхъ! Я сейчасъ.

Дворникъ бѣжитъ внизъ. Съемщики остаются на лѣстницѣ. Изъ квартиры пятаго этажа кто-то выноситъ коверъ и начинаетъ вытряхивать его въ пролетъ лѣстницы. Пыль летитъ столбомъ.

— Послушайте! Кто тамъ? Повремените маленько. Какъ-же можно на людей грязный коверъ вытряхивать? кричатъ съемщики и жмутся къ стѣнѣ.

— А вы зачѣмъ тамъ вертитесь? раздаются голоса сверху.

— Мы не вертимся, а квартиру пришли смотрѣть.

— А коли квартиру пришли смотрѣть, то и идите въ квартиру, а по лѣстницѣ нечего шляться!

Наконецъ приходитъ дворникъ съ связкой ключей, пробуетъ отворить дверь, но не можетъ. Ни одинъ ключъ не лѣзетъ въ замочную скважину.

— Вотъ несчастіе-то! Не ту связку взялъ! восклицаетъ онъ.— Видно, господа, вы не въ часъ пришли. Опять повременить надо, пока я внизъ сбѣгаю.

— Послушай, дворникъ, это уже ни на что не похоже! горячится съемщикъ.—Такъ совсѣмъ нельзя!..

— Да что-жъ ты будешь дѣлать? Прибѣжалъ въ попыхахъ, схватилъ... Ахъ, чтобы тѣ мухи съ комарами!.. Кто-жъ васъ зналъ, что вы такіе несчастные! Повремените малость. Стриженая дѣвка косы не успѣетъ заплести... Живымъ манеромъ...

Съемщики опять остаются одни. Мущина смотритъ на часы.

— Перваго половина, говоритъ онъ.—Какъ бы не опоздать къ докладу. Директоръ нашъ въ часъ пріѣзжаетъ. Цѣлыхъ полчаса въ поискахъ за дворникомъ и въ стояніи на лѣстницѣ прошло.

Изъ дверей напротивъ выходитъ кухарка и подозрительно смотритъ на съемщиковъ.

— Вы вѣрно къ лакею нашему изъ Царскаго Села? спрашиваетъ она.

— Нѣтъ.

— Вы не графскій поваръ?

— Нѣтъ, нѣтъ. Мы квартиру пришли смотрѣть.

— Такъ, такъ. А я думала, что графскій поваръ. У насъ лакей имянинникъ, такъ графскаго повара къ себѣ ждетъ.

Дворникъ является снова.

Digitized by Google

— Замучились стоявши-то? улыбается онъ.—Теперь ужъ сейчасъ. асилу нашелъ ключи-то. Пожалуйте.

Съемщики входятъ въ квартиру.

— Вотъ кухня, а вотъ зальце будетъ. Это какъ-бы, къ примѣру, абинетъ, тутъ спальня.

— Батюшки, какая грязь! восклицаютъ съемщики.—Чтожъ, выиститъ квартиру хозяинъ-то, и оклеитъ новыми обоями? спрашиаютъ они.

— По нынѣшнимъ временамъ оклейки никакой не полагается. Ѣздѣ убытки. У хозяина вонъ двухъ жеребцовъ въ солдаты взяли. Такъ есть, такъ и берите безъ ремонта.

— Да здѣсь жить нельзя. Смотри, обои оборваны, въ щеляхъ клопы, кухня тараканами засижина.

— Безъ клоповъ и таракановъ, сударь, ужъ не проживете. Гдѣ люди, тамъ и клопы. Клопъ на живое идетъ. А только ежели здѣсь заварить теперь фунтъ крахмалу, то вотъ тебѣ и поправка! Обои подклеилъ, клоповъ газетной бумагой заклеилъ и мыломъ сѣрымъ замазалъ, вотъ и все...

— Нѣтъ, нѣтъ, наконецъ я тебя спрашивалъ про четыре комнаты, а здѣсь всего три.

— А корридоръ-то? Мы его за четвертую комнату считаемъ, отвѣчаетъ дворникъ.

— Вы можете считать, а только корридоръ не комната. Вопервыхъ, намъ нужна чистая квартира, а во-вторыхъ—въ четыре комнаты.

— Есть и такая. Совсѣмъ заново отдѣланная. Пожалуйте на другую лѣстницу!

— Эхъ, любезный, зачѣмъ же ты намъ ее раньше не показалъ? Я только время теряю! говоритъ съемщикъ.

— Это оно точно, дѣйствительно, соглашается дворникъ, а только, сударь, намъ квартиру, которая погрязнѣе, все-таки лестнѣе отдать, ну, потому ее и показываешь. Пожалуйте чистую-то посмотрѣть.

— Мнѣ некогда, я къ часу долженъ быть въ должности. Я послѣ зайду.

— Посмотрите, сударь, тутъ вѣдь недалече. Только вотъ спустимся внизъ, на другую лѣстницу подымемся въ четвертый этажъ и тутъ.

Мущина и дама совѣтуются другъ съ другомъ.

— Ну, веди насъ, говоритъ дама. Только скорѣе и ужъ ключи впередъ захвати.

— Ключи съ нами. Насчетъ этого теперь будьте покойны. Пожалуйте!

Поднимаются на другую лѣстницу и входятъ въ квартиру. Квар-

Digitized by Google

тира оказывается дѣйствительно заново отдѣланною и о четырехъ комнатахъ. Съемщики начинаютъ планировать комнаты.

— А гдѣ-же водопроводъ и кранъ? спрашиваетъ дама.—Наворотахъ у васъ стоитъ, что квартира отдается съ водой.

— Съ водой, это точно, отвѣчаетъ дворникъ.—Водопроводъ у насъ на дворѣ. За воду ничего не беремъ, а только за носку намъ заплатите. Кранъ-то въ квартирѣ, сударыня, еще хуже. Иной разъ во хмѣлю забудешь его запереть, ну и затопитъ водой горницу.

Квартира нравится съемщикамъ.

— Чтожъ, рѣшай, Анна Семеновна, обращается мущина къ дамѣ. Ежели нравится, то и задатокъ дадимъ. Да скорѣй думай, мнѣ на службу пора, и то уже опоздалъ. Ахъ, да! Вѣдь эта квартира сорокъ рублей въ мѣсяцъ ходитъ? спрашиваетъ онъ дворника.

— Сорокъ-то сорокъ, отвѣчаетъ дворникъ. Только позвольте прежде спросъ сдѣлать. Вы для себя ее нанимаете?

— Для себя.

— Эта дама жена вамъ?

— Жена.

— Законная? То есть какъ есть настоящимъ манеромъ вы перевѣнчаны?

— Послушай, любезный, что за спросы такіе! Ты дѣлаешь дерзости, наконецъ. Конечно, законная жена.

— То-то. У насъ хозяинъ смерть мамзелей не любитъ. Жилъ у насъ тутъ актеръ одинъ съ мамзелью, такъ насилу выжили. И вотъ что еще, сударь: чтобы никакимъ рукомесломъ не заниматься, потому эта квартира чистая. Ни шитвой портняжной, ни чеботарствомъ. Вы мастеровые?

— Нѣтъ, чиновникъ.

— Ну, чиновникъ ничего. Писать пишите, только, чтобы чернилами стѣны не брызгать и по полу не разливать, потому полы заново... Опять на машинѣ не шить и танцы не танцовать. Внизу подъ этой квартирой самъ хозяинъ живетъ и по своей сталовѣрской вѣрѣ смерть этого не любитъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, мы живемъ смирно.

И на фортупьянѣ чтобы наканунѣ праздника и по постамъ не играть, продолжаетъ дворникъ.—Вы какой вѣры?

— До этого, любезный, тебѣ дѣла нѣтъ. Бери задатокъ и дѣлу конецъ! горячится съемщикъ.

— Тоже, чтобы кухарки или горничной молодой не держать, то внизу у насъ хозяйскіе прикащики, такъ изъ-за женскаго сословія драка... Сами знаете, народъ молодой, до женской нацѣ ехидный...

Digitized by Google

— Молчи, ты меня выводишь изъ терпѣнія!.. топаетъ ногой съемщикъ и хочетъ дать задатокъ.

— Иванъ! раздается на дворѣ чей-то возгласъ.

— Ау! откликается дворникъ и выглядываетъ изъ окна квартиры. Что тебѣ?

— Иди обѣдать!

— Сейчасъ. Я квартиру сдаю!

— Каку квартиру? Ее нельзя сдавать. Я ее даве уже сдалъ барину и задатокъ взялъ!

Съемщикъ вспыхиваетъ и сжимаетъ кулаки.

— Послушай, мерзавецъ ты эдакій! кричитъ онъ?—Чтоже ты съ нами дѣлаешь? Я тороплюсь въ должность, опоздалъ ужъ, а ты меня водишь по лѣстницамъ и показываешь квартиры, которыя уже отданы. Есть ли у тебя стыдъ-то въ глазахъ?

Дворникъ чешетъ затылокъ.

— Что-жъ, сударь, намъ хорошимъ господамъ завсегда пріятно сдать квартиру. Кто-жъ ее зналъ, что она сдана! Вотъ поди-жъ ты!

Ругаясь, сходятъ съемщики съ лѣстницы. Дворникъ идетъ за ними сначала слѣдомъ, потомъ равняется съ ними, останавливается на площадкѣ и говоритъ:

— На чаекъ-бы съ вашей милости, сударь, слѣдовало!

XVII. На пожарѣ.

Въ одномъ изъ отдаленныхъ кварталовъ Петербурга горитъ деревянный домъ. На пуступорожее мѣсто, находящееся близь пожара, выносятъ мебель, разный домашній скарбъ, выводятъ коровъ, лошадей. Тутъ-же столпился народъ и смотритъ. Народъ самый разношерстный: не то мѣщанинъ, не то купецъ въ халатѣ, опоясанномъ желтымъ фуляромъ, и въ опоркахъ на босу ногу, кучеръ въ поддевкѣ, мастеровой въ передникѣ и съ ремешкомъ на головѣ, плотникъ-костромичъ съ топоромъ за поясомъ, молодой человѣкъ въ соломенной шляпѣ и съ дѣвушкой подъ руку, горничная въ платочкѣ, солдатъ, баба въ сарафанѣ. Вдали виднѣются пожарные, бочки съ водой, мелькаетъ кепи полицейскаго офицера. Въ народѣ идутъ толки, разговоры.

— Отчего загорѣлось? не слыхать? спрашиваетъ кучера соломенная шляпа.

— Отъ огня.

Digitized by Google

— Дуракъ! невѣжа! Ты будь учтивѣе, коли тебя спрашиваютъ. Отъ огня!

— А то отъ чего-же? Отъ воды загорѣться не можетъ.

— Самоваръ, надо полагать, ставили, либо трубку курили на сѣновалѣ, вмѣшивается въ разговоръ купецъ въ халатѣ.—Теперича кучеръ, нѣшто онъ что чувствуетъ? Нашелъ на землѣ карту, сейчасъ это свернулъ изъ нея папироску и на сѣновалъ... Иной хмѣльной. Много эти кучера домовъ жгутъ и несчастіевъ творятъ!

— Кучера хмѣльные жгутъ, а вотъ купцы такъ трезвые, откликается кучеръ.—Застраховалъ ловко лавочку, вывезъ товаръ, подлилъ керосину да и жгетъ.

— Ты, любезный, говорить говори, да не заговаривайся!

— И ты языкъ-то прикуси! Думаешь, что брюхо-то отростилъ, такъ и правъ? Видали мы виды-то!

— Бываетъ иногда тоже принципъ самовозгаранія, говоритъ молодой человѣкъ въ соломенной шляпѣ.—Недавно вотъ писали въ газетахъ, что мыши начали коробку спичекъ глодать и какъ до фосфорныхъ головокъ зубами дотронулись, сейчасъ и вспыхнуло. Вы у Тиндаля помните? обращается онъ къ купцу.

— Нѣтъ, не помнимъ такого.

— Физику его помните?

— Нѣтъ-съ и физику его не помнимъ. Конечно, покажись онъ теперича, то можетъ по физикѣ-то евоной и признаемъ. Много вѣдь всякаго народа видѣли. Онъ купецъ, что-ли?

— Нѣтъ, профессоръ и извѣстный изслѣдователь.

— Избави Богъ, сударь, съ слѣдователями-то быть знакому. Мы беззаконіевъ на своемъ вѣку не дѣлали.

— Смотри, смотри, какимъ столбомъ пламя-то выкинуло! восклицаетъ мастеровой.—И на концѣ какъ-бы стрѣла!..

— Икона надо полагать, горитъ, поясняетъ купецъ.—Икона какъ загорится, сейчасъ огненный столбъ къ небу вопіетъ. Великій грѣхъ человѣку, коли ежели онъ свою икону съ пожара не вытащитъ.

— А что? спрашиваетъ баба въ сарафанѣ.

— На годъ въ анафемы проклятыя угодитъ. И ужъ тогда молись не молись, а молитва твоя не дѣйствительна будетъ.

— Ахъ, Господи! Мать Пресвятая Богородица! Ну, а ежели молебны служить?

— Чужая молитва помогаетъ, это точно.

— У насъ племянникъ нашъ въ нашемъ мѣстѣ три года въ анафемахъ-то жилъ, разсказываетъ мастеровой.—Вдругъ исчезъ. Ну, такъ и думали, что утонулъ, либо убили. Пришолъ потомъ худой, блѣдный. Спрашиваемъ: гдѣ былъ? Я, говоритъ, подъ скрытіемъ въ ана-

Digitized by Google

фемахъ находился. Разсказывалъ про житье свое. Харчи, говоритъ, очень плохіе, бань нѣтъ, а работа такая, чтобъ воду на гору таскать и ни воскресенья, ни праздника не полагается. Водки въ волю, но водка сухая такая и пить ее невозможно.

— Мели Емеля, твоя недѣля! машетъ рукой купецъ.

— Не вѣришь? Поди справься у племянника. Онъ теперъ у Берда на заводѣ въ кузнецахъ. Удивительно, какіе вы купцы невѣроятные! Ничему не вѣрите.

— Вотъ еще пожарные пріѣхали. Ну, теперь шабашъ! Зальютъ, говоритъ плотникъ.—Вотъ тоже ихняя жизнь-то! Служи, служи, а все кавалеріи никакой...

— Напрасно такъ полагаешь, землякъ, откликается мастеровой.—Теперича они совсѣмъ какъ-бы войско изъ себя составъ имѣютъ. У нихъ и медали за храбрость и даже музыканты есть, все равно какъ гвардія. Какъ большой пожаръ—сейчасъ и музыканты играютъ. Только надо безпремѣнно, чтобъ пятнадцать домовъ сгорѣло, а на простой пожаръ они и не ѣздятъ.

— Музыканты? ой, врешь? сомнѣвается плотникъ.

— Спроси господина купца. Вотъ онъ живой передъ тобой стоитъ. Душой не покривитъ.

— Зачѣмъ кривить. Это дѣйствительно, это точно, подтверждаетъ купецъ.—Только у этихъ самыхъ музыкантовъ замѣсто трубъ пожарныя кишки. Въ нихъ они и дудютъ. И что угодно выходитъ. Всякая Травіата выходитъ.

— А барабаны есть?

— Нѣтъ. Взамѣсто барабановъ бочки пустыя, потомъ колокольчики.

— Чудно! дивится плотникъ.—Зачѣмъ-же имъ эти музыканты?

— А чтобъ во время большаго пожара народъ въ отчаянность приводить. Играетъ музыка, такъ они свирѣпость въ себѣ чувствуютъ: по лѣстницамъ лѣзутъ, стеклы бьютъ, все что ни попадя по дорогѣ разворачиваютъ—одно слово вопль смертельный!

— Не слыхалъ, не слыхалъ. И пѣсенники есть?

— Есть и пѣсенники. А оркестромъ этимъ самымъ командуетъ брантмейстеръ. Палкой взмахнетъ, «полундра» крикнетъ, ну и начнутъ играть.

— Какъ крикнетъ-то?

— Полундра. Это такое пожарное слово, все равно что наши уру кричатъ. Эво, вонъ второй домъ занимается, огненные языки крышу начали лизать, указываетъ рукой купецъ.—Надо-бы воды сходить покачать, да сапоги надѣвать лѣнь, а въ опоркахъ-то оно неудобно.—Бѣги-ко землякъ, помоги пожарнымъ, тамъ народу-то мало, обращается онъ къ плотнику.

Digitized by Google

— Промнись самъ, не великъ баринъ!

— Говорю тебѣ, я въ опоркахъ, а ты въ сапогахъ. Вспомни Бога-то.

— Мы Бога помнимъ чудесно, а только изъ-за этого самаго пожара въ части разъ ночевали. Будетъ съ насъ.

На двухъ узлахъ сидитъ старуха и плачетъ. Въ рукахъ у нея кофейникъ и сѣрый котъ. Къ ней подходитъ молодой человѣкъ въ соломенной шляпѣ.

— Погорѣли, бабушка? спрашиваетъ онъ.

— Охъ, погорѣли! Охъ, согрѣшили противъ Матушки Неопалимой купины! всхлипываетъ старуха.—Прогнѣвали Царицу Небесную. Самъ только енотовую шубу сшилъ, сама салопъ на лисьихъ хребтахъ. Думали лѣтомъ-то мѣха дешевле.

— Вы хозяйка этого дома будете?

— Нѣтъ я теща. Два самовара, шугай на зайцахъ...

— Когда-же и отчего загорѣлось-то?

— Охъ, Божіе попущеніе! Пришелъ самъ изъ бани: «кваску-бы, говоритъ, испить». Пошла это я въ погребъ, глядь, а ужъ у насъ зады горятъ. Мы за скотомъ, а тутъ и домъ занялся. Шугай совсѣмъ былъ новый, на Прасковею пятницу сшила.

— Отъ молоньи ежели-бы загорѣлось, такъ тутъ мудрости никакой нѣтъ, только чтобъ парнымъ молокомъ тушить, замѣчаетъ кто-то.—Двѣ кринки вылилъ парного молока, ну и конецъ пожару.

Кучеръ подходитъ къ горничной и тыкаетъ ее пальцемъ подъ мышку. Та вскрикиваетъ.

— Эти всѣ пожары отъ вашей пылкости происходятъ, говоритъ онъ.—Ужъ очень въ васъ скоропалительность велика. Ей и поджигаете.

— Зачѣмъ-же такой сюжетъ на насъ придумываете? жеманится та.—Скорѣй же пожары отъ мущиновъ, такъ-какъ они завсегда съ трубкой при себѣ.

— Мы съ трубкой, но и вы при себѣ завсегда сибирь имѣете—кофейникъ.

— Кофейникъ точно что при насъ, но онъ съ сыростью и имъ даже тушить пожаръ возможно.

— Это точно, но сырость вы всегда на лучинахъ разогрѣваете. Развела таганъ, съ воздахторомъ разговорилась, про таганъ забыла—вотъ и пожаръ.

— А вы зачѣмъ своимъ коварствомъ нашъ покой смущаете?

— А затѣмъ, чтобъ ваша сестра не попортилась, ну, мы ее и перетряхаемъ.

— Ахъ, какія низкія слова про наши чувства!

Digitized by Google

Купецъ подходитъ къ кучеру и трогаетъ его за плечо.

— Чѣмъ-бы лясы-то съ женскимъ сословіемъ точить, шелъ-бы, любезный, воду качать, говоритъ онъ.—Тамъ несчастіе, а ты бобы разводишь.

Кучеръ скашиваетъ на купца глаза.

— Промнись самъ. Прогуляй жиръ-то! Не великъ баринъ, отчеканиваетъ онъ.

— Я бы и пошелъ, потому пожаръ для меня первое удовольствіе, а видишь я въ опоркахъ и въ халатѣ. Ну, вдругъ въ часть возмутъ? Какъ я въ эдакомъ видѣ? Ты все-таки въ сапогахъ.

— А тебѣ вѣрно въ мундирѣ въ части-то сидѣть хочется?

— Дуракъ!

— Отъ дурака слышу.

Надъ столбами дыма носятся голуби.

— Турмана это, замѣчаетъ кто-то.—Тутъ купеческій сынъ одинъ жилъ и турмановъ держалъ. Спервоначалу все въ пѣсенники поступить хотѣлъ, а потомъ голубями занялся.

— Это монахъ то, что-ли? слышится вопросъ.

— Нѣтъ, онъ не монахъ, а только послушникъ былъ. Ушелъ въ актеры съ пьяныхъ глазъ, ну, а какъ отрезвился и поѣхалъ на Валаамъ себя святить. На него затменіе въ пьяномъ образѣ находитъ. Онъ и въ шарѣ разъ летѣть хотѣлъ.

— Когда я на Петербургской жилъ, такъ у насъ одинъ чиновникъ жену свою за пару голубей пріятелю отдалъ. Вотъ что значитъ охота-то! Пятьдесятъ рублей за птицъ давалъ, не беретъ, ну, онъ жену.

— Охота—бѣда! У нашего хозяина дядя мѣняла, такъ тотъ удивительное пристрастіе къ пѣтухамъ чувствуетъ, чтобы драку промежь нихъ заводить... Лѣтось налетѣлъ на него пѣтухъ да глазъ и выклюнулъ. Чтожь ты думаешь? Еще въ большую ярость къ пѣтухамъ насчетъ этой самой охоты пришелъ.

Къ мастеровому съ ремешкомъ подходитъ купецъ.

— Что галокъ-то, землякъ, на небѣ зря считаешь говоритъ онъ.— Смотри, какъ занялось все. Вѣтеръ, головешки летятъ. Вѣдь эдакъ, пожалуй, и цѣлой улицѣ не устоять. Все пожаръ слизнетъ. Шелъ-бы помогать, воду покачалъ-бы.

— А ты самъ покажи спервоначалу дорогу, тогда и мы пойдемъ, возражаетъ мастеровой.—Или бороду спалить боишься?

— Бороду! Что мнѣ борода? Мнѣ не сподручно, видишь я въ опоркахъ, а ты все таки въ сапогахъ. Вѣдь тутъ и для души спасенье.

— Спасай свою душу, а нашу не замай!

Digitized by Google

— Мы и спасаемъ. За нашу душу въ трехъ монастыряхъ молятся.

— А за нашу, можетъ, въ десяти. Вишь какой совѣтчикъ выискался! Ты вотъ покупателя надулъ, ну и сытъ, а мы штучники, поштучно работу работаемъ. У насъ кажиный часъ на счету и въ разсчетѣ, а возьмутъ въ часть съ пожара, ну, и пропалъ день до утра.

Отъ горѣвшаго дома бѣжитъ баба. Въ рукахъ у нея чижъ въ клѣткѣ и образъ.

— Охъ, родимые! Не могу, не могу! бормочетъ она, запыхавшись.—Совсѣмъ все прахомъ пойдетъ! Видно прогнѣвили Господа Бога! Охъ!

— Дѣти что-ли тамъ остались? пристаютъ къ ней.

— Охъ, не могу! Не могу! Видно великій грѣшникъ среди насъ поселился! Владычица, чтожъ это такое?

— Да въ чемъ дѣло то? Мужа, что-ли убило?

— Охъ, нѣтъ, охъ, нѣтъ! Перекинуло черезъ улицу и кабакъ загорѣлся... Теперь всей улицѣ конецъ!

— Кабакъ?! въ одинъ голосъ вскрикиваютъ и кучеръ, и мастеровой, и плотникъ.

— Онъ самый, онъ самый. Народъ нахлынулъ со всѣхъ сторонъ, тащитъ и косушками, тащитъ и восьмушками и полуштофами. Охъ, не могу!

Баба въ изнеможеніи опускается на землю. Мастеровой, кучеръ и плотникъ бѣгутъ по направленію къ пожару.

XVIII. Въ мелочной лавкѣ.

Время дополуденное. Мѣсто дѣйствія мелочная лавка со всей ея обыденной обстановкой. На полкахъ банки съ гвоздями, леденцами, пуговицами, пастилой, горка сахарныхъ головъ. На полу кадушки съ масломъ, припахивающимъ сельдями, и съ сельдями, припахивающими шубнымъ клеемъ. Запахъ кислой капусты и печенаго хлѣба царитъ въ воздухѣ. Шкафчикъ съ табакомъ и папиросами, витринка съ галантерейными вещами. На окнѣ росписныя чашки съ надписями: «дарю въ день андела», «пѣй ѣсчѣ», «отъ сердца другу», «взнакъ удоблѣтворенія» и т. п. Посреди лавки широкая выручка съ вѣсами, къ одной изъ чашекъ которыхъ прилѣпленъ снизу хлѣбнымъ мякишемъ мѣдный «трешникъ», а сверху, на коромыслѣ, виситъ ключъ, какъ-бы повѣшенный по забывчивости. Изъ-за прилавка виднѣется желѣзный гарнецъ съ вогнутымъ дномъ и боками. За вы-

Digitized by Google

ручкой суетится рыжебородый лавочникъ въ ситцевой рубахѣ и жилетѣ, поверхъ котораго блеститъ серебрянная часовая цѣпочка черезъ шею. Тутъ же двое мальчишекъ, подручныхъ. Изъ другой комнаты выглядываетъ пекарь съ всклокоченной головой и въ опоркахъ на босу ногу. Въ углу икона съ лампадой.

Лавка полна посѣтителями. Шуршатъ туго накрахмаленными ситцевыми юбками горничныя и кухарки; виднѣется деньщикъ въ офицерской фуражкѣ и съ собакою; «салопница», чиновникъ съ кокардой на фуражкѣ. Лавочникъ отпускаетъ любезности женскому полу.

— Что это вы, какъ будто поприпухли, гладенькая? Дарьѣ Митревнѣ почтеніе съ завиткомъ!

Посѣтители входятъ и выходятъ. Нѣкоторые засѣли на скамейку и судачатъ господъ.

— Дайте пачку папиросъ Лаферма въ десять копѣекъ, только получше! раздается женскій голосъ.

— Отпустите полъ сальной свѣчки. У насъ самъ самой въ дракѣ переносье ссадилъ, такъ мазать хочетъ, распѣваетъ кухарка въ розовомъ сарафанѣ. Пол-гривы вырвалъ.

— Наука, значитъ, была въ волостномъ правленіи? задаетъ вопросъ лакей въ картузѣ и съ тросточкой.

— Да, на тотъ самый манеръ, какъ бѣлье полощутъ. У насъ этотъ альбомъ отъ зари до зари по семи разъ въ сутки происходитъ. То полѣномъ другъ друга ласкать начнутъ, то сапожными калодками воюютъ.

— Надо полагать, купцы въ своемъ собственномъ невѣжествѣ?

— Нѣтъ, благородные; самъ по телеграпу служитъ, а сама по мамзельной части съ мальчиками и дѣвочками занимается. Изъ-за пустяковъ и вышло-то. Самъ говоритъ, что тараканъ муравьиныя яйца несетъ, а она этому противится. Бацъ въ него полоскательной чашкой, ну и пошло.

— Вамъ полъ сальной свѣчки? откликается лавочникъ.—Вы-бы имъ, вмѣсто сала, присовѣтовали толченымъ кирпичемъ эти самыя переносья... Чудесно сушитъ.

— А мнѣ наплевать, что сушитъ! Хоть бы и совсѣмъ у ней носъ отмокъ. Давай полъ сальной свѣчки!

— Порадѣйте, православные, на построеніе погорѣлаго храма Господня святителя и чудотворца!.. раздается возгласъ.

— Отъ огня загорѣлось-то? спрашиваетъ кто-то.

— Нѣтъ, отъ грозы. Прогнѣвали Господа Бога. Въ самый Ильинъ день, въ прошломъ году, ударило въ куполъ и сверзило колоколъ въ триста пудовъ. Пробовали молокомъ тушить, но исправникъ, будучи у обѣдни, схватилъ за волосья старосту...

Digitized by Google

— На Афонѣ?

— На Афонѣ, боголюбивый жертвотатель, въ семи верстахъ отъ Іерусалима, гдѣ рѣка Іорданъ, иже...

— На копѣечку! За здравіе Тихона, Іоанна, Петра, Варсонофія, Глѣба, Степаниды, двухъ Аннъ и Ульяны...

— Спаси васъ Богъ и Царица... говоритъ сборщикъ. Опорочекъ нѣтъ-ли, сударь? Въ сапогахъ-то куда какъ трудно по жарамъ... Пошли тебѣ матушка Прасковѣя Пятница!..

— Проходи, старикъ! Получилъ и проходи! Тутъ намъ не слободно разговаривать! кричитъ ему лавочникъ.—Оказія! обращается онъ къ покупателямъ.—Сербы теперь изъ греческихъ земель ходить начали. Иго турецкое показываютъ и камень небесный. Вчера фунта стеариновыхъ свѣчей какъ не бывало!

Въ лавку входитъ мужикъ безъ шапки и босикомъ и начинаетъ взглядывать на кадки и по полкамъ, за нимъ слѣдомъ ходитъ мальчикъ, и подозрительно смотритъ.

— Трески тебѣ, землякъ? спрашиваетъ онъ.

— Нѣтъ. Этотъ студень почемъ?

— Семь копѣекъ. Тебѣ, можетъ, киселя гороховаго? Рубецъ есть.

— А ситникъ бѣлый у васъ есть?

— Въ лучшемъ видѣ. Сейчасъ только изъ печи вынули. Тешка коренная имѣется.

— Тешки не надо. Эта красная рыба почемъ? Копченая она?

— Копченая. Только не по карману она тебѣ будетъ. Шесть гривенъ фунтъ. Возьми вотъ селедку. Что твой китъ! И всего три копѣйки.

Мужикъ молчитъ и посоловѣлыми глазами блуждаетъ по полкамъ.

— Чего-же тебѣ надо, почтенный? Говори, намъ проклажаться некогда, кричитъ самъ лавочникъ.

Мужикъ разрѣшаетъ.

— Дай ты мнѣ на копѣйку шубнаго клея да два полуторные гвоздя, говоритъ онъ.

— Эхъ, деревня! А товару на рубль перенюхалъ! Вамъ Наталья Ульяновна, махорки и спичекъ?

— Пистоны у васъ есть? спрашиваотъ гимназистъ.

— Есть, пожалуйте.

На квасной бочкѣ сидитъ лакей въ бѣломъ картузѣ и съ тросточкой и помахиваетъ ногами.

— Такъ отошелъ отъ господъ-то? задаетъ вопросъ лавочникъ.— Присылали они тутъ. «Ежели, говоритъ, придетъ Иванъ за покупками, такъ довѣріе не соблюдать». Изъ-за снигиря, я слышалъ, у васъ дѣло вышло?

Digitized by Google

— Нѣтъ, такъ. Онъ мнѣ не потрафилъ, а я ему не уважилъ. Теперича отворяй двери каждую ночъ въ три часа и чтобы въ брюкахъ. Опять-же изъ-за сосѣдской кухарки. Подарилъ онъ ей серьги. А я въ это время на черной лѣстницѣ на гитарѣ игралъ. Вдругъ изъ трубы выкинуло... Да и что за домъ! Никакой солидарности, а я привыкъ въ буфетчикахъ служить и цигарки курить, а онъ самъ, трубку сосетъ.

— Мѣста, поди, ищешь?

— Нѣтъ, я въ черкесы... За вѣру хочу. Я теперича изъ ружья прицѣлюсь тебѣ въ глазъ—и попалъ. Въ Юсуповомъ саду мы этихъ денегъ-то сколько перестрѣляли! Я и причесать и завить человѣка могу...

— Жаръ въ себѣ къ сраженіямъ чувствуете?

— Даже и очень чувствую. Швейцаръ нашъ меня распалилъ; ундеръ онъ. Заведу глаза, барабанъ слышу. Вчера пушку во снѣ видѣлъ.

— Чтожъ, это чудесно кто въ себѣ жаръ чувствуетъ. Теперича въ газетахъ-то пишутъ страсть что: башибузуки это съ маниторами въ рукахъ и на ятаганахъ...

— Мнѣ это наплевать. Я вотъ одинъ глазъ прищурилъ, въ меня и не попадешь. Говорятъ вчера водосвятіе было, такъ какъ достаточно ихъ попотрошили. Почтальонъ сказывалъ.

— Досталось и нашимъ. У хлѣба не безъ крохъ. Только турецкая погибель сильнѣе. Арнаутскій полкъ въ штыки, а у турокъ знамя переломилось, потому измѣна... Наши кричатъ ура, а тѣ Аллахъ! Ну, и вышло свѣтопреставленіе. Пашѣ одному бомба въ глазъ попала. Окривѣлъ.

— А про егарей нашихъ ничего не было писано! допытывается кухарка и уже совсѣмъ плачетъ.

— Про егарей ничего не обозначено.

— И не пропечатано, что вотъ ефрейторъ Захаръ Никитинъ убитъ или раненъ?

— Про Захара Никитина ничего не пропечатано.

Лавочникъ вздыхаетъ и отираетъ руки о голову.

— А много эта самая война кухарокъ и горничныхъ охолостила! У иной по три кумы было: рыжій, брюле и блондиръ, произноситъ онъ, и подмигнувъ миловидной горничной, спрашиваетъ: у васъ, Машенька, въ какомъ количествѣ на ординарцахъ состояло?

— А вотъ въ такомъ, сколько у тебя волосъ въ бородѣ. безстыжіе твои глаза. Ахальникъ!

— Чѣмъ-бы мнѣ, хозяинъ, нашего кобеля смазать? Нѣтъ-ли у тебя политани? говоритъ деньщикъ.

Digitized by Google

— Политани нѣтъ, а ты хвати постнымъ масломъ съ сѣрой. А то кислотой... Вы когда же на войну-то?

— Мы не строевые. Полковникъ нашъ при крупѣ состоитъ, а я по сапожной части. Нашъ полковникъ... А, что, слышь, ежели мнѣ его сельдянымъ разсоломъ смазать?

— Теперича турокъ удивительно какъ на ногу слабъ, разсказываетъ кто-то.—Скупали мы это въ Бессарабіи шкуры у крестьянъ, такъ видѣлъ я одного. Во-первыхъ, чалма перевѣшиваетъ, ну и халатъ по пятамъ бьетъ. Женщины въ штанахъ ходятъ и грибъ мухоморъ жрутъ. Бывало выставишь свиное ухо...

— Не устоять ему супротивъ насъ. Потроха не тѣ. Нашъ солдатъ на сухаряхъ просидитъ, а ему булку подавай. Опять-же въ туфляхъ они. Гдѣ тутъ супротивъ сапоговъ?

Въ лавочку вбѣгаетъ еще горничная.

— Дайте листикъ почтовой бумаги! восклицаетъ она.—Только, чтобъ съ двумя воркующими голубями.

— Съ превеликимъ удовольствіемъ, отвѣчаетъ лавочникъ.—Предмету письмо писать?

Горничная киваетъ головой, и взявъ орѣхъ изъ мѣшка, грызетъ его.

— Да вы, умница, грамотныя-ли?

— Печатными буквами могу и чтобъ безпремѣнно карандашемъ...

— Тогда зайдите ужо, мы вамъ и чернилами письмецо намалюемъ. Конвертъ море-антикъ.

— Сейчасъ надо. Напишите пожалуста. Я вамъ пятачекъ дамъ, только сейчасъ.

— Для такого бутончика можно и сейчасъ. Иванъ, подбавь въ чернильницу квасу. Пожалуйте къ сторонкѣ. А что насчетъ пятачка, оставьте при себѣ на помаду. Мы натурой сойдемся.

— Безстыдники, право. Тогда ужъ прочтите и эту цѣдулку. Только, Бога ради, потише.

Лавочникъ отходитъ съ горничной къ окну и читаетъ:

«Дражащему купидону Аннѣ Спиридоновнѣ посылаю свой вздохъ отъ неба и до земли, и ежели, другъ мой, возможно, то приходите ужо въ семь часовъ въ Лѣтній садъ, а ежели не буду, то буду раньше у васъ на дворѣ и черезъ дворника получу свиданіе. И мысли мои перепутаны, и на головѣ какъ бы пустой котелъ, и кольцо ваше готово, а для сапоговъ нужно вашу ногу видѣть. Все страдаю по васъ и желалъ-бы быть бантомъ, что покоится у васъ на груди, или блошкой, что кусаетъ васъ по ночамъ. Извините. И пришлите мнѣ отвѣтъ. Да или нѣтъ. И жду до гроба въ терзаніяхъ моихъ мукъ. Лети письмо туда, кто приметъ безъ труда. За симъ цѣлую несчетно.

«Митрофанъ Михайловъ».

Digitized by Google

— Что-же писать-то ему? Писарь онъ или мастеровой? допытывается лавочникъ.

— Нѣтъ, приказчикъ съ дровянаго... Пишите, что буду, отвѣчаетъ горничная.

— Гдѣ? въ Лѣтнемъ саду или на дворѣ?

— На дворѣ. Или нѣтъ, лучше въ Лѣтнемъ саду. Я барынинъ спорокъ съ салопа въ красильну понесу.

— Ну-съ, какъ же писать? Поласковѣе? Вы съ нимъ въ очень близкомъ разстояніи?

— Жениться обѣщался. Бабушка евонная благословила его периной и двумя самоварами, но въ маменькѣ препона, такъ какъ онѣ изъ купеческаго дома.

— А вы имъ подражайте, онѣ и войдутъ въ снисхожденіе. «Голубь сердца моего» желаете обозначить?

— Пишите.

— Насчетъ страданіевъ души припустить?

— Припустите.

— Съ жалкими словами?

— Наставьте и жалкихъ словъ, только чтобы почувствительнѣе.

— Лавочникъ пишетъ, наклоня голову на бокъ. Горничная заглядываетъ въ письмо. Вбѣгаетъ кухарка.

— Лизавета! Гдѣ ты, мать моя, шляешься! Я и на задній дворъ къ мастеровымъ, я и къ портерщику. Иди скорѣй. Сама раскричалась. Инда посуда въ шкапу дрожитъ.

— Здѣсь, здѣсь я, Катеринушка. Сейчасъ, сейчасъ. Мнѣ письмо пишутъ, откликается горничная.

— Иди, родная. У насъ крыша съ дома слетитъ.

— Сейчасъ, сейчасъ. Готово. Пожалуйте! Насчетъ жалости не сомнѣвайтесь. Три дня и три ночи плакать будетъ. Только конвертикъ...

— Мерси вамъ.

— Иди, Лизанька. Ей-Богу, гонка будетъ.

— Что тамъ у ней стряслось?

— Щенятъ мыть задумала, такъ надо тазъ приготовлять!

Въ лавочкѣ хохотъ. Горничная, схвативъ письмо, бѣжитъ. Сидящій на бочкѣ кваса лакей скашиваетъ глаза, хватаетъ ее за рукавъ и на распѣвъ произноситъ:

— Что на свѣтѣ прежестоко? Прежестока есть любовь.

— Дуракъ!

Digitized by Google

XIX. Въ вагонѣ и на имперіалѣ.

На Михайловской улицѣ стоитъ вагонъ и ждетъ очереди, чтобы отправиться въ Новую Деревню. Публика собирается и занимаетъ мѣста. Слышится нѣмецкая рѣчь нѣмокъ, сыплющихъ слова, какъ каленые орѣхи на тарелку. Въ вагонъ вошелъ усатый толстякъ въ коломенковой парѣ платья, засѣлъ въ уголъ, разстегнулъ жилетъ, раскрылъ газету, чтобы читать, и заснулъ. Противъ него помѣстилась нянька съ маленькимъ ребенкомъ. Ребенокъ произноситъ односложныя слова, вродѣ «баба, мама, кака», машетъ рученками и тянется по направленію къ толстяку, стараясь ухватить его за носъ. Нянька останавливаетъ его.

— Нельзя, душенька, этого дѣлать, дядя злой, онъ укуситъ, пипи пальчику сдѣлаетъ, говоритъ нянька.—Видишь, какъ онъ рычитъ. Онъ бай-бай... Смотри, какой у него клыкъ-то...

— Ляля... У... тетя... У... опять тянется ребенокъ и по дорогѣ хватаетъ сидящую рядомъ даму за вуаль.

— И тетю нельзя трогать. Пусти ручку... Разорвешь. Тетя злыдня, тетя вѣдьма! продолжаетъ нянька и прибавляетъ: ужъ извините, сударыня.

Дама улыбается.

— Чей это ребенокъ? спрашиваетъ она.

— Господина Загородкина. Въ почтанѣ они служатъ. Вотъ маменька взяла съ собой въ городъ, чтобы ревность у барина отвести, а теперь съ господиномъ офицеромъ, и насъ отослали домой... Да нельзя, милочка, дядя спитъ, дядя укуситъ! уговариваетъ она ребенка, который такъ и рвется къ толстяку.—Удивительно, какъ мягкихъ людей любитъ. Грудь-то вонъ колышется у нихъ, а онъ и думаетъ, что это мать. Ну, возьми вонъ другого дядю, тронь его за очки, тронь. Этотъ дядя смирненный, дядя пай, указываетъ она на тощаго мушину съ портфелемъ.

Тотъ отодвигается.

— Послушай, нянька, ты удерживай!

— И удерживаю, да чтожъ, коли не моготу. Хуже будетъ, какъ онъ зареветъ. Ребенокъ капризный...

— Я тебѣ говорю, оставь! Мой носъ и очки не игрушка! Въ общественной каретѣ нужно держать себя сдержанно, а то тебя высадятъ.

Digitized by Google

— Да вѣдь мнѣ, сударь, только бы ребенка потѣшить. Ну, что васъ убудетъ, что-ли?

— Оставь, говорю тебѣ! Я кондуктора кликну!

— Ну, плюнь, душенька, на дядю. Видишь какой онъ мумка. Скажи: «дядя бяка!»

Въ вагонѣ смѣхъ, мущину въ очкахъ коробитъ. Ребенокъ плачетъ.

— Охъ ужъ это съ ребятами!.. Наказаніе! И дома отъ нихъ невыносимо! стонутъ двое пассажировъ.

— Невыносимо! А вы зачѣмъ женитесь? Любишь кататься...

— Молчи, тебѣ говорятъ!

Чтобы утѣшить ребенка, нянька начинаетъ его качать и жужжатъ, какъ муха. Онъ не унимается.

— Ахъ, какой блажной мальчикъ! А я вотъ отдамъ тебя. Пусть тебя арапъ съѣстъ. Видишь... Вонъ онъ сидитъ, вонъ губами шлепаетъ. Смотри, глазищи-то какіе! указываетъ нянька въ уголъ по направленію къ черноволосому мрачному мущинѣ.—Онъ сейчасъ съѣстъ.—Вы, господинъ, ѣдите маленькихъ дѣтей? задаетъ она ему вопросъ...

Мущина молчитъ.

— Видишь: говоритъ, что ѣстъ. Молчи-же, молчи!

— Кондукторъ, куда этотъ вагонъ ѣдетъ? спрашиваетъ какая-то дама, разсмѣстившаяся съ узлами, съ коробками, съ тюриками.

— Въ Новую Деревню.

— А къ технологическому институту не пойдетъ?

— Нѣтъ, не пойдетъ. То совсѣмъ другая линія. То по Литейной. Вамъ тамъ и садиться...

— Ну, такъ я не туда попала. Мнѣ къ технологическому и потомъ къ Варшавкѣ.

Дама начинаетъ выходитъ.

На имперіалъ залѣзли мужики, сибирки, чуйки, курильщики, музыканты съ инструментами въ чахлахъ и ящикахъ. Какой-то нѣмецъ втащилъ даже собаку. Туда же лѣзетъ и баба въ синемъ суконномъ кафтанѣ и расписномъ бумажномъ платкѣ съ изображеніемъ карты Африки.

Кондукторъ ее не пускаетъ.

— Полѣзай въ нутро. Женщинамъ на вышку не дозволяется! говоритъ онъ и тянетъ ее внизъ за платье.

— Да у меня, голубчикъ, землякъ тамъ сидитъ. Я для повадности, отвѣчаетъ баба.

— Что ежели невозможно, то и не возможно! Ну какой видъ? Ты-бы еще верхомъ вздумала ѣхать. А для повадности тащи и земляка своего внизъ.

Digitized by Google

— Да онъ тамъ тоже съ землякомъ. Шестнадцать верстъ отъ насъ. И кромѣ того, хмѣльной человѣкъ. Передъ господами озорничество начнетъ.

— Осади, говорю, назадъ, а то силой за подолъ стащу!

Баба сходитъ.

На имперіалѣ говоръ.

— Баба лѣзла, да не пустили. Гладкая такая баба.

— Да и нельзя пустить, потому перепона отъ закона есть, разсказываетъ чуйка съ клинистой бородкой.—Женскому сословію поверхъ мужчинъ ни въ жизнь не полагается. Что на колокольнѣ, что на дилижанѣ—одна статья. Самъ митрополитъ не приказалъ. Монаху тоже, такъ какъ они съ бабьей націей вровень и даже подъ рясой штановъ не обязаны носить.

— А на каланчу? задаетъ кто-то вопросъ.

— И на каланчу нельзя. Лѣса ежели около дома, тоже не пущаютъ. Бабѣ бабья и честь. Баба что коза.

— Позвольте, въ которомъ году у насъ было коронованіе? ни съ того, ни съ сего спрашиваетъ какой-то мужикъ.—Мы у графа Апраксина карнизъ выводили.

— Сиди, Веденей, сиди смирно, останавливаютъ его.—А баба хорошая была, гладкая, тѣлеса здобныя! Не вредно-бы съ эдакой бабенкой посидѣть.

— Понравилась? Ну и чудесно! Это наша баба. Наши тверскія бабы всѣмъ по вкусу, откликивается тулупъ.—Ей-Богу. Потому у насъ баба крѣпкая, крупная, ты ее хоть ногтемъ надави, нигдѣ не заколупнешь. Супротивъ нашихъ мѣстъ лучшей бабы не сыщешь. Впряги ты ее, къ примѣру, въ телѣгу, и ту повезетъ. Ну и къ кулаку ласкова. А здѣсь нѣшто вокругъ Петербурга хорошая баба водится? Здѣсь сырость одна—вотъ и все. Мы свою бабу на толокнѣ держимъ, оттого она и зобъ наѣдаетъ. Въ здѣшнихъ мѣстахъ все больше полунѣмецкая баба, потому мужикъ въ отходѣ, а нѣмецъ, что по дачамъ живетъ, все около. Вѣрно я говорю? Правильно? Дозвольте, господинъ нѣмецъ, окурочка покурить? Не кидайте, обращается онъ къ нѣмцу съ трубой въ чахлѣ и съ собакой.

Собака ворчитъ на мужика.

— Willst du wohl still schweigen!—кричитъ на нее нѣмецъ.

Собака умолкаетъ. Мужикъ улыбается.

— Скажи на милость! Песъ, песъ, а понѣмецки тоже понимаетъ, бормочетъ онъ.—Вотъ, братъ, Сельверстъ Кузьмичъ до чего мы дожили; псы умнѣй насъ стали. Сидѣть обидно. Теперича онъ на разныхъ языкахъ, а обругай насъ, къ примѣру, понѣмецки, мы за ласку примемъ.

Digitized by Google

— Важное кушанье! Собачій-то языкъ отъ нѣмецкаго не велико разстояніе, а пусть-ка онъ съ нимъ пофранцузски поговоритъ, откликается чуйка.

— Въ нашихъ мѣстахъ у господъ псы и пофранцузски говорятъ. Генерала Ахлебова знаешь? Мы ему потолки штукатурили. Вотъ такъ песъ! Въ нашихъ мѣстахъ и псы-то не такіе! У насъ голосъ, что твой колокольчикъ. По здѣшнимъ мѣстамъ, къ примѣру, дерево, а въ нашихъ мѣстахъ оно и за дерево не считается, потому у насъ въ три обхвата. Возьмемъ подсолнухъ. На нашемъ подсолнухѣ вотъ этакой господинъ изъ жидкихъ удавиться можетъ. Сейчасъ умереть, удавится! Что въ немъ? Пуда три съ половиной, небольше. Дозвольте, господинъ, папиросочки?

Нѣмецъ выходитъ изъ терпѣнія.

— Послушай, ты сиди смирно! А то я тебя велю высадить! говоритъ онъ.

— Зачѣмъ-же, ваше степенное степенство, высаживать? Мы про подсолнухи, и вы насъ въ томъ извините. А что ежели взять рѣпу, то и рѣпа наша лучше. У насъ рѣпой голову человѣку пробить можно. Опять-же и хмѣль. У нашего дьячка хмѣль на колокольню до креста досталъ. Вы въ Вихляндіи изволили быть? Лимонскій скотъ изволили видѣть?

— Не обращайся ко мнѣ. Не хочу я слышать твоихъ дурацкихъ, пьяныхъ рѣчей! огрызается нѣмецъ.

— Вотъ такъ скотина! продолжаетъ мужикъ.

— Молчи!

— Я, сударь, не съ вами, я съ вѣтромъ. Вотъ такъ скотина! На коровенку срамъ смотрѣть. Теленокъ, что твоя мышь.

— Ты пьянъ! А пьяные люди не могутъ быть терпимы въ обществѣ.

— Это точно, это дѣйствительно. Генеральшу Бубликову слыхали? Изъ собственныхъ ручекъ онѣ подносили. «Выпей, говорятъ, Потапъ». Могу я отказаться? Потомъ еще съ сыночкомъ присылаютъ, съ младенцемъ. Вижу въ ангельскихъ ручкахъ несетъ. Опять учтивость соблюлъ. Засимъ дочка старшенькая въ чайной чашкѣ... «На, говоритъ, Потапъ, остатки». Мы, сударь, подъ генеральшей этой двѣнадцать годовъ прожили. Отъ Куралесова господина она насъ купила. Ядъ былъ, а не баринъ. Потомъ поваръ пивкомъ подчивалъ. А только, что на счетъ бабы,—лучшей бабы нежели эта, калязинская, никакой нѣтъ!

— Я здѣсь, Потапъ Гаврилычъ, я внизу! откликается баба.

— Вонъ она! Вонъ откликается! Селедочница, голубушка! У насъ

Digitized by Google

одну бабу за голосъ въ кіатръ брали, да не пошла, грѣха побоялась. Прощай, Акулина! Въ Кронштадтъ ѣдемъ!

— Жена она тебѣ, что-ли? задаетъ вопросъ до сихъ поръ молчавшій чиновникъ съ портфелемъ.

— Нѣтъ, не жена, а такъ, шестнадцать верстъ отъ насъ. Мы у Николы, а она у Покрова. Только, господинъ, намъ чтобы эту самую бабу продать—ни въ жизнь! Хоть сто цѣлковыхъ сейчасъ давай—не продадимъ. Теперича пронзительности у ней никакой, шершавости—тоже. А возьми ты здѣшнюю бабу, погладь противъ шерсти, или хвати голенищей по уху, она тѣ покажетъ! Дозвольте, сударь, папиросочки?

Чиновникъ даетъ. Вагонъ трогается.

— Вотъ такъ чудесно! Теперь холодкомъ продувать начнетъ, говоритъ мужикъ и закуриваетъ папиросу.

— Стой, стой! кричитъ кто-то.—Это куда ѣдетъ вагонъ?

— Въ Новую Деревню.

— Ну, а мнѣ на Охту надо.

XX. Засидки.

Александровъ день. 30-е августа. Мастеровые справляютъ засидки, т. е. празднуютъ тотъ день, послѣ котораго вечерняя работа будетъ уже происходить при искуственномъ освѣщеніи, при огнѣ. Мастеровые столяра Фукса также рѣшили устроить засидки. Самъ Карлъ Иванычъ Фуксъ пожертвовалъ на угощеніе полъ ведра водки и ящикъ пива, и позволилъ пригласить на засидки дамъ. Въ дополненіе къ угощенію Карла Иваныча, мастеровые сложились и купили моченой брусники, яблокъ, меду и окорокъ. Рѣшено было въ этотъ день «спозаранку очень не напиваться, а ждать своего череда, дабы, вечеромъ, соблюдать себя чинно и благообразно, по-божески и безъ обиды все какъ слѣдоваетъ».

— Вечеромъ, пей сколько хочешь, говорилъ старшій мастеръ товарищамъ.—Напьешься—ну, свяжемъ; а то какая можетъ быть учтивость, ежели съ самаго начала засидокъ, вдругъ—по скотски?...

Очистили мастерскую, надѣлали подсвѣчниковъ изъ дерева и наставили въ нихъ свѣчей. Запечатанныя бутылки стояли тутъ-же, но мастеровые только любовались на нихъ, ласково похлопывали ихъ по стеклу, нюхали пробки. Разговоры шли о винѣ, о его пользительности и силѣ.

Мастеровые пошли на крестный ходъ, вернулись къ обѣду домой

Digitized by Google

и опять начали бутылки разсматривать, взирая на нихъ не безъ нѣкотораго благоговѣнія. Соблазнъ былъ слишкомъ великъ, но выдержали и не тронули бутылей.

Со всѣхъ сторонъ слышалось увѣщеванія:

— Пожалуйста, господа, ужо безъ безобразіевъ, а тихимъ манеромъ и чтобы чинно. На гармоніяхъ играть можно, и пѣніе, и все, но чтобы Феню и Извощичью Жену не пѣть, потому Карлъ Иванычъ самъ хотѣлъ быть и съ супругой, опять-же и наши дамы. Двѣ обшивалки придутъ, куфарку съ того двора полковницкую звали. Не модель нехорошія пѣсни пѣть. Зачѣмъ?...

Освѣтили мастерскую.

— Кто откупоривать-то будетъ?

— Трифонъ Захаровъ. Онъ самый старшій.

— Господа, чуръ, соблюдать себя и какъ слѣдоваетъ въ порядкѣ, а то веревокъ припасено достаточно.

— Ну, вотъ еще, учи!

Начали собираться гости. Пришелъ дворникъ въ серебряной цѣпочкѣ черезъ шею. Голова его до того была намазана деревяннымъ масломъ, что съ нея текло. Помолился на образа, сморкнулся въ руку и сѣлъ.

— Чиновника изъ семнадцатаго номера приказано выгнать, сообщилъ онъ, чтобы что нибудь сообщить.

— Изъ-за-собаки? спросилъ кто-то.

— Нѣтъ, писательствомъ сталъ заниматься—насчетъ печей и дымовыхъ трубъ. Опять-же нашу помойную яму въ критику пущаетъ, а денегъ не платитъ.

Пришли двѣ обшивалки-башмачницы, въ шляпкахъ и съ зонтиками.

— А, миндальныя! Наше вамъ съ кисточкой! Вотъ спасибо, умницы, что пришли, привѣтствовали ихъ мастеровые. Залѣзайте на окно, за верстакъ, тамъ вѣтеркомъ продувать будетъ.

Къ нимъ сейчасъ-же подскочилъ молодой мастеровой, съ серьгой въ ухѣ. Заглянулъ въ дверь кучеръ.

— Начали? спросилъ онъ.

— Нѣтъ еще, Карла Иваныча ждемъ. Иди сюда, полно спѣситься-то!

— Нѣтъ, мнѣ некогда, я коляску мою, а зашелъ посмотрѣть: не начали-ли. Думаю: хвачу на скорую руку стаканчикъ, да и опять къ коляскѣ. Ужо я... пояснилъ онъ и скрылся.

— Господа мастеровые, прежде всего, я васъ попрошу, чтобы безъ скандаловъ, потому управляющій у насъ сильно выпивши и можетъ Богъ знаетъ что подумать, упрашиваетъ дворникъ.—Поучли-

Digitized by Google

вѣе, и чтобы изъ линіи не выходить. Опять-же, и цигарки съ трубками, потому стружки...

— Будь покоенъ Емельянъ Васильевичъ. Зачѣмъ намъ карамболи заводить? успокаиваютъ его.

Явился Карлъ Иванычъ, хозяинъ, плотный нѣмецъ, съ круглымъ брюшкомъ и съ сигарой, стиснутой въ зубахъ. Съ нимъ была жена его, Марья Богдановна, длинноносая блондинка, въ клеенчатомъ передникѣ и таковыхъ-же нарукавникахъ, чтобы не замараться о оверстаки. Она держала въ рукахъ пивную кружку Карла Иваныча.

Мастеровые встали.

— Вотъ такъ Карлъ Иванычъ! Спасибо! Осчастливили...

— Сидите, господа, пожалуйста! Не стѣсняйтесь моимъ присутствіемъ, говорилъ хозяинъ, не выпуская сигары изъ зубовъ, и сѣлъ, посадивъ съ собою рядомъ жену.

Прикажете начинать, Карлъ Иванычъ? спросилъ Трифонъ Захаровъ, рябой мастеровой, въ «спиньжакѣ» поверхъ красной рубахи на выпускъ, и получивъ согласіе, началъ наливать изъ четвертной разнокалиберные рюмки и стаканчики, сказавъ предварительно «Господи, благослови».

— Вамъ неловко изъ бутылки-то. Вы-бы ко мнѣ обратились, я бы вамъ графиновъ пару дала, сказала хозяйка.

— Зачѣмъ, матушка, Марья Богдановна? Намъ и такъ хорошо. Графины разобьемъ... Пожалуйте, Карлъ Иванычъ; вы, какъ хозяинъ, такъ значитъ, первый свой примѣръ...

— Нѣтъ, нѣтъ, я шнапсъ не могу послѣ обѣда. Я пиво... замахалъ хозяинъ руками.

— Нельзя, Карлъ Иванычъ, не обезсудьте! Нужно полнымъ домомъ жить. Пожалуйте! Пиво пивомъ, а водка водкой. Сегодня, батюшка, Александро-Невскій князь всѣмъ далъ разрѣшеніе. Кушайте.

Хозяинъ взялъ стаканчикъ.

— Поздравляю васъ, господа, съ засидками! Дай вамъ Богъ при огнѣ работать прилежно, произнесъ онъ.

— Кушайте, Карла Иванычъ. Мы ваши, а вы наши. Мы тоже чувствуемъ.

Нѣсколько мастеровыхъ взялись за стаканы и лѣзли чокаться.

— Позвольте, позвольте, сказалъ хозяинъ и началъ откашливаться. Потомъ поглядѣлъ на потолокъ и началъ что-то въ родѣ рѣчи:

«Прилежность—она подаетъ поддержку человѣку. У насъ, въ Германіи, прилежность въ мастеровой народъ большое уваженіе имѣетъ и ему премія есть. Онъ пьетъ свою кружку и сигару, пьетъ двѣ, три, но понедѣльникъ у него не бываетъ. Онъ понедѣльникъ сидитъ и работаетъ, а русскій человѣкъ сейчасъ похмѣлится и въ трак-

Digitized by Google

тиръ, а хозяинъ плачетъ и ставитъ штрафъ, а мастеровой тулупъ пропьетъ и жену бьетъ».

— Это точно, Карлъ Иванычъ, да вѣдь и онѣ шкуры... перебиваетъ кто-то.

Его останавливаютъ. Хозяинъ продолжаетъ.

«Мастеровой такой-же бюргеръ и долженъ къ самъ себѣ уваженіе имѣть и въ шпарбюксѣ откладывать гривенникъ, двугривенный и будетъ хозяинъ, а когда онъ пропьетъ—у него голова болитъ, а хозяинъ денегъ не даетъ, онъ ругаетъ. И такъ, господа: дай Богъ вамъ большая прилежность на успѣхъ наше столярное дѣло!»

Карлъ Иванычъ перечокался со всѣми и выпилъ. Трифонъ Захаровъ выпилъ и сейчасъ-же разбилъ рюмку, бросивъ ее на полъ.

— Заведеніе ужъ такое, Карлъ Иванычъ, извините! сказалъ онъ.— Чтобы, значитъ какъ эта самая рюмка, такъ и мы себя чувствовали. А вы что-же, Марья Богдановна? обращается онъ къ хозяйкѣ. Водочкой неволить не смѣемъ, а пивца?

Хозяйка замялась.

— Выпей, Mariechen, съ этимъ народомъ нельзя иногда... сказалъ ей по-немѣцки хозяинъ.

Марья Богдановна выпила полстакана пива.

— Вотъ такъ хозяйка! Вотъ такъ барыня! Уму помраченье! восторгались мастеровые.—Хозяинъ у насъ ангелъ и жена у него учливая ангелка, не гнушается нашимъ братомъ.

Мастеровые пили и не закусывали, хотя стоялъ цѣлый окорокъ нарѣзаный кусками. Нѣкоторые, впрочемъ, нюхали корку хлѣба. Выпили по первой, начали по второй, «чтобы не хромать», потомъ— «Богъ троицу любитъ», «безъ четырехъ угловъ домъ не строится». Карлъ Иванычъ отказался отъ водки, и рядомъ съ женой пилъ пиво изъ большой кружки, разговаривая съ мастеровыми.

— Вѣдь газъ, Карлъ Иванычъ, это кислота? спрашиваетъ кто-то.—Вотъ этотъ газъ, что горитъ?

— Духъ, простой духъ изъ газъ, поясняетъ хозяинъ, затягиваясь сигарой,—духъ отъ каменный уголь.

Мастеровые развеселились. Говоръ быстро переходилъ въ крикъ. Четверть успѣли уже выпить и принялись за вторую. Трифонъ Захаровъ подошелъ къ хозяину, и похлопавъ его по плечу, воскликнулъ:

— Братцы, а вѣдь Карла Иванычъ, хоть и нѣмецъ, а ей-Богу хорошій человѣкъ! воскликнулъ онъ... Конечно, теперича штрафы... но у него душа есть. Вы, Карла Иванычъ, извините, потому всѣмъ разрѣшеніе вина и елея. Сегодня, мы и младенцамъ даже отпущаемъ, которые ежели ученики.

— Ахъ нѣтъ, нѣтъ, это нельзя!

Digitized by Google

— Въ томъ-то и дѣло, что нельзя. Оставь, Карла Иванычъ, свою команду. Мы знаемъ, что дѣлаемъ. Мастеровой мальчикъ онъ только на засидкахъ и пить учится. Пренебреги!

Къ хозяину подходитъ другой мастеровой.

— А что, Карла Иванычъ, тамъ на небѣ тому хозяину, который ежели у своего мастероваго жилитъ? Каки-таки муки ему предоставлены? Ты, Карла Иванычъ, въ коронованіе зачѣмъ мнѣ рубль цѣлковыхъ за прогулъ поставилъ? Опять-же въ третье Спаса мы родителевъ на Волковомъ поминали, а ты штрафъ...

Хозяинъ сознаетъ, что пора удалиться, и встаетъ съ мѣста.

— Ну, прощайте, господа, я пойду, говоритъ онъ.—Желаю вамъ веселиться. Я жду мой своякъ въ гости.

— Нѣтъ, Карла Иванычъ, ты отвѣть, продолжаетъ пьянымъ голосомъ мастеровой.

— Захаръ, оставь, брось! останавливаютъ его товарищи и оттаскиваютъ въ сторону.—Соблюдай, братецъ, учтивость!

Захаръ не унимается.

— Я оставлю, но пусть ему эти два цѣлковыхъ къ гробу на свѣчку!

— Ну, замолчи!

— Я ухожу, господа. Прощайте! раскланивается хозяинъ.

— Нельзя, Карла Иванычъ, погодите, сейчасъ! воскликнулъ Трифонъ Захаровъ.—Ребята, становись въ кругъ и валяй хозяйскую обращается онъ къ мастеровымъ.

Мастеровые становятся въ кругъ и начинаютъ пѣть:

«Мы тебя любимъ сердечно,
Будь намъ хозяиномъ вѣчно!
Ты наши зажегъ серца,
Въ тебѣ мы видимъ отца».

По окончаніи пѣсни, хозяина схватываютъ и начинаютъ качать, подбрасывая кверху. Сигара вываливается у него изъ зубовъ. Кто-то хватаетъ и Марью Богдановну, но та, вырвавшись, убѣгаетъ.

Черезъ пять минутъ, мастеровые остались одни. Раздаются звуки гармоніи. Началось пѣніе. Кто-то отбиваетъ трепака и падаетъ. Женщины визжатъ. Водка рѣкой льется.

— Пожалуйста, господа, чтобъ тихо и благообразно, говоритъ пьянымъ голосомъ сидящій на окнѣ дворникъ, покачивается и выдавливаетъ въ рамѣ стекло.

— Ничего, бей больше! Карла Иванычъ заплатитъ! кричитъ Трифонъ Захаровъ.—Ништо ему! Хотя я давеча его и хорошимъ человѣкомъ назвалъ, а, все таки, онъ скотина! Теперича эта Марья Богдановна—ядъ и язва. Каки-таки щи постные намъ вчера предоставили? песъ жрать не станетъ.

Digitized by Google

Трифона Захарова упрекаютъ.

— А ты, даве, зачѣмъ передъ нимъ раскисъ? А еще хозяйствовать самъ думаешь! Баба!

— Да я, братцы, думалъ, что онъ еще на четвертную прибавитъ.

— Прибавитъ! Держи карманъ шире! На ведрѣ отъѣхалъ. Нѣшто нѣмецъ можетъ быть хорошимъ чѣловѣкомъ? Нѣмецъ всегда аспидъ. Ахъ ты, ворона!

— Что ворона? Хочешь, я сейчасъ къ нему пойду ругаться? Ушелъ, догадался, а то-бы я ему теперь показалъ! Я бы ему насчетъ штрафовъ-то отпѣлъ панихиду. Давайте, братцы, положимте такой зарокъ, чтобы завтра никому не работать. Генеральшѣ Бобрикововой заказъ къ Четвергу, а мы его и подведемъ.

— Подведемъ! Ну, и поставитъ штрафы.

— Важное кушанье! Ничего ребята! пьянствуй на пропалую. Заплатимъ и штрафы; хоть рыло въ крови будетъ, а все-таки, наше возьметъ. Герася, другъ, играй веселую!

Начинается топаніе на одномъ мѣстѣ.

XXI. Вотъ тебѣ и дача!

Жаркое майское воскресенье. Купецъ Уваръ Семенычъ Облѣзловъ пришелъ домой изъ лавки ранѣе обыкновеннаго, снялъ съ себя сюртукъ, жилетку и началъ ходить по комнатѣ, напѣвая «Вознесся еси во славѣ»...

— Ухъ, жарко! проговорилъ онъ.—На шесть копѣекъ одного квасу сегодня у квасника выпилъ. Кажись, еслибы у насъ ледникъ отдѣльный былъ, такъ легъ бы въ него и уснулъ.

— На дачѣ прохладнѣе. Вотъ ежели-бы наняли дачу, такъ никакого ледника не надо... замѣтила старшая восемнадцатилѣтняя дочка Соничка.

— Наняли дачу! передразнилъ ее отецъ.—Не по чину жить хочешь. Не къ рылу. Переѣзжай-ка на дачу, такъ кредиторы сейчасъ и скажутъ, что вѣрно отъ долговъ бѣгать задумалъ. Двадцать лѣтъ торгую и ни разу на дачѣ не жилъ, а тутъ вдругъ на дачу! Эки нѣжности подумаешь.

— Чтожъ такое! Ныньче и купцы живутъ. Это въ модѣ, вмѣшалась въ разговоръ жена.—Вонъ твой сосѣдъ Теленковъ, уже на что скаредъ, а собственную дачу въ Лѣсномъ имѣетъ и кажиный годъ на ней живетъ.

— Теленковъ при большомъ капиталѣ; онъ хоть на тотъ свѣтъ

Digitized by Google

выѣзжай на дачу, такъ про него и то никто ничего не скажетъ, а только еще ему-же кредиту прибавится.

— Ну, а Захаръ Андреичъ? У того ни кругомъ, ни около, а вѣдь переѣхалъ-же нынѣшнимъ лѣтомъ на Крестовскій.

— Такъ чтожъ тутъ хорошаго? Переѣхалъ переѣхалъ, а сынъ глазъ и выкололъ.

— Это ужъ, папенька, не оттого.

— Толкуй тутъ, это не оттого, а вотъ выкололъ-же.

Облѣзловъ легъ на диванъ и силился заснуть, но заснуть не могъ. Черезъ четверть часа онъ вскочилъ.

— Вотъ жара-то! Это чертъ знаетъ что! Какой тутъ сонъ! Мухи жужжатъ, блохи кусаютъ. Ужъ гдѣ бабы, тамъ завсегда блохи. Дайте хоть квасу съ ледкомъ, что ли...

— ужъ будто блохи только отъ женщинъ и заводятся? возразила жена.—Да куда-же намъ и дѣться, въ самомъ дѣлѣ? Не на улицѣ-же жить.

— Никто васъ на улицу не посылаетъ, а только хоть бы порошку персидскаго купили, да посыпались хорошенько. Не велико раззоренье, на пятіалтынный его купить. Ахъ ты Господи! Инда смокъ весь! Развѣ выпить водки? Говорятъ, она прохлождаетъ.

— Надѣвай лучше хламиду свою, да своди насъ въ Лѣтній садъ. Покрайнойности мороженнымъ насъ поподчуешь.

— Какой тутъ Лѣтній садъ! Тутъ пока до него дойдешь, такъ на дорогѣ отъ жары околѣешь.

— А сколько прекрасныхъ кавалеровъ по Лѣтнему саду ходятъ, да вѣдь не околѣваютъ же, замѣтила дочь, но отецъ ничего не возразилъ на это, а только плюнулъ и принялся ходить по комнатѣ.

Черезъ четверть часа онъ остановился передъ женой и сказалъ:

— Чѣмъ подсолнечныя-то зерна зря жевать, одѣвай лучше ребятишекъ, да пошли кухарку за каретою. Въ Строгановъ садъ поѣдемъ. Авось оно на вольномъ-то воздухѣ полегче будетъ. Покрайности хоть погуляемъ да послушаемъ, какъ пароходы свистятъ.

Отъ словъ этихъ взбудоражилось все семейство. Ребятишки начали выдвигать комодные ящики и доставать изъ нихъ наряды; Соничка забѣгала по комнатамъ съ крахмальными юбками. Кто вытаскивалъ изъ подъ кровати сапоги, кто лѣзъ на шкафъ и снималъ оттуда картонку со шляпкою, кто помадилъ себѣ голову. Черезъ часъ все семейство Облѣзловыхъ, состоящее изъ отца, матери и четверыхъ дѣтей, ѣхало, въ четверомѣстной каретѣ по Каменноостровскому проспекту, по направленію къ Строганову мосту.

— Ахъ, прелесть какая! Ахъ, воздухъ какой чудесный. Вонъ и офицеръ идетъ! восторгалась изъ кареты дочь.

Digitized by Google

— Ну есть ли какое сравненіе: на дачѣ и въ городѣ! говорила жена.—Напрасно, Уваръ Семенычъ, ты не отпустилъ гулять молодцовъ. Пусть-бы они подышали легкимъ воздухомъ.

— Дура, да нешто они дышатъ? Отпустика-ихъ, такъ они первымъ долгомъ въ трактиръ, отвѣчалъ мужъ.

Карета въѣхала на Строгановъ мостъ. Купецъ Облѣзловъ вздохнулъ, обтерся платкомъ и сказалъ:

— На дачѣ жить хорошо, только, говорятъ, по этимъ самымъ дачамъ оспа ходитъ.

— Съ молитвой ежели, да съ вѣрою, такъ и оспа ничего... вставляла свое слово жена.

— Папенька, наймите дачу! упрашивала Соничка.

— Наймите, папаша, наймите! заныли остальныя дѣти.

— Тише вы, пострѣлята! ласково крикнулъ на нихъ отецъ.—Я еще не съ ума сошелъ, чтобы триста рублей на дачу бросать.

— Куда-же триста? Вонъ Кузьмины за семьдесятъ пять наняли, да въ двадцати пяти жильца пустили, проговорила жена.

— Не дѣло, не дѣло! Пусти-ка жильца-то, такъ онъ тебя и обокрадетъ.

Вообще отецъ семейства сдавался, и ему самому, видимо, хотѣлось нанять дачу.

Карета между тѣмъ катилась по набережной Черной рѣчки. На воротахъ домовъ попадались билеты съ надписью «одаеца дача въ наемъ». Чады Облѣзлова жалобными голосами читали ихъ въ слухъ.

— Четыре комнаты и кухня, сто рублей! крикнула Соничка.— Папенька, наймите, всего сто рублей, да еще можетъ быть уступятъ.

— Наймите, наймите! передразнилъ ее отецъ.—А куда мы въ баню ходить будемъ? Здѣсь ближе какъ у Самсонія и бань нѣтъ. Еще опаршивѣешь за лѣто-то.

— Ну, вотъ еще баня помѣхой, возразила жена.—Ужъ на что Теленкова до бань охотница, по три раза въ недѣлю ходитъ, а вѣдь живетъ же на дачѣ.

По мосткамъ прогуливались дачники. Между ними Облѣзловъ увидалъ своего знакомаго рыночника.

— Федоръ Ивановъ, ты что тутъ топчешься? крикнулъ онъ.

— На дачѣ, братъ, живу. Двѣ недѣли какъ переѣхалъ, отвѣчалъ тотъ, подходя къ каретѣ.—А ты нанимать что-ли задумалъ? Пойдемъ къ намъ на дворъ. У насъ рядомъ за восемьдесятъ рублей просто дворецъ отдается. Покрайности по сосѣдству... Каждый день въ трынку играть будемъ.

— Нанять не разсчетъ, да страшно какъ-то... Двадцать лѣтъ изъ Разъѣзжей улицы никуда не выжалъ. Вонъ у меня сосѣдъ по лав-

Digitized by Google

кѣ: не ѣздилъ, не ѣздилъ на дачу, а выѣхалъ прошлый годъ, такъ сначала заболѣлъ холерой, а потомъ обанкрутился.

— Пустяки! Богъ милостивъ. Переѣдешь, такъ молебенъ отслужи! уговаривалъ Федоръ Ивановъ.—Извощикъ, сворачивай на дворъ! скомандовалъ онъ.

Черезъ полъ часа дача была нанята, и Федоръ Ивановъ тащилъ Облѣзлова въ Строгановъ садъ «на горку» запивать спрыски.

— А младенцы-то мои какъ?

— Младенцы пусть съ супружницей чайку похлебаютъ, да кромѣ того, можемъ имъ двѣ порціи мороженаго выставить.

Облѣзловъ не возражалъ. Сѣли въ бесѣдкѣ. Спрыски начали съ водки, продолжали лимонадомъ съ коньякомъ, а тамъ и пошли, кто во что гораздъ.

— Господи, какъ-бы не запилъ онъ съ дачи-то!.. шептала мать дочери.—И вѣдь нѣтъ-же такого дачнаго мѣста, чтобъ этой самой вышивки не продавалось.

— Молчите, маменька, не тревожьте его, а то онъ и отъ задатку отступится, отвѣчала дочь.

Часу въ одинадцатомъ вечера Облѣзловъ и Федоръ Ивановъ были совсѣмъ пьяны. Они обънимались. Облѣзловъ икалъ и говорилъ:

— Ну, чѣмъ мы хуже генераловъ? Генералъ на дачу—и мы на дачу, генералы въ театръ—и мы въ театръ. Даже рядомъ сѣсть можемъ. Теперича ежели у кого деньги, такъ всѣ на равномъ положеніи. Елена Кузьминишна, у насъ на дворѣ генералъ будетъ жить, обратился онъ къ женѣ. Знай нашихъ! Ну Сонька, завтра съ матерью собирайте пожитки, а во вторникъ переѣзжаемъ.

— Это вѣрно, во всякомъ сословіи равноденствіе! отвѣчалъ Федоръ Ивановъ.—Къ примѣру, генералу вотъ этого человѣка побить и мнѣ—все едино, одинъ отвѣтъ... и онъ ни съ того ни съ другого указалъ на проходившее мимо бесѣдки сѣрое пальто.

Сѣрое пальто остановилось и начало прислушиваться. Федоръ Ивановъ смотрѣлъ на него и продолжалъ:

— Теперича, ежели его хватить три раза по затылку и въ подмикитки...

Сѣрое пальто вспыхнуло.

— Чего-съ? крикнуло оно и подошло къ столу. Сзади его стояли два товарища.

— Ничего, проѣхало!

— Нѣтъ, я слышу, что вы собираетесь меня бить по затылку.

Облѣзловъ подбоченился и захохоталъ.

— А хоть-бы и по затылку, такъ что за важность! крикнулъ онъ.—Брысь отъ нашего стола, а то по шеямъ спровадимъ!

Digitized by Google

— Это мы посмотримъ!

— А мы поглядимъ!

Поднялся шумъ. Сѣрое пальто выгнали изъ бесѣдки. Семейство Облѣзлова разбѣжалось. «Протоколъ! полицію!» кричала публика. Дѣти плакали.

— Не надо протокола, не надо полиціи! сказало сѣрое пальто, обращаясь къ Облѣзлову.—Я тебя знаю, ты въ Александровскомъ рынкѣ торгуешь и я каждый день мимо твоей лавки въ должность хожу. Завтра я съ тобой потолкую.

Облѣзловъ присмирѣлъ.

— А коли на счетъ миритвы, то садись сейчасъ съ нами и пей, сказалъ онъ.

— На счетъ миритвы завтра поговоримъ.

Столпившаяся публика, недовольная мирнымъ окончаніемъ дѣла, начала расходиться.

Часу въ двѣнадцатомъ семейство Облѣзлова ѣхало съ Черной рѣчки обратно и везло домой совсѣмъ уже пьянаго Увара Семеныча.

— Вотъ и подышали воздухомъ... хорошо... А вдругъ, какъ тотъ стрекулистъ къ мировому на меня подастъ?.. бормоталъ онъ.

На другой день вечеромъ Уваръ Семенычъ Облѣзловъ пришелъ изъ лавки домой, какъ туча мрачный, и засталъ весь домъ въ переполохѣ. Жена и дочь Соничка укладывали въ коробки платья, кухарка обвертывала въ бумагу посуду и совала ее въ корзинку съ сѣномъ.

— Это что за музыка? крикнулъ онъ.

— Какъ, что? вѣдь на дачу завтра ѣдемъ, отвѣчала жена.

— Никуда не поѣдемъ, разгружайтесь!

— Это еще отчего? Вѣдь вы сами-же приказали.

— А оттого, что еще насчетъ дачи ни коня, ни воза, а ужъ вчерашній стрекулистъ содралъ съ меня сегодня въ лавкѣ сорокъ цѣлковыхъ. Нѣтъ, шабашъ! Изъ за житья на дачѣ я не намѣренъ каждый день по сорока рублей штрафовъ платить. На-те, полюбуйтесь...—и Облѣзловъ выкинулъ на столъ четвертушку бумаги.

На бумагѣ было написано слѣдующее:

«Я нижеподписавшійся принялъ отъ купца Увара Семенова Облѣзлова сорокъ рублей серебромъ для передачи, по его просьбѣ, въ нищенскій комитетъ. Студентъ Иноходовъ».

— Зачѣмъ-же ты давалъ деньги? спросила жена.

— А затѣмъ, что иначе онъ хотѣлъ подать на меня къ мировому, а просидѣть мѣсяцъ въ полиціи не хочется. Чего стала? Разгружайтесь, на дачу не поѣдемъ! крикнулъ Облѣзловъ.

Digitized by Google

— А какже пятнадцать рублей, что мы за дачу задатку дали?

— Чортъ съ ними!

Соничка всплеснула руками.

— Вотъ тебѣ и дача! воскликнула она и заплакала.

XXII. Свадьба.

Купеческая свадьба въ квартирѣ у кухмистера. Народъ собрался разный, «съ кѣмъ дѣла дѣлали», того и звали. Есть «сѣрые» купцы, «полусѣрые» и «полированные»; есть длиннополые сюртуки, кафтаны со сборами работы Вукола Захарова, есть и фраки отъ Тедески. Дамы тоже разныя: есть повязанныя косынками, есть и чесанныя французомъ, съ серебряной пудрой, съ райскими птицами въ волосахъ. Бриллiанты горятъ на декольтированныхъ шеяхъ. Розовенькiя здобныя дѣвицы при всякомъ удобномъ случаѣ стараются разсказать, что платье имъ шила «настоящая французинка». Среди гостей полицейскiй чиновникъ, военный докторъ, топографъ и купецъ въ мундирѣ съ орденомъ на шеѣ и при шпагѣ. Шпагу онъ такъ и не снимаетъ. При ней онъ обѣдалъ, ходилъ послѣ обѣда съ женой подъ руку «польскiй» подъ музыку и теперь играетъ въ стуколку. Пьяненькихъ очень достаточно, такъ какъ обѣдъ уже кончился. Они допиваютъ «остатки», то есть початыя бутылки, составленныя послѣ обѣда на отдѣльный столъ. Одна хмѣльная сибирка, какъ муха, наѣвшаяся мухомору, натыкается на всѣхъ и то-и-дѣло подходитъ къ полицейскому чиновнику, жметъ ему руку и говоритъ:

— Ваше высокоблагородiе, а я тебя не боюсь, потому ты меня теперь въ часть отправить не можешь. А на счетъ пьянства—извини... Свадьба—ничего не подѣлаешь.

Полицейскiй чиновникъ улыбается и треплетъ сибирку по плечу.

— Зачѣмъ намъ отправлять въ участокъ, мы бережемъ обывателей, отвѣчаетъ онъ.

— То-то... Ну, значитъ, и держи себя въ струнѣ, потому мы ваши, а вы наши и мы васъ какъ отцовъ почитаемъ. Понялъ? Пойдемъ выпьемъ, ваше благородiе, изъ остатковъ! Остатки сладки.

— Не могу я сейчасъ послѣ обѣда пить. И съ удовольствiемъ-бы, да надо дать пищеваренiю совершиться.

— А ты это пищеваренiе-то брось! Ну его къ черту подъ-халатъ! Отчего это самое пищеваренiе у васъ у господъ есть, а у насъ его нѣтъ?

— И у васъ есть.

— Врешь, ваше высокоблагородiе! Туманъ наводишь! Мы безъ

Digitized by Google

пищеваренія этого самого живемъ и потому завсегда пить можемъ. Теперича схвати меня ночью во время сна за волосья скажи: «Ну, Кондратій Вавиловъ, пей!»—выпью.

Полицейскій хочетъ отвязаться, старается юркнуть въ толпу гостей, но сибирка его ловитъ за рукавъ.

— Ваше высокоблагородіе, ужъ очень мнѣ съ тобой выпить хочется! Удружи! Ни въ жизнь съ начальствомъ окромя околодочнаго не чокался! А тутъ густая эполета!

— Не могу, голубчикъ, не могу! вырывается полицейскій.

— Въ такомъ разѣ благослови!

Пьяная сибирка складываетъ руки пригоршней и тыкается головой въ животъ полицейскаго.

— Что ты! Что ты! Я не попъ.

— Шалишь! Вы, можетъ, для нашего брата побольше поповъ значите, потому какъ что сейчасъ: «тащи его, курицына сына, въ кутузку!» Ну, а попъ не можетъ. Вѣрно я это? Правильно?

Пьяная сибирка подбоченивается и стоитъ фертомъ.

— Благославляю, благословляю! кричитъ ему полицейскій, и чтобы спастись, предлагаетъ какой-то дамѣ руку и идетъ съ ней въ залу.

Въ залѣ гремитъ оркестръ. Стучитъ барабанъ, труба покрываетъ все и вся. Танцуютъ кадриль. Въ дверяхъ изъ прихожей въ залу собралась прислуга со всего дома и смотритъ на танцы. Тутъ и кучеръ, и кухарка, и лакей, и двѣ востроглазыя свѣженькія дѣвушки въ ситцевыхъ платьяхъ—не то горничныя, не то мастерички. Проходящіе мимо кавалеры слегка щиплятъ ихъ; слышны возгласы: «ахъ, оставьте!»

— Вотъ дуры! замѣчаетъ кучеръ.—«Ахъ, оставьте», а сами рады! Уди его, уди! Вѣдь это купецъ! Изъ него какую хошь требуху можно вымотать! Вели ему, чтобъ угощеніевъ намъ сюда выслалъ.

— Вы въ вашемъ невѣжествѣ и оставайтесь, а намъ ихъ не надо, огрызается дѣвушка.

— Да ты сама-то не пей, а намъ чтобъ по стаканчику... У, шустрая!

— Уберите ваши мужицкія лапы прочь!

— Ваше степенство! Ваше степенство!окликаетъ онъ проскользнувшаго сквозь толпу шафера и мимоходомъ ткнувшаго одну изъ дѣвушекъ пальцемъ подъ мышку.

Шаферъ останавливается.

— Что тебѣ?

— Явите божескую милость, чтобъ по стаканчику... а то смотримъ, смотримъ на васъ, инда даже горло пересохло. Ей-Богу! А

Digitized by Google

что на счетъ женскаго сословія, то вы ихъ на лѣстницу выманите да мермеладкой... Тамъ вамъ много будетъ слободнѣе разговаривать.

— Да ты чей?

— А мы съ сосѣдскаго двора. Только шутка—два часа топчемся и ни капли...

— Ну, ладно, я велю выслать, отвѣчаетъ шаферъ и бѣжитъ дальше.

Кадриль продолжается. У женщинъ въ дверяхъ толки. Повязанная платкомъ баба разсказываетъ всю подноготную танцующихъ дамъ.

— Ну, а это кто такая жирная и въ бриллiянтахъ-то? спрашиваютъ ее.

— Это мусорщица съ Песковъ. Я у нихъ стирала. Каждый день по полудюжинѣ пива трескаетъ, оттого и раздобрѣла. Вышла замужъ совсѣмъ ледащая, словно кошка драная, ну, мужъ началъ толокномъ кормить и пивомъ поить, теперь и раздобрѣла. А то и любить не хотѣлъ. «Мнѣ, говоритъ, тебя изъ-за твоей худобы любить конфузно».

— Что это, дѣвушки, у ней глазъ-то какъ-бы подбитъ?

— Подбитъ и есть, отвѣчаетъ баба,—только теперь мѣломъ замазанъ. Мужъ поправилъ. А изъ-за чего дѣло вышло? Изъ-за этого самаго краснаго платья. Велѣлъ онъ ей красное платье надѣвать, а она на счетъ голубаго упрямится, ну, и поучилъ.

— Ну, а вонъ та, что маленькая, да востренькая?

— Та банщица. Банщикъ вдовый ее за красоту взялъ. «Мнѣ, говоритъ, денегъ не надо, а такъ какъ двѣ прежнія жены у меня грузныя были и въ тѣлахъ, теперь мнѣ на старости лѣтъ, чтобъ субтильная красота была». Это изъ барышень, только бѣдненькая и даже такъ что фортепьянное образованіе имѣетъ. Какъ только старикъ похлебаетъ щей, сейчасъ на диванъ, а она ему на фортепьянѣ кадрель тихимъ манеромъ играетъ. И лежитъ это онъ и животъ себѣ гладитъ, пока не заснетъ. Они тутошные, съ угла, домъ у нихъ свой.

— Значитъ любитъ старика-то?

— А сходи вотъ ко всенощной къ Іоанну Предтечи,—тутъ тебѣ весь альбомъ и обозначится. Какъ день субботній, такъ ее тамъ въ оградѣ кавалеръ съ усиками и караулитъ, потому старикъ къ заутрени ходитъ, а по субботамъ у нихъ въ баняхъ ярмарка, ну, онъ самъ свои арендательскія деньги обираетъ. Привезетъ кошели съ мѣдяками домой, а ужъ жена дома и въ книжку читаетъ. Вотъ какія за ней образованныя качества!

Танцуютъ послѣднюю фигуру. Шаферъ съ розой въ петлицѣ оретъ во все горло, командуя какой-то хитрый «шенъ». Большинство танцующихъ путается. Сдѣлали кругъ. Вдругъ въ средину его врывает-

Digitized by Google

ся пьяная сибирка и начинаетъ плясать трепака. Хохотъ. Кто-то апплодируетъ. Дамы морщатся.

— И какъ можно всякое сѣрое необразованіе въ танцы допускать! слышаться возгласы.—Вытащите его вонъ.

— Нельзя-съ. Это невѣстинъ дядинька. Кабадчикъ онъ. Пусть побалуются. Они хмѣльные, отвѣчаетъ неизвѣстно откуда взявшаяся сваха и тоже залѣзаетъ въ кругъ, гдѣ, вставъ передъ неизвѣстнымъ дядинькой въ позу, упирается лѣвой рукой въ бокъ, а правой машетъ платкомъ.

— Браво, сваха! Браво! кричатъ захмѣлѣвшіе купцы.

Хитрая фигура, задуманная шаферомъ, кончается ничѣмъ. Хмѣльная сибирка продолжаетъ плясать. Дамы—дѣвицы упрашиваютъ полицейскаго, чтобъ онъ прекратилъ его танцы.

— Пожалуйста! Васъ онъ послушаетъ. Вы все-таки въ мундирѣ и на него страхъ можете имѣть...—говорятъ онѣ.

Полицейскій подходитъ къ сибиркѣ и беретъ его подъ руку.

— Что, баринъ, ваше высокоблагородіе, али въ часть надумался взять меня? Нѣтъ, братъ, шалишь, не могишь! кричитъ сибирка.

— Пойдемте и выпьемте въ той комнатѣ! предлагаетъ ему полицейскій чиновникъ и уводитъ изъ зала.

XXIII. На тоняхъ.

Прекрасный лѣтній вечеръ. Яркимъ пурпуромъ горитъ заходящее солнце и отражается въ стеклянной поверхности Невы. Двигаются, испуская клубы чернаго дыма, параходы, то тамъ, то сямъ мелькаютъ лодочки. На тоняхъ, у Аптекарскаго острова, рыбаки тянутъ воротомъ неводъ. По помосту прогуливается прикащикъ, въ синемъ кафтанѣ на распашку и въ лиловой жилеткѣ, поверхъ которой блеститъ серебряная цѣпочка съ задвижкой, надѣтою черезъ шею. Прикащикъ ничего не дѣлаетъ, но по временамъ поплевываетъ на руки и кричитъ на мужиковъ тянущихъ неводъ: «дружнѣе, ребята! дружнѣе, голубчики! дружнѣе, одры вы эдакіе»! На помостѣ бродятъ и сидятъ на скамейкахъ публика: офицеръ съ дамой, нянька съ ребенкомъ въ колясочкѣ, дьяконъ и два гимназиста.

— Бери за тоню-то полтора рубля, говоритъ офицеръ.

— Нельзя, ваше благородіе, времена не тѣ,—ноньче время военное, отвѣчаетъ прикащикъ, всѣ должны тяготы свои нести. Въ мирное время мы эту самую тоню и за рубль подъ-часъ отпущали.

— На какомъ же основаніи въ военное-то время дороже?

Digitized by Google

— Много основаніевъ есть. Въ военное время, говорю, всѣ должны быть подъ тягостью, ну и платись.

— Смотри, даромъ воду процѣдишь!

— Процѣдимъ, такъ наше пораженіе при насъ и останется. Прочтите-ко, что въ газетахъ пишутъ, страсть! — мы на турку, турка на грека, грекъ на Болгарію, ну и неси тяготы свои. Чего ежели невозможно, зачѣмъ разговаривать. Теперича на Дунаѣ, сказываютъ, простая булка полтина серебра, такъ велики-ли деньги полтора рубля? Берите, ваше благородіе, а то вонъ купцы подъѣзжаютъ; они за три цѣлковыхъ возьмутъ, указываетъ прикащикъ на виднѣющійся невдалекѣ ялботъ, нагруженный мущинами.

Съ ялбота доносятся пьяные голоса, распѣвающіе «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ», виднѣются купеческіе картузы, циммерманы. Ялботы подъѣзжаютъ все ближе и ближе къ тонямъ. Прикащикъ радостно потираетъ руки.

— Такъ не возьмете, ваше благородіе, за два съ полтиной-то? снова спрашиваетъ онъ офицера. Ей-Богу, господа купцы за три возьмутъ.

— Такъ вѣдь они пьяные.

— Ну, такъ что-жъ? Теперича народъ, извѣстно, ожесточившись, потому тяготы несутъ, ну, и гуляютъ: кто въ работники, кто конскую повинность тянетъ. И человѣкъ и скотъ — всѣ обязаны, такъ какъ-же тутъ не пить? Вы то возьмите: у кого сродственника взяли, у кого скота.

Ялботъ пристаетъ къ тонямъ. «Ура»! раздается на немъ, и на помостъ выскакиваютъ нѣсколько купеческихъ пальто, длиннополыхъ сюртуковъ, и оттолкнувъ рыбаковъ, хватаются за палки ворота и начинаютъ вертѣть его. «Ура» продолжается.

— Дуй бѣлку въ хвостъ и въ гриву! Не робѣй, ребята, съ нами Богъ! Бери штурмомъ! неистоствуютъ голоса.

— Позвольте, господа, такъ невозможно? кричитъ прикащикъ.

Къ нему подскакиваютъ двое и хватаютъ его за руки.

— Смерти или живота. Сдавайся! Кричи пардону! неистоствуютъ они.

Дьяконъ сторонится, гимназисты смѣются.

— Что-же это за бунтъ такой въ публичномъ мѣстѣ?! говоритъ офицеръ.—И отчего на тоняхъ городоваго нѣтъ? Городовой долженъ быть вездѣ, гдѣ скопляется публика.

Прикащика оставляютъ и вытягиваются передъ офицеромъ во фронтъ.

— Простите, ваше высокоблагородіе, великодушно, говоритъ

Digitized by Google

франтъ съ усиками.—Гуляемъ, ей Богу гуляемъ, а потому и шутки, такъ какъ, значитъ, ратники...

— Не тужи, Мишутка! — всѣ тамъ будемъ, откликается рыжая борода.—А господину офицеру поклонъ, такъ какъ это твое начальство теперь и завсегда можетъ тебя по затылку... Вѣрно, ваше благородіе, я говорю, правильно? обращается рыжая борода къ офицеру.

— Правильно да не совсѣмъ, — нынче солдатъ не бьютъ, отвѣчаетъ тотъ.

— Это вы дѣйствительно, а только, отъ полноты чувствъ, отчего же и не поучить? Теперича вы то возьмите: мы гуляемъ, потому невозможно—зять въ солдаты, племянникъ въ солдаты, лошадь тоже въ солдаты. Вотъ онъ молодецъ-то стоитъ! Всѣ за вѣру... Вѣдь ты за вѣру, Мишутка?

— За вѣру, а больше того за брата, такъ какъ у насъ братецъ теперича при женатомъ положеніи состоитъ, и окромя того, ребенокъ, ну, мы и идемъ.

— Берете, господа купцы, тоню-то? спрашиваетъ прикащикъ.

— Всѣ за нами! А такъ какъ ты теперича у насъ въ плѣну, то мы сейчасъ тебѣ настоящее предопредѣленіе сдѣлаемъ. Селифонтъ Иванычъ, тащи сюда изъ лодки эту самую рекогносцировку.

— Ради стараться, господинъ офицеръ, генералъ-полковникъ! откликается изъ лодки борода клиномъ и выноситъ изъ лодки четвертную бутыль. — Вотъ она, наша митральеза-то надежная, треплетъ онъ бутыль по пробкѣ. Эй, вы, казаки, садитесь въ круговую!

Купеческая компанія садится на помостъ. Борода клиномъ подчуетъ ихъ изъ серебрянаго стаканчика. Подносятъ и прикащику и заставляютъ пить по три стакана сразу.

— Робѣешь, Мишутка? спрашиваетъ будущаго ратника рыжая борода.

— Ничуть! Я теперь въ себѣ такой вопль чувствую, что хоть сейчасъ въ сраженіе, отвѣчаетъ тотъ.

— Племянникъ, ваше благородіе, ей Богу, племянникъ, защитникъ нашъ, разсказываетъ офицеру рыжая борода и восторгается.— Зять въ солдаты, племянникъ въ солдаты и лошадь въ солдаты! Вонъ оно сколько. Теперича вотъ третій день поимъ его. И тятенька къ нимъ безъ прекословія. Вчера во дворъ на лихачѣ съ мамзелью пріѣхали и то ничего. Прежде, бывало, у маменьки онъ только самоубійствомъ деньги выманивалъ, придетъ съ пистолетомъ въ рукахъ, ну, и получитъ на гулянку, а вчера сама ему пятьдесятъ цѣлковыхъ отсыпала. Робѣешь Мишутка?

— Ни въ одномъ глазѣ! Я, дяденька, порѣшилъ въ черкесы.

Digitized by Google

Упаду въ ноги самому генералу и скажу: «такъ молъ и такъ, ваше превосходительство, чувствую въ себѣ страшную свирѣпость».

Тоню продолжаютъ тянуть. Ялботъ стоитъ у помоста. На днѣ ялбота что-то шевелится, прикрытое пальтомъ, оттуда слышна икота и кто-то произноситъ: «Боже, очисти мя грѣшнаго».

— Да у васъ въ ялботѣ еще человѣкъ есть? спрашиваетъ офицеръ.

— Есть-съ, только ужъ очень сморившись, потому третій день безъ перерыва... Тоже ратникъ; это зять нашъ, отвѣчаетъ рыжая борода. Эй, вы, ялботщики! тащите его сюда.

Изъ лодки выносятъ тѣло и кладутъ на помостъ. Тѣло начинаетъ почесываться и подниматься, его окружаютъ купцы.

— Доходишь, Вася? Очнись!

— Дохожу, бормочетъ тѣло и садится, смотря на всѣхъ посоловѣлыми глазами.

— Вотъ онъ во всемъ своемъ составѣ, рекомендуетъ офицеру рыжая борода.—Теперича, ежели на него ушатъ воды, да стаканчикъ съ солью, онъ сейчасъ человѣкомъ будетъ. Обидно ему—тоже, ваше благородіе, женатый человѣкъ, по зимѣ только вѣнецъ пріялъ. Каково-отъ молодой-то жены?

— Не нужно было жениться, пока свой срокъ не отслужишь.

— Это, ваше благородіе, точно, а только намъ, по нашей купеческой націи, такъ себя соблюдать нельзя. Извольте видѣть: имѣли они съ тятинькой положеніе, чтобъ по окончаніи срока службы на двадцати тысячахъ жениться: вдругъ подвертывается сорокъ; сейчасъ это они свое ратническое состояніе скрыли передъ сродственниками невѣсты и женились. Кто себѣ врагъ? Неужто отъ счастья отказываться?

— Жена-то, поди, плачетъ?

— Такой вой по всему дому идетъ, что страсти подобно. Ну, а онъ въ забытьи... Чувствуешь, Вася, въ себѣ теперь настоящій смыслъ?

— Чувствую.

— Вчера, ваше благородіе, его въ Волынкиной деревнѣ на бабахъ катали.

— Какъ такъ на бабахъ?

— А такъ. Путались, путались по городу да и попали въ Волынкину деревню, ну, а тамъ огороды вокругъ; ѣдемъ мимо, видимъ—капорки въ грядахъ копаются, а у шалаша телѣга пустопорожняя стоитъ. Ну, онъ и возмечталъ, чтобы на бабахъ кататься. Сейчасъ мы этихъ капорокъ наняли, по полтинѣ имъ въ зубы, шестерку за-

Digitized by Google

прягли въ телѣгу, и поѣхалъ нашъ локомотивъ, а остальныя, чтобы пѣсни пѣть. Вотъ какъ мы его балуемъ! Во всемъ подражаемъ!

— Напрасно. Вамъ-бы его удерживать надо.

— Эхъ, ваше благородіе! Въ прошломъ году, во время добровольи этой самой чужихъ поили, такъ неужто своего-то родного? Мы за славянское единство всегда рады. Мнѣ эти турецкія звѣрства-то, что денегъ стоили! Пальто себѣ сжегъ, по полудюжинѣ бѣлой головки на станціяхъ ставилъ, во время проводовъ, да окромя того, руку сломалъ. Шесть недѣль въ лубкахъ лежалъ. А сосѣдъ нашъ по лавкѣ такъ-таки и Богу душу отдалъ, черезъ добровольію-то. Зеленыя змѣи казаться начали, ну, и сгорѣлъ.

На тони приходитъ миловидная горничная и обращаясь къ офицеру, говоритъ:

— Пожалуйте, баринъ, домой-съ. Самоваръ готовъ, я и чай заварила.

Сидящій на помостѣ «зять» смотритъ на нее посоловѣлыми глазами.

— Во фрунтъ! кричитъ онъ.—Юбку по швамъ! и поднимается на ноги, пошатываясь.

— Что, Вася, прелестную болгарку завидѣлъ? удаль свою показать хочешь? смѣется рыжая борода.—Бери ее штурмомъ, это не болгарка, а турецкая Дели-баба.

— Держи ее, держи! кричитъ зять, пробуетъ бѣжать, но, споткнувшись, падаетъ; затѣмъ встаетъ и увидавъ сидящаго на скамейкѣ дьякона, подходитъ къ нему подъ благословеніе, предварительно наклонивъ голову и сложа руки пригоршней.

— Не рукоположенъ, не рукоположенъ, отмахивается дьяконъ.

— Послушайте, зачѣмъ вы это дѣлаете? Вы еще наущаете хмѣльнаго человѣка, замѣчаетъ офицеръ.

— Ничего, ваше благородіе, пусть его на послѣдяхъ побалуется. Почемъ знать, можетъ, всего одинъ мѣсяцъ и жизни его осталось? Или, можетъ статься, это ваша собственность?

Рыжая борода подмигиваетъ глазомъ. Офицеръ вспыхиваетъ.

— Ты, братъ, говорить—говори, да не заговаривайся. Я женатый человѣкъ, вонъ у меня жена сидитъ.

— Такъ-съ. Къ супругѣ вашей мы завсегда съ почтеніемъ, только отчего и при супругѣ съ боку мазу не держать?

— Молчи, говорятъ тебѣ!

— Извольте, передъ господиномъ офицеромъ мы это завсегда можемъ, такъ какъ вы наши защитники. А только я опять скажу отчего себѣ на потребу Дели-бабу эту самую не истреблять. Придетъ въ Питеръ англичанинъ, и всему конецъ будетъ. Ушибся, Вася?

Digitized by Google

обращается рыжая борода къ зятю. Ну, ничего! на, вотъ, благословись стаканчикомъ.

Тоню начинаютъ вытягивать. Всѣ смотрятъ по направленію къ поплавку.

— И вдругъ, ребята, баши-бузука затянемъ, во всемъ его трупномъ составѣ, говоритъ кто-то.

— Вишь, что хватилъ; баши-бузуки на Дунаѣ.

— А нешто не можетъ сюда приплыть? Сколько ихъ повалилось-то, страсть! Ну, изъ Дуная въ Черное море, а изъ Чернаго моря къ Кронштадту и сюда въ Неву. Осетры же приходятъ.

Тоню вытащили; въ ней оказалась только мелкая плотичка.

— Вездѣ братъ, Селифонтъ Иванычъ, намъ неудача! восклицаетъ зять... Ѣдемъ въ Зоологію!

— Да, вѣдь, въ Зоологіи сейчасъ были и оттуда насъ вывели вонъ.

— Не можетъ быть.

— Эхъ тебя! А еще говоришь, что чудесно все чувствуешь.

— Коли такъ—полземъ на Крестовскій!

— И на Крестовскій нельзя, еще вчера тамъ протоколъ составили. Дай имъ по крайности забыть насъ. Развѣ не помнишь, что мы тамъ разулись и начали сапогами въ акробатовъ, что по канату шли, швырять.

— Врешь?! Ей-Богу, всю память отшибло! А въ Ливадію можно?

— Изъ Ливадіи тоже вчера вывели. Ты тамъ изъ ложи вывалился.

— Это я помню. Ну, въ Нѣмецкій клубъ?

— И въ Нѣмецкій клубъ нельзя, тамъ третьяго дня одному барину лицо горчицей вымазали.

— Куда же теперь ѣхать-то? Здѣсь теперь канитель!

— Да, вотъ что: ѣдемте-ка, господа, на Смоленское кладбище. Тамъ чудесно! четвертушечка это съ нами, сядемъ на могилкѣ и никто насъ не тронетъ, а для того, чтобъ рюмка эта самая не надоѣдала намъ, возьмемъ мы у перевозчиковъ деревянный ковшичекъ и будемъ, для разнообразія, изъ ковша круговую пить. Ѣдемте, ребята.

— Ѣдемъ, дядя Селифонтъ!

Компанія садится въ ялботъ.

Digitized by Google

НАКАНУНѢ ЧИСТАГО ПОНЕДѢЛЬНИКА.

Послѣдній день масляницы, такъ называемое прощеное воскресенье, приближается къ концу. Часы гдѣ-то за стѣной пробили десять. На улицѣ еще не стихъ гулъ пьянаго веселья; время отъ времени раздаются звуки гармоніи, не то пѣсня, не то вопль и крикъ: караулъ!

Приказчицкая комната въ старинномъ купеческомъ домѣ, называемая «молодцовской», тускло освѣщена лампой. На стѣнахъ виднѣются старинные образа съ потемнѣлыми ликами и передъ ними теплятся лампады. Пахнетъ деревяннымъ масломъ и сапогами. Въ комнатѣ три кровати и клеенчатый диванъ; надъ ними висятъ сюртуки, брюки, халаты, принадлежащіе приказчикамъ. Мѣстами обои затерты мыломъ отъ клоповъ и обожжены свѣчкой, мѣстами виднѣются лубочныя картинки, прилѣпленныя жеванымъ хлѣбомъ или пришпиленныя булавками. Изъ подъ манишки, свѣсившейся съ гвоздя, выглядываетъ изображеніе «Перенесеніе мощей Тихона Задонскаго». Рядомъ съ нимъ—Фортуна, ѣдущая на колесѣ, далѣе—Фаустъ, играющій въ шашки съ Мефистофелемъ, лакированная картинка полногрудой женщины, цѣлующей котенка, очевидно, сорванная съ бомбоньерки, и двѣ-три литографіи изъ стариннаго «Художественнаго Листка» Тима, съ изображеніемъ севастопольскихъ героевъ. Все это пожелтѣло и загажено мухами и тараканами. Приказчики только что вернулись съ гулянки. Одинъ, молодой парень, совсѣмъ пьянъ, лежитъ безъ сюртука на диванѣ и пересчитываетъ, сколько онъ втеченіи дня выпилъ:

— У сестры передъ блинами три двухспальныя рюмки православія хватилъ, говоритъ онъ заплетающимся языкомъ.—Дяденька поднесъ средственную баночку мадерныхъ хересовъ; потомъ встрѣ-

Digitized by Google

тились у балагановъ съ Федоромъ Ивановымъ и царапнули въ трактирѣ по двѣ померанцевыя собачки... Я подъ него полдюжины пива выставилъ, а онъ парой портеру номирилъ. Вотъ и все... Ахъ, нѣтъ! Съ Микешей пунштъ въ «Пекинѣ» пили...

— Да, брось! Что считать! Черезъ это люди сохнутъ! отозвался другой приказчикъ, съ остервенѣніемъ затягивающійся папироской.

— Нѣтъ, я къ тому, что ты говоришь: «я пьянъ». Съ чего пьяну-то быть! Ахъ, да... Машенька поднесла стакашекъ вишневой наливки, такъ какъ я ей за ейную любовь свой портретъ и перчатки въ сюрпризъ поднесъ, да въ «Москвѣ» съ Герасимомъ Матвѣичемъ по рюмкѣ мараскину дербальнули и соленымъ огурцемъ закусили.

Старшій приказчикъ, солидный бородачъ съ широкой лысиной, икнулъ, перекрестился, со вздохомъ произнесъ: «Боже, очисти мя грѣшнаго» и сказалъ:

— А ты вотъ это самое покаяніе-то души передъ хозяиномъ ужо выворoти, какъ прощаться съ нимъ пойдешь, такъ онъ тебѣ ругательной-то словесностью глаза протретъ! Важная эпитемія выдетъ.

— Зачѣмъ-же я ему въ своемъ хмѣльномъ малодушествѣ каяться буду? Мы это промежъ себя разговоръ разсыпаемъ. А ему по сегодняшнему прощеному воскресенью достаточно и такой комплиментъ: бухъ въ ноги и—«простите меня грѣшнаго». Хоть и люблю я его, какъ собака палку, ну, да пусть подавится моимъ поклономъ, это ужъ и по христіанскому положенію назначено. А то вдругъ душу выворачивать и каяться! Нѣтъ, атанде, мацеръ сестрица!

— А мы такъ въ старину хозяевамъ въ прощеное воскресенье каялись, погладилъ бороду старшій приказчикъ.—И въ пьянствѣ каялись, и въ блудѣ и кто ежели по лавкѣ на лѣвую ногу его обдѣлывалъ—и въ этомъ каялись.

— Ну, и что-жъ онъ? Сейчасъ шпиленги полька на вашей волосянкѣ? спросилъ съ дивана пьяный приказчикъ.

— Да ужъ были дѣла! Кабы вотъ ты у Панфила Потапыча въ Ростовѣ пожилъ, гдѣ я въ мальчикахъ учился, такъ теперешній-те нашъ хозяинъ тебѣ-бы ангеломъ показался, даромъ что онъ съ бородой. Изъ-за приказчицкаго-то покаянія онъ у насъ два раза умиралъ смертнымъ манеромъ.

— Какъ умиралъ? спросили въ одинъ голосъ всѣ присутствующіе въ комнатѣ.

— Да такъ, какъ всѣ умираютъ. Вытянулъ ноги и закрылъ глаза, а въ домѣ вой поднялся.

— Да что ты врешь, дяденька Емельянъ Яковлевичъ! Неужто два раза умиралъ? произнесъ хмѣльной приказчикъ и даже приподнялся на диванѣ и сѣлъ.

Digitized by Google

— Стану я врать въ прощеное воскресенье! Вотъ тебѣ святая икона—не вру! поклялся старшій приказчикъ и продолжалъ:—Пронзительный былъ стариченко и никому никакой вѣры не давалъ. Подозрительность у него въ головномъ воображеніи была, что всѣ его обворовываютъ и надуваютъ. И что онъ, бывало, этихъ самыхъ реформъ по нашимъ приказчицкимъ сундукамъ и комодамъ дѣлалъ, такъ уму помраченье! Мы въ лавкѣ, а онъ дома сломаетъ у насъ запоры, да въ нашемъ добрѣ и роется, разыскиваетъ, не украли-ли мы что, нѣтъ-ли денегъ. Вѣдь деньги запрещено было приказчикамъ у себя имѣть. Какое ежели зажитое жалованьишко есть—держи въ хозяйскомъ сундукѣ. «У меня, говоритъ, цѣлѣе будетъ, а то пропьешь, либо съ полюбовницами прогуляешь. А надо тебѣ на сапоги, либо Богу на свѣчку—у меня спроси». Только тѣмъ, кто на побывку въ деревню ѣхалъ и отдавалъ деньги—да и то жилилъ-жилилъ и ужъ завсегда обсчитаетъ. Иродъ былъ—а не человѣкъ. Спервоначала эти самые поломанные запоры мы у своихъ комодовъ да сундуковъ чинили, а тамъ и бросили, потому деньги какія-ежели, такъ въ сапогѣ подъ пяткой держали.

— Значитъ, все-таки ханунцы по лавкѣ у васъ были? спросилъ кто-то.

— Чудакъ человѣкъ, нельзя же безъ гроша денегъ оставаться! И выпить хочется, и то, и другое, такъ заневолю руку въ хозяйскую выручку запустишь, коли онъ зажитаго истиннику не даетъ, отвѣчалъ старшій приказчикъ и продолжалъ:—Изойди весь бѣлый свѣтъ, другого такого хозяина теперь, пожалуй, и не сыщешь. Двухъ женъ въ гробъ вколотилъ и на третьей женатъ былъ. Третья попалась полная, бѣлая, румяная, что твоя сайка московская, и походка брюшкомъ впередъ и съ перевальцемъ, а зубья—совсѣмъ миндалины.

— Ты, дядя, ужъ больно хорошо разсказываешь, улыбнулся во весь ротъ хмѣльной приказчикъ,—былъ бы я тамъ, такъ ужъ такой хозяйкѣ спуску бы не далъ. Это съ тѣмъ возьмите, годъ носите и починка даромъ!

— Да вѣдь и то грѣхъ былъ, утвердительно кивнулъ головой разсказчикъ.—Одинъ нашъ приказчикъ, Назаромъ звали, и то ее захороводилъ и въ лучшемъ видѣ въ амуры игралъ. То, бывало, ликерное сердце преподнесетъ, то стихи ей любовные изъ книжки на розовую бумажку съ воркующими голубями выпишетъ. И такъ, братецъ ты мой, она въ него втюрилась, что даже деньги у мужа крала и ему передавала, а онъ ихъ въ деревню пересылалъ. Теперь въ своемъ мѣстѣ трактиръ и кабакъ держитъ. Изъ-за хозяйки-то и все покаяніе у насъ произошло. Сталъ онъ замѣчать, что не чисто, а

Digitized by Google

настоящей истины понять не можетъ, ну, и придумалъ штуку. Сталъ писать духовное завѣщаніе. Призвалъ попа и тамъ все какъ слѣдуетъ: «Во имя Отца и Сына... завѣщаю мою душу Богу, а бренное тѣло предать погребенію въ долбленомъ дубовомъ гробѣ». Потомъ слѣдовало распредѣленіе капиталовъ женѣ, сродственникамъ и насъ всѣхъ приказчиковъ малой толикой по губамъ помазалъ, да кромѣ того включилъ такой пунктъ: «а супругу мою любезную, всѣхъ домашнихъ и вѣрныхъ моихъ приказчиковъ прошу и умоляю, когда мнѣ мою кончину пріять отъ Бога придется, воздохнуть обо мнѣ сердцемъ и очистить свою душу надъ моимъ теплымъ прахомъ покаяніемъ въ чемъ согрѣшили они противъ меня, обманомъ или утайкой». Когда черновая была написана, призвалъ насъ всѣхъ къ себѣ, заставилъ протопопа прочесть ее намъ да и говоритъ: «поклянитесь, говоритъ, что послѣ моей смерти вы мою слезную мольбу въ покаяніи вашемъ въ точности исполните».

— И поклялись вы? спросили приказчики.

— Да какъ-же не поклясться-то, коли человѣкъ проситъ, а самъ такой доброты отмѣнной, что каждому изъ насъ по куску наслѣдства насулилъ, отвѣчалъ разсказчикъ.—Къ тому же поднялся онъ съ мѣста и повалился намъ въ ноги. Жена евонная первая перекрестилась, а за ней и мы. «Что-жъ, думаемъ, передъ мертвымъ покаяться не опасно, не то что передъ живымъ». А онъ: «такъ помните-же, говоритъ, ребятушки и супруга наша любезная, что вы при отцѣ протопопѣ свое клятвенное обѣщаніе мнѣ дали».

— Ахъ, чтобъ ему ни дна, ни покрышки! воскликнулъ одинъ изъ приказчиковъ.

— Постой, погоди, продолжалъ разсказчикъ.—Прошло это недѣли двѣ—вдругъ застоналъ онъ на весь домъ: «въ поясахъ, говоритъ, щемитъ и въ голову пронзительно стрѣляетъ...»

— Это хозяинъ-то? послышался вопросъ.

— Ну, да. Про кого-же я разсказываю? Началъ бабковой мазью тереться, калганъ пьетъ, видимъ, что голосъ такой сдѣлался у него слабый, даже ругаться пересталъ, а ужъ на что былъ ругатель, и вдругъ въ постель слегъ. На другой день этакъ къ вечеру призываетъ насъ къ себѣ и такія слова: «не подняться ужъ мнѣ, ребятушки, чувствую, что смертный часъ мой приходитъ. Всѣ вы награждены у меня въ духовной по чинамъ вашимъ, только не забудьте меня въ молитвахъ вашихъ поминать да надъ прахомъ моимъ теплымъ покаяться». А у самого, у шельмеца, на глазахъ даже слезы. Поутру встали мы, сестра евонная, вѣковуха, старая дѣвушка была и за нимъ за больнымъ ходила, вбѣгаетъ къ намъ въ молодцовскую и кричитъ: «умеръ, умеръ! хозяинъ умеръ»! Мы побѣжали

Digitized by Google

къ нему въ спальню, глядимъ—жена воетъ, а онъ лежитъ за ширмами на кровати, вытянувшись, глаза закрыты и даже посинѣлъ весь. Страшный такой и отъ зеленыхъ-то ширмъ матерчатыхъ еще страшнѣе. «Ну, думаемъ, царство небесное»! Перекрестились и хотѣли бѣжать за гробовщикомъ да за попами, а сестра евонная, вѣдьма: «нѣтъ, говоритъ, постойте; прежде вамъ нужно клятву выполнить и надъ теплымъ прахомъ его во грѣхахъ своихъ покаяться». Взяла невѣстку-то свою за руку да и подвела къ постели. Та рухнулась на полъ, завыла и начала причитать: «повинна я, голубчикъ, что тебя не почитала, вѣрности настоящей не сохранила, съ приказчикомъ Назаромъ слюбилась, деньги у тебя изъ конторки утягивала и полюбовнику своему передавала». А сама такъ и плачетъ! Ужасно какая богобоязненная женщина была! А мы стоимъ и думаемъ: «зачѣмъ-же это въ слухъ? Неужто и намъ по ейнымъ поступкамъ поступать»? Однако, подошли къ его одру и каждый потихоньку, кто что знаетъ за собой, и давай душу выворачивать. Я тогда только еще что изъ парнишекъ вышелъ и грѣховъ за мной немного числилось. Разъ трешницу зеленую въ лавкѣ стянулъ, разъ парочкой шелковыхъ платковъ попользовался да дома изъ незапертаго шкапа изъ четвертной бутыли настойки себѣ въ полоскательную чашку отлилъ, а то все по гривенникамъ да пятіалтыннымъ проходился. Однако, и это сказалъ. За мной другіе. Мальчишекъ лавочныхъ и тѣхъ къ покойнику пропихнули за ширмы. Стряпуха изъ кухни пришла и та въ солдатѣ и серебряной ложкѣ покаялась. Хотѣли ужъ уходить изъ спальной, какъ вдругъ изъ-за ширмъ хохотъ и кашель. Мы такъ и остолбенѣли, а ужъ оттуда голосъ хозяина: «Спасибо, други любезные, что въ грѣхопаденіяхъ своихъ покаялись и пелену съ моихъ глазъ сняли. Чаялъ я въ васъ ягнятъ неповинныхъ встрѣтить и наградить въ своей духовной за вашу безсребряность, а теперь, какъ увидалъ, что вы волки кровожадные, то приходится мнѣ духовную мою переписывать». Вышелъ изъ-за ширмъ да какъ-хвать меня за волосья и давай раскачивать, какъ бѣлье полощатъ. Ужъ онъ меня моталъ-моталъ! Когда бросилъ, осмотрѣлся я, гляжу—хозяйка въ обморокѣ пластъ пластомъ лежитъ, всѣ приказчики разбѣжались, а сестра хозяйская, вѣковуха, стоитъ у притолки и пронзительно улыбается. Оказалось, что это онъ съ ней стачался и надулъ насъ своей смертью.

Воцарилось нѣкоторое молчаніе. Слушатели покачали головой.

— Какъ-же это вы не замѣтили его живности, когда каялись-то? спросили они.

— Да ужъ съ радости. Шутка-ли, человѣкъ терзалъ-терзалъ насъ, а вдругъ—умеръ и наслѣдство оставилъ! отвѣчалъ разсказчикъ —

Digitized by Google

Къ тому же зеленыя ширмы обману помогли. И безъ того-то онъ былъ всегда смерть смертью, худой да зеленый такой, а тутъ совсѣмъ покойникъ.

— Что-же дальше-то было?

— А дальше жену сейчасъ въ баню, на замокъ, заколотилъ ставни да трое сутокъ на хлѣбѣ и на водѣ ее и продержалъ тамъ. Утромъ и вечеромъ ей пищу туда самъ носилъ. Пойдетъ, запретея на замокъ; а ужъ что тамъ было, намъ неизвѣстно. Вой слышали мы оттуда. На собачьей цѣпи, говорятъ, онъ ее привязанной за ногу къ скамейкѣ держалъ. Когда выпустилъ ее изъ бани—вся въ синякахъ да въ царапинахъ была и даже прихрамывала.

— Какъ-же сродственники за нее не заступились черезъ эти самыя турецкія звѣрства?

— Сирота она была взята имъ, за красоту ейную изъ Углича взялъ, и въ Ростовѣ у ней никакихъ сродственниковъ не было.

— Ну, а Назаркѣ, полюбовнику-то ейному что? Тоже поди по шеѣ перепало? допытывались слушатели.

— Назарка хитеръ, въ деревню сбѣжалъ и послѣ черезъ полицію паспортъ свой съ него требовалъ. Пробовалъ хозяинъ его въ воровствѣ обвинить да не удалось. Назаркѣ только тотъ убытокъ, что зажитыя деньги свои онъ не получилъ. Да и мы не получили, даромъ что волосянки приняли. «Вы, говоритъ, ужъ десять разъ у меня свое жалованье самовольно изъ выручки выгребли, такъ теперь я съ вами въ разсчетѣ».

— И продолжали жить у него?

— Всѣ продолжали, кромѣ Назарки, потому что тотъ у себя въ деревнѣ кабакъ открылъ. Куда дѣться-то безъ денегъ? Въ Ростовѣ вѣдь не то, что въ Питерѣ, торговцевъ разъ-два да и обчелся, а онъ насъ на весь городъ ославилъ, что мы ему полушубокъ вычистили. Какой-же торговецъ къ себѣ воровъ въ приказчики возьметъ? Ну, за неволю и жили у него вплоть до его смерти.

— Умеръ ужъ развѣ?

— Умеръ. Черезъ годъ съ небольшимъ послѣ этого умеръ. И вѣдь что-жъ ты думаешь: умеръ онъ во второй разъ ужъ по настоящему, а мы не вѣримъ. Обмыли его, на столъ положили, а мы все не вѣримъ, думаемъ, что притворяется. Попы панихиду служатъ и со святыми упокой поютъ, а у насъ въ головѣ такой смыслъ, что все это подвохъ. Когда ужъ засмердилъ, тогда только повѣрили, что настоящій покойникъ.

— И ужъ больше не выворачивали свою душу надъ его прахомъ?

— Зачѣмъ-же ужъ было передъ настоящимъ мертвымъ вывора-

Digitized by Google

чивать душу, когда мы заранѣе передъ живымъ выворотили? Будетъ съ него и одного раза.

— Ну, а какъ духовная оказалась?

— Шишъ съ масломъ. Никакой духовной не осталось. Жена по закону свою часть получила.

— И за Назарку потомъ замужъ вышла? спросили разсказчика.

— Какъ-же она за Назарку могла замужъ выйдти, коли Назарка былъ женатый. Еще при живности покойника она тайкомъ попивать начала, а послѣ его смерти во всю гулять начала, связалась съ однимъ дьякономъ-разстригой, всѣ денежки съ нимъ спустила, а ужъ послѣ ее видѣли наши купцы въ Нижнемъ, на ярмаркѣ, въ арфянкахъ. Въ трехугольникъ она тамъ палочкой била и на ноты съ гостей сбирала.

Наступила опять пауза. Въ молодцовскую вошла кухарка.

— Ну, идите съ хозяиномъ прощаться и въ ноги ему кланяться. Отужиналъ онъ и теперь въ гостиной псалтырь читаетъ, сказала она.— Ничего, ласковый. Я ужъ простилась съ нимъ и теперь буду въ печи сковороды отъ скороми выжигать. До земли мнѣ, ребятушки, онъ поклонился. «Прости, говоритъ, и меня, Акулина, грѣшнаго и окаяннаго, въ чемъ согрѣшилъ или обидѣлъ».

Пьяный приказчикъ началъ икать.

— Запей водой. Не хорошо такъ. Ну, что ты словно лягушка квакаешь! говорили ему.

— Ладно, и такъ сойдетъ. Только, братцы, я ему въ ноги кланяться не буду, говорилъ онъ.—Будетъ съ него и земного поклона. За что я буду ему потрафлять, коли онъ меня не уважаетъ! Хозяйкѣ поклонюсь, а ему—накось, выкуси!

— Да полно, брось гордость-то! Ну, чортъ съ нимъ! Неужто у тебя отъ поклона-то голова отвалится? возражали молодцы.

Старшій приказчикъ вздохнулъ и, произнеся: «Господи Владыко живота моего», отправился въ хозяйскія комнаты первымъ. За нимъ слѣдовали остальные приказчики, а сзади ихъ лавочные мальчики.

Digitized by Google

БЫЛИНКА И ДУБЪ.

Играютъ свадьбу. Пиршество. Невѣста—жирная и рыхлая вдова-купчиха лѣтъ пятидесяти со взоромъ коровы, созерцающей двигающійся поѣздъ желѣзной дороги; женихъ—коренастый интендантъ средняго возраста, съ закручеными усами и ястребинымъ взглядомъ. Они только что сейчасъ вернулись отъ вѣнца и сидятъ въ гостиной на диванѣ. Официанты разносятъ шампанское. Идетъ поздравленіе. Гостей немного. Все больше родственники. Есть два-три купца стараго пошиба съ женами въ длинныхъ бриллiантовыхъ серьгахъ, священникъ; со стороны жениха нѣсколько товарищей по службѣ и древній генералъ въ отставномъ мундирѣ безъ погоновъ. Время отъ времени всѣ другъ съ другомъ перешептываются и какъ-то двусмысленно улыбаются. Невѣстѣ и самой неловко, вслѣдствіе чего она то и дѣло старается заговорить съ каждымъ изъ родственниковъ, чтобы объяснить имъ причину выхода замужъ.

— Братецъ, а братецъ, поди вамъ очень дико смотрѣть, что я вдругъ опять замужъ вышла? обращается она къ лысому купцу въ длинномъ сюртукѣ.

— Ничего, что за диво! Самая настоящая пора. Въ эти годы по крайности въ человѣкѣ не обманешься, потому возрастъ у тебя не махонькій, иронически отвѣчаетъ купецъ.—Слава Богу, не несмышленокъ ты и все понимаешь.

— Мнѣ и самой не вѣрится, что я вѣнчалась. Думаю: ужъ не сплю-ли я?

— А ты ущипни себя побольнѣе за пронзительное мѣсто. Вскрикнешь—такъ значитъ не спишь.

— Вы все шутите, Семенъ Протасьичъ, вставляетъ свое слово женихъ-интендантъ, пробуя улыбнуться, и брякаетъ при этомъ шпорами подъ столомъ.

Digitized by Google

— А что-жъ мнѣ на вашей свадьбѣ то Со святыми упокой пѣть, что-ли? Конечно, шучу.

— Я, братецъ, собственно для охраненія капитала замужъ пошла, продолжаетъ невѣста.—Капиталъ у меня средственный послѣ покойника мужа остался, а сама я женщина слабая, сырая, никакихъ законовъ не знаю—ну и расхитили-бы.

— Это дѣйствительно, соглашается купецъ.—А ужъ теперь не расхитятъ.

— Вѣдь у меня тоже домъ каменный, а по дому-то сколько хлопотъ! Я ужъ и то запуталась. Дворники воришки, такъ и наровятъ украсть что нибудь у беззащитной женщины. Сижу это я разъ и думаю: «Ну что я? Совсѣмъ былинка одинокая, которой некуда голову приклонить». И стала искать себѣ подпоры.

— И нашла себѣ могущественный дубъ, прибавилъ женихъ.—Повѣрь, что этотъ дубъ съумѣетъ тебя подпереть, Домна Протасьевна.

— Подопретъ! это вѣрно! послышался гдѣ-то громкій шопотъ.

Кто-то фыркнулъ. Всѣ переглянулись.

— Я знаю, ругать меня будутъ, что я вышла замужъ, растягивала слова невѣста.

— Зачѣмъ-же ругать-то? Кому какое дѣло? У тебя свой царь въ головѣ.

— Нѣтъ, я къ тому, что лѣта мои ужъ не молоденькія.

— Такъ всегда бываетъ: сѣдина въ голову, а бѣсъ въ ребро...

— Вотъ ужъ это вы, братецъ, напрасно. Ни одного сѣдаго волосочка нѣтъ. Даже у васъ только еще сѣдина начинается, а я вѣдь моложе васъ на десять годковъ.

— Не на двадцать-ли? Можетъ быть ты перепутала?

— Да что вы, братецъ, какъ будто-бы все смѣшками. Вы сами знаете, сколько мнѣ лѣтъ.

— Смѣшками! Опять-таки говорю, что здѣсь свадьба, а не похороны.

— О чемъ ты споришь, наклонился къ невѣстѣ женихъ.—Да ежели-бы и дѣйствительно у тебя были сѣдые волосы, то я еще больше-бы уважалъ тебя.

— Мерси, Мишель... А вонъ покойникъ мужъ мой первый, даже ждалъ не дождался, когда у меня сѣдина начнется. Я ему:—«Зачѣмъ это тебѣ, Васюша?» А онъ мнѣ такія слова: «Черезъ это, говоритъ, самое ты поумнѣешь».

— Зачѣмъ ты это разсказываешь! дернулъ невѣсту за платье женихъ.

— А что-жъ такое? Я родственникамъ, а не чужимъ... Они Васюшу-то вдоль и поперегъ знали.

Digitized by Google

— Въ день свадьбы можно обойтись и безъ воспоминанія о покойникѣ. Есть даже и стихи: «мертвый мирно въ гробѣ спи, жизнью пользуйся живущій».

— Вотъ, братецъ, какого я себѣ умнаго мужа нашла. Онъ сейчасъ и стихи подъискалъ! похвасталась невѣста.—Хорошо, что мнѣ такой достался. А знаете что? Вѣдь я его сначала-то не себѣ прочила, а другой вдовѣ сватала, тоже очень богатѣющей, а она мнѣ такія слова: «чинъ малъ, полковника хочу». Вотъ онъ мнѣ и достался. Самъ Богъ послалъ. Что-жъ, поживемъ, такъ и до полковника дослужимся.

— Домна Протасьева, обо мнѣ вы ужъ пожалуста оставьте! опять остановилъ невѣсту женихъ и сконфузился.—Неужто нѣтъ другихъ разговоровъ? Угощайте гостей.

— Анна Семеновна, да что-жъ вы шампанскаго-то? Шампанское настоящее. Да что-жъ это чай не подаютъ! Василій Васильичъ, прошу покорно бокальчикъ.

— Будьте покойны, выпьемъ, отозвался гость, взявъ бокалъ.— За здоровье новобрачныхъ! Горько! прибавилъ онъ.

— Ну, что за глупости! Это только молоденькіе дѣлаютъ. А мы ужъ слава Богу...

— Цѣлуйтесь, цѣлуйтесь! Нельзя-же безъ подслащенья, ежели вино горько.

— Слѣдуетъ, слѣдуетъ, сказалъ священникъ, держа руку на желудкѣ—. Ежели церковь васъ благословила, такъ чего-же стыдиться? Вотъ ежели-бы внѣ закона, то дѣло другое.

Невѣста и женихъ поцѣловались.

— Я собственно для того и повѣнчалась, чтобъ въ законѣ, оправдывалась она.—А то вѣдь бѣсъ силенъ. Онъ горами шатаетъ. Хуже было-бы, ежели-бы безъ закона. А я женщина слабая. Ну, вотъ и чай подаютъ. Пожалуйте, гости дорогіе. Семенъ Семенычъ, вы чаекъ-то любите. А вотъ племянницы не пожаловали къ теткѣ на свадьбу, а я собственно для нихъ и обзаконилась, чтобъ мужъ домъ охранялъ. Умру—имъ-же достанется.

— Охранитъ онъ тебѣ, дожидайся! произнесъ кто-то въ дальнемъ углу.

— Что вы говорите, Потапъ Потапычъ?

— Я говорю, что нынче ужъ въ воздухѣ вѣетъ непочтеніемъ къ старшимъ. Старый человѣкъ замужъ выходитъ, а молодежь въ такой день и почтить не захотѣла!

— Вы опять все старый да старый. Ну, чѣмъ я старуха? перебила гостя невѣста.—Правда, я не изъ молоденькихъ, да вѣдь и

Digitized by Google

онъ не вьюноша. Мы, Мишель, будемъ другъ друга такъ называть: ты меня—мамаша, а я тебя—папаша.

— Тамъ ужъ видно будетъ, какъ называть другъ друга, уклончиво отвѣчалъ женихъ.—Ваше превосходительство, чайку? Съ ромцемъ не прикажете-ли?

— Выпью, выпью. Къ невѣстѣ подсяду и выпью, сказалъ генералъ, опускаясь рядомъ съ ней на диванъ.—Вотъ ежели теперь меня съ невѣстой сложить, то ровнехонько столѣтіе съ четвертью выдетъ, такъ какъ-же за такую древность не выпить?

— Да что вы, ваше превосходительство, года-то выставляете! И старше меня замужъ выходятъ. Вонъ Терениха. Та при внучатахъ сочеталась, а я сирота.

Интендантъ не вытерпѣлъ и всталъ.

— Милостивые государи! Я вижу все какіе-то уколы и шпильки, началъ онъ.—Мнѣ кажется, что родственники нарочно это говорятъ, полагая, что я женился не на человѣкѣ, а на капиталѣ, но завѣряю васъ, что капиталъ тутъ не причемъ. Ежели я избралъ себѣ подругу и старше себя, то сдѣлалъ это изъ уваженія и благодарности къ доброму сердцу Домны Протасьевны, которая еще при жизни покойнаго мужа неоднократно протягивала мнѣ руку помощи на тернистомъ пути жизни.

— То есть какъ это изъ уваженія и благодарности? А любовь? перебила его невѣста.

— О любви мы послѣ поговоримъ. Она назвала себя былинкой и есть былинка дѣйствительно. Я-же буду для ней мощнымъ дубомъ и докажу это!

— Вотъ за это, Мишель, я тебя и сама поцѣлую! Что вѣрно, то вѣрно! А то что это всѣ смѣются! Парикмахеръ голову мнѣ убиралъ—смѣялся, портниха платье подвѣнечное шила—смѣялась. Знакомымъ боялась даже объявить, что я замужъ выхожу. И зачѣмъ? Я сама себѣ госпожа. Меня никто не тянулъ замужъ, ты тоже по своей охотѣ, такъ чего стыдиться? закончила невѣста и чмокнула своего жениха прямо въ губы.

— Ай да, сестрица! Молодецъ! воскликнулъ купецъ.

— Браво, браво! зааплодировали гости.

Digitized by Google

2011

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

STALL-STUDY
CHARGE
CANCELLED

WIDENER
JUN 25 2002
CANCELLED
FEB 10 2002
BOOK BAD

Digitized by Google

Digitized by Google